

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

Н. В. БАГАПШ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГУДАУТЕ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI вв.)

АБИГИ
Сухум – 2019

УДК 314/39
ББК 60.75 (5Абх), 215.1
Б 14

Багапш Н.В.

Этнодемографические процессы в Гудауте (конец XIX – начало XXI вв.). / Н.В. Багапш; науч. ред. Т.А. Ачугба; рец. С.З. Лакоба, Л.Т. Соловьёва, А.Ш. Хашба; АНА, АБИГИ им. Д.И. Гулиа. – Сухум: «АБИГИ», 2019 – 384 с., карты.

ISBN 978-5-111-14-03017

Монография кандидата географических наук Н.В. Багапша посвящена изучению этнодемографических процессов в городе Гудауте на протяжении последних ста тридцати лет. В работе анализируется история изменения этнической структуры населения Гудауты с конца XIX столетия до наших дней, даётся ретроспективная характеристика этнокультурного пространства города, а также проводится исследование современной этнодемографической и этноязыковой ситуации в Гудауте на основе анализа данных социологического опроса.

Книга рассчитана на этнологов, историков, демографов, географов, социологов, политологов, политиков, краеведов, студентов-гуманитариев, а также на широкий круг читателей, интересующихся этнодемографической историей Абхазии.

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор, академик АНА
Т.А. Ачугба

Рецензенты:

кандидат исторических наук, профессор

С.З. Лакоба,

кандидат исторических наук

Л.Т. Соловьёва,

кандидат исторических наук

А.Ш. Хашба

Утверждена к печати Учёным советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии

© Багапш Н.В., 2019
© АБИГИ, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа представляет собой вторую монографию, посвящённую изучению этнодемографических процессов в городских поселениях Абхазии с конца XIX столетия по настоящее время. Начало изучению данной научной проблематики было положено вышедшей в 2017 году книгой «Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.)»¹. Хотелось бы надеяться, что настоящая монография, освещающая аналогичные процессы в городе Гудауте в обозначенный период времени, явится ещё одним звеном в цепи научных исследований, которые в дальнейшем охватят все городские поселения Абхазии, что позволит провести сравнительный анализ процессов и типологизацию городских населённых пунктов страны по характеру их этнодемографического развития.

Вопросы этнодемографического и этнокультурного развития городских центров Абхазии, как нам приходилось отмечать в вышеупомянутой монографии, до настоящего времени оставались детально не исследованными, несмотря на наличие довольно существенного списка работ, посвящённых этнодемографическим процессам в Абхазии в целом². Тем не менее, специалисты эпизодически обращались к изучению абхазской столицы с данных позиций. Стоит выделить работу В.А. Чирикба, в которой автор исследует проблему функционирования абхазского языка в городской среде и публикует материалы социологического опроса, проведённого среди абхазоязыч-

1. Багапш Н.В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.). Сухум, 2017.

2. Там же. С. 4.

ных молодых семей Сухума с целью изучения функционирования абхазского языка в столице и отношения респондентов к проблеме развития языка¹; статью Д. Мюллера в коллективной монографии «The Abkhazians», где автор исследует этнодемографическую историю Абхазии с 1886 года по 1989 год, обращаясь, в частности, к этнодемографическим процессам в столице²; статью Ю.М. Ботякова, освещающую вопросы культурной адаптации выходцев из абхазского села в послевоенном Сухуме³; ряд статей Р.Ш. Зельницкой (Шларба), посвящённых этнографическому изучению городского пространства современной Абхазии⁴; статью Л.В. Цвейба и А.З. Ахуба, в которой анализируются особенности функционирования государственного языка в дошкольных образовательных учреждениях абхазской столицы⁵; и описательную статью Т. Блаувельта, обращающую читателя к краткой этнодемографической истории Сухума преимущественно последних ста лет⁶. Мы полагаем, что определённую лепту в изучение этнодемографической

1. Чирикба В.А. Развитие абхазского языка в условиях полиглоссического общества: вызовы и перспективы. Сухум, 2009.
2. Müller D. Ethno-demographic history of Abkhazia, 1886–1989 // The Abkhazians: a handbook. London – N.Y., 2013. Pp. 218–239.
3. Ботяков Ю.М. Проявления системы организации абхазского сельского общества в условиях современного города (на примере Сухума) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013. С. 206–245.
4. Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Роль города в формировании социальных отношений в современной Абхазии // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России. М., 2014. С. 165–173; Её же. Городская и деревенская свадьба в Абхазии // Антропология города. Материалы конференции молодых ученых. М., 2013. С. 187–194; Абхазская молодежь между городом и деревней // Антропология города глазами молодых исследователей. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 22–24 декабря 2014 г. М., 2015. С. 56–63.
5. Цвейба Л.В., Ахуба А.З. Функционирование абхазского языка в дошкольных учреждениях Абхазии (на примере г. Сухума) // Третья Международные Иналиповские чтения. Сухум, 2017. С. 559–563.
6. Blauvelt T. Sukhum(i): Multi-Ethnic Capital of the Soviet Riviera // The Black Sea. 2013. №7/8. Pp. 36, 37.

истории и современных этнических и языковых процессов в Сухуме внесла и наша монография «Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.)».

Этнодемографические процессы в Гудауте до сих пор оставались практически вне поля зрения специалистов. Исключение составляет монография Л.И. Цвижба «Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке»¹, в которой автор анализирует динамику этнодемографической истории городских поселений страны в позапрошлом столетии, обращаясь и к Гудауте. К сожалению, так и не увидела свет готовившаяся к изданию монография старшего научного сотрудника АБИЯЛИ А.А. Олонецкого «Города Абхазии (Гудаута, Гагра, Новый Афон) в XIX–XX столетиях»². Её автор ушёл из жизни в 1964 году.

Этнографическое изучение городского пространства в СССР, как отмечалось в нашей вышеупомянутой монографии, началось преимущественно с середины 1960-х годов³. К далеко не полному списку работ по данной научной тематике, приведённому во введении указанной книги⁴, следует добавить сборник «Этносоциальные проблемы города», вышедший в 1986 году под редакцией О.И. Шкаторана⁵, коллективную монографию «Население Еревана. Этносоциологические исследования»⁶, статью Х.В. Дзуцева «Миграция населения и функционирование языка межнационального общения», опубликованную в 1982 году в сборнике «Вопросы социологии и этнографии Северной Осетии»⁷, а также ряд статей из выпущенного в 2017

1. Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2000.
2. Куправа А.Э. Люди: время и жизнь. Сухум, 2010. С. 300.
3. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. 1977. №6. С. 26.
4. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 5–7.
5. Этносоциальные проблемы города. М., 1986.
6. Население Еревана. Этносоциологические исследования. Ереван, 1986.
7. Дзуцев Х.В. Миграция населения и функционирование языка межнационального общения // Вопросы социологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1982. С. 84–101.

году сборника «Грозный: история и современность»¹. В первом рассматриваются вопросы социокультурного функционирования и социально-демографического воспроизведения городской территориальной общности, этнодемографических и этнокультурных процессов в среде городского населения, а также проблематика этнодисперсной группы в советском мегаполисе. Книга «Население Еревана. Этносоциологические исследования», выпущенная Институтом археологии и этнографии АН Армянской ССР в том же 1986 году, является уникальным в своём роде опытом изучения этнокультурных характеристик в целом моноэтничного, но при этом культурно многоликого советского мегаполиса, население которого сложилось преимущественно в XX столетии при определяющей роли миграций, в том числе внешних. В статье Х.В. Дзуцева анализируется влияние миграции и урбанизации на этноязыковую ситуацию в Северной Осетии в позднесоветский период. В сборнике «Грозный: история и современность», помимо прочего, освещаются вопросы этнодемографического развития и этнокультурных процессов в чеченской столице в различные периоды её истории.

Структурно настоящая работа в целом схожа с вышедшей ранее монографией о Сухуме. Принципиальным отличием является отсутствие отдельного параграфа, представляющего интервью с жителями Гудауты, а также существенно более развернутая первая глава настоящего исследования. Решение не включать интервью было принято потому, что основной задачей интервьюирования респондентов в процессе написание книги об этнодемографических процессах в столице было выявление причин, обусловивших этноязыковые характеристики жителей, и, как следствие, причинно-следственных связей нынешней этноязыковой ситуации в Сухуме. Поскольку эта задача, на наш взгляд, была выполнена, а закономерности

1. Грозный: история и современность: Историко-этнографический сборник статей. Вып. 1. 2017 г., посвящённый 200-летию основания г. Грозного. Грозный, 2017.

формирования этнокультурного ландшафта в обоих городах достаточно схожи, дополнительное интервьюирование респондентов-гудаутцев не было проведено.

Данная работа является попыткой исторического анализа траектории этнодемографического развития Гудауты в течение последних ста тридцати лет и выявления современных тенденций этнокультурных и этнодемографических процессов в городе. Выбор хронологических рамок исследования обусловлен двумя факторами: во-первых, Гудаута, как и Сухум, разрушенная в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, начинает отсчёт своей современной этнодемографической истории именно с последней четверти XIX столетия; во-вторых, с этого периода, в связи с введением Абхазии в поле централизованной российской статистики, появляются первые достоверные данные о населении города.

Объектом настоящего исследования является в первую очередь население города Гудауты. В силу наличия неразрывных культурно-экономических связей Гудауты с непосредственно подчинённой ей территорией опосредованным объектом исследования выступает всё население Гудаутского района (в прошлом – Гудаутского участка/уезда). Анализ общей логики этнодемографических процессов на данной территории в обозначенный хронологический период невозможен без понимания исторических, этнополитических и социокультурных процессов в значительно более широком географическом охвате, что зачастую приводит к расширению пространственных рамок исследования, вынося их далеко за пределы Бзыпской Абхазии. Географический фокус данной работы, таким образом, может быть представлен в виде иерархически непрерывной цепочки последовательно сменяющих друг друга пространственных ареалов – города Гудауты, Бзыпской Абхазии (Гудаутского участка/уезда/района), Абхазии, Грузинской ССР, Кавказа, Российской империи/СССР/постсоветского пространства, Евразии и, наконец, мира. Если по географическому охвату элементы этой цепочки расположены в восходящей

последовательности, то по степени их значимости как территориальных объектов настоящего исследования, напротив, – в нисходящей.

Гудаутский район был образован в 1930 году на месте упразднённого Гудаутского уезда, а свои нынешние границы приобрёл к середине 1950-х годов. Тогда же практически полностью оформилось современное внутреннее административно-территориальное деление района¹, который в настоящее время состоит из 2 городов (Гудаута и Новый Афон), 1 пгт (Мысра) и 20 сельских администраций.

Став во второй половине XIX века административным центром Бзыпской Абхазии, Гудаута на протяжении всего советского периода являлась основным центром урбанизации западных абхазов. Этому способствовало не только статусное положение районного центра, но и экономико-географическое положение города, расположенного в центральной части прибрежной полосы административно подчинённой ему территории. Взяв эстафету у непосредственно примыкающего к ней села Лыхны – некогда резиденции владетельных князей Абхазии² – Гудаута в течение XX века превратилась не только в административный центр региона, но и взяла на себя столичные функции в сложнейший период современной истории страны, в 1992–1993 годах.

Город Гудаута, лежащий на побережье Гудаутской бухты, граничит с Лыхненской и Куланырхской сельскими администрациями. Контуры современных границ города следующие. Западная граница Гудауты проходит от побережья в северном направлении до центральной автомагистрали, разделяя жилые массивы Нового района города и частные домовладения

1. За исключением того, что в 1990 году посёлок Мысра (Мюссера) Мгудзырхского сельсовета был преобразован в пгт и в 1987 году пгт Новый Афон получил статус города. См. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Сухуми, 1957. С. 8, 9.

2. Дзидзария Г.А. Лыхны: Очерк дореволюционного прошлого села. Сухуми, 1986. С. 15–19.

посёлка Бамбара Лыхненской сельской администрации. Далее граница города с посёлком Адзлагархук, входящим в состав указанной сельской администрации, протягивается непосредственно вдоль автомагистрали и железной дороги в восточном направлении вплоть до Лыхненского поворота. Отсюда граница Гудауты с селом Лыхны отклоняется на север и на некотором протяжении проходит по реке Адзлагара. Далее граница уходит на восток, захватывая Гудаутскую районную больницу с окрестностями. Начиная с левобережья реки Гудо город граничит с Куланырхской сельской администрацией, восточная граница города с которой уже проходит по реке Ажвдзра до впадения последней в Чёрное море. С запада на восток через территорию Гудауты протекают реки Кистрик, Адзлагара, Гудо и Ажвдзра. Первые две берут начало в пределах села Лыхны, Гудо – в Дурипше, а Ажвдзра – в селе Куланырху.

С момента своего восстановления после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов Гудаута развивалась как полиэтничный населённый пункт сначала с несильной, а впоследствии, ближе к середине XX столетия, со всё более выраженной славянской этнической доминантой. Рост численности и удельного веса абхазского населения наблюдался на протяжении всего советского периода, однако лишь к концу 1970-х годов Гудаута приобретает относительное абхазское этническое большинство. В отличие от большинства городских поселений Абхазии, в Гудауте не наблюдалось ярко выраженного этапа демографической грузинизации во второй половине XX века. Вследствие революционных этнодемографических сдвигов, связанных с Отечественной войной народа Абхазии 1992–1993 годов, абхазы становятся абсолютно преобладающим этносом в городе, и Гудаута, таким образом, сохраняет за собой статус города с самой высокой долей этнически абхазского населения в стране, закреплённый за ней ещё в советское время.

Работа состоит из двух глав. Первая глава посвящена анализу этнодемографической истории города, начиная с пост-

махаджирского времени и до наших дней, с периодизацией, включающей три основных этапа. В данной главе также проводится анализ особенностей этнокультурного пространства Гудауты как сложившейся территориальной общности. Статистической базой для написания этой главы, как и в нашей предыдущей монографии, посвящённой абхазской столице, послужили данные переписей и текущего учёта населения. Использованные нами статистические источники имеют как свои сильные стороны, так и определённые недостатки, на которых имеет смысл кратко остановиться.

Так, перепись городского населения ССР Грузии 1922 года, предоставляющая первые статистические сведения о населении Гудауты и Сухума после советизации страны, фиксирует, например, пиковые показатели удельного веса греческого населения в этих городских поселениях. В то же время материалы переписи не предоставляют никаких сведений о населении Гагры и Очамчыры. Сельскохозяйственная перепись 1923 года, в материалах которой имеется детальная информация по этническому составу каждого сельского населённого пункта, будучи проведённой не союзным центром, а непосредственно Тифлисом, несёт на себе печать традиционной для грузинского руководства политики национальной гомогенизации, выразившейся в фиксации этническими грузинами и даже «грузинами по разговорному языку» не только мингрелов, лазов, сванов и бацбийцев, но и 99,0% жителей Самурзакана¹.

Первая Всесоюзная перепись населения 1926 года в этноязыковом срезе являлась, пожалуй, самой детально проработанной из советских переписей, однако разбивка по этническому составу уездов, городских поселений и сельсо-

1. Например, по данным переписи 1923 года, грузинами «по национальности и по разговорному языку» были записаны 1017 из 1026 жителей села Река, то есть 99,1% [Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года. Вып. 1. Ч. 2. Тифлис, 1925. С. 206, 207]. В действительности же население данного села и по сей день не просто сохраняет абхазскую идентичность, но и абхазоязычно. Определённая часть жителей села Река в начале 1920-х годов владела вторым языком, но это был мингрельский, а не грузинский.

ветов Абхазии представлена только для граждан СССР, тогда как аналогичная разбивка по родному языку охватывает всё население, включая иностранцев, которые составляли в раннесоветский период значительную часть населения Гудауты. Данные переписи 1926 года также продемонстрировали локальную политизированность Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года, проявившуюся в стремлении к этнонациональной гомогенизации картвельского континуума (а также таких групп, как самурзаканские абхазы и нахоязычные бацбийцы, которые на тот момент рассматривались грузинским руководством в качестве ближайших кандидатов на включение в его состав) посредством институциональных механизмов. Перепись 1939 года, проведённая вслед за официально признанной «дефектной» переписью 1937 года¹, по мнению демографов, историков и архивистов, в частности, Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковой², Д.Д. Богоявленского³, Ю.А. Полякова, И.Н. Киселёва, В.Б. Жиромской⁴, М.С. Тольца⁵ и

1. В постановлении Совнаркома от 25 сентября 1937 года сообщалось, что организация переписи признана неудовлетворительной, а сами материалы – дефектными [Газ. «Правда». 26 сентября 1937. №266 (7232)].

2. Андреев Е.М., Дарских Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 29–35; Их же. Опыт оценки численности населения СССР 1926–1941 гг.: краткие результаты исследования // Вестник статистики. 1990. №7. С. 36, 38.

3. Богоявленский Д.Д. О приписках в переписи 1939 г. // Демоскоп Weekly. 2013. №571–572. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/arxiv01.php#_ENR_VIII (дата обращения: 25.01.2019).

4. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселёв И.Н. Половка молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. №8. С. 51; Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения СССР: Основные итоги. М., 1992. С. 4–12; Её же. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. Сборник научных трудов. М., 1994. С. 27–49; Население России в переписи 1939 г. // Всесоюзная перепись населения 1939 г. Россия. М., 1999. С. 8–19.

5. Тольц М.С. Репрессированная перепись // Родина. 1989. №11. С. 60.

В.В. Цаплина¹, завысила фактическую численность населения каждой административно-территориальной единицы и каждого городского поселения, в том числе и Гудауты.

Последующие советские переписи были проведены более качественно и в целом по единой схеме, однако вследствие оперирования официально утверждавшейся «укрупнённой» этнической номенклатурой не могли полноценно отразить всю многогранность этнической палитры Абхазии. В первую очередь это касалось невозможности учёта численности мингрелов, сванов и лазов. Данные по количеству владеющих языками этих этнических общностей также отсутствовали, поскольку механизм обработки первичных данных позднесоветских переписей предусматривал включение соответствующих ответов в категорию «грузинский» вопреки консолидированному мнению мировой² и советской³ лингвистики относительно наличия четырёх (реже – трёх) самостоятельных южнокавказских языков. Чтобы объяснить полное выпадение из официальных статистических данных групп населения, для которых мингрельский, лазский и сванский являлись бы родными языками, советской социолингвистике приходилось идти на явное искажение реальной языковой ситуации. Так, М.И. Исаев в работе «Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР)», вышедшей в 1970 году, отмечал: «В современную эпоху унифицирующее действует на их (мингрельского и лазского. – Н.Б.) развитие

1. Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. №4. С. 175–181.

2. См., например: The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 1. The Kartvelian Languages / Harris A. (Ed.). N.Y., 1991; Hewitt G. Language // The Abkhazians: a handbook. London – N.Y., 2013; Fähnrich H., Sardschweladse S. Etymologisches Wörterbuch der Kartvel-Sprachen. Leiden, 1995.

3. См., например: Языки мира: Кавказские языки. М., 1998. С. 14; Гамкрелидзе Т.В. Сибирянные соответствия и некоторые вопросы древней структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986. С. 55; Его же. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964. С. 3; Мачавариани Г.И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

всё возрастающее влияние грузинского литературного языка, которым и мегрелы и чаны (лазы) пользуются как своим родным языком⁴. Немецкий лингвист и этнолог В. Фойерштайн, описывая последствия ассимиляционной политики Тбилиси, отмечает: «Признание мингрельского происхождения... и мингрельского языка... как родного для многих людей, находящихся в экономической зависимости от грузинского государства, и по сей день не является чем-то само собою разумеющимся»⁵. При этом мингрельский, лазский и сванский языки в советских академических изданиях, изданных после 1930-х годов, объявлялись бесписьменными⁶, несмотря на то что каждый из них имел определённую письменную традицию, а на мингрельском языке – как в самой Мингрелии, так и в Самурзакане – в раннесоветский период (до конца 1930-х годов) существовала достаточно развитая периодическая печать⁴ и нарождавшаяся художественная литература⁵. Официальная позиция современной грузинской науки по отношению к этим языкам предстаёт ещё более бескомпромиссной. В. Фойерштайн характеризует её таким образом: «Совершенно по-иному (чем с лазским языком в современной Турции. – Н.Б.) складывается ситуация в Грузии. Национализм, дошедший до одержимости, объявил мингрельский, лазский и сванский языки сначала диалектами существовавшего якобы 2500 лет назад языка “цанури”, а сегодня – диалектами грузинского языка»⁶.

1. Исаев М.И. Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР). М., 1970. С. 149.

2. Фойерштайн В. Критика соавтора // Грузия в пути. Тени сталинизма. М., 2017. С. 461.

3. См., например: Климов Г.А. Картвельские языки // Большая советская энциклопедия. Т. 11. М., 1973. С. 464; Его же. Мегрельский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 15. М., 1974. С. 551; Его же. Сванский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 23. М., 1976. С. 23; Алексеев М.Е. Чанский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 29. М., 1978. С. 18.

4. Фойерштайн В. Указ. соч. С. 469, 475.

5. Дондуа К. Мегрельская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 7. М., 1934. С. 76, 77.

6. Фойерштайн В. Указ. соч. С. 479.

Мингрельское и сванское население к концу советского периода в целом адаптировалось к институциональным рамкам, в пределах которых оно могло декларировать свою этническую и языковую идентичность. Инерция этих институциональных ограничений (вкупе с сохраняющейся ориентированностью на политico-идеологические установки Тбилиси) оказалась настолько сильной, что уже сегодня, в изменившихся политических реалиях, когда государство перестало ограничивать возможность свободной фиксации этнического происхождения населения, большинство мингрелов Абхазии в ходе переписи 2011 года не только самоопределилось как грузины, но и указало грузинский в качестве родного языка. Последнее не состыкуется с реальной языковой ситуацией в Самурзакане, где и сконцентрирована основная масса мингрельского населения страны. Так, по данным переписи 2011 года, в Абхазии проживали 43249 грузин, 3207 мингрелов, 43 свана и 1 аджарец. Доля лиц, указавших в качестве родного языка грузинский, среди самоопределившихся как этнические грузины составила 87,7%. Ещё 3,3% отметили русский язык, 0,9% – абхазский и только 8,2% указали в качестве родных иные языки (очевидно, преимущественно мингрельский)¹. Однако в пределах исторического Самурзакана имелись и такие сёла, как Дихазурга и Шашалат, где 98,3% и 74,3% населения соответственно самоопределились как этнические мингрелы². Несоответствие между фиксировавшимся в ходе переписи 2011 года родным языком и реальной языковой ситуацией отмечалось и у этнических абхазского населения страны, большая часть которого, как и в советское время, была склонна указывать абхазский язык в качестве родного независимо от степени владения последним.

Вторая глава настоящей монографии представляет собой анализ данных социологического исследования, проведённого нами путём анкетирования горожан с апреля 2017 года по

апрель 2018 года с целью выявления современной этнодемографической ситуации в Гудауте.

Автор выражает благодарность всем коллегам и близким, оказавшим помощь в подготовке данной книги к публикации (в частности Теймуразу Алиевичу Ачугба, Арде Енверовичу Ашуба, Кристине Витальевне Кварацхелия, Инге Васильевне Тания, Астанде Шалвовне Хашба), начальнику отдела образования Гудаутского района Инне Максимовне Джугелия, сотрудникам архива Гудаутского района (Мадине Леонидовне Дзкуя и Диане Борисовне Гицба), выпускникам биолого-географического факультета Абхазского государственного университета (Бадре Григолия, Линде Лейба, Оскару Хинтба), а также директорам и преподавательскому составу средних школ Гудауты. Особую признательность хочется выразить Валентине Акакиевне Шакрыл и Фариду Мизановичу Кобахия, оказавшим неоценимую помощь в ходе проведения анкетирования населения Гудауты, на базе которого была написана вторая глава настоящей работы.

1. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. Сухум, 2012. С. 86–89.

2. Там же. С. 137, 145.

Глава I

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГУДАУТЫ (КОНЕЦ XIX в. – 2019 г.)

В эпоху генуэзской колонизации Черноморского побережья Кавказа в XIII–XV веках среди множества торговых факторий, основанных итальянцами, числилась и Каво-ди-Буксо, располагавшаяся в районе нынешней Гудауты¹. С уходом генуэзцев из Абхазии постоянное поселение в районе Гудаутской бухты прекращает своё существование, вновь возникая лишь в XIX столетии с приходом России на Кавказ².

Поэтому точкой отсчёта при изучении современной этнодемографической и этноязыковой ситуации в городе могут служить события относительно недавнего прошлого, а именно: разрушение и опустошение Гудауты, равно как и Сухума, связанное с чередой войн и восстаний на территории Абхазии в 1850–1870 годы³, конечным итогом которых явилось так называемое *махаджирство*⁴ – массовая депортация в первую очередь абхазо-адыгских, а также ряда других народов Кавказа в пределы Османской империи. Согласно Н. Бэрзэдж, депортация абхазо-адыгского населения с территории Западного Кавказа в Турцию была предрешена взаимной договорённостью

1. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времён до наших дней. Учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учеб. заведений. Сухум, 2015. С. 174; Маан О.В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум, 2011. С. 202, 203.

2. Пачулиа В.П. Абхазия – край туризма. Сухуми, 1975. С. 65.

3. Цвижба Л.И. Указ соч. С. 46.

4. Об адекватности употребления данного термина применительно к депортации абхазо-адыгских народов в XIX веке см. Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум, 2018. С. 11, 12.

между Российской и Османской империями на завершающем этапе Кавказской войны¹. Этого же мнения придерживается Т.А. Ачугба².

Если большинство абазин, адыгов, убыхов и жителей вольных обществ Западной Абхазии было выселено в 1859–1865 годах³ на завершающем этапе Кавказской войны и вслед за поражением в ней, то для жителей собственно Абхазского княжества и полунезависимых горских обществ Цабал и Дал критическими датами явились 1867 год (махаджирство, вызванное Абхазским восстанием 1866 года) и особенно 1877 год, когда в ходе русско-турецкой войны было выселено $\frac{3}{4}$ бзыпских абхазов, значительная часть абжуйцев и практически всё население Гумской Абхазии⁴. Тогда же были разрушены Сухум и Гудаута.

Пункт «возвращение из Турции» фигурировал отдельной строкой в опубликованном в Кавказском календаре на 1870 год списке «видов преступлений, совершённых туземным населением» Абхазии в 1868 году⁵. По сведениям начальника Сухумского военного отдела П.И. Аракина, в 1877 году из Гудаутского участка было выселено 17160 человек, что составляло 72,9% населения данной территории⁶. Формальным поводом для выселения коренного населения Абхазии в 1877 году служило «выступление на стороне турок» во время войны 1877–1878 годов. При анализе статистических данных становится понятным, что дополнительным оправданием депортации для властей могла явиться формальная конфессиональная принадлежность населения, «конструированением» которой они сами в значительной степени и занимались. По

1. Бэрзэдж Н. Изгнание черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996. С. 115–124.

2. Ачугба Т.А. Указ. соч. С. 315.

3. Белозёров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М, 2005. С. 36.

4. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 213, 294.

5. Кавказский календарь на 1870 год. Тифлис, 1869. С. 420.

6. Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис, 1878. С. 331.

данным российской администрации на Кавказе, в 1862 году население Абхазского княжества составляло 70000 человек, из которых 64295 (91,9%) человек были учтены как мусульмане, 5705 (8,1%) человек – как православные. Помимо этого, в Цебельде было 9000 жителей (все учтены как мусульмане), в Самурзакане – 23000 жителей (все – православные)¹. В рамках подобной категоризации конфессионального состава населения Абхазии, конечно же, исключалась возможность фиксации приверженности абхазской традиционной религии, поскольку само существование последней не предусматривалось имперской статистикой. Приверженность исламу, пусть в большинстве случаев и формальная, по всей вероятности, являлась фактором, за редким исключением, гарантирующим в 1877 году выселение в Турцию. Принадлежность к православной церкви абхазов-неофитов, так же в основном формальная, будучи благоприятствующим фактором, тем не менее далеко не всегда гарантировала возможность остаться на родине. К тому же формальный характер христианизации значительной части населения Бзыпской Абхазии в середине XIX – начале XX веков вызывал обеспокоенность самих представителей православного духовенства. В номере журнала «Сотрудник Закавказской миссии» от 15 февраля 1912 года читаем: «...большая часть населения Сухумского округа, особенно Гудаутского участка, если не официально, то скрыто продолжает оставаться мусульманами. А другая часть населения вполне к религиозным вопросам и ко всему христианству глубоко индифферентна»². Вывод о значимости религиозного фактора в ходе осуществления российскими властями депортации абхазов в 1877 году основан на сопоставлении конфессионального состава сёл Абхазии в 1868 году с количеством и удельным весом депортированных из этих сёл девять лет спустя. В Гудаутском участке полностью или практически полностью обезлюдившими к 1878 году ока-

1. Кавказский календарь на 1865 год. Тифлис, 1864. С. 122, 123 статистического отдела.

2. Журн. «Сотрудник Закавказской миссии». 1912. №5. С. 66, 67.

зались сельские общины Анхуа, Гагрыпш, Куланырхуа, Арюта¹, Дурипш, Аацы и Ачандара. От 75% до 80% населения потеряли Звандрипш, Мгудзырхуа и Хуап, почти 2/3 жителей – Калдахуара и Лдзаа, более половины – Джирхуа, 1/3 – Блабырхуа, ¼ – Бармыш и Лыхны. Наименьшая доля депортированных была отмечена в Отхарской общине². Таким образом, последняя массовая депортация абхазов в Османскую империю не обошла стороной ни одно селение Гудаутского участка. Эти пропорции в основном достаточно чётко коррелируют с процентным соотношением «де-юре» мусульман и православных в обозначенных сельских общинах (табл. 1). Такая же закономерность прослеживается и в остальных регионах Абхазии. Один из ведущих специалистов в области этнополитической истории Кавказа социолог А.А. Цуциев отмечает главенствующую роль конфессиональных императивов в стратегии утверждения Российской империи в регионе: «Религиозная принадлежность рассматривается как ключевая категория для уяснения и упорядочения кавказского пространства. Общий рисунок этого пространства определяется в контексте державного соперничества христианской России с мусульманскими Турцией и Ираном... Христиане выступают как объект защиты и как союзники русского оружия, мусульмане – как потенциальные враги»³. Именно махаджирство 1877 года в дальнейшем предопределило превращение преимущественно православного Лыхны в крупнейшее село Бзыпской Абхазии, тогда как в предшествующий период оно уступало по численности населению селения Аацы и Куланырхуа. В последующее после депортации 1877 года десятилетие значительной части бзыпских абхазов удастся вернуться на родину, что подтверждается данными переписи 1886 года⁴.

1. В настоящее время Арюта, бывшая некогда отдельной сельской общиной, разделена между Дурипской и Куланырхской сельскими администрациями.
2. Кавказский календарь на 1879 год. С. 331.

3. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 41.

4. См. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлечённых из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893. Без пагинации.

Табл. 1. Численность населения сельских общин Гудаутского участка до махаджирства 1877 года, процент депортированных в 1877 году и доля мусульман в 1868 году¹.

	нас. до 1877 г., чел.	депорт. в 1877 г., %	мусульм. в 1866 г., %
Гудаутский участок	23545	72,9	60,9
Аацинская община	2325	95,3	76,1
Анухская община	1817	100	99,2
Арютинская община	945	98,5	72,7
Ачандарская община	1408	88,4	99,4
Бармышская община	1017	24,7	1,7
Блабырхская община	985	33,7	66,2
Гагрыпшская община	815	100	99,7
Джирхская община	1169	55,3	54,3
Дурипшская община	1561	98,0	45,8
Звандрипшская община	1242	79,2	81,2
Калдахуарская община	1559	62,3	41,9
Куланырхская община	2216	99,4	62,6
Лдзааская община	462	65,4	56,9
Лыхненская община	2147	26,3	0,9
Мгудзырхская община	1479	75,4	52,9
Отхарская община	952	11,2	57,1
Хуапская община	1446	76,3	82,0

С начала XX столетия этнодемографическая история города Гудауты может быть проанализирована по данным дореволюционного текущего учёта населения, советских (всесоюзных и региональных) переписей и современной абхазской переписи населения 2011 года. Несмотря на то что у специалистов могут быть вполне обоснованные нарекания к итогам переписей населения, тем не менее, именно перепись является единовременным, проводимым по единой схеме и охватывающим

1. Составлено нами по источникам: 1. Кавказский календарь на 1870 год. С. 422–424; 2. Кавказский календарь на 1879 год. С. 331.

практически всех жителей той или иной территории событием, дающим более-менее полную статистическую информацию о населении. Е.И. Филиппова и Ф. Герен-Пас отмечают: «Среди множества статистических инструментов переписи населения занимают особое место. Благодаря своему универсальному распространению и регулярности они воспринимаются сегодня как один из основных источников сведений о населении стран мира. Не ограничиваясь простым подсчётом жителей, переписи представляют собой, по мнению многих, “портрет нации”, “карту общества”... или его “моментальное фото”... За всеми этими метафорами кроется убеждение в том, что перепись даёт точный и объективный ответ на вопросы: “Сколько нас?” и “Какие мы?”»¹. Далеко не во всех государствах мира в ходе проведения переписей осуществляется учёт этнического происхождения (или точнее – этнической самоидентификации) населения, равно как и не все статистические службы стран, осуществляющие подобный учёт, подходят к детализации собираемых данных с одинаковой скрупулёзностью. Цитированная выше Е.И. Филиппова пишет: «В соответствии с принципами и рекомендациями ООН, сбор данных о расе (этничности) не является обязательным, а критерии расовой (этнической) классификации каждой стране рекомендовано определять в соответствии с местной ситуацией и потребностями. В то время как одни страны традиционно на всём протяжении истории национальных переписей собирают эти данные, другие всерьёз задумываются о том, чтобы от такой практики отказаться, третьи, напротив, не делавшие этого в прошлом, включают или планируют включить в свои переписные анкеты вопросы о расе (этничности). Одна из таких стран – Франция, где на протяжении двух последних десятилетий неоднократно возобновлялись дебаты об “этнических категориях”»².

К счастью для специалистов, занимающихся исследованием в области этнодемографических процессов на постсовет-

1. Филиппова Е.И., Герен-Пас Ф. Расовые и этнические категории в переписях 2010-х годов // Этнографическое обозрение. 2015. №1. С. 5.

2. Филиппова Е.И. Национальные дебаты об этнической статистике: опыт международных сравнений // Этнографическое обозрение. 2015. №1. С. 3.

ском пространстве, в переписях населения СССР этническая составляющая была проработана детально. Р. Брубейкер отмечал, что ни одно государство не заложило так далеко в деле институционального упорядочения этнических категорий, как СССР¹. Т. Мартин пишет: «Сведения о национальности в заявлении о приёме на работу вовсе не были нейтральной частью информации; они были или имеющим решающее значение преимуществом, или, наоборот, существенной помехой. Тем самым государство недвусмысленно заявляло: национальность – это одно из самых существенных отличительных свойств каждого человека. И это привело к распространению представления о том, что этничность является изначально данной человеку. *Определение человека по его национальности вошло в натуру советских людей* (курсив наш. – Н.Б.). Когда в 1932 г. были введены внутренние паспорта, споры о том, записывать ли в них национальность, даже не возникли. Графа “национальность” была включена без рассуждений не только в паспорта, но и во все кадровые анкеты: национальность относили к числу необходимых и существенно важных сведений, и без неё не мог обойтись ни один советский гражданин. Таким образом, графа “национальность” в советских паспортах стала одной из наиболее значимых, её наличие укрепило представление о том, что национальная идентичность является примордиальной и унаследованной, и это стало фактом общественной жизни»². По мнению А.А. Цуциева, этничность в советском государстве довольно быстро превратилась в «объективность», практическим выражением чего явилось административное закрепление обязательной записи о национальности во внутренних паспортах граждан СССР в начале 1930-х годов³.

Несмотря на отдельные методологические ловушки, вызванные идеологически предопределённым следованием экс-

1. Brubaker R. Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge, 1996. P. 29.

2. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 614, 615.

3. Цуциев А.А. Указ. соч. С. 68.

клузивно утвердившему в советской науке примордиалистскому подходу к пониманию этничности, переписи населения советского периода предоставляют исследователю бесценный пласт этностатистических данных. Новые государства, возникшие на территории бывшего Советского Союза, унаследовали практику фиксации этничности в ходе проведения переписей населения.

К сожалению, данные дореволюционных переписей 1886 и 1897 годов, дающие представление о численности и этническом составе населения Сухума, недоступны для Гудауты, о чём подробнее будет сказано ниже.

Этнодемографическая история Гудауты на протяжении последних ста тридцати лет в целом схожа с этнодемографической историей большинства других городских поселений Абхазии, однако имеет ряд уникальных особенностей, вызванных в первую очередь экономико-географическим положением города, явившегося на протяжении всего рассматриваемого периода центром одного из двух этнических абхазских регионов страны, потерявшей в XIX веке большую часть коренного населения.

С конца XIX столетия и вплоть до конца 1970-х – начала 1980-х годов этнодемографические реалии Гудауты были таковыми, что можно с полной уверенностью говорить о том, что город был «абхазским» только в политico-административном плане. Однако и последнее утверждение верно лишь отчасти и с большой долей условности, учитывая то место, которое занимала Абхазская АССР в сложной и многоуровневой иерархии национально-государственного устройства СССР. Если же говорить о сталинско-бериевском периоде, то Абхазия де-факто была лишена всякой автономии. На фоне крайне неблагоприятной для абхазского народа этнодемографической ситуации в городских поселениях республики в целом, положение в Гудауте, однако, было несколько иным.

Среди основных причин, по которым Гудаута до позднесоветского периода оставалась этнически преимущественно неабхазским городом, можно выделить следующие:

1. Махаджирство, вызвавшее исход большей части абхазов в Турцию и приведшее к практически полному опустошению целых регионов;

2. Царский указ, объявлявший большинство оставшихся на родине абхазов «виновным» населением и запрещавший им селиться в городах Абхазии¹. Несмотря на снятие «виновности» в 1907 году, многолетний запрет на поселение в городах страны именно в тот период, когда они активно развивались и заселялись, эхом отразился на всей последующей этнодемографической истории Гудауты;

3. Колонизационное заселение Абхазии, сначала проводившееся российскими властями, а позже, в изменившихся политических реалиях, уже властями Грузинской Демократической Республики и советской Грузии;

4. Гудаута, несмотря на свою относительную периферийность даже во внутриабхазском масштабе, будучи одним из центров «Советской Ривьеры», являлась пунктом притяжения населения со всей страны;

5. Абхазское общество, как и родственное адыгское, и в начале XX века в основном оставалось сугубо аграрным: абхазы не были вовлечены в товарно-денежные отношения и не занимались отхожими промыслами (в отличие, например, от ряда народов Северо-Восточного Кавказа и Грузии). Сама торговля, по крайней мере в постмакеджирский период, считалась у абхазов недостойным и постыдным занятием². Всё это естественным образом ограничивало функциональную потребность в урбанизации этноса.

1. «Виновной» была признана большая часть абхазов после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов якобы за пособничество туркам. «Виновность» распространялась на абхазское сельское население, за исключением жителей Самурзакана и селений Пакуаш и Илор. «Виновное» население было лишено земельных прав и освобождалось от военной службы [Соловьёва Л.Т. Субэтоним самурзаканцы: возникновение, история, современность // Вестник МГИМО – Университета. 2010. №3 (12). С. 29].

2. См. Лакоба С.З. Крылились дни в Сухум-Кале. Сухум, 2011. С. 31–49.

В рассматриваемый период может быть выделено три основных этапа этнодемографической истории Гудауты: *формирование полиэтничной структуры населения города (конец XIX века – конец 1970-х годов); Гудаута приобретает относительное абхазское этническое большинство, встав на путь демографической коренизации (конец 1970-х годов – 1992 год); Гудаута становится этнически абхазским городом (1992–2019 годы)*. Хронологические границы этапов не вполне соответствуют датам проведения переписей населения, однако для качественного и количественного анализа этнодемографической динамики потребуется обращаться именно к материалам переписей, проведённых несколькими годами или даже десятилетием позже произошедших изменений в этнической структуре населения.

ГУДАУТА КАК ПОЛИЭТНИЧНЫЙ ГОРОД

Согласно Л.И. Цвижба, первое упоминание о современном населённом пункте, локализуемом предположительно в пределах нынешней Гудауты, относится к 1836 году и содержится во всеподданнейшем письме генерал-адъютанта об обозрении им восточного берега Чёрного моря¹. В документе, в частности, указывается, что в поселении имеется базар и в нём проживают «некоторые купцы и промышленники из Грузии и Имеретии и стекаются с разных мест жители Абхазии для обмена своих изделий и получения всего им нужного»². Как указывает Л.И. Цвижба, в документе отсутствует название описываемого населённого пункта, однако характеристика его географического положения относительно соседней русской крепости Бамбара и прилегающего села Лыхны не оставляет сомнений в том, что речь идёт именно о Гудауте.

1. Цвижба Л.И. Указ. соч. С. 48.

2. Цит. по: Цвижба Л.И. Указ. соч. С. 48.

Следующее упоминание Гудауты датируется 1847 годом, где она значится в числе прочих «больших селений» на «Карте Кавказского края», составленной при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса¹. В 1854 году население Гудауты составляло 100 человек и к концу 1850-х годов поселение состояло из одной улицы, а его общий характер был торговым². Не располагая данными, которыми оперирует Л.И. Цвижба, В.П. Пачулиа в работах 1960–1970-х годов отмечал, что Гудаута как поселение городского типа возникла в начале второй половины XIX века. В то время в местечке имелась «лишь одна улица, застроенная лавками и небольшими домами»³.

В ходе последней русско-турецкой войны, как следует из оперативного донесения наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича императору Александру II, 30 апреля 1877 года турецкая эскадра подошла к Гудауте, обстреляла и сожгла населённый пункт⁴. Турки были выбиты из Гудауты русскими войсками 10 августа того же года⁵.

К сожалению, в итогах посемейной переписи населения Закавказья, проведённой в 1886 году, отсутствуют сведения о населении Гудауты, тогда как аналогичные данные по всем остальным населённым пунктам Абхазии представлены в источнике. В пределах Сухумского округа Кутаисской губернии, согласно источнику, имелось лишь два городских населённых пункта, по которым представлена статистическая информация: город Сухум и местечко Очамчыра⁶. Если бы не имеющееся в издании указание на то, что местопребывание пристава Гудаутского участка расположено в слободе Гудауте⁷, мы могли бы предположить, что на момент проведения переписи 1886 года

1. Цвижба Л.И. Указ. соч. С. 48, 49.

2. Там же. С. 49.

3. Пачулиа В.П. Указ. соч. С. 65.

4. Там же.

5. Пачулиа В.П. В краю золотого руна. М., 1964. С. 91.

6. Свод статистических данных о населении Закавказского края... Без пагинации.

7. Там же.

рассматриваемый населённый пункт ещё не начал восстанавливаться после разрушения. Указание на то, что местечко Гудаута в 1883 году являлось центром Гудаутского участка Сухумского округа имеется и у Г.А. Дзидзария¹. О том, что Гудаута стала центром Пицундского округа в 1868 году, то есть ещё до войны, пишет В.Е. Кварчия². В то же время Ю.Н. Воронов и А.С. Агумаа сообщают, что Гудаута стала центром административного управления Гудаутского участка только в 1896 году, что не согласуется с указанными выше источниками³. Таким образом, отсутствие сведений о населении Гудауты в «Своде», по всей вероятности, связано с ошибкой или досадной невнимательностью составителей издания.

В отличие от Сухума, чья послевоенная реновация осуществлялась довольно оперативно, население Гудауты на рубеже XIX–XX столетий росло более скромными темпами. Существенный скачок численности населения местечка пришёлся на годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны. В условиях, когда большая часть этнически абхазского населения была вынуждена покинуть родину, а оставшимся абхазам, за редким исключением, запрещалось селиться в городских поселениях, когда Российская империя проводила политику демографической колонизации Черноморского побережья Черкесии, Убыхии и Абхазии, Гудаута стала формироваться как полигэтничный городской центр при преобладании турецкого, картвельского, армянского, славянского и греческого элементов. Слобода Гудаута изначально возникла на правом берегу реки Гудоу, в прибрежной части территории Лыхненской сельской общины.

По сведениям, имеющимся в Кавказском календаре на 1893 год, численность населения Гудауты равнялась 223 че-

1. Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 422.

2. Кварчия В.Е. Топонимика Абхазии. Сухум, 2002 (на абх. яз.). С. 215; Его же. Историческая и современная топонимия Абхазии (историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006. С. 145.

3. Воронов Ю.Н., Агумаа А.С. Раздел III. §5. Городская жизнь // История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991. С. 252, 253.

ловека, причём ни один из народов не составлял абсолютного большинства¹.

Данные первой Всероссийской переписи населения 1897 года, предоставляющие информацию по языковому составу населения лишь Сухумского округа в целом и окружного центра в отдельности, таким образом, вновь не дают сведений по рассматриваемому в настоящей монографии населённому пункту². Вероятно, более подробные поселенные данные могут находиться в архивах, однако никакой информации об их наличии у нас на данный момент не имеется. Известно лишь, что население Гудауты в 1897 году составляло 251 человек³. Однако Н.С. Джанашия в том же году сообщал о населении Гудауты следующее: «В нашем посёлке проживает 50 грузин (один имеретинец, два гурийца, остальные – мингрелы), 13 греков, 11 русских, 5 абхазов и двое армян»⁴.

Ю.Н. Воронов и А.С. Агумаа отмечают, что Гудаута и Очамчыра в 1870 г., «согласно действовавшим тогда законам, получили статус городов»⁵, однако в действительности в дореволюционное время они имели статус местечек (посадов), что, по утвердившей позже (в советский период) статусной градации населённых пунктов, соответствовало посёлкам городского типа, но не городам. Статус городов они получат лишь в 1926 году, о чём будет сказано ниже.

В. Цветов в 1900 году дал Гудауте такую характеристику: «Это ещё не город, но и селом его назвать нельзя, это – посад. Как город – он очень невелик: в нём только сотня с небольшим домов и едва ли есть тысяча жителей обоего пола; но зато здесь живут: начальник участка, лесничий, несколько агентов

1. Кавказский календарь на 1893 год. Тифлис, 1892. С. 171.

2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVI. Кутаисская губерния. СПб., 1905. С. 90, 91.

3. Цвижба Л.И. Указ. соч. С. 49.

4. Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в.) / Сост. и отв. ред. Ачугба Т.А. Сухум, 1995. С. 73.

5. Воронов Ю.Н., Агумаа А.С. Указ. соч. С. 252.

морских компаний; кроме того, есть церковь, часовня, два училища, аптека, отделение почтовой конторы, есть даже нечто вроде публичного сада, гостиница, десятка три-четыре лавок, даже базарная площадь и, наконец, две-три улицы, из которых одна широкая, шоссированная и обсаженная с обеих сторон пирамидальными тополями. Словом, есть всё, что прилично и подобает городу, хотя бы уездному. Поэтому, если Гудауты ещё не город теперь, то, несомненно, будет таким в весьма близком будущем»¹.

По сведениям К.Д. Мачавариани, перед началом Первой мировой войны местечко Гудаута было «распланировано правильными улицами, которые шоссированы и освещаются газокалильными фонарями. Над берегом моря разбит бульвар. Проведён водопровод, дающий хорошую и в достаточном количестве воду... В Гудаутах имеются церковь, начальные училища, курзал, общественная библиотека-читальня, оркестр духовой музыки, почтово-телеграфная станция, таможня, гостиницы: «Империал» и «Кавказ», два ресторана... контора российского и русского общества пароходства и торговли, европейская баня с номерами»².

Первые полноценные статистические сведения об этническом составе населения Гудауты относятся к 1906 году и содержатся в Кавказском календаре на 1908 год. Согласно источнику, численность населения местечка составляла 1981 человек, из которых 107 (5,4%) были абхазами, 632 (31,9%) – представителями картвельских народов и этнических групп (в том числе мингрелами – 486, гурийцами – 55, грузинами³ – 40, имеретинцами – 29, сванами – 22), 625 (31,5%) – турками⁴, 216 (10,9%)

1. Цветов В. Спутник туриста по Кавказу (с иллюстрациями). М., 1900. С. 149, 150.

2. Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913. С. 194, 195.

3. В качестве грузин в дореволюционной статистике обычно фигурировали картлийцы и кахетинцы.

4. Вероятно, часть гудаутских турок могла быть представлена лазами. Несмо-

– армянами, 159 (8,0%) – русскими, 143 (7,2%) – греками, 30 (1,5%) – персами и 69 (3,5%) – представителями прочих этносов¹ (рис. 1).

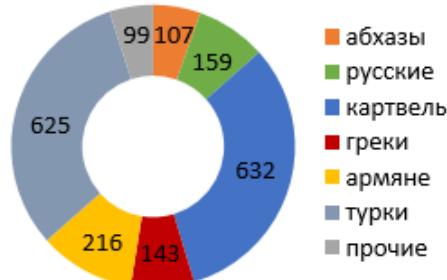

Рис. 1. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гудауты (1906 г.).

В 1911 году население Гудауты возросло до 3516 человек, а численно преобладающим этносом теперь стали русские². Таким образом, в период с 1906 года по 1911 год произошло практически двукратное увеличение численности населения Гудауты, сопровождавшееся также кардинальной перекройкой этнической структуры. А.Н. Дьячков-Тарасов в 1910 году характеризовал Гудауту как «разрастающееся» поселение³. В 1913 году, по данным К.Д. Мачавариани, ссылающегося на сведения «уважаемого гудаутского жителя прaporщика милиции Алексея Ладария», в местечке насчитывалось 4848 жителей⁴.

тря на то что в списке народов в источнике присутствуют и лазы, определённая их часть, особенно проживавшая за пределами традиционного ареала расселения в пределах Российской империи (Батумская область) и представленная недавними иммигрантами из Османской империи, могла быть записана турками.

1. Кавказский календарь на 1908 год. Тифлис, 1907. С. 49 статистического отдела.

2. Кавказский календарь на 1912 год. Тифлис, 1911. С. 145.

3. Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 30. Памятники права абхазов. Ростов-на-Дону, 2017. С. 926.

4. Мачавариани К.Д. Указ. соч. С. 194.

В 1914 году, непосредственно перед началом Первой мировой войны, население Гудауты составляло уже 5060 человек¹.

Рост населения Гудауты в начале XX века сопровождался расширением территории местечка за счёт земель Лыхненской сельской общины, что вызывало недовольство жителей последней. Г.А. Дзидзария пишет: «Лыхненские крестьяне выступали, в частности, против стремления царских властей безвоздемно включить в «черту надела» местечка Гудауты близлежащие их земли...»². К.Д. Мачавариани в 1913 году сообщал следующее: «Западная, примыкающая к местечку, часть плато представляет собой равнину с наклоном к морю, разбитую на правильные кварталы и участки, от 250 кв. саж., которые продаются на льготных условиях частным лицам. Всего разбито 800 участков... причём уплата денег рассчитывается на 3 года. Каждый, купивший участок, обязывается выстроить в течение 3-х лет домик. Теперь 700 участков уже застроены»³.

Гудаута была советизирована 26 февраля 1921 года вслед за отступлением грузинской армии в восточном направлении и бегством местной оккупационной администрации «вместе с городским головой Надарейшвили»⁴. Председателем Гудаутского уездного Ревкома был назначен уроженец села Калдахуара З.Н. Бения⁵.

Вскоре после советизации Абхазии в ССР Грузии была проведена первая перепись городского населения. Эта перепись, проведённая 30 ноября 1922 года, когда ССР Абхазии уже входила в состав ССР Грузии на договорных началах, предоставляет данные лишь по двум городским населённым пунктам Абхазии: Сухуму и Гудауте. Данные по другим городским поселениям республики не вошли в издание результатов переписи по техническим причинам.

1. Кавказский календарь на 1915 год. Тифлис, 1914. С. 113.

2. Дзидзария Г.А. Лыхны... С. 70.

3. Мачавариани К.Д. Указ. соч. С. 195.

4. Революционные комитеты Абхазии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (февраль 1921 г. – февраль 1922 г.). Сборник документов и материалов. Сухуми, 1961. С. 43.

5. Там же. С. 377.

Согласно итогам переписи 1922 года, в Гудауте проживали 2843 человека, в том числе 186 (6,5%) абхазов, 720 (25,4%) русских, 711 (25,0%) греков, 612 (21,5%) грузин, 304 (10,7%) армянина и 310 (10,9%) представителей других этносов¹ (рис. 2).

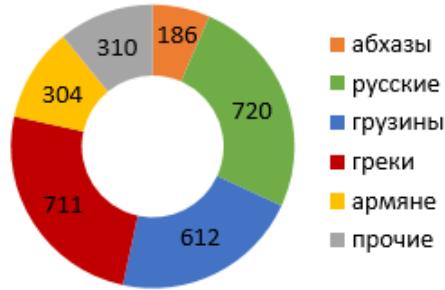

Рис. 2. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гудауты (1922 г.).

В самом начале XX столетия крупнейшими группами в населении Гудауты были картвельцы и турки, непродолжительный период формировавшие основу этнического каркаса местечка. В 1906 году был отмечен максимальный удельный вес обеих групп в населении Гудауты за весь рассматриваемый в настоящей работе период. Турецкая и картвельская общины Гудауты были представлены преимущественно временно проживающими здесь трудовыми мигрантами, причём подавляющее большинство турок являлось гражданами Османской империи. В дальнейшем доля картвельского населения Гудауты уже никогда не достигнет столь высоких показателей, а турки вскоре и вовсе перестанут быть одним из основных структурных компонентов её этнической палитры. Последнее было связано с началом Первой мировой войны, в которой Россия и Турция

1. Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 1. Население по полу, возрасту и национальностям. Тифлис, 1923. С. 23.

оказались противниками, что предопределило реэмиграцию большей части турецкой общины Гудауты. В номере сухумского православного журнала «Сотрудник Закавказской миссии» от 1 мая 1915 года была помещена пропагандистская статья под заголовком «Когда освободимся?», в которой, однако, содержались некоторые фактологические сведения: «Вслед за возвращением из Турции махаджиров-абхазцев, эмигрировавших в Турцию во время русско-турецкой войны, в 1877–8 годах, турки стали группами и в одиночку появляться в Абхазии. Под видом мастеровых или торговцев они селились в абхазских сёлах, преимущественно в Гудаутском участке. Почти вся Абхазия была наводнена ими до последнего времени (курсив везде наш. – Н.Б.)»¹. Таким образом, к 1915 году большинство поселившихся в Абхазии турок временно покинуло территорию страны, вернувшись в Османскую империю.

В начале советского периода, когда численность жителей Гудауты ещё была незначительной, уже вырисовываются общие контуры этнодемографической композиции её населения: основные этнические группы, которые будут составлять большую часть населения города на протяжении XX века, уже отчётливо видны в общей структуре. Исключение пока, по описанным выше причинам, составляют сами абхазы. Как видно из нижеследующей таблицы, в межпереписной период 1906–1922 годов этнический состав населения Гудауты подвергся существенным изменениям, вызванным в первую очередь прибытием сюда значительного количества греческих беженцев из Турции, сопровождавшимся параллельным оттоком в Анатолию турецкого населения. В указанный период существенно выросло также русское население городского поселения, в меньшей степени – абхазское и армянское. Началось снижение численности картвельской общины (табл. 2).

1. Журн. «Сотрудник Закавказской миссии». 1915. №9. С. 130.

Табл. 2. Динамика этнического состава населения Гудауты с 1906 года по 1922 год¹.

	1906 год	1922 год	прирост, чел.	прирост, %
всё население	1981	2843	862	43,5
абхазы	107	186	79	73,8
армяне	216	304	88	40,7
греки	143	711	568	397,2
картвельцы	632	612	-20	-3,2
русские	159	720	561	352,8
прочие	724	310	-414	-57,2

После снятия «виновности» в Гудауте появляется абхазское население, однако пока оно крайне немногочисленно. Его удельный вес в общем населении местечка также достаточно низок. В дальнейшем абсолютная численность и доля абхазов в Гудауте будут расти. Как видно, численно преобладающей этнической группой в 1922 году, как и непосредственно до революции, являются русские. Однако вследствие трагических событий в Османской империи, имевших место во время и после окончания Первой мировой войны, в Гудауте, как и в Абхазии в целом, оседает большое количество беженцев из Турции: преимущественно pontийских греков и амшенских армян. Беженцы с территории Анатолии пребывают в Гудауту как в последние годы существования Российской империи, так и в период оккупации Абхазии войсками ГДР. Рост численности греческого и армянского населения, вызванный иммиграцией 1915–1919 годов, несмотря на параллельную депопуляцию турецкой общины, повлиял на снижение удельного

1. Составлено нами по источникам: 1. Кавказский календарь на 1908 год. С. 49 статистического отдела; 2. Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 1... С. 23.

веса славянского и картвельского населения Гудауты. Массовое переселение греков из Турции на Кавказ, в том числе и в Абхазию, продолжилось с установлением в регионе советской власти, после Лозаннской конференции 1922–1923 годов, по итогам которой предусматривался греко-турецкий обмен населением. При этом часть греческого населения Малой Азии переселилась не в Грецию, а на советский Кавказ². В 1905 году в Гудауте по ходатайству местных жителей была открыта первая греческая школа³. В июне 1921 года в Гудауте была открыта греческая библиотека-читальня⁴. С 1934 года началось издание Сухумской районной газеты на греческом языке «Кокинос капнас» (*Красный табаковод*). Выбор названия был мотивирован характером экономической деятельности большей части греческой общины Абхазии. В 1939 году издание газеты было прекращено⁵. В последующем десятилетии, как пишет Х.Л. Кешаниди, в местной прессе практически прекратились упоминания о греках как о постоянных жителях Абхазии⁶. В то же время, несмотря на увеличение греческой общины Гудауты и страны в целом, в первой половине XX века отмечается несколько волн греческой эмиграции, что уже к концу 1920-х годов скажется как на снижении абсолютной численности гудаутских греков, так и на ещё большем сокращении их доли в населении городского поселения. Выезд греков из Абхазии был связан с депатриацией на историческую родину, воссоединением семей, боязнью революции и военных действий, а также с целенаправленным подталкиванием к переселению

1. Акритас П.Г. Греки Кавказа // Народы Кавказа. Т. II. М., 1962. С. 423.

2. Иоаниди Н.Н. Греки в Абхазии. Очерки истории греческого населения Абхазской АССР. Сухуми, 1990. С. 22.

3. Революционные комитеты Абхазии... С. 288.

4. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973. С. 367. А.Р. Аклаев ошибочно указывает, что газета перестала издаваться в 1932 году [Аклаев А.Р. Этноязыковая ситуация и особенности этнического самосознания грузинских греков // Советская этнография. 1988. №5. С. 62].

5. Кешаниди Х.Л. Выселение греков СССР в 1949 году. Афины, 2015. С. 7.

со стороны грузинских властей¹. Картвелы также начинают составлять значительную долю населения Гудауты вследствие большей по сравнению с другими колонистами переселенческой активности выходцев из Западной Грузии, подстёгиваемой действиями грузинского национального движения ещё в XIX веке², а также за счёт активной лазской иммиграции в Абхазию (переписью 1922 года лазы учитывались в составе грузин).

В данных переписи 1922 года приводится разбивка основных этнических групп по месту рождения на уроженцев ССР Грузии (включая Абхазию) и родившихся за её пределами. Так, 75,1% гудаутских русских, 66,1% греков, 56,9% армян, а также 75,0% представителей иных этнических групп родились за пределами ССР Грузии, в то время как подавляющее большинство абхазов и грузин Гудауты закономерно родилось в пределах современной моменту проведения переписи территории ССР Грузии³. Помимо этого, в источнике имеется информация по распределению основных этносов местечка на уроженцев Гудауты и родившихся в иных населённых пунктах совокупно. Аналогичная информация имеется и для столицы Абхазии, что было упущено нами из виду при подготовке монографии, посвящённой этнодемографическим процессам в Сухуме⁴. В дальнейшем, если нам удастся подготовить и опубликовать обобщающий труд, посвящённый анализу этнодемографических процессов в городских населённых пунктах Абхазии в конце XIX – начале XXI веков, эта досадная оплошность будет исправлена. Доля неместных уроженцев среди всего населе-

1. Иоаниди Н.Н. 1949 год (технология преступления). Сухум, 2006. С. 10.

2. Гордадзе Т. Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта. №2. Ирвайн, 2000. С. 58; см. также: Этническая «революция» в Абхазии...

3. Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 2. Население по полу, возрасту, национальностям, месторождению, продолжительности пребывания и семейному состоянию. Тифлис, 1923. С. 14.

4. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 24.

ния Гудауты в 1922 году составляла 73,8%. По представителям отдельных этносов ситуация выглядела следующим образом: доля родившихся за пределами Гудауты у русских составляла – 81,3%, у армян – 72,7%, у греков – 71,9%, у абхазов – 67,7%, у грузин – 61,2%, у представителей прочих этносов – 80,3%¹. Таким образом, подавляющая часть населения Гудауты в 1922 году была представлена неместными уроженцами. В случае с абхазами эта «неместность», однако, была в достаточной степени формальной, поскольку основная их масса родилась в непосредственной близости от городского поселения, в сельской местности Гудаутского уезда.

Представляет интерес и половой состав представителей основных этносов Гудауты по итогам городской переписи 1922 года. Существенная гендерная диспропорция с сильным преобладанием мужчин над женщинами была отмечена только у грузин (56,4% к 43,6% соответственно), что характерно для этнических общин, внутри которых значительную часть составляют временные экономические мигранты. Это предположение получает подтверждение при анализе данных переписи 1926 года, о чём будет сказано ниже. В то же время у общин, возникших в результате политической миграции (беженцев), подобной диспропорции, как правило, не наблюдается. Так, у гудаутских армян соотношение мужчин и женщин было 50,3% к 49,7%, а у греков города наблюдалась обратная диспропорция с сильным преобладанием женского пола – 40,9% к 59,1%. У русских соотношение было 50,3% к 49,7% соответственно².

Если обратиться к этническому составу местных уроженцев и той части пришлого населения Гудауты, которая на момент проведения переписи 1922 года проживала здесь десять и более лет, то можно воссоздать ретроспективную картину этнической структуры населения населённого пункта по состо-

1. Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 2... С. 36.

2. Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 1... С. 23.

янию, предшествовавшему началу Первой мировой войны, в том случае, если бы в данный десятилетний временной промежуток не происходило массовых миграций населения. Общее число жителей Гудауты, представляющих эти две группы населения, составляло 1593 человека, в том числе абхазов – 93 (5,8%) человека, грузин – 427 (26,8%) человек, греков – 414 (26,0%) человек, русских – 368 (23,1%) человек, армян – 148 (9,3%) человек, представителей прочих этносов – 143 (9,0%) человека¹.

Как уже отмечалось, в действительности население Гудауты в 1911 году составляло 3516 человек, а в 1914 году – 5060 человек, причём преобладающим этносом были русские, в то время как полученная на основе данных переписи 1922 года ретроспективная картина показывает иные результаты. Таким образом, большая часть предвоенных жителей (особенно русских и турок) покинула Гудауту вследствие Первой мировой войны, революции, оккупации Абхазии войсками ГДР и аннексии её территории, а какая-то часть и по причине последующей советизации. Их место заняли греческие и армянские беженцы из Турции, новые этнически русские «советские» переселенцы, выходцы из Западной Грузии, а также немногочисленные пока ещё бзыпские абхазы, только начавшие демографическое освоение административного центра своего родного уезда. Можно говорить о том, что в рассматриваемое десятилетие в целом произошло явное замещение населения местечка, вновь перекроившее его этническую структуру: из ставшего к началу Первой мировой войны преимущественно русским поселением Гудаута на заре советской эпохи превратилась в отчётливо полигэтнический населённый пункт без явного доминирования какой-либо этнической компоненты. Однако в дальнейшем славянизация города вновь начнёт набирать обороты.

В материалах первой Всесоюзной переписи населения 1926 года имеется информация как по этническому составу,

1. Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 2... С. 14, 36, 37.

так и по распределению населения по родному языку. К сожалению, данные по этническому составу в разрезе отдельных административно-территориальных единиц и населённых пунктов охватывают только граждан СССР, в то время как аналогичная разбивка по родному языку дана по всему населению Абхазии, включая иностранцев. Поскольку в Абхазии проживали 15012 иностранцев, что составляло 7,5% населения республики, и большинство иностранцев было представлено греками и армянами, а также лазами и турками, определённая часть которых проживала непосредственно в Гудауте, ниже мы будем обращаться в первую очередь к данным о родном языке.

Любопытно, что из общего числа иностранцев, находившихся, по данным переписи 1926 года, в ССР Грузии (22287 человек), 67,4% проживало в ССР Абхазии, 14,7% – в АССР Аджаристана, 11,6% – в Тифлисе и 6,3% – на остальной территории республики¹.

Разбивка граждан иностранных государств, проживавших в Абхазии, по данным переписи 1926 года, доступна по стране подданства и по этническому составу в разрезе республики в целом, а также городских поселений и сельской местности совокупно. К сожалению, при написании монографии «Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.)» этот момент был нами упущен, что, в частности, сказалось на корректности рассуждений относительно отражения лазского этнического присутствия в Абхазии, согласно данным первой Всесоюзной переписи населения. Об этом будет сказано ниже.

Из 15012 иностранных граждан, проживавших в Абхазии, 10522 (70,1%) человека были гражданами Греции, 3762 (25,1%) – Турции, 470 (3,1%) – Германии, 222 (1,5%) – Персии, 13 (0,1%) – Австрии, 6 (0,1%) – Польши, 5 (0,1%) – Великобритании, по 3 (0,1%) – Италии и Литвы, по 1 (0,1%) – гражданами Болгарии; Голландии; Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев;

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. М., 1929. С. 38 раздела ССРГ.

Латвии; Румынии и Швейцарии¹. Обращает на себя внимание и тот факт, что для граждан Греции, проживавших в Абхазии, был характерен несколько более высокий уровень урбанизации (24,2%) в сравнении с гражданами Турции (16,6%), среди которых преобладали армяне, лазы, турки и те же греки. В абсолютных числах эта разница выглядит ещё более наглядно: в городах Абхазии проживали 2544 гражданина Греции и 423 гражданина Турции. Часть из них была представлена жителями Гудауты. Самая высокая доля городского населения (82,0%) среди иностранцев Абхазии² была отмечена у граждан Персии, однако основная их масса была сконцентрирована в столице.

Этнический состав иностранных граждан, проживавших в Абхазии в 1926 году (15012 человек), выглядел следующим образом: 10802 (72,0%) грека, 2323 (15,5%) армянина, 652 (4,3%) османских тюрка, 508 (3,4%) лазов, 478 (3,2%) немцев, 145 (1,0%) персов, 68 (0,5%) тюрок³, 7 (0,1%) поляков, по 4 (0,1%) абхаза и венгра, по 3 (0,1%) итальянца и литовца, 2 (0,1%) англичанина, по 1 (0,1%) албанцу, айсору, болгарину, караиму, мингрелу, латышу, молдаванину, русскому, сербу, украинцу, французу, чеху и представителю прочих этнических групп⁴.

По данным переписи 1926 года, население Гудауты, получившей статус города в том же году⁵, составляло 3601 человек. Абхазский язык признали родным 382 (10,6%) человека, русский и украинский языки совокупно – 1133 (31,5%) чело-

1. Там же.

2. Речь идёт только о группах с численностью более 100 человек.

3. Очевидно, что это преимущественно выходцы из Иранского Азербайджана. Вероятно, часть иностранцев, фигурирующих в материалах переписи как этнические персы (в последующих переписях – иранцы), в действительности была представлена также тюрками. Т. Мартин отмечает: «На самом деле слово “иранский” не было этническим термином: “иранцы” включали персов, азербайджанцев и курдов иранского происхождения (даже если они были советскими гражданами), что опять-таки служило указанием на ключевую роль трансграничных этнических связей» [Мартин Т. Указ. соч. С. 455].

4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 39 раздела ССРГ.

5. Кварчия В.Е. Топонимика Абхазии... С. 215.

века (в том числе русский – 1077 человек, украинский – 56 человек), картвельские языки – 770 (21,4%) человек (в том числе грузинский – 472 человека, мингрельский – 295 человек, иные картвельские языки – 3 человека), греческий язык – 691 (19,2%) человек, армянский язык – 296 (8,2%) человек, турецко-османский язык – 145 (4,0%) человек, прочие языки – 184 (5,1%) человека¹ (рис. 3).

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 103 раздела ССРГ. В ходе подготовки к переписи 1926 года грузинское руководство оказывало сопротивление выделению мингрелов, сванов, лазов, аджарцев и бацбийцев в качестве отдельно фиксируемых групп. Американский исследователь Ф. Хёрш отмечает: «Классификация народов Закавказья была самым спорным вопросом в дискуссиях по официальному списку национальностей. Грузинские представители из Закавказского правительства и Закавказского отделения ЦСУ жаловались, что некоторые народы, фигурировавшие в списке в качестве отдельных национальностей (мингрелы, сваны, бацбийцы, лазы и аджарцы), в действительности являлись религиозными или этническими группами грузин. Они ругали центральные власти и экспертов за попытку “разделить грузинскую нацию”, указывая, что “неправильное деление” грузин напоминает царскую колониальную политику, стремившуюся разделять и властвовать. Грузинские представители подчёркивали, что аджарцы являются грузинами, которые когда-то стали мусульманами, и утверждали, что советский режим создал Аджарскую АССР с очевидной целью стимулировать аджарский сепаратизм. Они утверждали, что “мингрел” и “сван” – это локальные названия грузин из разных регионов. Национально-политическая подоплётка придала этим дискуссиям высокий эмоциональный накал: бывшие партийные лидеры обвиняли грузин в том, что те преследуют цель “физической ликвидации национальных меньшинств” в своей республике. Как выяснилось, более половины людей, которых этнографы считали мингрелами, записались во время переписи (1926 года. – Н.Б.) грузинами. Этнографы были озадачены тем, являются ли результаты переписи продуктом махинаций закавказских переписчиков или же отражением действительной самоидентификации людей. Грузинские представители стояли на том, что ещё большее количество мингрелов записалось бы грузинами, если бы переписчики не вмешивались и не настаивали на том, что те являются мингрелами. Но присутствовавшие этнографы и статистики не были в этом уверены: один из специалистов спросил своих коллег, могут ли они “со спокойным сердцем” взять на себя ответственность за включение малочисленных национальностей Закавказья в состав грузин» [Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. N.Y., 2005. Pp. 132, 133].

Рис. 3. Удельный вес носителей основных языков в населении Гудауты (1926 г.).

Как видно, за четырёхлетний межпереписной период 1922–1926 годов в этнодемографической структуре населения Гудауты наметились серьёзные подвижки. Численность населения города выросла на 26,6% с 2843 до 3601 человека. Обозначившаяся в 1920-е годы тенденция роста численности абхазов и их доли в населении города будет доминирующей всё последующее время. Помимо этого, в раннесоветский период вновь наметился рост численности и удельного веса славянского населения¹, что в целом является характерной особенностью городских поселений Западной Абхазии. Рост численности и доли славянского населения Гудауты будет продолжаться ещё несколько десятилетий, достигнув своего апогея предположительно к концу 1940-х – началу 1950-х годов². Обратный процесс был характерен для греческой общины Гудауты, сократившей как свою абсолютную численность, так и в ещё большей степени удельный вес в населении города. Причины этой отрицательной динамики были описаны выше.

1. Здесь стоить сделать поправку на то, что русский язык в ходе проведения переписи 1926 года, по всей вероятности, признала родным и часть представителей неславянских этносов.

2. Предположительно, поскольку следующие после 1939 года официальные статистические данные об этническом составе населения Гудауты доступны лишь по материалам переписи 1970 года.

Численность гудаутских армян в рассматриваемый период неизначительно сократилась, несколько уменьшилась и их доля в населении города. Как видно, 4% жителей Гудауты указали в качестве родного языка турецкий. Этот факт наталкивает на мысль, что данная группа жителей Гудауты могла быть представлена в значительной степени этническими лазами, к тому же де-факто лазоязычными, тогда как, согласно данным переписи 1926 года, максимум у 3 жителей Гудауты лазский язык отмечен в качестве родного (в случае, если среди этих троих не было носителей сванского). На анализе данного вопроса подробнее остановимся ниже. В рассматриваемый отрезок времени в Гудауте отмечается стагнация удельного веса грузинского населения (табл. 3).

Табл. 3. Динамика этнического состава населения Гудауты по данным переписей населения 1922 и 1926 годов¹.

	1922 год	1926 год	прирост, чел.	прирост, %
всё население	2843	3601	758	26,7
абхазы	186	382	196	105,4
армяне	304	296	-8	-2,6
греки	711	691	-20	-2,8
картвельцы	612	770	158	25,8
русские	720	1077	357	49,6
прочие	310	385	75	24,2

Для носителей картвельских языков, в отличие от представителей большинства других основных языковых групп Гудауты

1. Составлено нами по источникам: 1. Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 1... С. 23; 2. Всеобщая перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ. Примечание: итоги 1926 года представлены по данным о родном языке.

ты, по-прежнему, как и в 1922 году, характерна диспропорция гендерного состава населения, проявляющаяся в преобладании мужчин над женщинами, что, как уже отмечалось, является типичной ситуацией в общинах со значительной долей экономических мигрантов. Неудивительно, что ещё большая гендерная диспропорция была отмечена у носителей турецко-османского языка, большинство которых, как мы предполагаем, было представлено этническими лазами¹ (табл. 4). В. Фойерштайн отмечает: «Лазские поселенцы в Абхазии состояли преимущественно из мужчин молодого и среднего возраста. Людей преклонного возраста было мало. Женщины и дети по сравнению с Лазистаном также представлены недостаточно. Наряду с небольшой группой политических беженцев значительную часть лазов, вероятно, составляли рабочие-мигранты, за которыми ещё не последовали их семьи... То же самое преимущественно касается и турок»².

Табл. 4. Соотношение мужчин и женщин у носителей основных языков Гудауты (1926 год).

	оба пола	муж., %	жен., %
всё население	3601	50,3	49,7
абхазский язык	382	47,1	52,9
армянский язык	296	50,0	50,0
греческий язык	691	49,6	50,4
картвельские языки	770	54,4	45,6
русский и украинский языки	1133	46,3	53,7
турецко-османский язык	145	74,5	25,5
прочие языки	184	48,4	51,6

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 103 раздела ССРГ.

2. Фойерштайн В. Указ. соч. С. 456.

Первую Всесоюзную перепись 1926 года принято считать одной из самых достоверных в плане отображения этноязыкового состава населения страны. В 1926 году только 0,5% абхазов Гудауты указали в качестве родного языка иной язык¹, в то время как в Сухуме этот показатель составлял 8,8%². В дальнейшем, особенно после Великой Отечественной войны, с увеличением численности абхазского населения в городе процент абхазов с русским языком в качестве родного будет постоянно увеличиваться. Однако в переписях позднесоветского периода, вероятно, увеличивается доля психологически мотивированных ответов на вопрос о родном языке, не соответствующих реальному языковому состоянию переписываемых.

Несмотря на получение городского статуса в 1926 году, горсовет в Гудауте, как и в других уездных городах Абхазии, был образован решением Президиума ЦИК ССР Абхазии только 2 февраля 1929 года³. Фактическое отсутствие самостоятельных органов управления в городе в первые 3 года его существования было вызвано недостаточной долей пролетариата в населении, что, по мнению Президиума ЦИК ССР Грузии, не позволяло организовать в Гудауте горсовет. Альтернативным решением тогда виделось временное создание в уездных городах Абхазии сельсоветов⁴. В первом составе Гудаутского горсовета было 77 депутатов, в том числе 13 (16,9%) абхазов, 26 (33,8%) русских, 16 (20,8%) грузин, 11 (14,3%) греков, 6 (7,8%) армян, 2 (2,6%) тюрка, 1 (1,3%) немец и 2 (2,6%) представителя прочих этносов⁵.

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 103 раздела ССРГ.

2. Там же. С. 101 раздела ССРГ.

3. Сагария Б.Е. Советское строительство в Абхазии (1928–1930 гг.) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Вып. XV. Тбилиси, 1989. С. 4, 5.

4. Там же. С. 4.

5. Там же. С. 16, 17.

По итогам текущего учёта населения 1932 года, население Гудауты составляло уже 5108 человек. Этнический состав выглядел следующим образом: абхазы – 925 (18,1%) человек, русские и украинцы совокупно – 2098 (41,1%) человек (в том числе русские – 2021 человек, украинцы – 77 человек), греки – 853 (16,7%) человека, грузины¹ – 552 (10,8%) человека, армяне – 429 (8,4%) человек, турки – 21 (0,4%) человек, прочие – 230 (4,5%) человек² (рис. 4).

Рис. 4. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гудауты (1932 г.).

Период между первой Всесоюзной переписью населения, проведённой 17 декабря 1926 года, и текущим учётом населения 1932 года, данные которого были представлены по состоянию на 1 января, фактически составил пять лет. Численность населения Гудауты выросла на 41,8% с 3601 до 5108 человек. Этот непродолжительный период, тем не менее, отчётливо зафиксировал зарождение двух тенденций, определивших вектор этнодемографического развития Гудауты на все последующие десятилетия. И если бы не последовавшая со второй

1. Мингрелы и сваны были посчитаны в составе грузин, хотя пометка карандашом, сделанная на оригинале архивного документа, вероятно, для дальнейшей работы, гласит: «выделить из «грузин»: а) мегрелов, б) сванов».

2. Главный архив Национальной АН Грузии. Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.

половины 1930-х годов политика всесторонней грузинизации Абхазии, имевшая в своём арсенале и демографический компонент, то эти тенденции проявились бы в дальнейшем ещё более отчётливо.

Суть *первой тенденции* сводится к началу активной урбанизации бзыпских абхазов, центром которой закономерно стала Гудаута. Этот процесс во всей его полноте раскроется лишь в последние десятилетия советской эпохи, когда падут административные барьеры, до того сковывавшие пространственную мобильность абхазского сельского населения. К этим барьерам относятся как политика грузинских властей сталинско-бериевского периода, ограничивавшая возможности урбанизации абхазского населения, так и общесоюзная политика по ограничению свободы выбора места жительства у колхозного крестьянства, прекратившаяся только к середине 1970-х годов в связи с началом всеобщей паспортизации. Полномасштабное превращение Гудауты в этнически абхазский город начнётся в последние десятилетия советской власти, чему будет способствовать в первую очередь её географическое положение: окружённый мощным массивом абхазских сёл, административный центр Бзыпской Абхазии станет ядром урбанизации западных абхазов.

Вторая тенденция заключается в депопуляции картвельского населения Гудауты в период 1926–1932 годов, последовавшей за стагнациейдельного веса грузин в предыдущий межпереписной период 1922–1926 годов. Последняя тенденция резко вычленяет Гудауту из числа остальных городов Абхазии, поскольку в каждом из них в течение почти всего советского периода отмечался перманентный рост численности и доли грузинского населения¹. Эта «эндемичная» гудаутская

1. За исключением Гагры, в которой в силу её курортного характера и географического положения в раннесоветский период также отмечалось снижениедельного веса грузинского населения при резком росте славянской этнической компоненты. Однако с наступлением сталинско-бериевского периода эта тенденция была остановлена и, в отличие от Гудауты, уже не возобновлялась

тенденция была временно прервана лишь вследствие ассимиляционной политики грузинского руководства сталинско-бериевского периода применительно к Абхазии. Как известно, неотъемлемой составной частью этой политики был аспект демографической колонизации Абхазии выходцами из Западной Грузии. Однако впоследствии, начиная с 1970-х годов, тенденция демографической дегрузинизации Гудауты проявилась вновь.

Объяснение обозначившихся в указанный период времени тенденций видится нам в особенностях экономико-географического положения города. Во-первых, являясь не только административным центром Гудаутского уезда (а позже – района), но и географическим центром ареала компактного расселения бзыпских абхазов, Гудаута смогла взять на себя роль безусловного лидера в ходе урбанизации этой абхазской этнографической группы в советский период. В случае же с абжуйцами роль урбанизационного центра распределили между собой Ткуарчал, Сухум и в гораздо меньшей степени сам административный центр Абжуйской Абхазии – Очамчыра, – вектор этнодемографического развития которого в советское время определялся мингрельской этнической доминантой¹. После окончания грузино-абхазской войны 1992–1993 годов экономико-географическое положение этого периферийного и достаточно сильно разрушенного города стало ещё менее привлекательным для сельского населения Абжуйской Абхазии², поэтому освобождение более половины жилищного фонда после вынужденной эмиграции картвельского населения Очамчыры в конце 1993 года не только не привело к замещающей миграции населения из абжуйских сёл в райцентр, но город потерял и значительную часть абхазского насе-

вплоть до октября 1992 года.

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 37–41.

2. Ямков А.Н. Социально-экономическая ситуация в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006. С. 83, 84.

ния, устремившегося в период войны на запад Абхазии и не вернувшегося обратно после полной деоккупации Восточной Абхазии. Во-вторых, уровень демографической грузинизации Бзыпской Абхазии в целом в течение всего XX столетия был гораздо ниже аналогичного показателя в других частях Абхазии, что, действуя в связке с первым фактором, накладывало отпечаток на ограничение возможностей по демографической грузинизации Гудауты. В-третьих, будучи периферийным райцентром в сравнении со столичным Сухумом или отчётиливо курортной Гагрой, расположенной вблизи границы с РСФСР, Гудаута не являлась самым привлекательным городом для грузинских мигрантов. Периферийность же городов Восточной Абхазии в рассматриваемом ключе компенсировалась их географической близостью к Грузии и уже имевшейся в двух из них картвельской этнической доминантой. Таким образом, поэтапное превращение Гудауты в этнически абхазский город при наличии двух волн депопуляции грузинского населения, разграниченных вклинившимся между ними непродолжительным периодом увеличения численности и доли картвелов в сталинско-бериевское время, было предопределено совокупным действием трёх описанных выше факторов.

В период между переписью 1926 года и учётом населения 1932 года у всех основных этносов Гудауты, кроме грузин и турок, был отмечен прирост населения. Численность абхазского населения выросла с 382 до 925 человек или на 142,1%, при этом абхазы обеспечили 36,0% от общего прироста населения города. Существенный рост численности был отмечен также у русского и украинского населения города, совокупная численность которого выросла с 1133 до 2098 человек или на 85,2%. Доля русских и украинцев в общем приросте населения Гудауты в рассматриваемый период составила 64,0%. Некоторый рост численности был отмечен и у греческой общины города, поскольку фаза активной греческой эмиграции из Абхазии, наблюдавшаяся в 1920-е годы, закончилась. Продолжает расти и армянское население Гудауты (табл. 5).

Табл. 5. Динамика этнического состава населения Гудауты по данным переписи 1926 года¹ и учёта населения 1932 года².

	1926 г.	1932 г.	прирост, чел.	прирост, %
всё население	3601	5108	1507	41,8
абхазы	382	925	543	142,1
армяне	296	429	133	44,9
греки	691	853	162	23,4
грузины	770	552	-218	-28,3
русские и украинцы	1133	2098	965	85,2
турки	145	21	-124	-85,5
прочие	184	230	46	25,0

В первые десятилетия XX века в Абхазии формируется довольно многочисленная лазская община³, при этом значительная часть лазов укореняется непосредственно в Гудауте, подтверждением чему служит факт функционирования в городе в 1930-е годы начальной школы с лазским языком обучения⁴. О наличии лазской общины в Гудауте сообщает и А.С. Чикобава⁵. Согласно сведениям, приводимым И.Т. Циташи в письме генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г.М. Димитрову, появление лазских двухлетних школ в Абхазии относится к

1. По данным о родном языке.

2. Составлено нами по источникам: 1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ; 2. Главный архив Национальной АН Грузии. Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.

3. По данным на 1916 год, в Сухумском округе уже имелось 956 картвелов-мусульман. Очевидно, это были преимущественно лазы [Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916. С. 206 статистического отдела].

4. Tchirikba V. La situation ethno-demographique en Abkhazie // L'Ossétie et d'Aulentour, Publié par l'Association Ossète en France. 2005. №17. Р. 41.

5. Чикобава А.С. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами // Труды. Т. III. Тбилиси, 2008. С. 214.

началу 1930-х годов, тогда как до этого лазские дети обучались в школах с турецким языком преподавания¹. Как видно из предыдущей таблицы, в 1926 году в Гудауте проживали 145 человек, указавших в качестве родного языка турецкий, а к 1932 году число этнических турок сократилось до 21 человека. По всей вероятности, среди гудаутцев, родным языком которых в 1926 году был отмечен турецкий, имелось немало этнических лазов, при этом по факту ещё и лазоязычных. А в ходе учёта 1932 года они могли быть записаны грузинами, поскольку уже с переписи 1926 года лазы были включены в качестве субэтноса в графу «грузины». В целом достоверность учёта этнически лазского и лазоязычного населения в Абхазии в раннесоветскую эпоху вызывает большие сомнения. По данным, приводимым Н.Ф. Бугаем, общая численность лазов в республике до депортации составляла порядка 5000 человек и около 4500 покинули Абхазию в течение 1920-х годов, вернувшись в Турцию². Здесь автор оперирует явно завышенными данными, изложенными И.Т. Циташи в письме к Сталину, согласно которым на момент советизации в стране проживало порядка 10000 лазов³. При этом сам И.Т. Циташи в статье «Лазский язык», опубликованной в 1932 году в шестом томе Литературной энциклопедии, указывает, что численность лазов в Абхазии не превышает 2000 человек⁴. Аналогичные данные приводит С.Я. Чанба в докладе, озвученном в 1930 году в Совете Национальностей ВС СССР⁵. В 1930 году правительство Абхазии выделило землю для лазов: в Бзыпском ущелье и в местности Скурча Очамчырского района, где началось созда-

1. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2: Документы и статистика / Сост. Марк Юнге, Бернд Бонвич. М., 2015. С. 79, 80.

2. Бугай Н.Ф. Лазы – известные и неизвестные // Кавказские научные записки. 2011. №3 (8). С. 50.

3. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2... С. 57.

4. Циташи И. Лазский язык // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 6. М., 1932. С. 31.

5. Центральный архив Новейшей истории Грузии. Ф. 284. Оп. 1. Д. 640.

ние колхоза «Красный Лазистан»¹. По инициативе И.Т. Циташвили в Бзыпском ущелье планировалось организовать лазский национальный сельсовет². В Сухуме с 1929 года по 1938 год издавалась первая в мире лазская газета «Мчита муруцхи» (Красная звезда), являвшаяся органом Абхазского обкома КП(б) Грузии и Абхазского ЦИКа. Спустя непродолжительное время после начала издания газеты, в 1930 году, она была официально запрещена на территории Турции³. Этот факт говорит о том, что «Мчита муруцхи» доставлялась в Лазистан и читалась, по всей видимости, немногочисленной группой представителей лазской интеллигенции.

Данные переписи 1926 года не предоставляют полноценных сведений о лазском населении страны. В монографии, посвящённой изучению этнодемографических процессов в Сухуме, мы проводим анализ данных о лазском населении Абхазии, согласно итогам переписи 1926 года⁴. Однако, как уже отмечалось выше, этот анализ не может считаться полноценным, поскольку нами были упущены из виду данные об этническом составе иностранных граждан, проживавших на момент проведения переписи в республике. Ниже попытаемся проанализировать обозначенную проблему с учётом этой информации. Итак, всего в Абхазии в 1926 году проживали 42 лаза, имевших советское гражданство⁵. Из них 40,5% указали в качестве родного языка лазский, 47,6% – турецко-османский, 9,5% – абхазский и 2,4% – иные языки⁶. Помимо этого, 508 лазов, живших в Абхазии, являлись иностранными гражданами⁷. Таким образом, общее число этнических лазов в ССР Абхазии,

1. Бугай Н.Ф. Там же.

2. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2... С. 63.

3. Kavaklı N. Novus Ortus: The Awaking of Laz Language in Turkey // Idil Journal of Art and Language. 2015. №4. Р. 137.

4. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 26, 27.

5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 22 раздела ССРГ.

6. Там же. С. 32, 33.

7. Там же. С. 39.

по данным переписи 1926 года, составляло 550 человек. Данные о распределении жителей Абхазии (включая иностранцев, к которым относилось большинство лазов) по родному языку также не вносят ясности. Так, в Сухуме вообще не было зафиксировано людей, указавших лазский в качестве родного языка. Наибольшее число носителей лазского языка – 305 человек – было отмечено в сельской местности Сухумского уезда. Основная их масса (298 человек) проживала в Андреевском сельсовете, составляя 21,2% населения указанной административно-территориальной единицы¹. При этом в Сухумском уезде не имелось сколько-нибудь значительного количества лиц с турецким родным языком, а суммарная численность лиц, указавших турецкий в качестве родного языка в Гудаутском, Кодорском и Гагринском уездах, составляла 1282 человека. Учитывая, что в указанных уездах проживали 877 этнических турок, имевших советское гражданство, всего около 400 иностранцев указало турецкий язык в качестве родного. Среди последних могли быть как этнические турки, так и лазы и представители других этнических групп². В Гудауте же, о чём уже упоминалось, проживали лишь 3 человека с лазским языком в качестве родного (если допустить, что среди них не было носителей сванского).

По данным переписи 1939 года, в Абхазии было зафиксировано 1524 турка, из которых 113 человек проживали непосредственно в Гудауте, что превышает число турок в Сухуме (96 человек). Ещё 113 турок было отмечено в сельской местности Гудаутского района³. Напомним, что в 1926 году в Гудауте имелось 145 человек с родным языком турецким, а к 1932 году число этнических турок в городе составляло 21 человек, вновь резко увеличившись к 1939 году до 113 человек.

Такие статистические зигзаги, как нам видится, могут быть объяснены царившей неразберихой в вопросе фиксации эт-

1. Там же. С. 101.

2. Там же. С. 100, 101.

3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.

нической принадлежности лазов, одна часть которых записывалась грузинами, другая – турками, что могло быть мотивировано и гражданской принадлежностью переписываемых, а третья, меньшая по численности часть лазов уже тогда могла быть записана абхазами¹. В частности, репрессированный в ходе Большого террора лазский «культурный автономист» Акиф Тант-оглы фигурировал в протоколе заседания тройки как абхаз². Данная интерпретация видится нам логичной в свете того, что в Гудауте функционировала лазская начальная школа.

Определённую ясность в особенности географической локализации сельского лазского населения Абхазии помогает внести сопоставление поселенных итогов переписей 1923 и 1926 годов с данными, приводимыми в письме И.Т. Цитаси на имя Сталина³ и справке Института языка и мышления имени Н.Я. Марра АН СССР об исторических и языковых корнях лазов⁴. Согласно упомянутым письму и справке, компактное лазское население в 1930-х годах имелось в пределах Эшерского и Андреевского сельсоветов Сухумского района, а также в селе Абгархук Гудаутского района. Любопытно, что, согласно итогам текущего учёта населения, в 1934 году в Абхазии было зафиксировано 1593 турка, из которых 1384 проживали в Сухумском районе⁵. Очевидно, что на самом деле это были преимущественно этнические лазы. Наличие значительной доли лиц

1. Авторы немецкого исследования Большого террора в Грузинской ССР отмечают: «В ходе “национальных” операций по турецкой линии были репрессированы многочисленные лица, которых следует рассматривать как лазов. В ходе статистической выборки из 18 человек (из общего количества 178) шестеро, то есть треть, оказались лазами. Если проецировать это соотношение, то получится, что из 178 репрессированных как турки 59 были лазами...» [Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2... С. 519].

2. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. Марк Юнге, Бернд Бонвич. М., 2015. С. 242.

3. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2... С. 57, 58.

4. Там же. С. 97.

5. Главный архив Национальной АН Грузии. Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.

с родным лазским языком в Андреевском сельсовете¹ напрямую подтверждается данными переписи 1926 года, о чём упоминалось выше. Основная их масса проживала в населённом пункте Цара-Шбаара², где лазы составляли большинство населения. По итогам сельскохозяйственной переписи 1923 года, численность жителей данного поселения составляла 362 человека. Поскольку организация переписи осуществлялась непосредственно из Тифлиса, лазы, как и прочие картвелоязычные этнические группы, были включены в графу «грузины», которых в Цара-Шбааре насчитывалось 227 (62,7%) человек. Также в населённом пункте проживали 120 (33,1%) представителей греческой общины и 15 (4,1%) жителей прочих национальностей³. По данным переписи 1926 года, в поселении Цара-Шбаара проживали 455 жителей, в том числе 112 (24,6%) греков и 9 (2,0%) грузин с советским гражданством, а также 334 (73,4%) прочих жителя. В состав последних включались все иностранцы, к которым и относилось большинство лазов⁴. О проживании здесь лазов в первой половине XX века пишет В.Е. Кварчия⁵. В вышеупомянутой справке Института языка и мышления со ссылкой на работу А.С. Чикобава «Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами» говорится о том, что в середине 1930-х годов в Цара-Шбааре имелось 45 лазских домохозяйств⁶. Эшерские лазы проживали в 54 домохозяйствах в посёлках Чалтлук, Парчанда, Шицкуара и Хуарюта⁷. В первом из них лазское население было наиболее многочисленно, а последний являлся самым этнически гомогенным. По

1. Историческое и современное официальное название села – Апра. В период с 1944 года по 1996 год называлось Ахалшени [Кварчия В.Е. Указ. соч. С. 137].

2. В отдельных источниках указывается искажённое название Цхара-Шубара.

3. Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года... С. 194, 195.

4. Административно-территориальное деление ССР Грузии. Тифлис, 1930. С. 165.

5. Кварчия В.Е. Указ. соч. С. 142.

6. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2... С. 97.

7. Там же.

итогам переписи 1926 года, ни один житель Эшерского сельсовета не указал лазский язык в качестве родного, что, очевидно, не соответствовало действительности. В то же время 594 жителя Эшерского сельсовета указали в качестве родных языки, не входившие в основной перечень по Сухумскому уезду, в том числе и турецкий¹. По сведениям И.Т. Циташи, в 1920-х годах в Абгархуке проживали 38 лазских семей². Тенденцию указания абхазскими лазами турецкого языка в качестве родного подтверждают и данные переписи 1926 года по Абгархукскому сельсовету Гудаутского уезда, согласно которым ни один житель селения не указал лазский язык своим родным, тогда как 117 человек (или 5,4% населения Абгархука) указали в качестве такового турецкий язык. При этом к этническим туркам отнесли себя лишь 38 абгархукцев³.

Часть лазов, проживавших в Абхазии, была вовлечена в рыболовный промысел. И.Т. Циташи предлагал преодолеть дисперсность лазских рыболовецких групп, разделённых «на мелкие и смешанные бригады» от Очамчыры до Гагры, путём концентрации их в этнически однородном рыболовецком колхозе в районе Гудауты⁴.

Лазская община Абхазии, в отличие от прочих картвелоязычных групп, ещё в постреволюционный и раннесоветский периоды была ориентирована в большей степени на солидаризацию с абхазским, а не с грузинским партийным руководством, что, по всей видимости, впоследствии отразилось и на масштабах репрессий в отношении лазов.

В период оккупации Абхазии войсками ГДР в составе абхазской революционно-освободительной военизированной организации «Киараз», действовавшей преимущественно в Гу-

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 100, 101 раздела ССРГ.

2. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2... С. 58.

3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ.

4. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2... С. 59, 63, 65.

даутском уезде, имелся отряд, состоящий из этнических лазов. Г.А. Дзидзария сообщает, что «так называемый “Лазский отряд” Ризы Бибин-оглы и Хелима Хазыр-оглы всё время оперировал в горных сёлах в северо-западной части Абхазии (Хуап, Отхара, Хабю, Шубара), совершая оттуда смелые набеги на меньшевистские коммуникации, воинские части и т.д.»¹. Тот же автор в другой работе пишет, что отряд состоял преимущественно из приехавших «на заработки лазских сельскохозяйственных рабочих-табаководов и рыбаков... Они перебрасывали боеприпасы для отрядов “Киараза” на лодках, выгружая их в сёлах Мгудзырхва и Бамбора. Действуя как особая боевая единица “Киараза”, этот отряд на всём протяжении борьбы за Советскую власть в Абхазии был “одним из преданных”, показывал пример бесстрашения в боевых операциях»². Помимо руководителей, постоянными членами отряда являлись Хасан Коф-оглы, Хусейн Чемрис-оглы и Букрей Хелим-оглы³. Р. Бибин-оглы был убит в грузинской тюрьме в 1920 году⁴, а Х. Хазыр-оглы расстреляли в 1937 году в ходе Большого террора.

Немецкие авторы, исследовавшие Большой террор в Грузинской ССР, отмечают: «Очевидно, власти Абхазии – так же, как и в случае с наделением лазов землей – поддерживали издание газеты (на лазском языке. – Н.Б.) против воли Тбилиси, пытаясь таким образом найти союзников в деле борьбы за сохранение собственной автономии. И, действительно, в протоколах заседания тройки есть указания на то, что лазские и турецкие активисты кооперировались с абхазским руководством во главе с Нестором Лакобой»⁵. Ниже читаем: «...лазы расценивались (руководством и репрессивными органами Грузии. – Н.Б.) как союзники Нестора Лакобы, который

1. Дзидзария Г.А. Очерки истории борьбы за Советскую власть в Абхазии: 1917–1918 гг. Сухуми, 1958. С. 200.

2. Дзидзария Г.А. Киараз. Сухуми, 1981. С. 26, 27.

3. Шамба Е.К. Потоков рождение. Сухуми, 1966. С. 76, 77.

4. Борцы за Советскую власть в Абхазии. Сухуми, 1965. С. 69.

5. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1... С. 232.

стремился заручиться их поддержкой в борьбе против вынуждения абхазской автономии»¹. И далее: «Отягчающим обстоятельством в глазах Тбилиси стало то, что лазы действовали заодно с абхазами, или по меньшей мере стремились к этому. Партийные и государственные органы Абхазской АССР, в которых доминировали абхазы (речь идёт о периоде 1921–1936 годов. – Н.Б.), пытались осуществлять собственную политику в сфере миграций и культуры, оказывая всяческую поддержку лазам... Абхазской элите удалось добиться в Москве и Тбилиси выделения денег и помещений для издания лазской газеты, финансовой поддержки для подготовки и публикации школьных учебников на лазском, а также выделения в Абхазии участка побережья для создания лазского колхоза»². Цитированный выше В. Фойерштайн – один из соавторов немецкого исследования сталинских репрессий – указывает: «Искандер Циташи необычайно резким образом критиковал грузинский национализм, вновь и вновь обращая внимание на положение лазов. Эта активность человека, не принадлежавшего к лазскому этносу³, и его предполагаемая близость к отравленному в декабре 1936 г. абхазскому партийному руководителю Нестору Лакобе обосновывали более сильное репрессирование малочисленных лазов примерно с весны 1938 г.»⁴.

Заслуживающим внимания представляется также факт концентрации турок, среди которых значительное количество в действительности составляли этнические лазы, именно в этнически абхазских регионах страны в конце 1930-х годов. Так, по данным переписи 1939 года, 47,6% турок Абхазии проживало в Очамчырском районе, 15,8% – в Гудаутском районе и 36,6% – на остальной территории республики. Причём значительная часть последних была сконцентрирована в пределах села

1. Там же. С. 243.

2. Там же. С. 334.

3. Мнение автора. Об анализе этнического происхождения И.Т. Циташи см. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1... С. 234, 235.

4. Фойерштайн В. Указ. соч. С. 458.

Эшера – единственного на тот момент села Центральной Абхазии с многочисленным компактным абхазским населением.

В 1949 году большинство лазов по приказу Берия было выселено из Абхазии вместе с греками, турками и представителями ряда других этнических групп. В. Фойерштайн отмечает: «“Консолидация Грузии” происходила в годы после Большого террора в форме насилиственных действий даже по отношению к “представителям грузинской нации”, людям “грузинской крови”, как грузинская сторона имеет обыкновение называть лазов. Эта тема – табу на протяжении десятилетий. И по сей день в Грузии не вышло ни одной статьи о депортации лазов»¹. На совещании секретарей райкомов и председателей избирательных комиссий Грузии по вопросу о выборах в Верховный Совет СССР, состоявшемся 28 октября 1937 года, представитель Батумского района, описывая сложности, возникающие при проведении агитационной работы, указывал на отсутствие соответствующей литературы на языках хемшинов, курдов и лазов. На это замечание Берия ответил, что такая литература имеется на грузинском языке. Когда представитель Батумского района заметил, что грузинского языка они не понимают, Берия с иронией добавил, что лазы говорят не на немецком языке, очевидно, подразумевая, что лазы, будучи институционально инкорпорированными в состав грузинской этноации, должны владеть грузинским языком².

К концу 1950-х годов часть лазов вернулась в Абхазию из мест депортации, другие же преимущественно эмигрировали на историческую родину. У вернувшихся в Абхазию из мест спецпоселения лазов и в последующий период проявилась отчётливая тенденция к культурной и, как следствие, политической солидаризации не с прочими картвельскими группами, а с абхазским населением. Этот процесс затронул и те локальные территориальные общины, где лазы проживали совместно как с абхазами, так и с наиболее близкими им в языковом отноше-

1. Там же. С. 461.

2. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2... С. 118.

нии мингрелами. Особенно отчётливо культурно-политическая ориентация немногочисленного лазского населения Абхазии проявилась в период Отечественной войны 1992–1993 годов.

В настоящее время в Абхазии проживает определённое количество людей, имеющих лазские корни. Основная их масса, живя в абхазском этническом окружении и вступая в браки преимущественно с абхазами, давно восприняла абхазский язык, а впоследствии и другие компоненты абхазской этнической идентичности (вплоть до активного перехода в православие, ставшего в постсоветской Абхазии доминирующей религией), сохранив при этом в большинстве случаев характерные фамильные имена. Таким образом, современные лазы Абхазии по своим культурно-бытовым и языковым характеристикам практически неотличимы от абхазов. Определённое исключение составляют отдельные представители старшего поколения, имеющие чисто лазское происхождение, владеющие лазским языком и отчётливо идентифицирующие себя как лазов. Этот процесс в какой-то степени затронул и этнических турок.

По данным списков избирателей 2014 года, 128 совершеннолетних граждан Абхазии учтены как этнические лазы. Из них 42 человека зарегистрированы в Сухуме, 38 – в Очамчырском районе (в том числе 8 – в Очамчыре, 15 – в Маркуле, 5 – в Мокве, 5 – в Тамыше, 2 – в Араду, по 1 в Атаре-Абхазской, Баслаху и Джгерде), 23 – в Сухумском районе (в том числе 12 – в Верхней Эшере, 6 – в Нижней Эшере, 4 – в Гумисте и 1 – в Дзыгуте), 17 – в Гудаутском районе (в том числе 3 – в Гудауте, 4 – в Новом Афоне, 8 – в Псырдзхе, по 1 – в Аацы и Лыхны) и 8 – в Ткуарчале¹. Даже оперируя этими заниженными под влиянием ассимиляции данными², можно заметить, что география расселения лазского населения страны после возвращения из депортации не претерпела серьёзных изменений, за исключе-

1. Списки избирателей предоставлены ЦИК РА.

2. Во многих случаях не только однофамильцы, но даже отцы и дети, родные братья и сёстры фигурируют как представители разных национальностей: кто-то записан лазом, кто-то – абхазом.

чением общего для послевоенной Абхазии тренда миграции в столицу и её окрестности.

Таким образом, порядка 150–200 жителей Абхазии в документах числятся лазами, однако этот факт не отражён в официальных итогах переписи населения 2011 года, согласно которым в стране проживают 46500 представителей картвельских этнических групп, включая самоопределившихся как грузины, мингрелы, сваны и аджарцы. Жители страны, самоопределившиеся в ходе переписи как лазы, по всей вероятности, включены в графу «другие национальности», общая численность представителей которых – 136 человек¹.

Конец 1930-х годов в истории Сухума является завершением первого этапа этнодемографического развития города и перехода на этап последующей грузинизации, однако в этнодемографической истории Гудауты первый этап продолжался вплоть до конца 1970-х годов, а демографическая грузинизация города, имевшая место в сталинско-бериевский период, в целом была выражена достаточно слабо и к середине 1950-х годов была повёрнута вспять, что, на наш взгляд, не позволяет выделить её в качестве самостоятельного этапа. Поэтому этнодемографические трансформации сталинско-бериевского времени в Гудауте будут рассмотрены нами в качестве отдельного эпизода внутри этапа формирования полиэтничной структуры населения города.

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 года, население Гудауты составляло уже 7056 человек, увеличившись за семилетний период с момента проведения учёта населения 1932 года более чем на третью. Численность абхазов в 1939 году составила 1093 человека, при этом их доля в населении города упала до 15,5%. Доля русского населения в Гудауте составила 37,2% или 2622 человека. Численность украинцев была 217 (3,1%) человек, белорусов – 17 (0,2%) человек. Таким образом, суммарная численность представителей восточ-

1. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 86–89.

нославянских народов составляла 2856 (40,5%) человек. Вторым по численности этносом Гудауты после восточных славян в 1939 году становятся греки (1210 человек или 17,1%), чья численность растёт как за счёт высокого естественного прироста, так и вследствие миграции. Всесоюзная перепись 1939 года является первой всеобщей переписью населения (за исключением признанной «дефектной» переписи 1937 года, официальные итоги которой так и не были опубликованы), в материалах которой все картвелоязычные этносы включены в состав грузин¹. В переписи 1937 года делалось исключение лишь для аджарцев, которые, по крайней мере в первичных материалах, были учтены отдельной строкой², что побудило тогдашнего Первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Берия написать докладную записку Сталину, в которой указывалось на необходимость «исправления неправильной классификации национальностей Грузии»³. Грузины в Гудауте в 1939 году сохраняют за собой четвёртое место по доле в этнической структуре населения, однако их численность с 1932 года увеличивается почти вдвое – до 1031 (14,6%) человека. Численность армян составила 527 (7,5%) человек. В Гудауте также проживали 113 (1,6%) турок⁴, 44 (0,6%) еврея, 40 (0,6%) иранцев⁵, 29 (0,4%) немцев, 24 (0,3%) поляка, 16 (0,2%) лезгин, 13 (0,2%) адыгейцев и 11 (0,2%) татар. Численность представителей каждого из остальных этносов не превышала 10 человек⁶ (рис. 5).

1. Под влиянием руководства Грузии в материалах переписи 1926 года мингрэлы, сваны, лазы и аджарцы объединены как субэтносы в составе грузин [Blauvelt T. The “Mingrelian Question”: Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // Europe-Asia Studies. 2014. №6. P. 997], однако численность людей, указавших принадлежность к каждому из этих народов, также приводится.

2. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 106.

3. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2... С. 67, 68.

4. Часть из них, очевидно, лазы.

5. Фактически преимущественно этнические тюрки.

6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.

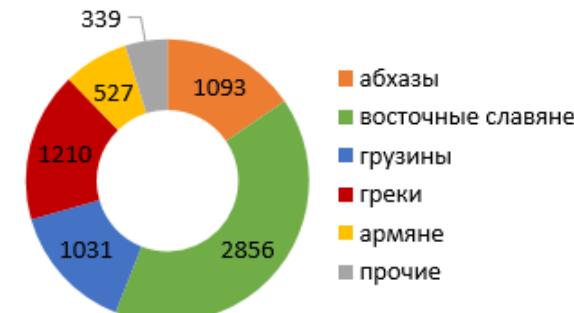

Рис. 5. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гудауты (1939 г.).

Этнодемографические сдвиги, произошедшие в Гудауте в период с 1932 года по 1939 год, являются следствием начала политики национальной гомогенизации Грузии в сталинско-бериевский период. Поэтапное понижение политического статуса Абхазии¹, убийство Нестора Лакоба, начало политических

1. Неуклонное понижение политического статуса Абхазии в 1920–1930-е годы выбивается из общей схемы развития этнотERRиториальных образований Советского Союза. Именно в первые десятилетия советской власти статус большинства национально-территориальных образований страны повышался. Так, большая часть территории Средней Азии и значительная часть современного Казахстана с 1918 года по 1924 год представляли собой Туркестанскую АССР в составе РСФСР. В ходе национально-территориального размежевания в Средней Азии на месте ликвидированной Туркестанской АССР возникли две союзные республики – Узбекская ССР и Туркменская ССР. Таджикская АССР, входившая в состав Узбекской ССР, в 1929 году была преобразована в союзную республику. Остальная территория советского Туркестана после размежевания 1924 года осталась в составе РСФСР. Одна её часть была передана ранее образованной Киргизской АССР (современный Казахстан), другая часть послужила территориальной основой Кара-Киргизской АО и Кара-Калпакской АО. Киргизская (позже – Казахская) АССР, образованная в 1920 году в составе РСФСР, была преобразована в Казахскую ССР в 1936 году. Кара-Киргизская (позже – Киргизская) АО в 1926 году была преобразована в Киргизскую АССР в составе РСФСР, а в 1936 году её статус повысился до союзной республики. Кара-Калпакская АО в 1932 году была преобразована в Каракалпакскую АССР в составе РСФСР, а в 1936 году автономная республика была переподчинена

репрессий и последовавшая за ними всесторонняя грузинизация Абхазии¹ непосредственно отразились и на динамике этнических процессов как в республике в целом, так и в отдельных её районах и населённых пунктах. Однако демографическая колонизация сталинско-бериевского периода отразилась на общем векторе этнодемографического развития Гудауты в гораздо меньшей степени, чем в других городах Абхазии².

Узбекской ССР. Большинство национально-территориальных образований, возникших в РСФСР в 1920-е годы, впоследствии повысили свой статус до уровня автономных республик. Крупнейший по численности финно-угорский народ СССР – мордва – вследствие сильной дисперсности расселения получил автономию лишь в 1930 году в форме автономной области, впоследствии преобразованной в АССР.

1. Показательно, в частности, что этнический состав кандидатов в члены Абхазской областной организации Компартии Грузии в 1949 году выглядел следующим образом: из 137 человек 68,6% составляли грузины, 16,8% – русские, 8,8% – армяне, 3,6% – абхазы и 2,2% – прочие [Абхазская областная организация Компартии Грузии в цифрах (1921–1980 гг.). Сухуми, 1980. С. 109]. Т. Блаувельт ошибочно посчитал, что процентный состав по национальностям относится ко всем принятым в областную организацию Компартии Грузии, в том числе – к принятым в качестве членов [Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers. 2007. Vol. 35. №2. P. 222]. В своей монографии, посвящённой этнодемографическим процессам в Сухуме, мы, к сожалению, продублировали эту неточность [Багапш Н.В. Указ. соч. С. 42]. Любопытно и то, что первый печатный орган Абхазского обкома КП(б) Грузии на грузинском языке – газета «Сабчота Апхазети» (Советская Абхазия) – появился именно в 1937 году [Ачугба Т.А. История Абхазии в датах. Справочник. Издание второе, дополненное. Сухум, 2016. С. 157]. Принятие решения о начале издания ежедневной грузиноязычной газеты в Абхазии, совпавшего по времени с ликвидацией мингрелоязычной печати в Мингрелии и Самурзакане и замещением её периодическими изданиями на грузинском языке, а также перевод абхазской письменности на грузинскую графическую основу видятся В. Фойерштайну целенаправленными согласованными действиями в рамках политики языковой и этнической грузинизации гетерогенного населения Грузинской ССР [Фойерштайн В. Указ. соч. С. 475]. Стоит отметить, что мингрелоязычная печать во второй половине 1930-х годов имелась и в Очамчырском районе: районная газета «Абольшевик мюа»/«Большевикури шара» (Большевистский путь) выходила в 1936–1939 годах на абхазском, мингрельском и русском языках [Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973. С. 367].

2. Чего нельзя с определённостью утверждать в отношении сельской местно-

А быстрое сворачивание демографической грузинизации города после изменения политической конъюнктуры в середине 1950-х годов, как уже отмечалось, не позволяет нам выделить эту веху этнодемографической истории Гудауты в качестве самостоятельного этапа. Общий характер этнического ландшафта города остался сугубо полигэтничным, а доля картвельского населения Гудауты даже на пиковом этапе демографической экспансии западногрузинских колонистов оставалась в целом несущественной. Нарастание общей численности и доли грузинского населения в Гудауте в указанный период по своим качественным и количественным характеристикам соотносится с аналогичными процессами, охватившими в тот же (и предшествующий) временной отрезок, например, славянскую и греческую общину, что является дополнительным аргументом, подтверждающим необоснованность выделения демографической грузинизации в качестве самостоятельного этапа этнодемографической истории Гудауты. Однако типологически процесс демографической грузинизации, конечно, отличался от вышеприведённых примеров в первую очередь тем, что был сгенерирован целенаправленной политикой руководства Грузинской ССР, направленной на аккультурацию Абхазию, введение её в грузинское этнокультурное пространство¹.

Подробная характеристика демографической составляющей политики сталинско-бериевского периода в Абхазии была представлена нами в монографии «Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.)», поэтому здесь, во избежание существенных повторений, считаем возможным обратить внимание читателя на соответствующий фрагмент указанной работы².

В течение межпереписного периода 1932–1939 годов население Гудауты выросло на 1948 человек с 5108 до 7056 человек, то есть на 38,1%. Среди основных этносов Гудауты наименьший показатель относительного прироста был отме-

сти Бзыпской Абхазии, ставшей объектом целенаправленной переселенческой политики.

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 47.

2. Там же. С. 42–55.

чен у абхазов (18,2%), а наибольший – у грузин (86,8%). Эти данные являются наглядным статистическим подтверждением начала демографической фазы политики грузинизации города. Рекордные темпы роста турецкого населения Гудауты в рассматриваемый период в расчёт не берутся, поскольку их искусственный генезис был выявлен и проанализирован выше. Несмотря на существенный относительный прирост грузинской общины Гудауты, абсолютные величины выглядят намного скромнее: грузинское население города выросло на 479 человек, что обеспечило 24,6% общего прироста в данный период. Абхазское население выросло на 168 человек, что составило лишь 8,6% от общегородского прироста. Продолжает расти и славянское население Гудауты. Совокупная численность русских и украинцев возросла на 741 человека, обеспечив самый весомый вклад в общий прирост населения Гудауты в указанный период – 38,0%. Существенно возросшая (на 357 человек) численность греческой общины обеспечила 18,3% общего прироста населения города (табл. 6).

Табл. 6. Динамика этнического состава населения Гудауты по данным учёта 1932 года и переписи населения 1939 года¹.

	1932 г.	1939 г.	прирост, чел.	прирост, %
всё население	5108	7056	1948	38,1
абхазы	925	1093	168	18,2
армяне	429	527	98	22,8
греки	853	1210	357	41,9
грузины	552	1031	479	86,8
русские и украинцы	2098	2839	741	35,3
турки	21	113	92	438,1
прочие	230	243	13	5,7

1. Составлено нами по источникам: 1. Главный архив Национальной АН Грузии. Ф. 30. Оп. 1. Д. 25; 2. РГАЭ.

Несмотря на то что миграционный прирост грузинского населения Гудауты в рассматриваемый период не оказал существенного влияния на этническую структуру и этнокультурный ландшафт города, эти миграции в значительной степени сопровождались сменой элит, что наложило отпечаток на их восприятие самими горожанами. С конца 1930-х годов этнически преимущественно абхазские управленческое звено, высший должностной состав силовых структур и интеллигенция Гудаутского района в довольно сжатые сроки фактически сменили этнический облик, а прежняя элита была в массе своей репрессирована. Обратимся к статье С. Данилова «Трагедия абхазского народа», изданной в 1951 году в Мюнхене и частично цитируемой в одной из работ С.З. Лакоба: «В 1938 году ни в одном из учреждений Абхазии – будь то учреждение правительственные, административное, органы НКВД, торговля или коопeração, – нельзя было найти ни одного абхазца: все должности, от высших до низших, были заняты пришлыми людьми, главным образом, мингрельцами... Не менее энергично велось наступление и в хозяйственной жизни страны: во всех государственных, курортных организациях и в коопे-рации все руководящие «хлебно-тёплые» должности были заняты пришлым элементом, главным образом, мингрельцами¹. Эта кадровая «реновация», охватившая столицу Абхазии параллельно развернувшемуся в 1937 году Большому террору, добралась до Гудауты с некоторым отставанием. По крайней мере в конце 1930-х годов здесь она ещё не имела тотального характера, однако после окончания Великой Отечественной войны смена элит была завершена практически полностью. В 1942 году первым секретарём Гудаутского райкома КП(б) Грузии являлся этнический мингрел Кокая². В 1944 году его сме-

1. Цит. по: Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 94, 95.

2. Пачулия В.М. Как осуществлялся геноцид в «малой империи» // Газ. «Республика Абхазия». 18–19 декабря 1999. №145 (1068).

нил другой мингрел Д.Н. Джанджгава¹, уроженец села Гочка-диль Сенакского уезда². В 1948 году последний был заменён так же мингрелом – уроженцем самурзаканского села Отобая Р.К. Бохуа, ранее занимавшим должность первого секретаря Гулрыпшского райкома³. К 1953 году первым секретарём Гудаутского райкома стал ещё один самурзаканский мингрел из Саберио В.Н. Джикия⁴. В том же 1953 году, но уже после смерти Сталина Гудаутский райком КПГ впервые за долгое время вновь возглавит этнический абхаз – Д. Хварцкия⁵.

Аналогичная ситуация наблюдалась в послевоенные годы и в Гудаутском райкоме комсомола, первым секретарём которого до октября 1946 года был уроженец Гальского района К. Чеминава, а после – выходец из Зугдиди Г. Шония⁶.

Впрочем, к 1950 году мингрелы были первыми секретарями всех без исключения райкомов партии в Абхазии: в Гагрском районе – уроженец самурзаканского села Саберио Н.В. Чхотуа⁷, в Гулрыпшском – вышеупомянутый В.Н. Джикия (позже займёт аналогичную должность сначала в Галском, а затем в Гудаутском районе)⁸, в Сухумском – уроженец села Цабал А.З. Берия (позже стал первым секретарём сначала Гагрского райкома⁹, а затем Ткуарчалского горкома партии)¹⁰, в Очамчырском

– уроженец села Намиколю Сенакского уезда Н.Ф. Гвилава¹, в Галском – А.М. Чекия². Любопытно, что последний не являлся местным уроженцем, а был выходцем из села Накиани Зугдидского уезда³, в то время как уроженцы Самурзакана занимали высшие партийные должности в ряде других районов Абхазии. В выделенном в 1952 году из состава Гудаутского района Ахалифонском районе первым секретарём райкома партии стал мингрел К. Убила⁴. Первым секретарём Сухумского горкома и одновременно всего Абхазского обкома партии в тот период был выросший в Гудауте гуриец А.И. Мгеладзе⁵, а Ткуарчалского горкома – родившийся в Гудауте⁶ имеретинец В.К. Балавадзе⁷.

Перевод абхазских школ Гудаутского района на грузинский язык обучения сопровождался сменой дирекции и значительной части преподавательского состава. К 1949 году директорами большинства бывших абхазских школ Гудаутского района были мингрелы. В частности, директором Бамборской восьмилетней школы был Б. Кация, Абгархукской – В. Харебава, Бармышской – Начкебия, Аацинской средней школы – Х. Джобава⁸. Новые директора и учителя этих школ, прибывшие из Грузии, зачастую становились локальными проводниками ассимиляторской политики Тбилиси. Так, в постановлении Бюро Абхазского обкома КПГ от 29 июля 1953 года, составленном на заре десталинизации Абхазии заведующим отделом пропаганды и агитации А.Т. Отырба, сообщалось о факте самовольного изменения абхазских имён на грузинские в личных

-
1. Д.Н. Джанджгава с 1939 года по 1944 год занимал пост первого секретаря Очамчырского райкома КП(б) Грузии [Абхазский архив. XX век. Выпуск I / Сост. Лакоба С.З., Анчабадзе Ю.Д. М., 2003. С. 159].
 2. Краткая биография Д.Н. Джанджгава. URL: <http://www.parliament.ge/files/sxdomebi/1951dep/janjgava.doc> (дата обращения: 25.01.2019).
 3. Газ. «Советская Абхазия». 4 февраля 1951. №24 (8518).
 4. Указ. ист. 14 января 1953. №9 (9018).
 5. Указ. ист. 30 июня 1953. №126 (9134).
 6. Хикуба Р.К. Воспоминания и размышления. М., 2011. С. 25, 26.
 7. Газ. «Советская Абхазия». 3 февраля 1951. №23 (8517). Н.В. Чхотуа происходил из абхазского княжеского рода, основная (самурзаканская) ветвь которого подверглась полной этноязыковой мингрилизации в XX веке.
 8. Указ. ист. 4 февраля 1951. №24 (8518).
 9. Там же.
 10. Указ. ист. 21 июля 1953. №141 (9149).

-
1. Указ. ист. 2 февраля 1951. №22 (8516).
 2. Указ. ист. 8 февраля 1950. №29 (8265).
 3. Краткая биография А.М. Чекия. URL: <http://www.parliament.ge/files/sxdomebi/1963dep/chejia.doc> (дата обращения: 25.01.2019).
 4. Газ. «Советская Абхазия». 13 марта 1953. №52 (9061).
 5. Абхазский архив. XX век... С. 166, 167.
 6. Краткая биография В.К. Балавадзе. URL: <http://www.parliament.ge/files/sxdomebi/1951dep/balavadze.doc> (дата обращения: 25.01.2019).
 7. Газ. «Советская Абхазия». 19 января 1951. №13 (8507).
 8. Указ. ист. 22 июля 1949. №143 (8123).

делах учащихся директором Ачандарской средней школы А.А. Каландия, которая впоследствии была снята с должности и исключена из КПСС¹. В текстах абхазского букваря, изданного в 1953 году, активно использовались грузинские личные имена, что, очевидно, также было одним из элементов политики аккультурации абхазского этноса². Как отмечает Р.К. Хикуба, с 1 сентября 1953 года по инициативе коллектива Лыхненской средней школы началась забастовка учащихся и учителей Гудаутского района с требованием закрытия грузинских школ в абхазских сёлах³.

В результате подобной кадровой политики, явившейся неотъемлемым атрибутом общей политики грузинизации Абхазии в сталинско-бериевский период⁴, в глазах рядового

1. Аслан Отырба. По лезвию кинжала / Сост. Авидзба А.Ф. Сухум, 2017. С. 364, 365.

2. Чочуа А.М. Абхазский букварь. Сухуми, 1953 (на абх. яз.). С. 24, 28, 30, 32, 36.

3. Хикуба Р.К. Указ. соч. С. 47.

4. На страницах номеров газеты «Советская Абхазия», вышедших в течение 1950 года, нам не удалось обнаружить ни одного случая употребления словосочетания «абхазский народ». В то же время неоднократно встречается формулировка «трудящиеся Абхазии, как и весь грузинский народ...» [Газ. «Советская Абхазия». 7 марта 1950. №48 (8284); Указ. ист. 11 марта 1950. №51 (8287)]. О начавшейся в позднесталинский период подготовке к официальному включению абхазов в состав грузинской этнонации см. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 99. Здесь стоит добавить, что и в брошюре 1951 года, авторство которой приписывалось Д.И. Гулиа (сам он позже отрицал свою причастность к её написанию), содержались аналогичные положения: «...общеизвестные, многочисленные научно-проверенные факты, которые говорят о том, что абхазы жили всегда одной исторической и культурной жизнью с грузинами, что абхазы, собственно, те же грузины...» [Гулиа Д.И. О моей книге «История Абхазии». Сухуми, 1951. С. 10]. В 1950 году среди членов Государственного ансамбля грузино-абхазской народной песни и пляски было 46 грузин, 4 абхаза и 1 русский [Аслан Отырба... С. 525, 526]. Курс на форсированную грузинизацию абхазского народа, по всей вероятности, был взят после того, как в верхах была отвергнута идея депортации абхазов по примеру ряда народов Северного Кавказа. О наличии планов по депортации абхазов см. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Т. 2. Лондон, 1982. С. 92, 232.

жителя Гудауты количественные характеристики грузинской иммиграции, конечно, были гиперболизированы.

В книге «Абхазский архив. XX век», представляющей собой сборник документальных материалов по истории Абхазии сталинско-бериевского периода, опубликованы так называемые спецсообщения и докладные записки второго отдела НКГБ Абхазской АССР, адресованные партийному руководству автономной республики. Эти документы были составлены на основе информации, предоставленной Наркомату государственной безопасности сексотами. В одном из них, датированном 23 сентября 1945 года, приводятся слова гудаутцев, характеризующие особенности восприятия ими грузинской демографической экспансии в описываемый период. В частности, жительница Гудауты Е. Лолуа, очевидно, в частной беседе в присутствии сексота отметила: «В Гудаутах грузинов стало очень много, абхазцы будут ликвидированы. Понаехали масса грузин и ещё хотят выселить нас отсюда, абхазцев как нацию не считают»¹. Секретарь Гудаутского райторготдела Т. Лейба сказала: «Сколько новых личностей в Гудаутах и все грузины, абхазцы уже теряются в этой массе»². В другой докладной записке второго отдела НКГБ от 24 января 1946 года приводятся следующие высказывания И. Лолуа, на тот момент занимавшего должность прокурора Гудаутского района: «Гудауты был сердцем Абхазии, а сейчас здесь полно грузин. Когда проходишь по городу, изредка услышишь абхазский язык. Всюду слышен проклятый грузинский язык...»³.

Из 14 депутатов, избранных в Верховный Совет Абхазской АССР от Гудаутского района в 1951 году, лишь половина была представлена этническими абхазами, тогда как другая половина – картвелами. К тому же двое из семи депутатов-абхазов являлись уроженцами Абжуа. Армян, русских и представителей остальных этносов среди депутатов от Гудаутского района не

1. Абхазский архив. XX век... С. 108.

2. Там же.

3. Там же. С. 132.

было. При этом в Очамчырском районе, где доля картвельского населения была значительно большей, только 5 из 15 избранных депутатов были этническими мингрелами, а остальные 10 – абхазами¹. Вероятно, национальная политика грузинского руководства сталинско-бериевского периода в Абхазии имела и определённую регионально ориентированную специфику: Гудаутский район мог рассматриваться в качестве наиболее «проблемного» с позиции проведения политики национальной гомогенизации советской Грузии. Документальные материалы, опубликованные в сборнике «Абхазский архив. XX век», свидетельствуют об усиленном «внимании» органов государственной безопасности Абхазской АССР в 1940-е годы именно к Гудаутскому району². В этой связи также представляет интерес и этнический состав Гудаутской районной парторганизации Абхазской областной организации Компартии Грузии на закате сталинско-бериевской эпохи. Диспропорция становится особенно наглядной при сопоставлении этих данных с материалами Всесоюзной переписи населения 1959 года. В Гудаутском районе доля грузин среди членов КПСС в 1953 году (27,7%) более чем вдвое превышала их долю в населении по итогам переписи 1959 года (11,8%). У евреев это соотношение было равным, тогда как у представителей всех остальных этносов рассматриваемой территории удельный вес их представителей среди членов районной парторганизации был ниже, чем их доля в населении (табл. 7). В то же время в Очамчырском районе доля грузин среди членов КПСС была выше их удельного веса в населении района менее чем на четверть.

Табл. 7. Этнический состав Гудаутской районной парторганизации КПГ (1953 год) и населения Гудаутского района (1959 год)³.

1. Газ. «Советская Абхазия». 23 февраля 1951. №38 (8532).

2. См. Абхазский архив. XX век...

3. Составлено нами по источникам: 1. Абхазская областная организация... С. 123; 2. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973. С. 47.

	коммунисты (1953)	население (1959)	разница, %
все	1781 (100%)	53468 (100%)	0
абхазы	724 (40,7%)	23508 (44,0%)	-3,3
армяне	267 (15,0%)	9579 (17,9%)	-2,9
греки	8 (0,4%)	624 (1,2%)	-0,8
грузины	494 (27,7%)	6307 (11,8%)	+15,9
евреи	6 (0,3%)	153 (0,3%)	0
русские и укр.	268 (15,0%)	12363 (23,1%)	-8,1
прочие	14 (0,8%)	934 (1,7%)	-0,9

Активное заселение сельской местности Гудаутского района колонистами из Западной Грузии в рамках переселенческой политики грузинского республиканского руководства, базовыми целями которой были ассимиляция абхазского этноса¹ и демографическая колонизация Абхазии², также накладывало отпечаток на приведённые выше оценочные характеристики жителей Гудауты. Официальная печать того времени, конечно же, пыталась представить ситуацию в диаметрально противоположном свете. Фантасмагоричность нижеследующей цитаты из юбилейного издания, посвящённого 20-летию установления советской власти в Абхазии, является ярким тому подтверждением: «Сейчас в Абхазскую АССР из малоземельных районов переселяются лучшие ударники социалистических полей Грузии, переселяются новые люди, стремящиеся и на новом месте дать наибольшую пользу социалистической Родине... С радостью и любовью встречает местное население переселенцев сейчас, встречает своих братьев по классу, кре-

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 45, 46.

2. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010. С. 200; Багапш Н.В. Создание абхазской нации и этнические меньшинства // Грузия в пути. Тени сталинизма. М., 2017. С. 331.

пя великую сталинскую дружбу народов. Приезд переселенцев сейчас – это большой праздник для трудящихся Советской Абхазии¹. Плановое переселение крестьян из Западной Грузии в Абхазию началось в 1937 году по личной инициативе Берия и осуществлялось поначалу Наркомземом Грузии. Только с 1939 года после соответствующего постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР руководство переселением перешло к Переселенческому управлению при СНК СССР, а позже – к его местным подразделениям: трестам Грузпереселенстрой и Абхазпереселенстрой.

Плановое заселение крестьян из Западной Грузии производилось в сельские местности всех без исключения районов Абхазии, но основными районами вселения были Гудаутский, Очамчырский и Гагрский (первые два – этнически абхазские, последний – «стратегический», пограничный с Россией, где доля грузинского населения до того была невелика), что иллюстрирует цели, поставленные организаторами этого мероприятия². В выпуске газеты «Советская Абхазия» от 10 февраля 1950 года сообщалось, что лишь «за последние четыре года на освобожденных площадях Колхидской низменности и свободных землях отдельных районов Абхазской АССР создано 20 новых колхозных посёлков... В наступившем году в республике (Грузинской ССР. – Н.Б.) широко развернулось строительство новых колхозных посёлков. Они строятся в Очамчирском, Гудаутском, Гагрском, Хобском и Потийском районах»³.

После депортации греков, лазов и представителей ряда других народов в 1949 году мингрельских (в меньшей степени – сванских, рачинских и лечхумских) крестьян стали вселять в покинутые прежде всего греческим населением сёла

Центральной Абхазии¹. Более развёрнутая характеристика последствий организованного властями переселения западногрузинских крестьян в Абхазию в 1930–1950-е годы представлена в нашей монографии, посвящённой этнодемографическим процессам в Сухуме².

Политика демографической колонизации Абхазии, проводившаяся грузинским руководством в 1930–1950-е годы, не может рассматриваться в качестве уникального «эндемичного» исторического эпизода, присущего конкретному хронологическому периоду и направленного в отношении конкретной территории. Анализ демографической составляющей этно-культурной политики грузинских элит различных генераций наталкивает на мысль о том, что инструмент демографической колонизации «проблемных» территорий является имманентным свойством грузинского нациестроительства. Этот инструмент был апробирован грузинскими элитами ещё до возникновения современной грузинской государственности, а, следовательно, и политического субъекта, у руля которого могли бы встать эти элиты. Показательно, что известный советский историк, этнограф и археолог С.П. Толстов, в разные годы занимавший должности директора Института этнографии, директора Института востоковедения, главного учёного секретаря Президиума АН СССР, заведующего кафедрой этнографии, а позже – декана исторического факультета МГУ, выступая в апреле 1929 года на совещании этнографов Москвы и Ленинграда, отметил, что «грузинский шовинизм... является своеобразным великоледжевым шовинизмом, даже империалистическим по отношению к мелким народностям Грузинской республики...»³.

А.А. Цуциев пишет: «Национальная проблематика превращается в 1890-е годы в абсолютно доминирующую тему кав-

1. ХХ лет Советской Абхазии. Политико-экономический очерк. Сухуми, 1941. С. 70.

2. См.: Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.: Сб. материалов / Сост.: Сагария Б.Е. (отв. ред.), Ачугба Т.А., Пачулия В.М. Сухум, 1991.

3. Газ. «Советская Абхазия». 10 февраля 1950. №30 (8266).

1. Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989. С. 24.

2. Багапш Н.В. Этнодемографические процессы... С. 51, 52.

3. От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб, 2014. С. 192.

казского политического дискурса... Болезненное внимание к этнодемографическому (“племенному”, “национальному”) балансу овладевает не только умами имперских администраторов, но начинает пронизывать идеологию самих местных элит, всё более осваивающих идеи социального освобождения и народного представительства именно в этнических категориях. Возникают первые туманные проекты автономий в Закавказье, начинается спор о пределах “исторических территорий”¹.

Зародившийся в XIX веке в Тифлисской губернии грузинский национально-государственный проект был продуктом гипотетических построений представителей российской интеллигенции грузинского происхождения, получивших образование, как правило, в Петербурге, а также в других крупных городах Российской империи. Выстроенный в их умозрительных построениях, но не существовавший в реальности концепт *идеальной Грузии* изначально апеллировал к территориальной экспансии далеко за пределы этнических границ картвельского мира, что позже с большим или меньшим успехом было реализовано на практике. В целях содействия такой экспансии грузинская интеллигенция не только призывала проводить демографическую колонизацию «окраин грузинской ойкумены», но и предпринимала вполне конкретные практические действия.

Так, в частности, по инициативе И.Г. Чавчавадзе на левобережье Алазани, на территории нынешних Лагодехского и Кварельского муниципалитетов, на рубеже XIX–XX столетий с целью воспрепятствовать негрузинской демографической экспансии были расселены имеретинцы, рачинцы и кахетинцы, а в 1918 году на данной территории поселились и месхетинцы-католики².

К демографической колонизации Абхазии и Черкесии картвелами в конце XIX столетия призывали многие представители

1. Щуциев А.А. Указ. соч. С. 39.

2. Чихладзе Г. В Грузии католики и православные дружно уживаются друг с другом // Газ. «Кавказский акцент». 16 октября 2002. №20 (69).

грузинского национального движения¹. Апофеозом подобных выступлений в прессе явилась напечатанная в 1877 году в газете «Тифлисский вестник» программная статья Я.С. Гогебашвили «Кем заселить Абхазию?», в которой автор пытался убедить российские власти в безальтернативности мингрельской колонизации страны, «очищенной» от большей части коренного населения². Эти призывы, как известно, получили существенное практическое воплощение.

Этнически мотивированная переселенческая политика в оккупированной Абхазии проводилась и в постреволюционный период властями независимой Грузии, однако масштабы миграций были относительно скромными ввиду непродолжительности существования ГДР и сложной военно-политической ситуации внутри и вокруг страны. Демографическая колонизация Абхазии в этот период проводилась тайно, а её имплементацией на месте по поручению руководства ГДР занимались председатель марионеточного правительства (Комиссариата) Абхазии Арзакан Эмухвари – абхазский князь, родившийся в Самурзакане³, а также присланный из Тифлиса начальник земельного отдела Комиссариата Абхазии И. Месхи. На заседании Народного Совета Абхазии, состоявшемся 19 октября 1920 года, часть депутатов-абхазов (Д. Алания, Р. Какуба, М. Маргания, М. Тарнава, М. Цагурия, С. Чанба) подняла вопрос о расследовании тайно проводимой грузинским руководством переселенческой политики. На заседании было принято решение о создании ревизионной комиссии в составе В. Шервашидзе (председатель НСА), Д. Гулиа, М. Берулава, Р. Какуба, И. Пашалиди и М. Тарнава. В тот же вечер комиссия в присутствии

1. См. Этническая «революция» в Абхазии...

2. Гогебашвили Я.С. Кем заселить Абхазию? URL: http://apsnyteka.org/1469-gogebashvili_j_kem_zaselit_abkhaziyu.html (дата обращения: 25.01.2019).

3. По одним данным, А. Эмухвари родился в Чхуартале [Маршания Н. Непреклонный рыцарь. Об Арзакане Эмухвари. Тбилиси, 2012 (на груз. яз.). С. 17], по другим – в селе Ряп [Лакоба С.З. «Народ его не видел и видеть не хотел...». К политическому портрету Арзакана Эмухвари // Газ. «Абхазия». 6 августа 1991. №31].

А. Эмухвари и И. Месхи обследовала документацию земельного отдела и установила факт проведения политики демографической колонизации Абхазии, выражавшийся в стимулировании эмиграции греков, армян и русских, последующей скопке их имущества и заселении на их место выходцев из Западной Грузии. В то время как И. Месхи фактически подтвердил проведение переселенческой политики, А. Эмухвари изначально отрицал своё участие в организации массового переселения картвелов в Абхазию, равно как и оспаривал сам факт причастности грузинского государства к этому переселению, пытаясь списать всё на неконтролируемый «самозахват» земли. Впоследствии он пытался убедить депутатов НСА в том, что не был осведомлён о переписке его подчинённого И. Месхи с Министерством Земледелия Грузии по вопросу организации переселения западногрузинских крестьян в Абхазию. Ревизионной комиссией НСА также было установлено, что земельный отдел Комиссариата Абхазии под руководством И. Месхи откачивал малоземельным абхазским крестьянам Гудаутского уезда в переселении в Гумистинский уезд, при этом удовлетворяя аналогичные ходатайства крестьян из западных уездов Грузии. За непродолжительный период работы земельного отдела грузинскому правительству удалось, в частности, переселить около 200 картельских хозяйств в Гагринский уезд, несколько десятков мингрельских хозяйств из Сенакского уезда в село Михайловское (ныне – Гума) Гумистинского уезда, примерно столько же лечхумцев и мингрелов в Цабал. Помимо этого, земельный отдел Комиссариата Абхазии готовил переселение 40 сванских хозяйств в горную область Псху¹.

Однако самым значительным эпизодом политики демографической колонизации в рассматриваемый период следует считать масштабное демографическое освоение вынужденно покинутой абхазами в 1867 году верхней части Кодорского ущелья выходцами из соседней Верхней Сванетии. Проник-

1. См. Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост. Гожба Р.Х. Сухум, 2009. С. 575–626.

новение сванов в Дал началось ещё до революции, однако именно в годы существования ГДР была осуществлена окончательная сванская колонизация данной территории. В 1906 году в Кодорском ущелье ещё не было отмечено сванов¹, в 1911 году здесь проживали 257 сванов², а в 1923 году – уже 1534 «грузина»³. По данным переписи населения 1926 года, на данной территории проживали 1699 человек, из которых 1663 (97,9%) указали сванский в качестве родного языка⁴.

Этнически мотивированные внутренние миграции в Грузинской ССР в сталинско-бериевский период не были ограничены переселением по линии «Западная Грузия – Абхазия». Только осенью 1941 года в дюжину до того этнически немецких сёл Нижней Картли было переселено 2390 хозяйств выходцев из Рачи, Лечхума и Имеретии; в Месхетию, практически обезделившую вследствие депортации мусульманского населения, лишь во второй половине 1945 года было переселено 5500 хозяйств имеретинцев и картлийцев⁵. После депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей в 1943–1944 годах значительная часть их упразднённых автономий была включена в состав Грузинской ССР⁶. Последней тогда же передаётся небольшая часть территории Северной Осетии – Восточная Тагаурия⁷. Присоединённые к Грузии во время войны территории, так же как и Абхазия с Месхетией, становятся объектом демографической колонизации: на эти земли переселяют выходцев из соседних грузинских регионов. На карачаевских и

1. Кавказский календарь на 1908 год. С. 33 статистического отдела.

2. Кавказский календарь на 1912 год. С. 121.

3. Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года... С. 195.

4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 100, 101 раздела ССРГ.

5. Джакишвили В.Ш. Население Грузии. Тбилиси, 1996 (на груз. яз.). С. 224–226.

6. Колбая Г.Н. Сочинская Олимпиада в глобальной политике. М., 2013. С. 24–30.

7. Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М., 1998. С. 73, 74.

балкарских землях, отошедших Грузинской ССР¹, только в декабре 1943 года было расселено 2115² выходцев из Сванетии и Рачи. В горной полосе бывшей Чечено-Ингушской АССР, присоединённой к Грузии, был образован Ахалхевский район. Его чеченская часть была заселена хевсурами из Пиритики и тушинаиз³, а ингушская – хевсурами из Архотского ущелья и мохевцами. После возвращения репрессированных северокавказских народов из мест депортации перемещённое в Карачай и балкарское Приэльбрусье картвельское население возвращается не в свои родные районы, а направляется в том числе и в Абхазию⁴.

Политика грузинского руководства сталинско-бериевского периода в области этнически мотивированных миграций не ограничивалась демографической колонизацией «проблемных» и недавно приобретённых территорий картвельскими переселенцами. Помимо всего прочего, Тбилиси удалось воспользоваться территориальным переделом ликвидированной Чечено-Ингушской АССР в интересах национальной гомогенизации союзной республики посредством «выдавливания» осетинского населения из Южной Осетии и внутренних районов Грузии на присоединённые к Северной Осетии опустевшие ингушские земли⁵. После реабилитации и возвращения на Кав-

1. На карачаевских землях, переданных Грузии, был образован Клухорский район, а территория балкарского Приэльбрусья в качестве Иалбузского сельсовета вошла в состав Земо-Сванетского района [Колбая Г.Н. Указ. соч. С. 26, 27].

2. Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. С. 46.

3. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа... С. 78.

4. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 4.

5. А.А. Цуциев отмечает: «По разным данным, от 25 до 35 тысяч осетин были переселены из Грузии в бывшую Ингушетию. Переселение шло по “добровольно-принудительной схеме”: каждому осетинскому району, колхозу “спускались” наряд-задания на определённое количество желающих переселиться в “новые районы” семей. Руководству района и колхоза необходимо было выполнить эти поступающие сверху “партийные задания”, хотя это было сопряжено со значительными трудностями. Во многих хозяйствах необходимого количества желающих не набиралось» [Цуциев А.А. Осетино-ингушский кон-

фликт... С. 71, 72]. И.А. Сланов характеризует особенности демографического освоения опустевших ингушских районов таким образом: «Переселение крестьян происходило в максимально сжатые сроки, как правило, насилиственным путём, по строгой разнорядке из Центра. Сюда в основном переселяли земледельцев из Южной Осетии, внутренних районов Грузии и горной полосы Северной Осетии... Заселение новых районов шло трудно, нередко случалось, что крестьяне возвращались в прежние места проживания и многих с помощью принудительных мер... заставляли переселяться повторно» [Сланов И.А. Крестьянство Северной Осетии в первом послевоенном десятилетии (1946–1955 гг.). Владикавказ, 1997. С. 21].

С начала 1980-х годов в Грузии начала активно разворачиваться экологическая миграция. Жители горных регионов республики – Сванетии и Аджарии, – пострадавших от стихийных бедствий, переселялись преимущественно в районы

фликт... С. 71, 72]. И.А. Сланов характеризует особенности демографического освоения опустевших ингушских районов таким образом: «Переселение крестьян происходило в максимально сжатые сроки, как правило, насилиственным путём, по строгой разнорядке из Центра. Сюда в основном переселяли земледельцев из Южной Осетии, внутренних районов Грузии и горной полосы Северной Осетии... Заселение новых районов шло трудно, нередко случалось, что крестьяне возвращались в прежние места проживания и многих с помощью принудительных мер... заставляли переселяться повторно» [Сланов И.А. Крестьянство Северной Осетии в первом послевоенном десятилетии (1946–1955 гг.). Владикавказ, 1997. С. 21].

1. В «Атласе этнополитической истории Кавказа» А.А. Цуциева читаем: «Снятие административных препятствий в возвращении на Кавказ коснулось лишь тех из них (турок-месхетинцев. – Н.Б.), кто ещё до депортации официально значился азербайджанцем: осенью 1957 им было предоставлено право переселиться на территорию Азербайджанской ССР. В указе союзного Верховного Совета содержится ссылка на основания для такого решения – заявление правительства Грузинской ССР об “отсутствии возможностей к размещению и устройству” месхетинцев в районах, откуда они были высланы. Политика региональных властей, таким образом, активно включена в определение общего рисунка реабилитационной кампании 1956–57 годов» [Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа... С. 80].

2. По мнению А.А. Цуциева, сам факт сохранения Пригородного района в составе Северной Осетии при восстановлении вайнахской автономии может объясняться и тем, что именно здесь были расселены осетины из Грузии, власти которой не желали их возвращения в республику [Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт... С. 74, 75]. Нам представляется, что этнодемографическая политика советской Грузии, со всей очевидностью пользовавшаяся личной поддержкой Сталина и Берия, явилась опосредованной причиной вынуждения и последующей эскалации осетино-ингушского конфликта.

Южной Грузии, большую часть населения которых составляли этнические меньшинства. Внутренняя экологическая миграция с перерывами протекает вплоть до настоящего времени. В гамсахурдиевский период власти открыто заявляли о том, что «экологическая миграция используется ими в качестве инструмента регуляции “демографического баланса”, а переселение экомигрантов в приграничные районы, населённые этническими меньшинствами, производится с целью их “грузинизации”»¹. Такая откровенность в декларировании базовой цели организуемых грузинским руководством миграций не имела места ни в предшествующий период, ни в последующее время. В гамсахурдиевский период экомигранты, а также другие жители Верхней Сванетии, желавшие улучшить свои жилищные условия, заселялись и в Абхазию², а координацию процесса переселения, помимо государственных органов³, осуществляли националистические общественные организации «Фонд Костава» и «Общество Руставели»⁴. Т. Триер и М. Турашвили указывают, что, в соответствии с принципами, закреплёнными в уставе «Фонда Костава», целью организации являлась «помощь регионам Грузии, страдающим от плохих демографических и экологических условий...»⁵. Авторы отмечают: «В контексте националистических установок фонда и политической жизни начала 1990-х годов фраза “регионы, проблемные с демографической точки зрения” относилась к регионам, населённым преимуще-

1. Lyle J. Resettlement of Ecological Migrants in Georgia: Recent Developments and Trends in Policy, Implementation, and Perceptions. ECMI Working Paper №53. 2012. P. 3. URL: http://www.ecmicaucasus.org/upload/publications/working_paper_53_en.pdf (дата обращения: 25.01.2019).

2. Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Документы и материалы. Т. 1 / Сост., автор предисловия Ачугба Т.А. Сухум, 2003. С. 58–62.

3. К ним относились Абхазская региональная организация Всегрузинского комитета заселения и расселения населения и Комитет заселения безземельных и многодетных семей Абхазской АССР [Там же].

4. Lyle J. Op. cit. P. 5.

5. Trier T., Turashvili M. Resettlement of Ecologically Displaced Persons. Solution of a Problem or Creation of a New? Eco-Migration in Georgia 1981–2006. ECMI Monograph №6. Flensburg, 2007. P. 13.

ственными национальными меньшинствами, то есть конкретно к Абхазии, Джавахетии и Нижней Картли»¹.

В этот период, как и в сталинско-бериевскую эпоху, грузинское руководство, претворяя в жизнь концепт национальной гомогенизации страны, вновь обратилось к такому радикальному методу, как прямые этнические чистки, в результате которых из Кахетии вынуждены были бежать аварцы, а большая часть Внутренней Картли лишилась многочисленного и в целом компактно проживавшего здесь осетинского населения.

Несмотря на то что в 2005 году Грузияratифицировала Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств², шестнадцатая статья которой призывает воздерживаться от принятия мер к изменению этнодемографической структуры населения в местах компактного расселения этнических меньшинств³, экологическая миграция продолжилась и в дальнейшем. В период с 1981 года по 2006 год порядка 3000 выходцев из горных районов Аджарии было расселено в преимущественно этнически армянском регионе Самцхе-Джавахети и более 10800 – в Нижней Картли. В последнем регионе в 1987–2006 годах осело также более 6700 экомигрантов из Сванетии⁴.

В географии расселения экомигрантов усматриваются элементы дальновидной этнополитической стратегии, целью которой, по всей видимости, была попытка воспрепятствовать возможному сближению картвельских мигрантов с местным населением. Наиболее отчётливо эта линия проявилась в очевидном стремлении грузинских властей расселить аджарцев

1. Ibid. P. 14.

2. Lyle J. Op. cit. P. 5.

3. Статья 16 Конвенции гласит: «Стороны воздерживаются от принятия таких мер, которые, изменяя структурный состав населения в каком-либо регионе проживания лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, имеют целью ущемление прав и свобод, вытекающих из принципов, изложенных в настоящей рамочной Конвенции» [Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. URL: <https://rm.coe.int/168007cddc> (дата обращения: 25.01.2019)].

4. Trier T., Turashvili M. Op. cit. P. 72.

по возможности вне этнически азербайджанских районов, тогда как новые сёла сванских экомигрантов, напротив, зачастую основывались именно в азербайджанском этническом окружении. Вероятное культурное сближение мигрантов из горных районов Аджарии, сохранивших в той или иной степени приверженность исламу, с численно доминирующим местным мусульманским тюркским населением могло в долгосрочной перспективе привести к нарастанию ассимиляционных процессов в среде картвельских переселенцев. К тому же, учитывая историю Аджарии, опасения властей могли дополнительно усугубляться этноязыковой принадлежностью мусульманского населения Нижней Картли. В результате большинство аджарцев было расселено в Адигенском, Аспиндзском, Ахалкалакском и Цалкском муниципалитетах, в армянском, греческом и грузинском (имеретино-картлийском) этническом окружении; а сваны – преимущественно в Тетрицкаройском, Гардабанском и Дманисском муниципалитетах¹.

Наиболее отчётливо демографические последствия экологической миграции проявились в Цалкском муниципалитете, где на фоне начавшейся в начале 1990-х годов массовой эмиграции местных греков, этническая структура населения в течение нескольких последних десятилетий перекраивалась дважды. Вплоть до распада СССР греки составляли абсолютное большинство населения рассматриваемой территории, однако вследствие депатриации уже к началу XXI века они уступили первое место армянам, до того бывшим второй по численности группой населения Цалкского муниципалитета. В межпереписной период 2002–2014 годов, за счёт экологической миграции, первым по численности этносом Цалкского муниципалитета становятся грузины, тогда как до начала 1990-х годов единственным населённым пунктом района с грузинским этническим большинством было село Реха, жители которого на протяжении нескольких столетий испытывали сильное этнокультурное влияние окружающего урумского населения² (табл. 8).

1. Ibid.

2. Волкова Н.Г. Рехы (вопросы этнокультурных связей) // Полевые исследования Института этнографии, 1978. М., 1980. С. 154, 155.

Согласно итогам переписи 1989 года, из всех административно-территориальных единиц Грузинской ССР по доле этнически грузинского населения Цалкский район (3,6%) опережал только Богдановский (ныне – Ниноцминдский) район (1,2%). В последнем в межпереписной период 1989–2014 годов доля грузинского населения выросла с 1,2% до 4,2%, в Ахалкалакском – с 4,3% до 6,8%, в Дманисском – с 28,1% до 33,1%, в Гардабанском – с 45,7% до 54,2%, в Тетрицкаройском – с 45,9% до 82,5%.

Табл. 8. Динамика этнического состава населения Цалкского района/муниципалитета по данным переписей населения 1989–2014 годов¹.

	1989 год	2002 год	2014 год	динамика (1989–2014)
всё население	44438 (100%)	20888 (100%)	18849 (100%)	-25589
азербайджанцы	2281 (5,1%)	1992 (9,5%)	1316 (7,0%)	-965
армяне	12671 (28,5%)	11484 (55,0%)	7321 (38,8%)	-5350
греки	27127 (61,0%)	4589 (22,0%)	1304 (6,9%)	-25823
грузины	1613 (3,6%)	2510 (12,0%)	8802 (46,7%)	+7189
русские	320 (0,7%)	125 (0,6%)	49 (0,3%)	-271
прочие	426 (1,0%)	188 (0,9%)	57 (0,3%)	-369

1. Составлено нами по источникам: 1. Рабочий архив Росстата; 2. Georgia: Ethnic composition: 2002 census. URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic2002.htm> (дата обращения: 25.01.2019); 3. Georgia: Ethnic composition, all places: 2014 census. URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic-loc2014.htm> (дата обращения: 25.01.2019).

По мнению Х.Л. Кешаниди, греки Краснодарского края были депортированы в 1949 году вместе с греками Абхазии и Аджарии «для отвода глаз», поскольку целью данной кампании, инспирированной лично Берия, была очистка от греческого населения территории Грузинской ССР (прежде всего Абхазии, где и проживало большинство греков)¹. Авторы немецкого исследования «Большевистский порядок в Грузии» приходят к выводу, что компактное греческое население воспринималось грузинским руководством в качестве «помехи» в деле подчинения и аккумуляции автономной республики, что сказалось и на повышенной интенсивности репрессий в 1937–1938 годах именно в отношении греков Абхазии: «Ещё одно доказательство того, что для грузинской центральной власти речь шла о попытке подчинения себе территории Абхазии... в интересах формирования грузинской нации, заключается в репрессиях в отношении греков. Так, невозможно объяснить жестокие репрессии в отношении греков только тем, что большинство из них проживало в деревнях вблизи морской границы Советского Союза. Социальные причины репрессий в их отношении также не были доминирующими, поскольку в случае с греками речь идёт об этносе, лишённом социальных привилегий. Напротив, важнейшей причиной репрессий было то, что греки преимущественно селились на территории Абхазии, где в качестве группы, лишь условно поддающейся «включению» (в состав грузинской этноции. – Н.Б.), они препятствовали переходу территории автономной республики под власть Грузии. Тесная связь между территорией расселения и репрессиями была здесь особенно явной, поскольку греки, проживавшие вне Абхазии, подвергались репрессиям в гораздо меньшей степени»².

С 1950 года под предлогом нехватки трудовых ресурсов, необходимых для увеличения посевов пшеницы и других зерновых культур, строительство грузинских переселенческих

1. Кешаниди Х.Л. Указ соч. С. 4.

2. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1... С. 335.

посёлков в Абхазии вновь резко активизировалось. Председатель Совмина Абхазской АССР М.К. Делба¹ летом 1950 года докладывал: «Максимальное развитие посевов зерновых культур в нашей республике расширит кормовую базу, поднимет животноводство, птицеводство и создаст изобилие мясомолочных продуктов. Эта новая задача, поставленная перед нашим сельским хозяйством партией и правительством, обязывает нас усилить и улучшить свою работу в деле расширения строительства переселенческих колхозов...»². Он же, выступая на прениях по отчётному докладу Абхазского обкома КП(б) Грузии на XIX областной конференции, проходившей в 1951 году, указывал: «Дальнейшее значительное расширение площадей под культуру чая и зерновые, предусмотренное уже утверждёнными планами, находится в прямой зависимости от успешного осуществления переселенческих мероприятий. Поэтому в ближайшие два года план строительства переселенческих колхозов должен возрасти, по крайней мере, в два-три раза...»³.

Несмотря на то что плановое переселение крестьян из Западной Грузии производилось в основном в сельскую местность, это мероприятие определённым образом отразилось и на изменении этнической ситуации в Гудауте в 1940–1950-е годы, поскольку урбанизационные процессы в Абхазии во второй половине XX века затронули всё сельское население республики (и далеко не в последнюю очередь грузинскую его часть). Кроме того, помимо планового переселения западногрузинских крестьян, в рассматриваемый период имели место как массовое переселение этнических грузин из Грузии во все

1. М.К. Делба, будучи одним из немногих этнических абхазов, оставшихся в высшем руководстве автономной республики после 1937 года, в сталинско-бериевский период фактически выполнял роль «говорящей головы», часто первым озвучивая генеральную линию партийного и государственного руководства Грузии и Абхазии, в том числе по вопросу планового переселения западногрузинских крестьян в Абхазию.

2. Газ. «Советская Абхазия». 28 июля 1950. №148 (8384).

3. Указ. ист. 30 января 1951. №20 (8514).

города Абхазии, так и урбанизация уже проживавшего в Абхазии картвельского населения, что оказало непосредственное влияние на опережающий механический прирост именно грузинской общины Гудауты в это время.

В сельской местности Гудаутского района до начала переселенческой кампании не было компактного грузинского населения. По данным Всесоюзной переписи 1939 года, когда плановое переселение крестьян из Западной Грузии в Гудаутский район только начало разворачиваться, здесь проживали всего 560 грузин, что составляло 1,9% от всего сельского населения района. Согласно итогам переписи 1959 года, в сёлах района уже проживали 4098 грузин или 11,1% от общего количества сельского населения (см. табл. 9).

В Гудаутском районе был организован целый ряд переселенческих посёлков, как правило, по окраинам и внутри абхазских сёл. Крупнейшее переселенческое село *Ахалсопели* (современное Хыпста) возникло на побережье Чёрного моря, в устьях рек Хыпсы и Мчиш, по обоим берегам каждой из них. Новый сельсовет был выделен в мае 1942 года из части территории Звандрипшского, Лыхненского и Мгудзырхвского сельсоветов¹ с последующим дополнительным присоединением к нему в 1946 году 11 гектаров территории Мгудзырхвского сельсовета².

До конца 1930-х годов здесь проживало абхазское население и некоторое число русских, работавших в овоще-цвето-водческом хозяйстве. В 1937 году на территорию в устье реки Хыпсы переселились 60 хозяйств абхазов из Дурипша, а также меньшее число из Звандрипша, Мгудзырхуа, Лыхны и Блабырхуа.

С 1939 года в село началось плановое переселение крестьян из Западной Грузии. В номере газеты «Советская Абхазия» от 9 августа 1949 года сообщалось: «Десять лет тому назад из селения Цеси Амбролаурского района, горной местности, бедной

1. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 99, 497.

2. Там же. С. 131.

пахотными землями, переселилось в субтропическую Абхазию, в Гудаутский район около ста крестьянских семейств»¹. Председатель Исполкома Гудаутского районного Совета депутатов трудящихся Д.К. Черкезия на сессии Верховного Совета Абхазской АССР в июне 1940 года заявлял: «Начатое по инициативе тов. Л.П. Берия в 1937 году переселение в Абхазию колхозников из малоземельных районов Грузии в Гудаутском районе продолжается. Уже созданы два новых переселенческих колхоза имени тов. Чарквиани (местность Апшдвны села Звандрипш. – Н.Б.) и имени тов. Орджоникидзе (местность Ашыцра села Лыхны. Оба этих колхоза вместе с колхозом имени Сталина Звандрипшского сельсовета впоследствии образуют село Ахалсопели. – Н.Б.). В них построено до трёхсот домов»². Согласно Н.Г. Волковой, в течение 10 лет с 1939 года по 1949 год сюда заселялись рачинцы, в 1944–1945 годах в селе поселились также мингрелы³. Однако из архивных документов, введённых в научный оборот Б.Е. Сагария, Т.А. Ачугба и В.М. Пачулия, известно, что жители Мингрелии переселялись на правобережье реки Хыпсы с 1939 года. В существовавший здесь колхоз имени Чарквиани, тогда ещё не выделенный из состава Звандрипшского сельсовета, в 1939 году прибыло 239 выходцев из Гегечкорского и Чхороцкого районов Грузии⁴. В итоге Ахалсопели, непосредственно не граничившее с городом Гудаутой, но находившееся к западу от него на небольшом расстоянии, превратилось в единственное село Гудаутского района с преобладающим грузинским населением.

Ахалсопельский сельсовет располагался на обширной, по меркам Гудаутского района, равнинной территории, площадь которой почти втрое превышала городскую и через которую проходил протяжённый отрезок центральной трассы (см. рис. 11). По ито-

1. Газ. «Советская Абхазия». 9 августа 1949. №156 (8136).

2. Там же. С. 70.

3. Волкова Н.Г. Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 21, 22.

4. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 40.

гам переписи 1970 года, почти половина грузин, проживавших в сельской местности Гудаутского района, была расселена в Ахалсопели¹. В небольшой статье, вышедшей в одном из номеров газеты «Советская Абхазия» в 1951 году, сообщалось: «Ахали Сопели – молодое село в Гудаутском районе. Оно построено 10 лет тому назад. Возникнув на землях, поросших кустарником и лесом, Ахали Сопели за короткий срок превратилось в культурное социалистическое село»². В другой статье, опубликованной весной 1949 года, читаем: «Десять лет назад место, занимаемое сейчас селом Ахали Сопели Гудаутского района, представляло собой участок сплошных болот, зарослей кустарников и колючек... Оно непрерывно растёт и развивается в хозяйственном и культурном отношениях»³.

По данным переписи населения 1970 года, в селе проживали 3210 человек, в том числе 19,4% абхазов, 64,5% грузин, 9,8% русских⁴. По материалам похозяйственных книг 1976–1978 годов, численность населения Ахалсопельского сельсовета составляла 3067 человек, в том числе 684 (22,3%) абхаза, 2275 (74,2%) грузин, 66 (2,2%) русских, по 8 (0,3%) армян и немцев, 7 (0,2%) осетин, по 6 (0,2%) татар и украинцев, 5 (0,2%) греков, а также по 1 (0,1%) поляку и туркмену. Анализ фамильных имён жителей Ахалсопели позволил установить, что из 2275 грузин примерно 1500 были рачинцами и 775 – мингрелами, то есть рачинская часть картвельской общины села почти вдвое пре- восходила по численности мингрельскую. По всей вероятности, в последние десятилетия советской власти в рассматриваемом селе проживала крупнейшая рачинская сельская община за пределами Рачи. По данным вышеупомянутого источника, в Ахалсопели было зафиксировано 49 этнически смешанных браков, включая 18 абхазо-грузинских, 9 грузино-русских, 5 абхазо-русских, 4 грузино-украинских, 3 армяно-грузинских,

1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.

2. Газ. «Советская Абхазия». 14 февраля 1951. №31 (8525).

3. Указ ист. 10 апреля 1949. №70 (8050).

4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.

по 2 абхазо-украинских, грузино-немецких и грузино-осетинских и по 1 абхазо-немецкому, абхазо-туркменскому, грузино-польскому и русско-татарскому⁵. По итогам последней предвоенной переписи 1989 года, здесь проживали 2992 человека, из которых 74,0% являлись грузинами, 20,0% – абхазами⁶.

Н.Г. Волкова так характеризовала языковые процессы в Ахалсопели в конце 1970-х годов: «Всё население (за исключением рачинцев в возрасте 70 лет и выше) владеет разговорным русским, абхазы знают грузинский язык. Единицы из грузин могут говорить по-абхазски»⁷. На закате советской эпохи 574 гектара земли на правом берегу реки Мчиш, до планового переселения грузин в Гудаутский район находившиеся в пределах Мгудзырхского сельсовета и изъятые у последнего в 1941 и 1946 годах⁸, были возвращены в состав села Мгудзырхуа.

Село Ахалсопели полностью соответствовало всем стратегическим критериям географической локализации первых грузинских переселенческих поселений сталинско-бериевской эпохи в Абхазии, выделенным Т.А. Ачугба. Так, автор указывает: «...переселенческие поселения вначале локализовались на прибрежной полосе, то есть на территориях важных как в экономическом, так и в военном отношении, вдоль автомобильных и железнодорожных магистралей, у въезда и выезда из городов и районных центров»⁹.

В других селениях грузинские крестьяне были подселены к численно преобладающему абхазскому населению. Т.А. Ачугба, ссылаясь на архивные материалы, выявленные им в начале 1990-х годов и опубликованные в сборнике «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.», отмечает, что пере-

1. Архив Гудаутского района. Ф. 182. Оп. 1. Д. 322–332.

2. Населённые пункты и население Грузии (по данным Всесоюзной переписи 1989 года). Статистический справочник. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.). С. 24.

3. Волкова Н.Г. Указ соч. С. 49.

4. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 99, 131.

5. Ачугба Т.А. Указ. соч. С. 212.

селенческие посёлки возникли в сёлах Аацы, Абгархук, Анхуа, Арсаул, Ачандара, Бармыш, Блабырхуа, Джирхуа, Дурипш, Калдахуара, Куланырхуа, Лыхны, Мгудзырхуа, Отхара¹. Однако в некоторых из указанных селений организованное вселение выходцев из Западной Грузии к концу сталинско-бериевского периода только планировалось, но так и не было осуществлено. Это подтверждают материалы похозяйственных книг Гудаутского района 1960–1980-х годов, о чём подробнее будет сказано ниже.

По сообщению Н.Г. Волковой, в *Отхаре* в 1952 году были расселены сваны из сёл Ушгул Верхней Сванетии и Лентха – райцентра Нижней Сванетии². Однако часть переселенцев происходила также из сельских общин Каал и Ипяр³ в Верхней Сванетии. Относительно языковых компетенций жителей Отхары в конце 1970-х годов цитированная выше Н.Г. Волкова писала следующее: «Сваны, сохраняя в быту сванский язык, хорошо знают разговорный русский, а некоторые владеют и абхазским языком. Общение сванов и абхазов на работе и в повседневной жизни происходит на русском языке»⁴. По всей вероятности, общение на родном языке внутри сванской части населения Отхары было затруднено вследствие существенных диалектных различий⁵, поскольку ушгульцы, каальцы и ипяр-

1. Там же. С. 214.

2. Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 21.

3. Ушгул, Лентха, Каал и Ипяр – оригинальные сванские названия населённых пунктов Ушгули, Лентхи, Кала и Ипари [Дондуа К.Д. Сванско-грузинско-русский словарь (лашхский диалект). Тбилиси, 2001. С. 129, 159, 289; Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков. М., 2006. С. 42].

4. Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 49.

5. Г.А. Климов пишет о сванском языке следующее: «Его диалекты, довольно существенно отличающиеся друг от друга, сохраняют немало... архаизмов» [Климов Г.А. Этимологический словарь... С. 4]. У него же читаем: «Среди картвельских языков наиболее обособленную позицию занимает сванский, представленный ныне на узкой территории в горных верховьях рек Ингури и Цхенис-цхали четырьмя существенно различающимися диалектами – верхнебальским, нижнебальским, лашским и лентхским...» [Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. С. 56]. К. Тьют характеризует сванские диа-

зы являются носителями верхнебальского наречия, а лентхцы – лентхского¹. Накладывающееся на это обстоятельство наличие грузинского сектора в Отхарской средней школе, в котором обучались сванские дети, способствовало активному внедрению грузинского языка среди представителей данной переселенческой общины.

В начале 1950-х годов местный колхоз носил грузинское название «Мегобрба» (Дружба), что, по замыслу властей, должно было символизировать характер взаимоотношений между коренным населением Отхары и переселенцами из Сванетии. К тому же обе эти группы в случае пролонгации вектора этно-культурной политики сталинско-бериевского периода в скором времени должны были быть административно консолидированы внутри грузинской социалистической нации.

В Гудаутском районе по количеству организованно заселённых западногрузинских крестьян Отхара уступала только селу Ахалсопели. По данным похозяйственных книг 1971–1973 годов, население Отхарского сельсовета составляло 2243 человека, а этнический состав был следующим: 1737 (77,4%) абхазов, 487 (21,7%) грузин, 13 (0,6%) русских, 4 (0,2%) украинца, 1 (0,1%) грек и 1 (0,1%) татарин. Согласно источнику, в Отхаре имелось 14 этнически смешанных брачных пар, в том числе 6 абхазо-грузинских, 4 абхазо-русские, по 1 абхазо-украинской и абхазо-греческой и 2 грузино-русские пары. Из шести абхазо-грузинских брачных союзов только в одном случае имел место брак между представителем сванской переселенческой общины и местной абхазкой, тогда как в остальных случаях были зафиксированы браки с прочими картвелами, часть которых давно обабхазилась, но продолжала фигурировать в официальных документах как грузины (например, представители

лекты как «в значительной степени взаимопонятные» [Tuite K. Language and Emergent Literacy in Svaneti // Endangered Languages of the Caucasus and Beyond. Leyden – Boston, 2017. P. 240].

1. Коряков Ю.Б. Указ. соч. С. 42.

фамилии Нозадзе)¹. В позднесоветский период, согласно данным переписи 1989 года, из 2059 жителей Отхарского сельсовета примерно 715 человек были переписаны как грузины, что составляло порядка 34,8%. Большая часть отхарских сванов проживала в посёлках Жабна, Мамыджируху и Дзагрипш (центральная часть села)².

По сообщению главы администрации села Отхара А.М. Айба, перед началом грузино-абхазской войны в селе имелось 78 сванских хозяйств, при этом смешанные абхазо-сванские семьи отсутствовали. Однако, по данным П.К. Квициния, в начале 1980-х годов двое отхарских абхазов были женаты на сванках³. Сванская молодёжь в массе своей покинула Отхару ещё до начала войны, а оставшиеся сваны были организовано вывезены на контролировавшуюся грузинскими войсками территорию во время войны. Часть отхарских сванов принимала участие в вооружённом противостоянии на стороне Грузии. В период войны большая часть домов, в которых ранее проживали сваны, была сожжена местными жителями⁴.

В селе Куланырхуа переселенческий посёлок был организован в прибрежной местности Тасракуа, лежащей вдоль автомагистрали и примыкающей к Гудауте с востока. К уже проживавшему здесь абхазскому и армянскому населению были подселены мингрелы из Гегечкорского района. Впоследствии в Тасракуа был образован совхоз «Дружба», название которого, вероятно, было выбрано с учётом этнической пестроты посёлка сообразно идеологическим постулатам советской пропаганды. По данным похозяйственных книг Куланырхвского сельсовета 1973–1975 годов, население посёлка Тасракуа составляло 620 человек, в том числе 165 (26,6%) абхазов, 230 (37,1%) армян,

1. Архив Гудаутского района. Ф. 193. Оп. 1. Д. 206–210.

2. Населённые пункты и население Грузии... С. 27.

3. Квициния П.К. Вопросы антропологии абхазов. Сухум, 2000 (на абх. яз.). С. 31, 32.

4. Записано научным сотрудником отдела этнологии АБИГИ А.Ш. Хашба со слов главы администрации села Отхара А.М. Айба.

193 (31,1%) грузина, 20 (3,2%) русских, 9 (1,5%) греков и 3 (0,5%) лезгина. В полигэтничном прибрежном посёлке, граничащем с райцентром и лежащем вдоль центральной трассы, закономерно отмечалась существенная доля межэтнических браков, среди которых имелось по 2 абхазо-грузинских, армяно-русских и греко-русских, а также по 1 абхазо-лезгинскому, армяно-греческому, армяно-грузинскому, грузино-русскому и лезгино-русскому¹. Остальная территория села Куланырхуа была практическиmonoэтничной: из 1049 жителей лишь 3 были русскими, тогда как остальные – абхазами². По итогам переписи 1989 года, в Тасракуа проживали 726 человек, в том числе 203 (28,0%) абхаза, 267 (36,8%) армян и 196 (27,0%) грузин³.

В южной части села Абгархук, в расположенной ближе к центральной трассе местности Апап-Йашта, были поселены имеретинцы из Цулукидзевского района. По данным похозяйственных книг 1976–1978 годов, численность населения Абгархукского сельсовета составляла 1141 человек, в том числе 945 (82,8%) абхазов, 157 (13,8%) грузин, 13 (1,1%) русских, 7 (0,6%) персов, по 5 (0,4%) греков, лезгин и турок, 2 (0,2%) армянина и по 1 (0,1%) татарину и украинцу. В Абгархуке было зафиксировано 9 этнически смешанных брачных пар, включая 2 абхазо-русские, 2 абхазо-персидские, а также по 1 абхазо-лезгинской, абхазо-турецкой, абхазо-украинской, грузино-русской и татаро-турецкой. Ни одного абхазо-грузинского брачного союза в селе отмечено не было⁴. В 1989 году численность грузинских переселенцев и их потомков составляла примерно 140 человек, тогда как всего в Абгархуке проживали 1385 жителей⁵. Часть имеретинцев покинула село более чем за год до начала грузино-абхазской войны. Так, 31 марта 1991 года со-

1. Архив Гудаутского района. Ф. 195. Оп. 1. Д. 284, 285.

2. Архив Гудаутского района. Ф. 195. Оп. 1. Д. 278–283.

3. Населённые пункты и население Грузии... С. 26.

4. Архив Гудаутского района. Ф. 200. Оп. 1. Д. 208–214.

5. Населённые пункты и население Грузии... С. 23, 24.

стоялся референдум о восстановлении независимости Грузии. В Гудаутском районе и Ткуарчале избирательные участки открыты не были, однако абгархукским грузинам удалось проголосовать за пределами района. В.В. Шария пишет: «В таких случаях никакой тайны голосования уже быть не может: если поехали, значит, голосовали “за”. После этого они подверглись такому давлению со стороны возмущённых абгархукцев, что им пришлось бежать. Я беседовал с этими людьми в одном из пансионатов в Гулрыпшском районе, куда власти их заселили. Они находились в смятении: принять участие в референдуме их заставили национальные чувства, но их соседи расценили это как предательство...»¹.

В 1950–1952 годах грузинские крестьяне из Рачи были расселены на границе сёл *Лыхны* и *Дурипш*. Здесь общая численность рачинских переселенцев в 1970-е годы составляла порядка 470 человек. Таким образом, одна (большая по численности) часть локальной переселенческой общины вошла в состав посёлка Аджимчигра Лыхненского сельсовета, другая (численно меньшая) оказалась в пределах посёлка Абгара Дурипшского сельсовета. Выступая на заседании Верховного Совета Абхазской АССР, проходившем 21 июля 1950 года, первый секретарь Гудаутского райкома Р.К. Баху мотивировал необходимость заселения в Лыхны грузинских крестьян расширением посевов новой для района сельскохозяйственной культуры – пшеницы: «Перед трудящимися Грузии поставлена боевая задача – удовлетворить потребности республики собственной пшеницей. ...Абхазский Обком КП(б) Грузии и Совет Министров Абхазской АССР определили для Гудаутского района освоение 6 тысяч гектаров новой земли под пшеницу в 1951–1957 годах. Выделение этой земли уже закончено. Однако трудовые резервы не смогут обеспечить освоение 6 тысяч гектаров новой земли. Поэтому для выполнения вышеуказанного постановления необходимо поселить в Гудаутском

1. Шария В.В. Референдум 31.03.1991: как это было в Абхазии. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/3542029.html> (дата обращения: 25.01.2019).

районе колхозников малоземельных районов. Несмотря на то что в колхозе имени Берия села Лихни 10-12 мая с.г. было поселено 80 семей, строительство домов для них ещё не закончено и проводится недоброкачественно¹. По данным похозяйственных книг Лыхненского сельсовета 1971–1973 годов, численность населения Аджимчигры составляла 1172 человека, в том числе 836 (71,3%) абхазов, 333 (28,4%) грузина и 3 (0,3%) русских. В посёлке были зафиксированы лишь 2 смешанные абхазо-грузинские брачные пары². Согласно итогам переписи 1989 года, население Аджимчигры составляло 1319 человек, из которых 73,0% были абхазами и 25,0% – грузинами³. По материалам похозяйственных книг Дурипшского сельсовета 1976–1978 годов, в Абгаре проживали 605 человек, включая 448 (74,0%) абхазов, 138 (22,8%) грузин, 9 (1,5%) русских, 5 (0,8%) армян, 4 (0,7%) турок и 1 (0,2%) украинца. В посёлке было отмечено 5 смешанных брачных союзов: абхазо-грузинский, абхазо-русский, абхазо-турецкий, грузино-русский и грузино-украинский⁴. В целом население Дурипша составляло 2650 человек, в том числе 2411 (90,1%) абхазов, 141 (5,3%) грузин, 56 (2,1%) русских, 10 (0,4%) абазин, по 8 (0,3%) греков и черкесов, 6 (0,2%) армян, по 4 (0,2%) турка и украинца, по 1 (0,1%) поляку и татарину. В селе было зафиксировано 17 смешанных браков, включая 5 абхазо-русских, 4 абхазо-грузинских, по 1 абхазо-армянскому, абхазо-польскому, абхазо-турецкому, абхазо-украинскому, армяно-русскому, греко-русскому, грузино-русскому и грузино-украинскому⁵.

Значительное количество грузинских, а также русских, украинских, армянских и прочих переселенцев в середине XX века оседает в пограничном с Гагрским районом посёлке Аху-

1. Заседания Верховного Совета Абхазской АССР. (Пятая сессия). 20–21 июля 1950 г. Стенографический отчёт. Сухуми, 1950. С. 33, 34.

2. Архив Гудаутского района. Ф. 214. Оп. 1. Д. 308–313.

3. Населённые пункты и население Грузии... С. 26.

4. Архив Гудаутского района. Ф. 179. Оп. 1. Д. 271, 272.

5. Архив Гудаутского района. Ф. 179. Оп. 1. Д. 271–279.

аджа села *Калдахуара*. Большая их часть работала на Бзыпском деревообрабатывающем комбинате, расположенному в соседнем селе Бзыпта Гагрского района, в непосредственной близости от мест их компактного расселения. Часть местных русских жителей проживала в посёлке Ампараарху и являлась рабочими железнодорожной станции Мюссера. По материалам похозяйственных книг 1973–1975 годов, в Калдахуаре проживали 1136 человек, этнический состав которых был следующим: абхазы – 891 (78,4%) человек, русские – 87 (7,7%) человек, грузины – 64 (5,6%) человека, греки – 33 (2,9%) человека, армяне – 30 (2,6%) человек, украинцы – 21 (1,8%) человек, черкесы – 8 (0,7%) человек, болгары и коми-пермяки – по 1 (0,1%) человеку. В селе было отмечено 32 этнически смешанных брачных союза, в том числе 9 абхазо-грузинских, 7 абхазо-русских, по 2 абхазо-греческих, абхазо-украинских, абхазо-черкесских, армяно-грузинских, армяно-украинских и грузино-украинских, а также по 1 абхазо-болгарскому, армяно-русскому, грузино-русскому и коми-пермяцко-русскому¹. После Отечественной войны народа Абхазии в Калдахуаре произошла существенная гомогенизация этнического состава населения. Так, по данным переписи 2011 года, из 843 жителей села 792 (94,0%) были абхазами, 14 (1,7%) – русскими, 13 (1,5%) – грузинами, 10 (1,2%) греками, 2 (0,2%) – армянами, 1 (0,1%) – украинцем и 11 (1,3%) – представителями прочих этносов².

Мингрело-имеретинский переселенческий посёлок возник также в селе Арсаул. Подробнее об этом будет написано ниже.

Незатронутыми плановым переселением крестьян из западных районов Грузии остались преимущественно предгорные абхазские сёла Гудаутского района – *Аацы*, *Анхуа*³, *Ачандара*, *Блабырхуа*, *Бармыш*, *Джирхуа*, *Хуап*, – выделение земли под переселенческие посёлки в большинстве из которых было

1. Архив Гудаутского района. Ф. 189. Оп. 1. Д. 193–197.

2. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 119, 120.

3. В позднесоветский период Анхуа представляло собой этнически смешанное абхазо-армянское село со значительным русским меньшинством.

крайне затруднено в силу влияния орографических факторов. По этой же причине переселенческие посёлки, уже возникшие в других сёлах района к середине 1950-х годов, как правило, не отличались многолюдностью¹ и, таким образом, не могли в достаточной степени справляться с возложенной на них функцией ассимиляционных центров. Иная ситуация наблюдалась в Очамчырском районе, где обширные межселенные равнинные участки, ранее занятые лесными массивами и приморскими болотами, позволяли строить большие переселенческие посёлки с высокой плотностью населения. Т.А. Ачугба отмечает, что «в Абхазии практически не осталось абхазского села, где бы не были подселены переселенцы из разных сёл Грузии»². Даже в тех сёлах Гудаутского района, где грузинские переселенческие посёлки так и не были построены, к концу сталинско-бериевского периода планировалась их организация.

Так, согласно постановлению СНК Абхазской АССР и Бюро Абхазского обкома КП(б) Грузии от 11 января 1941 года, в селе *Блабырхуа* должен был быть организован грузинский переселенческий посёлок из 100 хозяйств³. Строительство жилых домов планировалось завершить к 1 октября того же года⁴, однако из-за начала войны посёлок не был построен и заселение в Блабырхуа рачинских крестьян из Амбролаурского района⁵ было отложено. Повторно вопрос о заселении выходцев из Грузии на землях рассматриваемого села был поставлен в 1949 году, причём речь теперь шла о гораздо меньшем количестве переселенцев. В коллективной докладной записке Переселенческого отдела при Совмине Абхазской АССР, треста Абхазпереселстрой и Министерства сельского хозяйства

1. У Т.А. Ачугба читаем: «В связи с отсутствием больших территорий для колонистов, власти на местах умудрились малыми группами, по 8–10 дворов, заселять грузин в разных уголках абхазских сёл» [Ачугба Т.А. Указ. соч. С. 213].

2. Там же.

3. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 85.

4. Там же. С. 104.

5. Там же. С. 79.

Абхазской АССР на имя секретаря Абхазского обкома КП(б) Грузии А. Мгеладзе от 11 мая 1949 года сообщалось о возможности расселения в Блабырхуа 30 хозяйств выходцев из Западной Грузии¹. Фактически же, судя по данным похозяйственных книг села Блабырхуа 1973–1975 годов, планового заселения грузин здесь осуществлено не было. Общая численность населения сельсовета составляла 843 человека, а этнический состав выглядел следующим образом: абхазы – 798 (94,7%) человек, русские – 43 (5,1%) человека, грузины – 1 (0,1%) человек, украинцы – 1 (0,1%) человек. Единственный проживавший в Блабырхуа грузин по фамилии Чихрадзе состоял в браке с представительницей самого многочисленного местного рода – Барциц. Абсолютное большинство русских (40 человек) проживало компактно в посёлке Шлара. Почти все они являлись работниками железнодорожной станции Блабырхуа. В селе Блабырхуа было зафиксировано 4 смешанных брачных союза: 3 абхазо-русских и 1 абхазо-грузинский².

В той же докладной записке сообщалось о потенциальной возможности заселения 100 грузинских хозяйств в селе Ачандара, в том числе путём расселения их группами по 8–10 домов³, поскольку рельеф местности исключал возможность строительства здесь столь крупного компактного посёлка. Однако фактически организованного заселения западногрузинских крестьян в Ачандару произведено не было. По материалам похозяйственных книг Ачандарского сельсовета 1971–1973 годов, численность населения села составляла 1586 человек, из которых 1568 (98,9%) были абхазами, 10 (0,6%) – грузинами, 6 (0,4%) – русскими и по 1 (0,1%) – армянами и белорусами. В Ачандаре было зафиксировано 9 этнически смешанных браков, в том числе 4 абхазо-русских, 3 абхазо-грузинских и по 1 абхазо-армянскому и абхазо-белорусскому. Все 10 ачандарских грузин проживали в смешанных абхазо-грузинских до-

1. Там же. С. 202.

2. Архив Гудаутского района. Ф. 188. Оп. 1. Д. 209–215.

3. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 202.

мохозяйствах. Все они были представлены мужчинами, женатыми на местных абхазах, и их сыновьями, тогда как в других абхазских сёлах Гудаутского района некомпактное грузинское население было представлено преимущественно женщинами, состоящими в браках с местными абхазами¹.

В дважды цитированной выше докладной записке также говорилось о наличии возможности заселись 50 хозяйств выходцев из Западной Грузии в селе Бармыш, «на землях, расположенных вдоль магистральной шоссейной дороги»². По плану их заселение должно было быть осуществлено в 1954 году³. Однако, как существует из материалов похозяйственных книг Бармышского сельсовета 1967–1970 годов, грузинского переселенческого посёлка здесь организовано не было. Общая численность населения Бармыша составляла 885 человек, из которых 806 (91,1%) были абхазами, 62 (7,0%) – русскими, 10 (1,1%) – грузинами, 5 (0,6%) – армянами, 1 (0,1%) – украинцем и 1 (0,1%) – чувашем. В селе имелась только одна mono-этничная грузинская семья, тогда как остальные грузины проживали в этнически смешанных домохозяйствах. В Бармыше было отмечено 7 смешанных брачных союзов, включая 4 грузино-русских и по 1 абхазо-русскому, абхазо-украинскому и армяно-русскому⁴. К началу XXI века Бармыш становится самым этнически гомогенным абхазским селом страны: по итогам переписи 2011 года, здесь проживали 390 человек, одна из которых была русской, а остальные жители – абхазами⁵.

В селе Джирхуа также намечалось осуществить заселение западногрузинских крестьян, дома для которых уже были построены, однако в дальнейшем были заселены армянами, о чём подробнее будет сказано ниже. По данным переписи 1989 года, численность грузин в селе Джирхуа составляла 292 чело-

1. Архив Гудаутского района. Ф. 194. Оп. 1. Д. 193–198.

2. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 202.

3. Там же. С. 238.

4. Архив Гудаутского района. Ф. 184. Оп. 1. Д. 144–146.

5. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 118.

века¹, причём большая часть была компактно расселена в посёлке Сынырхуа. Однако похозяйственные книги Джирхского сельсовета 1960–1980-х годов не содержат сведений о наличии в нём компактного грузинского населения². Опровергает наличие здесь во второй половине XX века компактного грузинского населения также глава администрации села Джирхуа А.А. Мукба³. Таким образом, данные переписи 1989 года по этническому составу Джирхского сельсовета, по всей видимости, следует считать недостоверными.

Об этнодемографической ситуации в сёлах Аацы и Анхуа, в пределах которых в сталинско-бериевский период также не было организовано компактных картвельских переселенческих посёлков, будет сказано ниже. Здесь же обратимся к сёлам Звандрипш и Мгудзырхуа, составляющим особую группу по характеру планового заселения в них западногрузинских крестьян в 1930–1950-е годы. Как уже отмечалось, при создании рачинско-мингрельского переселенческого посёлка в устьях рек Хыпсы и Мчиш, позже оформившегося в Ахалсопельский сельсовет, у двух вышеназванных селений была изъята значительная часть земельного фонда. Однако на оставшихся у Звандрипша и Мгудзырхуа территориях планового вселения крестьян из Западной Грузии в дальнейшем произведено не было, хотя у руководства Грузинской ССР имелись подобные планы. В докладной записке на имя А. Мгеладзе от 11 мая 1949 года, к которой мы неоднократно обращались, содержались следующие положения: «В колхозе “Алашара” села Мугудзырхва имеется возможность доприселения до 50 хозяйств на массиве, прилегающем к дому отдыха Госплана СССР... В колхозе имени Берия села Звандрипш есть реальная возможность доприселения 50 хозяйств на массиве, лежащем вдоль дороги

(старое шоссе) и границы с колхозом им. Ворошилова»¹. Согласно плану сельскохозяйственного переселения на 1953–1955 годы, в Звандрипше должны были возникнуть 2 грузинских посёлка, в каждом из которых было бы расселено по 50 хозяйств².

По данным похозяйственных книг Звандрипшского сельсовета 1980–1982 годов, здесь имелось 786 жителей, этнический состав которых был следующим: абхазы – 768 (97,7%) человек; русские – 15 (1,9%) человек; грузины, евреи, украинцы – по 1 (0,1%) человеку. Грузинка и украинка, проживавшие в Звандрипше, были замужем за местными абхазами, а единственный еврей, имея степень доктора наук и будучи профессиональным писателем, проживал в одиночном домохозяйстве. В Звандрипше было зафиксировано 8 этнически смешанных браков, включая 6 абхазо-русских, 1 абхазо-грузинский и 1 абхазо-украинский³.

В селе Мгудзырхуа, согласно материалам похозяйственных книг 1971–1973 годов, проживали 1676 человек, в том числе 1518 (90,6%) абхазов, 111 (6,6%) русских, 24 (1,4%) грузина, 19 (1,1%) армян, 3 (0,2%) грека и 1 (0,1%) осетин. В селе имелась только одна этнически однородная грузинская семья, тогда как остальные грузины проживали в смешанных домохозяйствах. В Мгудзырхуа было отмечено 15 этнически смешанных брачных союзов, включая 9 абхазо-русских, 3 грузино-русских и по 1 абхазо-грузинскому, абхазо-осетинскому и армяно-русскому⁴.

Ключевой особенностью локализации этнически русских жителей в абхазских сёлах западной части Гудаутского района являлось тяготение к станциям Закавказской железной дороги, где они в основном и были трудоустроены. Так, в Калдахуаре основная часть славянского населения проживала вблизи

1. Населённые пункты и население Грузии... С. 25.

2. Архив Гудаутского района. Ф. 50. Оп. 1. Д. 70–76.

3. Записано научным сотрудником отдела этнологии АБИГИ А.Ш. Хашба со слов главы администрации села Джирхуа А.А. Мукба.

1. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 202.

2. Там же. С. 238.

3. Архив Гудаутского района. Ф. 197. Оп. 1. Д. 240–245.

4. Архив Гудаутского района. Ф. 46. Оп. 1. Д. 264–268.

станции Мюссера, в сёлах Блабырхуа и Бармыш – неподалёку от одноимённых станций, а в селении Мгудзырхуа – вокруг станции Звандрипш, которая, несмотря на название, располагалась на территории Мгудзырхвского сельсовета.

Единственным этнически абхазским селом страны, где, согласно данным похозяйственных книг 1970-х годов, не проживало ни одного грузина, было предгорное селение *Хуап*. Оно же, по всей вероятности, являлось и самым моноэтничным абхазским селом Гудаутского района и Абхазии в целом. По материалам похозяйственных книг Хуапского сельсовета 1973–1975 годов, здесь проживали 685 человек, из которых абхазами были 682 (99,6%) человека, украинцами – 2 (0,3%) человека и русскими – 1 (0,1%) человек. Обе украинки были жёнами местных абхазов, а единственный этнический русский проживал в одиночном домохозяйстве¹.

Особенности географической локализации основного массива грузинских переселенческих посёлков в Гудаутском районе наталкивают на мысль об имевшей место и более или менее успешно реализованной попытке руководства советской Грузии «рассечь» надвое этническую территорию бзыпских абхазов путём инвазии картвельской этнической полосы вдоль левого берега реки Мчиш, начиная от крупнейшего грузинского села Гудаутского района Ахалсопели на побережье и заканчивая предгорными сванскими переселенческими посёлками в пределах Отхарского сельсовета. Одним из звеньев в цепи «картвельского клина» на левом берегу реки Мчиш должен был стать переселенческий посёлок Акуачархуа, однако здесь впоследствии были расселены армяне. Представители патриотически настроенной абхазской интеллигенции Г.А.Дзидзария, Б.В.Шинкуба и К.С.Шакрыл 25 февраля 1947 года направили секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецовой письмо, в котором выражался протест против проводимой грузинским руководством

в Абхазии национальной политики. Относительно демографической колонизации в письме, в частности, отмечалось: «Очень часто такие переселенческие посёлки вклиниваются в сёла с компактным абхазским населением»¹. Помимо этого, планы по строительству переселенческих посёлков на середину 1950-х годов, которые так и не были окончательно претворены в жизнь, свидетельствуют о том, что в Абхазии в конечном счёте не должно было остаться ни одного абхазского села, не затронутого плановым переселением выходцев из западных районов Грузии.

Согласно устным сообщениям жителей Гудаутского района, к концу 1980-х – началу 1990-х годов значительная часть картвельского населения сёл Отхара и Абгархук (особенно представители молодого поколения, родившиеся и выросшие в этих населённых пунктах) хорошо владела абхазским языком. По всей вероятности, это же было справедливо в отношении ряда других сёл района. При этом смешанные браки между коренным населением района и грузинскими переселенцами не получили такого широкого распространения, как в Абжуйской Абхазии, и в целом имели скорее эпизодический характер. Обратимся к фрагменту из уже цитированного спецсообщения второго отдела НКГБ Абхазской АССР от 23 сентября 1945 года, в котором приведены слова жительницы Гудауты А.Лакоба: «Все абхазцы возмущены тем, что одна абхазка собирается выйти замуж за грузина. Однако она решила выйти замуж за грузина лишь по той причине, что видит, что для абхазцев нет дороги к росту»².

Потомство от таких брачных союзов, насколько можно судить исходя из эмпирических данных, в подавляющем большинстве случаев склонялось к абхазской этнокультурной идентичности даже тогда, когда картвелом был отец. Это

1. Абхазия в советскую эпоху. Абхазские письма (1947–1989). Сборник документов. Т. I / Сост. Марыхуба И.Р. Сухум, 1994. С. 86.

2. Абхазский архив. ХХ век... С. 108.

1. Архив Гудаутского района. Ф. 192. Оп. 1. Д. 205–209.

связано как с большей этнической гомогенностью Бзыпской Абхазии в сравнении с Абжуйской в советский период, так и с более выраженной культурной дистанцией между коренным населением Гудаутского района и картвельским этническим миром, являющейся следствием и дистанции географической. Подобная ситуация вызывала и культурно-бытовой антагонизм между численно доминировавшим абхазским населением и грузинскими переселенческими группами, чего в столь явной форме не наблюдалось до начала войны в Абжуйской Абхазии. Определённое влияние на наблюдавшиеся различия в культурно-бытовом взаимодействии коренного населения Гудаутского и Очамчырского районов с картвельскими переселенцами играл и этноязыковой состав последних. Если в Бзыпской Абхазии планово переселённые крестьяне из Западной Грузии были представлены в основном грузиноязычными рачинцами и имеретинцами, а также сванами, в целом культурно более дистанцированными от абхазов¹, и в меньшей степени

1. Р.Ш. Кузнецова, характеризуя этнокультурную дистанцию между планово переселёнными в бзыпское село Лдзаа Гагрского района выходцами из Рачи и местным абхазским населением, приводит несколько примеров культурно-бытовых различий, оказавших влияние на этническую сепарацию данной сельской общины во второй половине XX века: «Рачинцы поначалу боялись жить среди абхазов... Рачинцы выделялись своими традициями (резали во время поминок бычка, что нарушало представления абхазов о пищевых запретах), одеждой (мужчины ходили в кожаных рабочих фартуках) и проч.». И далее, описывая возобновление в 1988 году моления в святилище Лдзааныха, отмечает: «В июле 1988 г. Лдзааныху устроили в лесу вблизи от села, на собранные сообществом средства. Те, кто сдавал деньги, являлись, таким образом, включёнными в него через постоянно функционирующую систему дарообменов. В представлении коренных лидзавцев это и были «свои»... Во время пиршества основное ядро молящихся держалось вместе. Рядом с ними, на соседнем холме разместили гостей: грузина («Карло»), русского (антрополога) и нескольких приезжих абхазов. Ни рачинцев, ни армян на праздник не позвали, что означает, что их не считали и членами местного лидзавского сообщества» [Кузнецова Р.Ш. Быть абхазом (выбор этничности) // Археология и этнография pontийско-кавказского региона. Вып. 1. Краснодар, 2013. С. 99, 102].

– мингрелами¹, то в Абжуйской Абхазии большая часть переселенцев происходила из географически близкой к ней Мингрелии, с населением которой у абжуйских абхазов имелись определённые этнокультурные параллели и опыт этнических контактов в предшествующий период, вызванный наличием компактного мингрельского населения в ряде сёл района к концу XIX – началу XX веков и непосредственной географической близостью уже мингрелоязычного Самурзакана.

В целом же смешанные абхазо-картвельские браки в советский (по крайней мере – в постлакобовский) период имели ещё одно измерение, которое условно можно обозначить как «элитарное». Наличие грузинской жены открывало перед абхазом преимущество при продвижении по карьерной лестнице в пределах Абхазской АССР. В сталинско-бериевское время это преимущество было доведено до абсолюта: остатки выхолощенной в период Большого террора политической и научно-культурной абхазской элиты почти сплошь состояли в смешанных браках с представительницами картвельских народов. После десталинизации этот эпизод биографии перестал быть необходимым условием для карьерного роста, но продолжал оставаться одним из благоприятствующих ему. Рассматриваемый сюжет полностью вписывался в общую схему политики национальной гомогенизации Грузинской ССР, проводимой грузинским руководством на протяжении всего периода существования союзной республики. Взращивание лояльных абхазских элит, органично встроенных в элиты грузинские, в том числе посредством прямых кровно-родственных связей, являлось одним из звеньев в цепи теперь уже бескровной аккультурации Абхазии со второй половины 1950-х годов и до завершения советского периода.

1. Анализируя данные похозяйственных книг 1960–1980-х годов, нам удалось установить, что сельское картвельское население Гудаутского района было представлено примерно на 48% рачинцами, на 35% – мингрелами, на 12% – сванами и на 5% – имеретинцами.

Табл. 9. Динамика этнического состава сельской местности Гудаутского района по данным переписей населения 1939 и 1959 годов¹.

	1939 год	1959 год	прирост, чел.	прирост, %
всё население	29997	36852	6855	22,9
абхазы	18204	20720	2516	13,8
армяне	6551	7538	978	14,9
греки	1757	211	-1546	-88,0
грузины	560	4098	3538	631,8
русские и укр.	2671	3939	1268	47,5
прочие	254	346	92	36,2

В межпереписной период 1939–1959 годов население сельской местности Гудаутского района выросло с 29997 до 36852 человек. Таким образом, общий прирост за двадцатилетний период составил 6855 человек или 22,9%. Абхазское и армянское население увеличилось путём естественного прироста на 13,8% и 14,9% соответственно. Русское и украинское население увеличилось на 47,5% преимущественно за счёт миграционного прироста, на который накладывался и естественный. Рост грузинского населения рассматриваемой территории на рекордные 631,8% является наглядным статистическим подтверждением результатов переселенческой кампании сталинско-бериевского периода применительно к Гудаутскому району. Депопуляция греческого населения связана с депортацией 1949 года и лишь частичным возвращением греков в Абхазию после снятия с них режима спецпоселения. Вклад в общий прирост населения в межпереписной период

1. Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999; 2. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973. С. 47.

1939–1959 годов крупнейшего этноса сельской местности Гудаутского района – абхазов, – составлявшего 60,7% населения данной территории в 1939 году, был лишь 36,7%. В то же время грузины, доля которых в населении рассматриваемой территории в 1939 году составляла лишь 1,9%, обеспечили 51,6% от общего прироста, а их удельный вес в сельской местности Гудаутского района к 1959 году вырос до 11,1%. Доля абхазского населения снизилась до 56,2%.

К сожалению, имеющиеся у нас материалы Всесоюзной переписи населения 1959 года, обнаруженные в Российском государственном архиве экономики, не предоставляют информации по этническому составу населения Гудауты. Данные представлены отдельно по всему городскому и сельскому населению Гудаутского района. Таким образом, мы располагаем только совокупными данными об этническом составе населения города Гудауты и пгт Новый Афон. Известна также общая численность населения Гудауты по данным переписи 1959 года – 13019 человек¹.

Понимая невозможность учесть все нюансы, такие как этническая составляющая сальдо миграции и различия в естественном приросте у основных этносов города в период с 1939 года по 1970 год, всё же попытаемся вывести аппроксимированные данные по этническому составу населения Гудауты в 1959 году путём сопоставления материалов переписей 1939 и 1970 годов, в которых представлена информация по Гудауте и Новому Афону (в 1939 году – пгт Псырцха) отдельно, с данными переписи 1959 года. Для этого придётся прибегнуть к так называемому *методу распределения невязок*. Интерполяционное приближение данных численности населения на 1959 год можно вычислить, используя следующую формулу: 1959 интерполированное = $11 \div 31$ (данные 1939) + $20 \div 31$ (дан-

1. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения союзных республик (кроме РСФСР), их территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php (дата обращения: 25.01.2019).

ные 1970). В данном случае 31 [год] – общий временной интервал между переписями 1939 и 1970 годов; 11 [лет] – временной интервал между переписями 1959 и 1970 годов; 20 [лет] – временной интервал между переписями 1939 и 1959 годов. Вычислив интерполированные данные 1959 года, вычитаем их из реальных данных переписи 1959 года (по численности населения Гудауты, Нового Афона и обоих городских населённых пунктов совокупно), таким образом, получая отклонения (невязки). Пропорционально экстраполируя невязки общей численности населения на каждый этнос в отдельности¹, суммируем их с интерполированными данными 1959 года и получаем искомый результат. Нижеследующая таблица демонстрирует ход расчётов². Курсивом в нижней части таблицы показан итоговый аппроксимированный этнический состав населения Гудауты и Нового Афона, согласно произведённым расчётом (табл. 10).

Табл. 10. Вычисление аппроксимированного этнического состава населения Гудауты и Нового Афона на 1959 год, по данным переписей населения 1939, 1959 и 1970 годов³.

		всё население	абхазы	армяне	греки	грузины	русские и укр.	прочие
1939	Гудаута	7056	1093	527	1210	1031	2839	356
	Псырцха	3012	176	236	159	109	2137	195
	сумма	10068	1269	763	1369	1140	4976	551
1959	Гудаута	13019			данные отсутствуют			
	Н. Афон	3597			данные отсутствуют			
	сумма	16616	2788	2041	413	2209	8424	741

1. Здесь и кроется неточность данных, поскольку предполагается прямая пропорция, не учитывающая деталей демографических процессов у каждого из основных этносов Гудаутского района в рассматриваемое время.

2. Расчёты произведены по нашей просьбе В.Р. Башировым.

3. Вычислено В.Р. Башировым по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999; 2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 1. Д. 572; 3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.

1970	Гудаута	13241	3592	1649	493	2041	4964	502
	Н. Афон	3989	332	445	71	263	2652	226
	сумма	17230	3924	2094	564	2304	7616	728
1959 инт.	Гудаута	11046	2705,3	1250,9	747,4	1682,61	4209,97	450,19
	Н. Афон	3642,3	276,65	370,84	102,2	208,355	2469,26	215
	сумма	14689	2981,9	1621,7	849,6	1890,97	6679,23	665,19
откл.	Гудаута	1972,7	-198,46	429,15	-447	325,511	1785,8	77,589
	Н. Афон	-45,32	4,5597	-9,8598	10,27	-7,47867	-41,0291	-1,7826
	сумма	1927,4	-193,9	419,29	-437	318,032	1744,77	75,806
1959 итог	Гудаута	13019	2507	1680	300	2008	5996	528
	Н. Афон	3597	281	361	113	201	2428	213
	сумма	16616	2788	2041	413	2209	8424	741

За двадцатилетний межпереписной период 1939–1959 годов население Гудауты выросло с 7056 до 13019 человек, то есть на 84,5%. Расчётный аппроксимированный этнический состав населения города, по данным переписи 1959 года, выглядит следующим образом. Из 13019 жителей Гудауты абхазами были примерно 2507 (19,3%) человек. Суммарная расчётная численность русских и украинцев составляла 5996 (46,1%) человек, таким образом, восточнославянская община не только продолжала оставаться доминирующей группой, но и достигла исторически зафиксированного максимума по доле в общей структуре населения. Этот факт отличает Гудауту от Сухума, где пиковые показатели удельного веса славянского населения были отмечены в 1939 году, в дальнейшем начав снижаться под воздействием активно развернувшейся демографической грузинизации столицы. Расчётная численность грузин в Гудауте составила 2008 (15,4%) человек, армян – 1680 (12,9%) человек, греков – 300 (2,3%) человек, представителей прочих этносов – 528 (4,1%) человек (рис. 6).

Рис. 6. Расчётный удельный вес представителей основных этносов в населении Гудауты (1959 г.).

Самый весомый вклад в общий прирост населения Гудауты, составивший в межпереписной период 1939–1959 годов 5963 человека, внесли совокупно русские и украинцы (52,9%). Абхазы обеспечили 23,7% общегородского прироста, армяне – 19,3%, грузины – 16,4% (табл. 11).

Табл. 11. Динамика этнического состава населения Гудауты по данным переписей населения 1939 и 1959¹ годов².

	1939 г.	1959 г.	прирост, чел.	прирост, %
всё население	7056	13019	5963	84,5
абхазы	1093	2507	1414	129,4
армяне	527	1680	1153	218,8
греки	1210	300	-910	-75,2
грузины	1031	2008	977	94,8
русские и украинцы	2839	5996	3157	111,2
прочие	356	528	172	48,3

1. Расчётные аппроксимированные данные.

2. Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999; 2. Расчётные данные на 1959 год В.Р. Баширова.

В рассматриваемый двадцатилетний период обозначилось несколько новых тенденций в векторе этнодемографического развития Гудауты. Так, обращает на себя внимание резкая депопуляция греческого населения города, занимавшего до депортации вторую позицию в этнической структуре населения Гудауты. В Абхазию из мест депортации вернётся лишь малая часть греков. Греческое население города сократилось на 910 человек или на 75,2%. Относительный прирост грузинского населения в указанный период, охвативший преимущественно сталинско-бериевское время, не сильно превышал общегородские показатели, что, как уже отмечалось, резко вычленяло Гудауту из списка остальных городских поселений Абхазии. Именно этот факт, равно как и наметившаяся в позднесоветский период депопуляция грузинского населения Гудауты, не позволил нам выделить грузинизацию в качестве самостоятельного этапа этнодемографической истории города последних ста тридцати лет. Росту грузинского населения города в 1950-е годы в немалой степени способствовало освобождение значительной части жилищного фонда вследствие выселения довольно многочисленной греческой общины¹. При этом лучшая недвижимость, ранее принадлежавшая этническим грекам, как правило, переходила в собственность представителей партийного и государственного руководства Гудаутского района, переведённых на новую работу из районов Грузии. Это являлось общей тенденцией в городах Абхазии в сталинско-бериевский период, наиболее ярко проявившейся, конечно же, в столице автономной республики².

Абхазское население Гудауты в 1939–1959 годах выросло на 129,4%, что обозначило отчётливо утвердившуюся линию начавшейся активной урбанизации бзыпских абхазов, пиковые показатели которой придется на позднесоветский период. Впервые с конца XIX столетия абхазы становятся вторым по численности этносом города. Прирост русского и украинского

1. Ачугба Т.А. Указ. соч. С. 230, 231.

2. Иоаниди Н.Н. Указ. соч. С. 51, 52.

населения Гудауты также опережал среднегородские показатели, составив в рассматриваемый период 111,2%.

Не до конца понятными для нас остаются рекордные показатели роста этнически армянского населения Гудауты, которое в период 1939–1959 годов более чем утроилось. По всей вероятности, в указанный период времени армянское сельское население Гудаутского района урбанизировалось также активно, как и абхазское, о чём свидетельствуют, в частности, одинаково скромные темпы роста представителей этих этносов в сельской местности Гудаутского района (см. табл. 9). Помимо этого, столь высокий прирост армянского населения Гудауты мог быть вызван развернувшейся после Великой Отечественной войны иммиграцией армян в СССР. Основная масса армянских иммигрантов прибыла в страну в 1946–1948 годах, однако переселение продолжилось и в последующие годы. Большинство армян было расселено в Армянской ССР, откуда тогда же была переселена в Куро-Араксинскую низменность значительная часть сельского азербайджанского населения. Однако часть армянских иммигрантов из стран Ближнего Востока обосновалась за пределами советской Армении, в том числе и на Черноморском побережье Кавказа.

Несмотря на высокие показатели прироста армян в Гудауте в рассматриваемый промежуток времени, в целом армянское сельское население Гудаутского района в советский период слабо участвовало в демографическом освоении районного центра. Это связано как с социальным составом амшенских армян, поселившихся в Абхазии в конце XIX – начале XX веков (среди них абсолютно преобладали крестьяне, мало изменившие характер экономической деятельности после переселения на Черноморском побережье Кавказа), так и с географической локализацией армянских сёл Гудаутского района, возникших в основном на его восточной и западной периферии, на территориях, коренное население которых было депортировано в Османскую империю. Таким образом, географический вектор урбанизационных тенденций армянского сельского населения

Гудаутского района был направлен преимущественно в сторону Нового Афона, Сухума и Гагры.

Наиболее существенный приток армянского населения из Анатолии на территорию Бзыпской Абхазии был зафиксирован в период массовых убийств армян в Османской империи в 1894–1896 годах, а также после трагических событий 1915 года¹. Стоит отметить, что правительство независимой Армении в постреволюционный период планировало организовать переселение армян Абхазии на историческую родину, однако в силу изменившейся после советизации Закавказья политической ситуации этим планам не суждено было осуществиться².

Первое компактное армянское поселение в Абхазии – Мцара – возникло в восточной части нынешнего Гудаутского района в 1879 году³ на месте прежнего абхазского села, все жители которого были депортированы российскими властями в Османскую империю в 1877 году (согласно Кавказскому календарю на 1870 год, в 1868 году абхазское население Мцары составляло 383 человека)⁴. В 1880 и 1887 годах население Мцары пополняется новыми выходцами из Турции⁵. Поселившиеся в Мцаре амшенские армяне происходили из Орду и Самсона⁶. В течение 1880-х годов армяне закрепляются в соседних сёлах Анхуа и Псырдзха, так же покинутых коренными жителями. Все три селения, согласно итогам посемейной пере-

1. Маилян Б.В. Армяне в контексте миграционных процессов в Абхазии и её этнополитической истории конца XIX – начала XX веков // НАИРИ. Альманах: Сборник материалов об Армении и армянской диаспоре. Вып. 6. Нижний Новгород, 2013. С. 175.

2. Там же. С. 186, 187.

3. Тер-Саркисянц А.Е. Современный быт армян Абхазии // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М., 1984. С. 3.

4. Кавказский календарь на 1870 год. С. 424.

5. Минасян М. Переселение амшенских армян на Черноморское побережье Кавказа и первые шаги их хозяйственной деятельности (последняя четверть XIX в.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1977. №1. С. 64; Чирикба В.А. Армяне в Абхазии: роль диалектов и русского языка на фоне демографической динамики // Диаспоры. 2014. №1. С. 237.

6. Там же. С. 243, 244.

писи 1886 года, были моноэтничными армянскими¹. Население Мцары, по данным этой переписи, составляло 499 человек². В 1906 году население села составляло 978 человек: все жители по-прежнему были армянами³. К 1926 году в селе проживали уже 1269 человек, 1 (0,1%) из которых признал в качестве родного языка абхазский, 1128 (88,9%) – армянский, 72 (5,7%) – греческий, 44 (3,5%) – русский, 19 (1,5%) – турецко-османский, 3 (0,2%) – грузинский, 1 (0,1%) – мингрельский и ещё 1 (0,1%) житель признал родным какой-то иной язык⁴. По итогам переписи 1959 года, численность населения Мцары составляла 1273 человека⁵, но в последующие десятилетия это предгорное периферийное селение охватил процесс депопуляции, вызванный миграцией в более привлекательные с точки зрения экономико-географического положения населённые пункты Гудаутского и других районов Абхазии, а также выездом мцарцев на постоянное место жительства за пределы республики. Согласно материалам похозяйственных книг Мцарского сельсовета 1976–1978 годов, здесь проживали 863 человека, в том числе 1 (0,1%) абхаз, 823 (95,4%) армянина, 33 (3,8%) грека, 3 (0,3%) украинца, 2 (0,2%) русских и 1 (0,1%) мариец. Большая часть населения Мцары проживала в посёлках Нижняя Мцара и Чирюта, тогда как предгорные посёлки Верхняя Мцара и Хабю отличались, с одной стороны, немноголюдностью, вызванной миграцией местных армян в направлении побережья, с другой – значительной долей греческого населения, вернувшегося из депортации. Так, в посёлке Верхняя Мцара проживали 48 человек, из которых 25 были армянами, а 23 – греками. В пределах Мцарского сельсовета было зафиксировано 5 этнически смешанных брачных пар: абхазо-армянская, армяно-греческая, армяно-русская, армяно-украинская и марийско-русская⁶. К 1989 году население Мцары сократилось до 793 человек², а к 2011 году – до 383 человек, среди которых было 29 (7,6%) абхазов, 337 (88,0%) армян, 15 (3,9%) русских и 2 (0,5%) грека³.

По данным на 1868 год, за девять лет до депортации коренного населения в селе Анхуа проживали 1563 абхаза, из которых 1550 (99,2%) были мусульманами, 13 (0,8%) – православными христианами⁴. Пицундское окружное управление 1 мая 1878 года объявило, что «виноградные и фруктовые сады, находящиеся в селе Анухва и оставшиеся после выселения анухвинских жителей в Турцию, будут продаваться в настоящем году в арендное содержание на один год»⁵. Согласно данным переписи 1886 года, здесь проживали исключительно армяне (316 человек)⁶. В дальнейшем Анхуа становится полигэтничным селом благодаря расселению в нём абхазов, сумевших возвратиться из Турции. В начале XX века здесь осядут также греки, а позже – и русские. Полигэтничность села, однако, сопровождалась выраженной чересполосицей гомогенных этнических ареалов, что позволит в 1925 году выделить два отдельных сельсовета – Анухва-Абхазская (с включением греческого населения) и Анухва-Армянская⁷ – в соответствии с получившей распространение в раннесоветскую эпоху практикой использования этнического критерия при проведении границ низовых административно-территориальных единиц. Исходя из

1. Свод статистических данных о населении Закавказского края... Без пагинации.

2. Там же.

3. Кавказский календарь на 1908 год. С. 77.

4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ.

5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799.

1. Архив Гудаутского района. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8–11.

2. Населённые пункты и население Грузии... С. 27.

3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 121.

4. Кавказский календарь на 1870 год. С. 424.

5. Олонецкий А.А. Колонизация Абхазии во второй половине XIX столетия // Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. Сухум, 1934. С. 79.

6. Свод статистических данных о населении Закавказского края... Без пагинации.

7. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 249.

того же принципа, на западе Бзыпской Абхазии, в пределах Гагринского уезда, правобережная часть Калдахуарской общинны была разделена на два сельсовета – *Абхазская Калдахвара* и *Армяно-Мингрельская Калдахвара*¹, а Эшерский сельсовет Сухумского района в середине 1930-х годов был разделён на *Эшера-Абхазский* и *Эшера-Армянский* сельсоветы². По данным переписи 1926 года, совокупная численность населения двух сельсоветов, на которые было разделено село Анхуа, составляла 2275 человек, в том числе 400 (17,6%) с родным языком абхазским, 1453 (63,9%) – с армянским, 286 (12,6%) – с греческим, 89 (3,9%) – с русским, 19 (0,8%) – с мингрельским, 13 (0,6%) – с грузинским, 12 (0,5%) – с турецко-османским, 1 (0,1%) – с украинским и 2 (0,1%) – с прочими языками³. К 1959 году численность населения села Анхуа сократилась до 1699 человек⁴, что было вызвано в первую очередь передачей в 1950-е годы трёх этнически армянских посёлков – Адзхапш, Арсаул и Ачануа – в состав Приморского сельсовета. Общее население этих административно переподчинённых посёлков в 1959 году составляло 834 человека⁵. В 1953 году в Анхуа планировалось создать имеретинский переселенческий посёлок из 100 хозяйств⁶, однако выходцы из Орджоникидзевского района Грузии так и не были переселены в пределы села. В 1960–1980-е годы относительно периферийное и труднодоступное селение Анхуа, лежащее в предгорной полосе, охватывает стадия депопуляции: абхазское население устремляется преимущественно в прилегающий курортный посёлок Новый Афон, а анухвские армяне, так же как и мцарские, мигрируют в различные прибрежные населённые пункты Абхазии и за её пределы.

1. Там же.

2. Сагария Б.Е. Советское строительство в Абхазии (1929–1937 гг.). Сухуми, 1986. С. 68, 71.

3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ.

4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799.

5. Там же.

6. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 239.

По материалам похозяйственных книг Анухвского сельсовета 1976–1978 годов, здесь проживали 976 человек, 337 (34,5%) из которых были этническими абхазами, 523 (53,6%) – армянами, 103 (10,6%) – русскими, 5 (0,5%) – греками, 3 (0,3%) – турками, 3 (0,3%) – украинцами и 2 (0,2%) – грузинами. В селении было зафиксировано 17 этнически смешанных брачных союзов, включая 8 армяно-русских, 5 абхазо-русских, а также по 1 абхазо-грузинскому, армяно-греческому, армяно-украинскому и турецко-украинскому. Смешанных браков между представителями двух численно доминирующих этносов села – абхазского и армянского – отмечено не было¹. По данным последней советской переписи 1989 года, в Анхуа проживали уже 834 человека². Углубление начавшегося в позднесоветский период процесса депопуляции происходило в послевоенные 1990–2000-е годы. Это сопровождалось также изменением этнической структуры населения: абхазы в начале XXI века становятся численно доминирующим этносом рассматриваемого села. К 2011 году численность жителей села Анхуа снизилась до 393 человек, среди которых было 258 (65,6%) абхазов, 93 (36,0%) армянина, 38 (9,7%) русских, по 1 (0,3%) греку и украинцу, а также 2 (0,5%) представителя прочих этносов³.

В 1868 году абхазское население села *Псырдзха* составляло 954 человека: все жители были учтены как мусульмане⁴. По данным посемейной переписи 1886 года, проведённой через девять лет после депортации коренных жителей, армянское население *Псырдзхи*, сформированное выходцами из Самсун⁵, составляло 221 человек⁶. *Псырдзха* в силу своего экономико-географического положения в XX веке также не имела

1. Архив Гудаутского района. Ф. 191. Оп. 1. Д. 232–235.

2. Населённые пункты и население Грузии... С. 24.

3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 117, 118.

4. Кавказский календарь на 1870 год. С. 424.

5. Чирикба В.А. Указ. соч. С. 244.

6. Свод статистических данных о населении Закавказского края... Без пагинации.

шансов сохранить армянскую моноэтничность, к тому же в конце XIX века здесь поселяются вернувшиеся из Турции абхазы. Прибрежное селение, лежащее вдоль автомагистрали и непосредственно примыкающее к Новому Афону с востока, микроклиматические условия которого благоприятны для выращивания цитрусовых культур, в XX столетии становится одним из локальных центров иммиграции. В начале прошлого века в селе оседают мингрельские переселенцы, сформировав посёлок Псырдзха Мингрельская, который стал первым по времени возникновения компактным картвельским поселением в сельской местности Бзыпской Абхазии. После окончания Первой мировой войны здесь оседают греческие беженцы из Турции, образуя посёлок Псырдзха Греческая. В 1948 году в ходе активно развернувшейся кампании по грузинизации топонимики Абхазии оба посёлка были объединены в один, получивший официальное название Цитрусовани¹. В 1906 году население Псырдзхи составляло 739 человек, в том числе 84 (11,4%) абхаза, 482 (65,2%) армянина и 173 (23,4%) мингрела². По итогам переписи населения 1926 года, в Псырдзхском сельсовете, в то время включавшем и территорию нынешнего Нового Афона (с преимущественно славянским, армянским, грузинским и абхазским населением), проживали 1657 человек, в том числе 34 (2,1%) – с родным языком абхазским, 954 (57,6%) – армянским, 266 (16,0%) – русским, 193 (11,6%) – греческим, 79 (4,8%) – грузинским, 69 (4,2%) – мингрельским, 19 (1,1%) – украинским, 4 (0,2%) – турецким, 3 (0,2%) – лазским и 36 (2,2%) – прочими языками³. В сталинско-бериевский период на фоне депортации греческой общины Псырдзхи в Казахстан продолжает расти картвельское население. По данным похозяйственных книг Псырдзхского сельсовета 1983–1985

1. Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 1 мая 1960 года. Тбилиси, 1960. С. 259.

2. Кавказский календарь на 1908 год. С. 83.

3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ.

годов, число жителей села составляло 2572 человека, из которых 224 (8,7%) были абхазами, 1856 (72,2%) – армянами, 243 (9,4%) – русскими, 198 (7,7%) – грузинами, 15 (0,6%) – лазами¹, 11 (0,4%) – украинцами, 8 (0,3%) – греками, по 3 (0,1%) – лезгинами и черкесами, по 2 (0,1%) – евреями, осетинами и эстонцами, по 1 (0,1%) – азербайджанцем, молдаванином, мордвином, немцем и татарином. Количество этнически смешанных брачных пар достигало 64, включая 26 армяно-русских, 9 грузино-русских, 5 русско-украинских, по 4 абхазо-армянских, абхазо-грузинских и абхазо-русских, 3 армяно-грузинских, а также по 1 армяно-греческой, армяно-украинской, армяно-мордовской, армяно-немецкой, грузино-еврейской, грузино-лезгинской, грузино-черкесской, молдавско-русской и русско-татарской². Этнодемографическое развитие Псырдзхи после грузино-абхазской войны 1992–1993 годов характеризуется сокращением общей численности жителей при параллельном увеличении абсолютного количества и удельного веса абхазов. Последняя тенденция обусловлена выгодным экономико-географическим положением рассматриваемого села. Так, по итогам переписи населения 2011 года, население Псырдзхской сельской администрации составляло 1738 человек, в том числе 327 (18,8%) абхазов, 1205 (69,3%) армян, 140 (8,1%) русских, 22 (1,3%) грузина, 9 (0,5%) мингрелов, 9 (0,5%) украинцев, 6 (0,3%) греков и 20 (1,2%) представителей прочих этносов³.

В 1907 году в западной части Гудаутского участка, на землях Калдахуарской общины, было основано ещё одно армянское село – Каваклук⁴. После трагических событий в Османской империи в 1915 году население села значительно увеличилось.

1. Лазы учтены в похозяйственных книгах сельсовета отдельно, тогда как в личных документах они, вероятно, были записаны абхазами или турками.

2. Архив Гудаутского района. Ф. 190. Оп. 1. Д. 74–85.

3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 121, 122.

4. В 1948 году село Каваклук было переименовано в грузинское Агараки, в 1996 году официально закреплено абхазское название Амжвыкухуа [Кварчия В.Е. Указ. соч. С. 225].

По данным переписи 1926 года, общая численность населения Каваклуга составляла 2097 человек, из которых 2 (0,1%) человека признали родным языком абхазский, 1953 (93,1%) – армянский, 60 (2,9%) – русский, 50 (2,4%) – греческий, 19 (0,9%) – турецко-османский, 4 (0,2%) – украинский, 2 (0,1%) – грузинский, 2 (0,1%) – мингрельский и 5 (0,2%) человек – прочие языки¹. Будучи периферийным селением, расположенным в холмистой пересечённой местности, Каваклуг в течение советского периода был подвержен активной депопуляции. Сокращение численности населения было вызвано внутренней миграцией – массовым выбытием из села как целых хозяйств, так и отдельных жителей преимущественно в другие сёла Гудаутского и Гагрского районов. К середине XX века численность населения села, уже переименованного в Агараки, сократилась почти вдвое. По итогам переписи населения 1959 года, здесь проживали 1191 человек². Любопытно, что один из колхозов села в середине столетия назывался «Советская Армения»³. Согласно материалам похозяйственных книг Агаракского сельсовета 1964–1966 годов, численность жителей села составляла 1174 человека, в том числе 1 (0,1%) абхаз, 1157 (98,6%) армян, 14 (1,2%) русских и 2 (0,2%) украинца. В Агараки было отмечено 6 этнически смешанных брачных союзов, включая 3 армяно-русских и по 1 абхазо-армянскому, армяно-украинскому и русско-украинскому. Любопытно, что в абхазо-армянском смешанном браке, где супругой была армянка, двое сыновей также были записаны армянами и носили традиционные для армян имена – Ашот и Рафик, что является единственным примером выбора армянской этничности детьми отца-абхаза в пределах Гудаутского района и, пожалуй, единственным подобным примером в Абхазии 1960-х годов. Похозяйственные книги 1964–1966 годов демонстрируют активное выбытие жителей

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ.

2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799.

3. Газ. «Советская Абхазия». 12 июня 1949. №115 (8095).

из села Агараки и ликвидацию десятков хозяйств. Основной вектор миграции был направлен как в соседние сёла Гагрского района – Лдзаа и Псахара, обладающие более благоприятным экономико-географическим положением, так и в другие сёла Гудаутского района, особенно в Бамборо¹. В позднесоветский период численность населения Агараки сокращалась уже не так стремительно. По итогам переписи 1989 года, здесь имелось 982 жителя². Следующий виток депопуляции пришёлся на послевоенный период. Согласно данным переписи 2011 года, в селе Амжвыкухуа проживали 672 человека, в том числе 4 (0,6%) абхаза, 641 (95,4%) армянин, 22 (3,3%) русских, 3 (0,4%) украинца и 2 (0,3%) представителя прочих этносов³.

Периферийные и удалённые от центральной автомагистрали этнически армянские сёла Мцара и Амжвыкухуа, наряду с имеющим схожее экономико-географическое положение предгорным абхазским селением Хуап, являлись единственными сёлами Гудаутского района, где, согласно похозяйственным книгам 1960–1970-х годов, не проживало ни одного грузина. Очевидно, что незаинтересованность властей в организации грузинских переселенческих посёлков в армянских сёлах Гудаутского района в 1930–1950-х годах проистекает из основополагающей цели переселения западногрузинских крестьян в Абхазию – ассимиляции абхазского этноса.

Исключением из общего периферийского контура географической локализации армянских сёл Гудаутского района явилась армянская община села Джирхуа, возникшая в 1960-е годы в центральной части этнической территории бзыпских абхазов и прекратившая существование в период войны 1992–1993 годов. Джирхвские армяне были компактно расселены в посёлке Акуачархуа, в домах, построенных в сталинско-бериевский период и предназначавшихся для переселенцев из Западной Грузии. В связи с окончанием планового пере-

1. Архив Гудаутского района. Ф. 180. Оп. 1. Д. 95–99.

2. Населённые пункты и население Грузии... С. 24.

3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 117.

селения в период десталинизации грузинские крестьяне так и не были заселены в Акуачархуа. Поскольку абхазы, проживавшие в предгорной части села Джирхуа, не изъявили желания заселить местность, считавшуюся ими малопригодной для постоянного обитания из-за распространённой здесь ранее малярии, построенные дома были отданы армянским поселенцам, рядом с которыми расселили также греков. По данным переписи 1959 года, проведённой до появления в селе Джирхуа армянского и греческого населения, в посёлке Акуачархуа имелось всего 64 жителя, а преобладающей национальностью были абхазы¹. Согласно материалам похозяйственных книг 1967–1969 годов, население Джирхского сельсовета составляло 2576 человек, в том числе 1996 (77,5%) абхазов, 458 (17,8%) армян, 59 (2,3%) греков, 39 (1,5%) грузин, 20 (0,8%) русских, 2 (0,1%) молдаванина, 1 (0,1%) абазин и 1 (0,1%) турок. Картвельское население было представлено исключительно дисперсно расселёнными мингрелами (численно преобладающая фамилия – Соломония), значительную часть которых составляли представители этнически смешанных семей. Всего в селе имелось 13 смешанных брачных пар, включая 4 абхазо-мингрельские, 3 абхазо-русские, по 1 абхазо-абазинской, абхазо-греческой, абхазо-молдавской, абхазо-турецкой, греко-русской и грузино-русской. Представители армянской общины не состояли в смешанных браках². По итогам переписи 1989 года, население данного посёлка составляло уже 479 человек, из которых 378 были армянами. Армяне составляли 18,8% от всех жителей Джирхского сельсовета. Остальное население было представлено преимущественно абхазами³. Армянская община покинула село по завершении Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов, поскольку мужская часть населения призывного возраста в массе своей отказалась влиться в ряды вооружённых сил Республики Абхазия. Поки-

1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799.

2. Архив Гудаутского района. Ф. 50. Оп. 1. Д. 70–76.

3. Населённые пункты и население Грузии... С. 25.

нутая армянами местность в итоге была заселена абхазами из более отдалённых от трассы и труднодоступных частей того же села Джирхуа, отказавшимися, как уже отмечалось, освоить её в середине XX века. В начале 2018 года, по данным главы администрации села Джирхуа, помимо абхазов, здесь проживали одна армянская и несколько греческих семей¹. Согласно итогам переписи населения 2011 года, численность населения села составляла 1556 человек, из которых 1528 (98,2%) были абхазами, 10 (0,6%) – греками, 7 (0,4%) – русскими, 3 (0,2%) – армянами, 3 (0,2%) – грузинами и 5 (0,3%) – представителями прочих этносов².

С конца XIX столетия и вплоть до настоящего времени армяне стабильно являлись вторым по численности этносом в сельской местности Гудаутского района. В 1886 году в сёлах Гудаутского участка проживали 1037 армян, что составляло 7,0% населения территории³. По данным сельскохозяйственной переписи 1923 года, в сельской местности Гудаутского уезда было зафиксировано 4586 армян или 19,1% от общего количества населения⁴. По итогам первой Всесоюзной переписи населения 1926 года, на данной территории армянский язык в качестве родного отметили 5686 человек или 20,9% жителей⁵. Численность и доля армян в сельской местности Гудаутского района по данным последующих переписей такова: 1939 год – 6551 (21,8%) человек⁶, 1959 год – 7538 (20,5%) человек⁷, 1970

1. Записано научным сотрудником отдела этнографии АБИГИ А.Ш. Хашба со слов главы администрации села Джирхуа А.А. Мукба.

2. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 119.

3. Свод статистических данных о населении Закавказского края... Без пагинации.

4. Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года... С. 192, 193.

5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ.

6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.

7. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973. С. 47.

год – 8108 (18,9%) человек¹, 1979 год – 7414 (18,9%) человек², 2011 год – 3252 (12,2%) человека³.

За одиннадцатилетний межпереписной период 1959–1970 годов общая численность населения Гудауты практически не изменилась, однако наметились тенденции изменения этнической структуры населения. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 года, население города составляло 13241 человек, в том числе абхазов – 3592 (27,1%) человека, представителей восточнославянских народов вкупе – 5055 (38,2%) человек (включая 4487 русских, 477 украинцев и 91 белоруса), грузин – 2041 (15,4%) человек, армян – 1649 (12,5%) человек, греков – 493 (3,7%) человека, евреев – 87 (0,7%) человек⁴, татар – 50 (0,4%) человек, осетин – 29 (0,2%) человек, азербайджанцев – 22 (0,2%) человека, представителей прочих этносов – 223 (1,7%) человека⁵ (рис. 7).

Рис. 7. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гудауты (1970 г.).

1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.

2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481.

3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 116.

4. В том числе 30 грузинских евреев.

5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.

Данные переписи 1970 года демонстрируют ряд этнодемографических тенденций, наметившихся в Гудауте с конца 1950-х годов. Абхазское население продолжает активно расти вследствие миграции жителей из сельской местности Гудаутского района, однако абхазы пока ещё остаются вторым по численности и удельному весу этносом Гудауты. Восточнославянское население, продолжая оставаться доминирующей стратой в пёстрой этнодемографической палитре города, входит в фазу депопуляции, которая теперь уже будет носить необратимый характер.

Более позднее по сравнению с Сухумом проявление первых признаков демографической деславянизации в Гудауте вызвано как существенно менее активной инфильтрацией картвельского населения в сталинско-бериевский период, так и общими закономерностями этнодемографического развития городских поселений Западной Абхазии в рассматриваемый в настоящей работе отрезок времени. В первой половине XX столетия в формировании этнического ландшафта городов Абхазии отчётливо просматривались признаки *географического детерминизма*: во всех городских поселениях Западной Абхазии численно доминировало восточнославянское население, в то время как в городах Восточной Абхазии преобладало картвельское население¹. Исключение составлял только город Ткуарчал, вектор этнодемографического развития которого на раннем этапе сильно отличался от процессов, протекавших в других городах Восточной Абхазии, что объясняется непосредственной причиной его возникновения как крупного промышленного центра внутри аграрной предгорной абхазской глубинки. Исходя из общей логики этнодемографических процессов в новых промышленных городах СССР, Ткуарчал на раннем этапе своего развития закономерно аккумулировал значительное славянское население, которое будет долгое время преобладать в промышленной столице Абхазии². Таким

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 33.

2. Там же. С. 39.

образом, факт наличия славянской доминанты на раннем этапе развития Гудауты предопределил временной сдвиг процесса депопуляции славянского населения города.

У грузинской общины Гудауты в межпереписной период 1959–1970 годов наблюдается отчётиливая стагнация численности и удельного веса. То же справедливо и для этнически армянского населения города, тогда как численность и доля греков повышаются.

Подытоживая, можно отметить, что трансформации этнической структуры населения Гудауты в период между переписями 1959 и 1970 годов были обусловлены двумя разноправленными процессами: урбанизацией сельского населения Бзыпской Абхазии, вызвавшей опережающий прирост коренного населения административного центра Гудаутского района, и началом процесса депопуляции славянского населения, по-прежнему остававшегося самой многочисленной группой города. В Сухуме же депопуляция восточнославянской общины началась на десятилетие позже и была зафиксирована в межпереписной период 1970–1979 годов¹. В это же время впервые отмечается и депопуляция славянского населения в масштабах всей Абхазии. Г.П. Лежава в качестве основной причины этого явления выделяет «сокращение потребностей промышленного развития региона»². Выявление всего комплекса причин оттока славянского населения из Абхазии в 1970-е годы требует специального изучения. По всей вероятности, задержка демографической деславянизации Сухума относительно Гудауты связана как с его столичным статусом, так и с существенным, по меркам Абхазии, промышленным потенциалом города, тогда как относительно периферийная Гудаута, отраслевой состав экономики которой выделялся непропорционально высокой долей третичного сектора, начала терять славянское население раньше. Количественная характеристика описанных трансформаций представлена в нижеследующей таблице (табл. 12).

1. Там же. С. 56, 57.

2. Лежава Г.П. Указ. соч. С. 25.

Табл. 12. Динамика этнического состава населения Гудауты по данным переписей населения 1959¹ и 1970 годов².

	1959 г.	1970 г.	прирост, чел.	прирост, %
всё население	13019	13241	222	1,7
абхазы	2507	3592	1085	43,3
армяне	1680	1649	-31	-1,8
греки	300	493	193	64,3
грузины	2008	2041	33	1,6
русские и украинцы	5996	4964	-1032	-17,2
прочие	528	502	-26	-4,9

В 1959–1970 годах население Гудауты выросло всего на 222 человека или на 1,7%, при этом абсолютные показатели прироста абхазов и убыли русской и украинской общин совокупно были примерно на одном уровне, таким образом, уравновешивая общегородские показатели естественного и механического движения населения. Абхазское население Гудауты выросло примерно на 1085 человек или на 43,3%, а убыль русского и украинского населения составила около 1032 человек (-17,2%). Численность грузин возросла примерно на 33 человека или на 1,6%, а показатели сокращения численности армянской общины были столь же незначительными – 31 человек или -1,8%. Вновь начинает расти численность и доля греческого населения, однако из-за несущественных абсолютных показателей, явившихся следствием депортации, греки со второй половины XX столетия перестают быть одним из ключевых компонентов этнической политры города.

Первый этап этнодемографической истории Гудауты, обозначенный нами как формирование полиэтничной структуры

1. Расчётные аппроксимированные данные.

2. Составлено нами по источникам: 1. Расчётные данные на 1959 год В.Р. Баширова; 2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.

населения города, продлился с конца XIX века вплоть до 1970-х годов. Столь обширные хронологические рамки описанного этапа объясняются локальными особенностями вектора этнодемографического развития Гудауты в советское время, в первую очередь – слабой выраженностью демографической грузинизации города в сталинско-бериевский период, которая впоследствии сменится устойчивой депопуляцией грузинской общины. В Сухуме, в отличие от Гудауты, именно активная грузинизация, начавшаяся на рубеже 1930–1940-х годов, предопределила характер последующих этнодемографических трансформаций поликультурного ландшафта столицы.

На завершающей фазе первого этапа этнодемографической истории Гудауты её этнический ландшафт был отчётливо полиморфным, состоящим из четырёх более-менее соразмерных структурных компонентов: абхазского, восточнославянского, картвельского и армянского. Демографический потенциал пятого (греческого) компонента, делившего со славянским роль базового на ранней стадии этнодемографического развития города, был подорван в конце 1940-х годов. При этом относительная славянская этническая доминанта сохранялась в Гудауте на протяжении практически всего первого этапа.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КОРЕНİZАЦИЯ ГУДАУТЫ

В 1970-е годы траектория этнодемографического развития Гудауты выходит на качественно новый этап, хотя фундамент этих подвижек был заложен несколькими десятилетиями ранее. Непродолжительный период с конца 1970-х годов до 1992 года выделен в самостоятельный этап этнодемографической истории города, обозначенный нами как «демографическая коренизация Гудауты», поскольку динамика этнической структуры населения в рассматриваемое время имела ярко выражен-

ный транзитный характер. Этнодемографические процессы в обозначенный отрезок времени демонстрируют *транзит* от полиэтничности раннесоветской и сталинско-бериевской эпох к признакам устойчивой абхазской моноэтничности послевоенного периода. Хотя сама моноэтничность послевоенной Гудауты, конечно, весьма относительна. Релятивность данной характеристики обусловлена узколокальным внутриабхазским контекстом: на фоне большинства других городских поселений страны современная Гудаута выглядит в достаточной степени этнически гомогенным населённым пунктом¹. Таким образом, термин «демографическая коренизация» видится нам вполне уместным для обозначения транзитного этапа этнодемографической истории города. Этот переходный этап, хронологически охвативший преимущественно 1980-е годы, явился фундаментом для превращения Гудауты в один из центров (наряду со столицей) абхазского национально-освободительного движения и предопределил ту особую роль, которую взял на себя город в сложнейший период новейшей истории страны, фактически став военной столицей Абхазии в 1992–1993 годах. Успешная оборона блокадного Ткуарчала также стала возможной в первую очередь благодаря тому, что промышленная столица Абхазии, как и Гудаута, в 1980-е годы пребывала в транзитной фазе своей этнодемографической истории, уверенно встав на путь демографической коренизации. Несложно спроектировать ход развития событий при гипотетическом отсутствии в предвоенной Абхазии городских центров с хотя бы

1. Это же в ещё большей степени справедливо для этнически мингрельского города Гал, однако его этническая гомогенность была сформирована уже в первой половине XX века, с окончанием ассимиляции самурзаканских абхазов в городе и окрестностях. Так, по данным переписи 1926 года, население местечка Гал составляло 1026 человек, в том числе 81,5% картвелов, 15,8% абхазов и 2,8% представителей прочих этносов [Административно-территориальное деление ССР Грузии. С. 156]. По итогам переписи 1939 года, в Гале проживали 3847 человек, в том числе 89,7% грузин, 0,4% абхазов и 9,9% остальных [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 1. Д. 572].

относительной абхазской этнической доминантой, каковыми в тот период являлись Гудаута и Ткуарчал¹. Этническая палитра городских центров, таким образом, оказала существенное влияние на формирование современного геополитического ландшафта Кавказского региона, что отчётливо иллюстрирует пример Абхазии.

В этнодемографической истории Гудауты последних ста тридцати лет, как и в истории Сухума, нами было выделено три этапа. Если первый и последний этапы в обоих городах в целом идентичны по характеру протекавших процессов и, таким образом, озаглавлены нами с использованием аналогичных формулировок, то второй, промежуточный этап в двух городах имел резко различающуюся направленность. Вместо этапа демографической грузинизации, имевшего место в абхазской столице с конца 1930-х годов до окончания грузино-абхазской войны осенью 1993 года, в Гудауте первый этап, растянувшись во времени, сменился в конце 1970-х годов не грузинизацией, а демографической коренизацией, то есть усиленным нарастанием численности и доли титульной группы населения, ставшей в этот период доминирующей во всё ещё сохраняющемся полигэтническом ландшафте городского пространства районного центра.

1. С.З. Лакоба пишет: «Что было бы с Восточной Абхазией в годы грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., если бы в 20–30-е гг., при колоссальном противодействии Тифлиса, в горах не появился шахтёрский город Ткуарчал? Только благодаря энергичным действиям Н. Лакоба, рядом с Гальским районом и Западной Грузией вырос крупный промышленный центр. Его важной экономической задачей была промышленная разработка каменного угля, формирование национальных кадров рабочего класса, стекавшихся сюда со всей Абхазии. Ставилась тогда и стратегическая задача: создать в Ткуарчале бастион, многонациональный укрепрайон Абхазии на пути картвельской колонизации и восточной экспансии. В 1992–1993 гг. блокадный Ткуарчал стал своеобразным военным центром Восточной Абхазии, оказывая неоценимую инженерно-техническую помощь сельскому населению и фронту» [Лакоба С.З. Абхазия, её лидеры и некоторые особенности социального эксперимента (20–30-е гг. XX в.) URL: <http://lakobamuseum.org/28-03-2018> (дата обращения: 25.01.2019)].

Демографическая коренизация в 1970-е годы отмечалась в городах многих национальных окраин Советского Союза, не только за пределами РСФСР, но и в некоторых российских автономиях, особенно на Северном Кавказе. В одних регионах этот процесс уже оформленся полноценно, в других – наметилась лишь его начальная фаза, характеризовавшаяся увеличением доли титульного населения и некоторым снижением удельного веса всё ещё доминирующей восточнославянской общины, как, например, в большинстве столиц центральноазиатских республик (табл. 13). М.Н. Губогло характеризовал этнодемографические изменения в столицах союзных республик в позднесоветский период следующим образом: «В процессах “коренизации” национального состава жителей большинства столиц союзных республик согласованно проявляли себя две тенденции: рост национального самосознания и ускоренное увеличение численности столичного населения за счёт прироста титульной нации. Происходившие в ходе этого процесса серьёзные этнодемографические сдвиги подготавливали почву для переосмысливания русским населением своего места и статуса на этнической карте и в реальной жизни каждой столицы. Падение их доли в составе столичного населения было в то же время объективной основой для перехода ими от осознания себя частью национального большинства Советского Союза к осознанию своего положения как национального меньшинства данной союзной республики»¹.

Табл. 13. Динамика титульного и восточнославянского населения Алма-Аты, Душанбе, Фрунзе и Ташкента по данным переписей населения 1970 и 1979 годов².

1. Губогло М.Н. Этнодемографическая и языковая ситуация в столицах союзных республик СССР в конце 80-х – начале 90-х годов // Отечественная история. 1993. №1. С. 56, 57.

2. Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4014–4101; 2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6209–6237.

	1970 год			1979 год		
	все	титул.этнос	вост.славяне	все	титул.этнос	вост.славяне
Алма-Ата	729633 (100%)	88237 (12,1%)	548056 (75,1%)	899664 (100%)	147886 (16,4%)	633846 (70,5%)
Душанбе	375744 (100%)	99184 (26,4%)	172415 (45,9%)	494092 (100%)	152613 (30,9%)	212517 (43,0%)
Фрунзе	430618 (100%)	53059 (12,3%)	313601 (72,8%)	525989 (100%)	88819 (16,9%)	356348 (67,7%)
Ташкент	1384509 (100%)	512962 (37,1%)	611224 (44,1%)	1759419 (100%)	718477 (40,8%)	726139 (41,3%)

В Абхазии же, в отличие от большинства других союзных республик и автономий, демографическую коренизацию городских центров, которая могла бы быть запущена в условиях наметившейся депопуляции славянского населения, тормозила встречная демографическая грузинизация. Именно поэтому в позднесоветский период, несмотря на рост численности и доли абхазского населения, этап коренизации так и не был отмечен в Сухуме, поскольку абсолютные показатели роста картвельского населения перекрывали аналогичные показатели у абхазов. Максимальный показатель удельного веса грузин в населении Сухума был отмечен именно на закате советской эпохи¹. Таким образом, полноценная демографическая коренизация городских населённых пунктов, сопровождавшаяся параллельной депопуляцией грузинской и славянской общин, в пределах Абхазской АССР в 1970–1980-е годы отмечалась только в Гудауте и Ткуарчале, что вычленяет траектории их этнодемографического развития из общеабхазской схемы. Причём для каждого из них были характерны свои особенности протекания описываемого процесса. В Ткуарчале, например, коренизация проходила в условиях наличия более многочисленной картвельской общины, в чём опять же усматриваются признаки географического детерминизма. Административный центр Абжуйской Абхазии – Очамчыра, развивавшийся в со-

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 58.

ветское время в условиях картвельского этнического доминирования в ещё большей степени, чем Сухум, так же не был в состоянии влиться в этап коренизации. Гагра и Гал, будучи центрами этнически неабхазских районов, и вовсе были лишены каких-либо шансов на это.

По итогам Всесоюзной переписи населения 1979 года, население Гудауты составило 13053 человека. Численность абхазов, впервые с конца XIX века ставших крупнейшей группой в населении города, достигла 4786 человек, а их удельный вес – 36,7%. Второе место теперь занимали русские и украинцы, чья совокупная численность составила 3899 (29,9%) человек, в том числе 3558 русских и 341 украинец. На третьем месте по численности и доле в населении продолжали оставаться грузины – 1955 (15,0%) человек. За ними следовали армяне – 1497 (11,5%) человек, греки – 532 (4,1%) человека, евреи¹ – 48 (0,4%) человек, осетины – 38 (0,3%) человек, азербайджанцы – 19 (0,1%) человек. Представителей других этносов было отмечено 279 (2,1%) человек² (рис. 8).

Рис. 8. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гудауты (1979 г.).

1. При этом грузинских евреев, в отличие от Сухума, отмечено не было, что, однако, не исключает их фактического наличия в городе, поскольку в последние десятилетия советской эпохи у грузинских евреев отмечалась тенденция не фиксировать свою локально-географическую (или субэтническую) принадлежность, хотя такая возможность имелась.

2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481.

Девятилетний межпереписной период 1970–1979 годов, ознаменовавшийся переходом Гудауты на второй этап этнодемографического развития, впервые в новой истории города был отмечен общим, хотя и незначительным, сокращением численности населения. Этот процесс явился следствием депопуляции представителей большинства нетитульных этносов Гудауты, которая не была полностью компенсирована продолжающейся урбанизацией абхазского сельского населения Гудаутского района. Положительная динамика прироста наблюдалась только у абхазского населения города и достаточно малочисленной греческой общины. Число абхазов в обозначенный период возросло на 1194 человека или на 33,2%, а греков – на 39 человек или на 7,9%. Депопуляция русского и украинского населения была соразмерна росту численности абхазов, составив 1065 человек. По отношению к численности на 1970 год русское и украинское население вкупе сократилось на 21,5%, армянское – на 9,2%, грузинское – на 4,2% (табл. 14).

Табл. 14. Динамика этнического состава населения Гудауты по данным переписей населения 1970 и 1979 годов¹.

	1970 г.	1979 г.	прирост, чел.	прирост, %
всё население	13241	13053	-188	-1,4
абхазы	3592	4786	1194	33,2
армяне	1649	1497	-152	-9,2
греки	493	532	39	7,9
грузины	2041	1955	-86	-4,2
русские и украинцы	4964	3899	-1065	-21,5
прочие	502	384	-118	-23,5

1. Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333; 2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481.

В межпереписной период 1970–1979 годов отмечалась не только депопуляция грузинского населения самого города, но и фактическая стагнация численности картвельской общины в сельской местности Гудаутского района. Рост численности и удельного веса грузинской общины сельской местности Гудаутского района, сформировавшейся в 1930–1950-е годы путём планового переселения крестьян из Рачи, Мингрелии, Сванетии и Имеретии, резко сокращается уже в 1960-е годы, поскольку естественный прирост вкупе с незначительной иммиграционной подпиткой едва компенсировали миграционный отток преимущественно в Сухум и Гагрский район. Аналогичные процессы отмечались и в Очамчырском районе. Повышенный относительно средних показателей по автономной республике рост численности грузинского населения в пределах сельской местности Гагрского горсовета и «столичного» Сухумского района объясняется в первую очередь экономико-географической привлекательностью этих территорий (табл. 15).

Табл. 15. Динамика грузинского населения в сельской местности районов Абхазии по данным переписей населения 1970 и 1979 годов¹.

	1970 г.	1979 г.	прирост, чел.	прирост, %
сёла Абхазии	125697	132002	6305	5,0
сёла Гудаутского р-на	4699	4835	136	2,9
сёла Гагрского горсовета	7410	8366	956	12,9
сёла Галского р-на	52340	55242	2902	5,5
сёла Гулрыпшского р-на	25963	26138	175	0,7
сёла Очамчырского р-на	19775	20566	791	4,0
сёла Сухумского р-на	15510	16855	1345	8,7

1. Составлено нами по тем же источникам. В 1979 году пгт Гулрыпш посчитан вместе с сёлами, поскольку на момент проведения переписи 1970 года он являлся сельским населённым пунктом.

В 1980-е годы Гудаута стремительно приобретает отчётливую абхазскую этническую доминанту. Этот процесс активизируется вследствие нарастающей урбанизации сельского абхазского населения Гудаутского района и попутного сокращения численности всех остальных основных этносов города, теперь уже включая и греков. Последнее можно заключить исходя из того, что общая численность греческой общины Гудаутского района в межпереписной период 1979–1989 годов сократилась с 745 до 601 человека.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении поселенные итоги последней Всесоюзной переписи населения 1989 года по Абхазии, представленные в статистическом справочнике «Населённые пункты и население Грузии (по данным Всесоюзной переписи 1989 года)», выпущенном в 1991 году в Тбилиси, недостаточно репрезентативны. Помимо общей численности жителей города, в источнике указывается удельный вес абхазского, грузинского и русского населения с округлением до десятых долей процента. По всей видимости, более подробные итоги переписи могут иметься в архивах, однако об их наличии и локализации нам на данный момент ничего неизвестно. Подробные данные по этническому составу населения Сухума по итогам последней советской переписи были предоставлены автору старшим научным сотрудником Национального исследовательского университета ВШЭ Д.Д. Богоявленским, обнаружившим их в Российском государственном архиве экономики. Наличие таковых объясняется столичным статусом Сухума, тогда как по прочим городским поселениям Абхазии подробных итогов обнаружено не было.

Таким образом, по имеющимся у нас данным, общая численность населения Гудауты в 1989 году составляла 14864 человека. Этнический состав выглядел следующим образом: абхазы – 48,0% или примерно 7135 человек; русские – 21,2% (около 3151 человека); грузины – 13,1% (около 1947 человек); представители прочих этносов – 17,7% или примерно 2631 человек¹ (рис. 9).

1. Населённые пункты и население Грузии... С. 23.

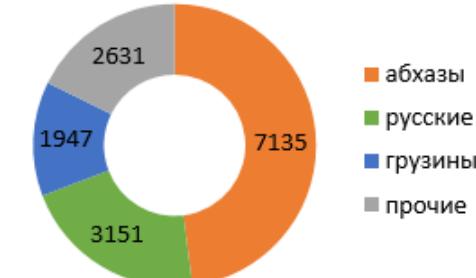

Рис. 9. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гудауты (1989 г.).

В межпереписной период 1979–1989 годов население города выросло на 1811 человек или на 13,9%. Численность абхазов увеличилась на 2349 человек, то есть практически в полтора раза, тогда как восточнославянская община продолжала пребывать в фазе активной депопуляции, что, очевидно, так же верно для гудаутских армян и греков. Символические показатели депопуляции были отмечены и у грузинского населения Гудауты (табл. 16).

Табл. 16. Динамика этнического состава населения Гудауты по данным переписей населения 1979 и 1989 годов¹.

	1979 год	1989 год	прирост, чел.	прирост, %
всё население	13053	14864	1811	13,9
абхазы	4786	7135	2349	49,1
грузины	1955	1947	-8	-0,4
русские	3558	3151	-407	-11,4
прочие	2754	2631	-123	-4,5

1. Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481; 2. Населённые пункты и население Грузии... С. 23.

К завершению второго этапа своей этнодемографической истории Гудаута подошла городом с пока ещё не абсолютной, но уже отчётливо выраженной абхазской этнической доминантой. Устойчивые депопуляционные тенденции у всех не-титульных общин города также способствовали ускоренному росту удельного веса абхазского населения. Если бы общий вектор этнодемографических процессов в Гудауте в 1980-х – начале 1990-х годов не был бы форсирован такими геополитическими событиями, как распад СССР и последовавшая за ним Отечественная война народа Абхазии, то, по всей вероятности, переход от транзитного этапа коренизации к оформлению устойчивой абхазскойmonoэтничности растянулся бы во времени ещё как минимум на несколько десятилетий. Однако оправданность подобных лонгитюдных построений, отсылающих к возможному ходу развития событий в условиях альтернативной историко-политической реальности, конечно, сомнительна.

При освещении этнодемографических процессов в Гудауте небезынтересным представляется анализ этнической структуры населения непосредственно соседствующего с райцентром крупнейшего села Гудаутского района и крупнейшего абхазского села страны – Лыхны. Будучи большим пригородным селением, отличающимся достаточно пёстрым этническим составом населения, Лыхны было затронуто рурбанизационными процессами ранее большинства других сёл Гудаутского района. В материалах обследования Лыхненского сельсовета в мае 1925 года содержится следующее положение: «Лыхненская община, расположенная вблизи уездного центра, насчитывает 623 дома и в культурном отношении является одной из передовых общин с абхазским населением»¹. Любопытно, что в 1870 году Обществом восстановления православного христианства на Кавказе в селе Лыхны была открыта первая

1. Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Деревня. Сельское хозяйство. Сборник документальных материалов. Т. I. Сухум, 2012. С. 68.

в Бзыпской Абхазии (и первая в пределах *Несамурзаканской Абхазии*) школа. Во время войны 1877–1878 годов школа была разрушена, а в 1887 году открыта вновь¹. В 1923 году в Лыхны был открыт первый сельский детский сад в Абхазии². В тот период в республике было только 6 детских садов, причём в самой Гудауте не было ни одного³. Динамика численности населения рассматриваемого села в течение последних ста двадцати пяти лет выглядит следующим образом: в 1886 году в Лыхны проживали 3493 человека⁴, в 1911 году – 3063 человека⁵, в 1923 году – 3045 человек⁶, в 1926 году – 3420 человек⁷, в 1959 году – 5379 человек⁸, в 1989 году – 8947 человек⁹, в 2011 году – 5760 человек¹⁰. Похозяйственные книги Лыхненского сельсовета 1971–1973 годов дают возможность детально проанализировать особенности этнодемографической ситуации в селе Лыхны в целом и в каждом отдельном его посёлке. Так, общая численность населения Лыхны составляла 6040 человек, в том числе 4164 (68,9%) абхаза, 767 (12,7%) русских, 602 (10,0%) грузина, 379 (6,3%) армян, 48 (0,8%) украинцев, 27 (0,4%) греков, 8 (0,1%) белорусов, 7 (0,1%) эстонцев, 6 (0,1%) немцев, 5 (0,1%) лезгин, 5 (0,1%) турок, 4 (0,1%) корейца, 4 (0,1%) осетина, 3 (0,1%) еврея, 3 (0,1%) татарина, по 1 (0,1%) адыгейцу, ассирийцу, персу, латышу, литовцу, молдаванину, туркмену и чувашу¹¹ (рис. 10).

1. Дудко А.П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851–1917 гг.). Сухуми, 1956. С. 315.

2. Нарсия В.И. Советская школа в Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми, 1956. С. 110.

3. Там же. С. 109, 110.

4. Свод статистических данных о населении Закавказского края... Без пагинации.

5. Кавказский календарь на 1912 год. С. 135, 179.

6. Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года... С. 190.

7. Административно-территориальное деление ССР Грузии. С. 158, 159.

8. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799.

9. Населённые пункты и население Грузии... С. 26.

10. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 120.

11. Архив Гудаутского района. Ф. 214. Оп. 1. Д. 308–339.

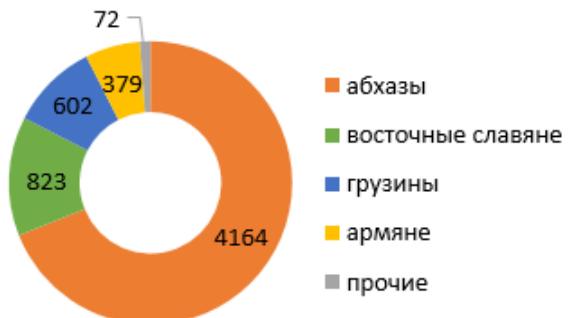

Рис. 10. Удельный вес представителей основных этносов в населении с. Лыхны (1971–1973 гг.).

В начале 1970-х годов в селе Лыхны проживало больше этнических абхазов, чем в самой Гудауте. В дальнейшем, уже к концу 1970-х годов абхазское население райцентра станет численно превосходить абхазское население Лыхны. По данным рассматриваемых похозяйственных книг, почти 2/3 лыхненских русских проживало в Бамбore, а более половины лыхненских грузин – в пределах рачинского переселенческого посёлка в Аджимчигре. Армянская община села была сконцентрирована в посёлках Бамбora и Адзлагархук. Последний посёлок, без разрыва в застройке примыкающий к Гудауте с севера¹ и входящий в квазиагломерационную зону райцентра, несмотря на доминирование в нём этнически абхазского населения, так же отличался достаточно сложной этнической мозаикой. Общее число жителей посёлка Адзлагархук в 1971–1973 годах составляло 1118 человек, из которых 746 (66,7%) были абхазами, 151 (13,5%) – грузинами, 121 (10,8%) – русскими, 50 (4,5%) – армянами, 17 (1,5%) – греками, 15 (1,3%)

1. Граница между районным центром и селом Лыхны на данном участке (от западного въезда в город до Лыхненского поворота) проходит непосредственно по главной автомагистрали, к северу от которой расположен посёлок Адзлагархук Лыхненской сельской администрации, к югу – город Гудаута.

– украинцами, 4 (0,4%) – корейцами, по 3 (0,3%) – евреями, татарами и турками, по 2 (0,2%) – белорусами и эстонцами и 1 (0,1%) – литовцем. В рассматриваемом посёлке было отмечено 32 этнически смешанных брачных союза, в том числе 15 абхазо-русских, 4 абхазо-грузинских, 3 армяно-русских, по 2 грузино-русских и русско-украинских, а также по 1 абхазо-белорусскому, армяно-грузинскому, армяно-украинскому, греко-русскому, литовско-русскому и русско-турецкому. В целом же в селе Лыхны имелось 100 этнически смешанных брачных пар, включая 45 абхазо-русских, 18 абхазо-грузинских, 10 грузино-русских, по 6 армяно-русских и русско-украинских, 2 армяно-украинских и по 1 абхазо-адыгейской, абхазо-белорусской, абхазо-греческой, армяно-грузинской, белорусско-русской, греко-русской, лезгино-русской, литовско-русской, молдавско-русской, осетино-русской, русско-турецкой, русско-чувашской и русско-эстонской¹. Структура этнически смешанных брачных союзов в селе Лыхны в начале 1970-х годов коррелирует с аналогичным показателем в большинстве других бзыпских сёл и, таким образом, может быть экстраполирована на всё население Гудаутского района при анализе этногеографического вектора брачных предпочтений бзыпских абхазов. И здесь мы сталкиваемся с предпочтением восточнославянских брачных партнёров при заключении смешанных браков, тогда как в Абжуйской Абхазии наблюдалась явная тенденция превалирования абхазо-картвельских союзов. На эту закономерность указывалось в нашей монографии, посвящённой этнодемографическим процессам в Сухуме². Этнический состав села Лыхны по материалам похозяйственных книг 1971–1973 годов в разрезе посёлков представлен в следующей таблице (табл. 17).

1. Архив Гудаутского района. Ф. 214. Оп. 1. Д. 308–339.

2. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 178–180.

Табл. 17. Этнический состав населения с. Лыхны по данным похозяйственных книг 1971–1973 годов¹.

	все	абхазы	армяне	в. славяне	греки	грузины	народы СК	прочие
Лыхны	6040	4164	379	823	27	602	10	35
Аджимчигра	1172	836	–	3	–	333	–	–
Адзлагара	414	405	–	8	–	1	–	–
Адзлагархук	1118	746	50	138	17	151	–	16
Алгыт	703	641	–	36	1	16	4	5
Ахтыхуца	437	429	–	7	–	1	–	–
Бамбора	1108	172	329	518	8	68	5	8
Мзахуа	479	375	–	92	1	11	–	–
Хапшира	124	122	–	1	–	1	–	–
Хяцкуара	485	438	–	20	–	20	1	6

После войны 1992–1993 годов в Лыхны, как и в большинстве других сёл Гудаутского района, отмечалась тенденция сокращения численности и гомогенизации этнического состава населения. По итогам переписи населения 2011 года, здесь проживали 5760 человек, в том числе 5345 (92,8%) абхазов, 193 (3,4%) русских, 72 (1,3%) грузина, 67 (1,2%) армян, 12 (0,2%) украинцев, 8 (0,1%) греков и 63 (1,1%) представителя прочих этносов².

В течение советского периода на рост населения Гудауты и характер протекавших в ней этнодемографических процессов оказывало непосредственное влияние расширение городской черты, которое происходило по двум направлениям.

Во-первых, к первоначальной территории города, оформленной на рубеже XIX–XX столетий в приморской части Лыхненской сельской общины на правом берегу реки Гудоу

1. Архив Гудаутского района. Ф. 214. Оп. 1. Д. 308–339.

2. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 120.

и охватывавшей нынешний исторический центр, была присоединена приморская часть Куланырхской общины, лежащая на левом (восточном) берегу той же реки. К концу 1940-х годов эта территория уже была в городской черте¹. После присоединения к городу эта ранее заболоченная местность стала активно развиваться и заселяться. К середине 1960-х годов в электорально-географическом плане данная территория представляла собой Гудаутский четвёртый городской избирательный округ №20 с центром в помещении табачно-ферментационного завода². Впоследствии за восточной городской окраиной в обыденном словоупотреблении закрепится название *Замостянка* или *Замостянский край*, данное этому району исходя из особенностей его географической локализации относительно центральной части города и характеру транспортного сообщения с последней³.

Помимо расширения в восточном направлении, территория города в позднесоветский период была увеличена путём присоединения части незаселённых земель посёлка Бамбора Лыхненского сельсовета. Западная окраина города получила неофициальное наименование *Новый район* и стала застраиваться многоэтажными панельными домами. Таким образом, здесь имел место очень схожий с сухумским план расширения городской черты, выражавшийся как в аналогичном пространственно-географическом векторе урбанизации, так и в идентичном характере застройки включённой и заселяемой территории. Различия проявились лишь в хронологической несинхронности освоения присоединённых западных территорий: если сухумский Новый район, начавший застраиваться в 1960-е годы, к концу советской эпохи представлял собой полностью сформировавшуюся городскую периферию⁴, то гудаутский Новый район в позднесоветский период только

1. Газ. «Советская Абхазия». 2 июля 1949. №129 (8109).

2. Газ. «Бзыбь». 27 ноября 1965. №64 (2187).

3. Замостянка – территория, лежащая за мостом [через реку Гудоу].

4. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 64, 65.

пребывал в процессе активной застройки, и многие проектировавшиеся дома вследствие распада СССР и последовавшей войны так и не были введены в эксплуатацию.

Второй вектор территориального расширения Гудауты в советский период был направлен на север. Если западная и восточная окраины на момент присоединения к городу практически не имели постоянного населения, поскольку располагались на заболоченной прибрежной низменности, то включение в городскую черту северных территорий представляло собой преимущественно формально-административную урбанизацию, так как эти части Лыхненского и Куланырхвского сельсоветов уже были заселены. При этом административное переподчинение не повлекло за собой смены характера экономической деятельности населения данных районов: став горожанами, теперь уже бывшие лыхненцы и куланырхвцы продолжали заниматься в основном сельским хозяйством. Один из корреспондентов районной газеты «Бзыбь», обследуя в 1966 году указанные территории (улицы Калинина, Маяковского, Промышленную, переулок 4-го марта и Верхне-Куланырхское шоссе), отмечал, что местное «население в большинстве случаев занимается сельским хозяйством»¹. Расширение городской черты в северном направлении за счёт заселённой территории сёл Лыхны и Куланырхуа, предопределило повышенный процент этнически абхазского населения в пределах данной теперь уже городской окраины.

К концу советской эпохи в Гудауте функционировал ряд достаточно крупных, по меркам города, промышленных предприятий, в том числе табачно-ферментационный завод, введённый в эксплуатацию в 1936 году², хлебозавод (1955 год)³, авторемонтный завод (1956 год), винзавод (1956 год), кон-

сервный завод (1986 год)⁴, а также лимонадный⁵, кирпичный и механический заводы³. В селе Лыхны в 1955 году была введена в эксплуатацию одна из крупнейших в Абхазии чайных фабрик⁴.

Однако в целом отрасли производственной сферы не составляли основу экономики города. В масштабах Абхазии Гудауту, в отличие от Ткуарчала и Сухума, можно было охарактеризовать как промышленно периферийный город. Несмотря на развитие курортно-рекреационной сферы, периферийность Гудауты проявлялась и в этом направлении, особенно в сравнении с Гагрой и абхазской столицей. В марте 1954 года на страницах газеты «Советская Абхазия» сообщалось: «...благоустройство и строительство курорта ведётся очень медленно. За последние три года здесь сделано очень мало для создания элементарных удобств курортникам... В городе нет хороших гостиниц, ресторанов, столовых, кафе-молочных... Магазины располагают ограниченным ассортиментом промышленных и продовольственных товаров... В Гудауте нет хорошо оборудованной поликлиники, медицинского пляжа общего пользования. Ряд улиц требуют капитального ремонта. В городе не налажено движение пассажирских автобусов. Уже давно наズрела острая необходимость в строительстве нового водопровода, но этот вопрос пока не разрешён. Всё это создаёт большие неудобства для отдыхающих, вызывает их справедливые нарекания»⁵. Депутат Х.А. Авидзба, выступая на заседании ВС Абхазской АССР 29 августа 1960 года, отмечал: «...город Гудаута и посёлок Новый Афон являются курортами всесоюзного значения... Приезжающие люди нередко с удивлением задают вопросы о том, почему в таким чудесных местах... нет во-

1. Газ. «Бзыбь». 9 апреля 1966. №43 (2244).

2. Прицкер Л.М. Советская Абхазия в данных. Сухуми, 1981. С. 18.

3. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973. С. 47.

1. Народное хозяйство Абхазской АССР. Сухуми, 1988. С. 12, 13, 51.

2. XX лет Советской Абхазии... С. 36.

3. Газ. «Бзыбь». 2 октября 1965. №41 (2164).

4. Указ. ист. 29 января 1966. №13 (2214).

5. Газ. «Советская Абхазия». 17 марта 1954. №55 (9318).

допровода, нет канализации, нет бани, нет гостиницы и т.д.»¹. Таким образом, многоплановая периферийность Гудауты и её центральное (как политико-административное, так и географическое) положение внутри этнически преимущественно абхазской сельской местности одноимённого района способствовали постепенной депопуляции нетитульных групп населения и нарастанию процесса демографической коренизации. Следствием этого явилось превращение города в один из главных этнических и культурно-политических центров страны, что особо ярко проявится в период грузино-абхазской войны, когда Гудаута окажется в роли полновесной столицы Абхазии.

Определённые подвижки в социально-экономическом развитии Гудауты наметились с конца 1970-х годов. В ответ на коллективное письмо, информирующее о проводимой грузинским руководством национальной политике в Абхазии, которое было составлено в 1977 году, подписано 130 представителями различных слоёв абхазского общества и адресовано Президиуму восьмой сессии ВС СССР девятого созыва, Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС и Председателю Президиума ВС РСФСР М.А. Яснову², союзные и республиканские власти в конечном итоге вынуждены были отреагировать практическими действиями, направленными на исправление сложившейся неблагоприятной ситуации. В апреле 1978 года ЦК КП Грузии принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР, усилиению организаторской и идеально-воспитательной работы среди трудающихся автономной республики»³. В июне 1978 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дальнейшем развитии экономики и культуры Абхазской АССР»⁴. После

1. Заседания Верховного Совета Абхазской АССР пятого созыва (четвёртая сессия). 29 августа 1960 года. Сухуми, 1960. С. 31.

2. Абхазия в советскую эпоху. Абхазские письма... С. 164–187.

3. Там же. С. 279–286.

4. Там же. С. 275–278.

этого постановления в Тбилиси были принятые решения по экономическому развитию Гудаутского района¹.

На завершающей фазе этапа коренизации город Гудаута, становясь всё более этнически абхазским, в то же время имел полигэтническое непосредственное сельское окружение, что было связано с особенностями расселения абхазов в доколониальную эпоху и вытекающим из этих особенностей характером географической локализации поселений колонистов в XIX–XX веках. В силу влияния климатических условий, способствовавших широкому распространению малярии в прибрежной заболоченной полосе, абхазы, как правило, старались не селиться в непосредственной близости от морского побережья, что в дальнейшем, особенно после масштабного осушения болот в первой половине XX века, существенно облегчило демографическую колонизацию этой территории представителями некоренных групп населения. К тому же с последней четверти XIX столетия и вплоть до 1907 года, в период наиболее активной фазы колонизационного заселения Абхазии, российские власти официально запрещали абхазам как «виновному» населению селиться в прибрежной зоне. В результате к середине XX века на большей части прибрежной полосы Гудаутского района – административно-территориальной единицы с самой высокой долей абхазского населения – от реки Мчиш на западе до села Эшера на востоке не имелось населённых пунктов с абхазским этническим большинством. Поселения колонистов имели преимущественно скученный характер планировки, в отличие от абхазских сёл с присущим последним хуторским расселением, что определило существенные различия в плотности населения этих двух групп населённых пунктов и явилось одной из причин неуклонного понижения удельного веса этнически абхазского населения в Гудаутском районе с конца XIX века и вплоть до 60-х годов XX века. Ш.Д. Инал-ипа в начале 1980-х годов отмечал: «По своей

1. 35 конференций Абхазской областной организации Коммунистической партии Грузии. Сухуми, 1980. С. 163.

структуре абхазские деревни... представляют, строго говоря, не сплошное селение, а систему "хуторов", то есть в основном однодворных обособленных отдельных усадеб на земельном участке индивидуального владения... Разбросанность усадеб всё ещё остаётся характерной чертой поселений»¹. Так, по данным посемейной переписи 1886 года, абхазы составляли 90,0% населения сельской местности Гудаутского участка², а по итогам Всесоюзной переписи 1959 года – только 56,2%³.

Первое поселение колонистов на прилегающей к Гудауте территории – Бамбара – возникло к западу от неё, на прибрежной территории Лыхненской сельской общины. Здесь ещё в 1830 году российским военным командованием на Кавказе было основано одно из укреплений Черноморской береговой линии, которое находилось «в некотором отдалении от берега» и было окружено «ничтожным земляным валом»⁴. Укрепление Бамбара, согласно А.Н. Дьячкову-Тарасову, «было назначено для гарнизона, который должен был держать в повиновении беспокойный Бзыбский округ, а также быть готовым помочь в случае нужды владетелю Абхазии, имевшему главное своё местопребывание в Лыхнах, находящихся в 4 верстах... Укрепление имело вид большого параллелограмма, с бастионом. Внутренность укрепления была разбита на шесть правильных кварталов и застроена небольшими чисто выбеленными домами, длинными казармами и провиантскими магазинами, близ крепости скоро приютился небольшой форштадт с базаром, населённый армянскими и греческими торговцами»⁵. По сообщению И.И. Пантиухова, укрепление Бамбара из-за свирепствовавшей здесь малярии было «гробом многих сотен рус-

1. Инал-ипа Ш.Д. Дурипш (историко-этнографический очерк). Сухуми, 1981. С. 64, 65.

2. Свод статистических данных о населении Закавказского края... Без пагинации.

3. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973. С. 47.

4. Цвижба Л.И. Указ. соч. С. 54.

5. Дьячков-Тарасов А.Н. Указ. соч. С. 889, 890.

ских солдат»¹. Он указывал, что «по официальным документам, в пять–шесть лет пребывания в Бамбирах гарнизон этого укрепления должен был быть совершенно обновлён, так как почти все люди или умирали, или увольнялись от службы...»².

В 1854 году укрепление Бамбара было упразднено³, однако, по данным Г.А. Дзидзария, уже в 1884 году здесь возникает постоянное земледельческое поселение⁴. Эти сведения входят в противоречие с данными посемейной переписи 1886 года, согласно которым русского населения на данной территории ещё не имелось⁵.

В дальнейшем основу населения Бамборы составят выходцы из Белоруссии. Известно, в частности, что в 1895 году здесь поселились 42 белорусские семьи из Могилёвской губернии⁶. И.И. Пантиухов в 1898 году отмечал: «Впоследствии, при заселении черноморского побережья, в состав русского православного населения вошли уроженцы Галиции, посёлённые в с. Полтавском Сухумского округа, и белорусы, уроженцы Могилёвской губернии, живущие в с. Бамбирах»⁷. Газета «Кавказ» осенью 1895 года сообщала: «В начале весны партия их (новосёлов. – Н.Б.) прибыла, чтобы поселиться на так называемой бомбorskой поляне. Вот уж и октябрь на носу, а они живут пока в шалаشاх, спят на земле и, конечно, болеют»⁸.

Между тем, согласно итогам переписи 1897 года, во всём Сухумском округе (без города Сухума) проживали лишь 32 че-

1. Пантиухов И.И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. Тифлис, 1899. С. 23.

2. Там же. С. 23, 24.

3. Цвижба Л.И. Указ. соч. С. 39.

4. Дзидзария Г.А. Махаджирство... С. 439.

5. Свод статистических данных о населении Закавказского края... Без пагинации.

6. Цвижба Л.И. Указ. соч. С. 55.

7. Пантиухов И.И. Указ. соч. С. 55.

8. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II / Сост.: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. Сухум, 2008. С. 442, 443.

ловека, указавших белорусский язык в качестве родного¹. По данным сельскохозяйственной переписи 1923 года, в посёлке Русская Бамбора Лыхненской волости Гудаутского уезда проживали 267 человек, из которых русские составляли 96,6%, абхазы – 1,9%, прочие – 1,5%². Согласно итогам первой Всесоюзной переписи 1926 года, население Русской Бамборы, которая теперь была выделена в самостоятельный сельсовет, составляло 361 человек, в том числе 334 (92,5%) русских, 8 (2,2%) греков, 6 (1,7%) грузин³, 1 (0,3%) украинец и 12 (3,3%) представителей прочих этносов, среди которых не было абхазов, армян и турок⁴. Бамборские белорусы под влиянием последующей миграции в село великорусского населения, очевидно, подверглись ассимиляции и утратили родной язык, поскольку число указавших русский язык в качестве родного в 1926 году совпадает с количеством этнических русских⁵. С другой стороны, не менее вероятной представляется ситуация, когда переселенцы из Белоруссии и их потомки (с момента переселения прошло всего около 30 лет), продолжая в быту пользоваться белорусским языком, декларировали русский в качестве родного. Среди 12 представителей прочих этносов могли присутствовать и люди, записавшиеся белорусами. В инструкционных указаниях ЦСУ СССР для переписчиков имелось пояснение, согласно которому в ходе проведения переписи 1926 года, особенно в местах контактного или смешанного проживания каких-либо

1. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVI. Кутаисская губерния. С. 88.

2. Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года... С. 190, 191.

3. Все шестеро бамборских «грузин» были мужчинами и в качестве родного языка признали один из картвельских, но не грузинский или мингрельский. Очевидно, что это были временно проживающие трудовые мигранты из Лазистана или Сванетии (первый вариант представляется нам более реалистичным).

4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ.

5. Там же. С. 103.

из трёх восточнославянских этносов, следовало определять точную этническую принадлежность опрашиваемому, прибегая к дополнительным уточнениям. Например, для переписчиков Северного Кавказа, который являлся одним из основных регионов смешанного проживания русских и украинцев, давалась следующая инструкция: «При обозначении народности по возможности избегать наименования “русский”, стремясь дополнительными вопросами определить, точно ли опрашиваемый является “великороссом”, “малороссом” (украинцем) или “белорусом”»¹. Не исключено, однако, что закавказские переписчики могли не отличаться подобной скрупулёзностью при фиксации восточнославянских этнических различий и записывать русскими всех, кто определял себя в таком качестве, не прибегая к уточняющим вопросам. Вероятно, этническое самосознание переселившихся в конце XIX столетия в Гудаутский участок крестьян из Могилёвской губернии ещё не было окончательно сформировано как белорусское².

Согласно поселенным итогам переписи 1959 года, население Бамборы составляло уже 776 человек, и преобладающей национальностью по-прежнему были русские³. По данным похозяйственных книг Лыхненского сельсовета 1971–1973 годов, население Бамборы составляло 1108 человек, из которых 172 (15,5%) жителя были абхазами, 493 (44,5%) – русски-

1. Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1929. С. 3.

2. Схожая ситуация наблюдалась в 1930-х годах в Таборинском районе Свердловской области, большую часть населения которого составляли переселенцы из Белоруссии и их потомки. Этот район в 1932 году получил статус национального (белорусского), однако в ходе коренизации здесь отмечалась «достаточно пассивная реакция на нововведения подавляющего большинства населения... Даже сегодня некоторые старожилы-информаторы белорусского происхождения в беседах отмечали, что их предки приехали “откуда-то из Рассеи”, затрудняясь при этом чётко ответить на вопрос о своей национальной принадлежности» [Фёдоров Р.Ю., Богофораева А.А. Прошлое и настоящее Таборинского белорусского национального района // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №10 (57). Ч. 1. С. 132].

3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799.

ми, 329 (29,7%) – армянами, 68 (6,1%) – грузинами, 19 (1,7%) – украинцами, 8 (0,7%) – греками, 6 (0,5%) – белорусами, 5 (0,5%) – лезгинами, 2 (0,2%) – турками и по 1 (0,1%) жителю – ассирийцами, персами, молдаванами, латышами, туркменами и чувашами. Несмотря на тот факт, что лишь 6 жителей Бамборо фигурировали в похозяйственных книгах как белорусы, фамильные имена значительной части местного старожильческого русского населения свидетельствуют об их белорусском происхождении. В Бамборе было отмечено 30 смешанных брачных союзов, в том числе 8 абхазо-русских, 7 грузино-русских, по 3 абхазо-грузинских, армяно-русских и русско-украинских, а также по 1 армяно-украинскому, белорусско-русскому, греко-русскому, лезгино-русскому, молдавско-русскому, русско-чувашскому¹. В последние десятилетия советской власти население Бамборо стремительно росло, в том числе за счёт переселения абхазов из других лыхненских посёлков и прочих сёл Гудаутского района. Осели здесь также армяне (преимущественно из села Амжвыкухуа на западе Гудаутского района), грузины и представители многих других этносов. Однако русское население вплоть до конца советской эпохи оставалось доминирующей группой. По данным переписи 1989 года, из 3284 жителей посёлка Бамбора Лыхненского сельсовета русскими были 46%, абхазами – 21%².

Прибрежный посёлок Куланырхской сельской общины – *Тасракуа*, примыкающий с востока к периферийному городскому району Замостянке, как уже отмечалось в ходе характеристики планового переселения западногрузинских крестьян в Гудаутский район, также приобрёл в советское время полигэтничный состав населения. Во времена Первой мировой войны и непосредственно после её завершения относительно немногочисленное проживавшее в данной местности абхазское население разбавляется армянскими беженцами из Турции. Немногочисленность же абхазского населения этой прибреж-

1. Архив Гудаутского района. Ф. 214. Оп. 1. Д. 328–331, 335, 338.

2. Населённые пункты и население Грузии... С. 26.

ной территории объяснялась описанными выше причинами климатического характера. В сталинско-бериевский период в посёлке появляются мингрэлы, планово переселённые из Гегечкорского района Грузии, и на данной территории, как уже отмечалось, возникает совхоз «Дружба». Армянское население посёлка в течение советского периода продолжает активно увеличиваться.

Помимо непосредственно граничивших с Гудаутой сельских населённых пунктов, с городом с северо-запада, через Бамбору, соседствовало такое крупное этнически преимущественно картвельское село, как Ахалсопели, этнодемографическая история которого была подробно рассмотрена выше, а также один из посёлков села Лыхны – Мзахуа, прилегающая к трассе часть которого была населена преимущественно русскими. По материалам похозяйственных книг Лыхненского сельсовета 1971–1973 годов, население Мзахуа составляло 479 человек, из которых абхазами были 375 (78,3%) человек, русскими – 89 (18,6%) человек, грузинами – 11 (2,3%) человек, украинцами – 3 (0,6%) человека и греком – 1 (0,2%) человек. В посёлке было зафиксировано 4 абхазо-русских смешанных брака и 1 русско-украинский¹.

В восточном направлении соседями города второго порядка также являлись некоторые иноэтнические поселения: картвельский переселенческий посёлок в Абгархуке, славянская Баклановка и полигэтничное село Арсаул, в позднесоветский период официально именовавшееся Приморским.

Русское поселение *Баклановка* возникло в 1878 году² на левом берегу реки Аапсы, на территории Аацинской общины, полностью выселенной в Османскую империю после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Русские поселенцы страдали от малярии, в результате чего население Баклановки к концу XIX – началу XX веков сильно сократилось³. И.И. Пантиухов

1. Архив Гудаутского района. Ф. 214. Оп. 1. Д. 318, 319.

2. Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 437.

3. Там же. С. 437, 438.

в 1898 году отмечал: «...из 80 семей, посёлённых в низменной малярийной долине в с. Баклановке Сухумского округа двадцать лет назад, в настоящее время осталось только семья, а остальные вымерли или разбежались... На место ушедших баклановцев разновременно прибывали другие переселенцы... Сколько бы, однако, их ни прибывало, а при тех условиях и состоянии образования, в коих находятся поселенцы, нет никаких шансов, что малярия в Баклановке не только исчезнет, но даже ослабеет и даст возможность постоянного обитания»¹. Газета «Кавказ» 30 сентября 1895 года сообщала следующее: «Злополучные баклановцы сеют теперь одну кукурузу; пшеницу приходится покупать, чтобы подмешивать к кукурузной муке. Разумеется, кукуруза даёт доходы неважные и без постоянных заработков сводить концы с концами трудно. На выручку явилась возможность работать на табачных плантациях, разводимых здесь армянами и греками. Работают и мужчины, и женщины и, конечно, помимо небольшого заработка, работы эти оставляют на крестьянах глубокие следы в виде разрыва и усиления пьянства»².

Уже в 1880-е годы на территории села Аацы вновь поселяются вернувшиеся из Турции абхазы³. Таким образом, на протяжении нескольких последующих десятилетий славянская Баклановка и абхазское Аацы будут развиваться как соседние самостоятельные сельские общины. По данным посемейной переписи 1886 года, население Баклановки составляло 311 человек, в том числе 305 (98,1%) русских, 5 (1,6%) греков и 1 (0,3%) армянин. Любопытно, что ещё 52 русских проживали на территории, непосредственно входившей в соседнюю Аацинскую общину⁴. В 1906 году в Баклановке проживали 282

1. Пантиюхов И.И. Указ. соч. С. 63, 64.

2. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II... С. 442.

3. Цвижба Л.И. Указ. соч. С. 87.

4. Свод статистических данных о населении Закавказского края... Без пагинации.

человека: все были русскими¹. В дальнейшем в силу сокращения русского населения отмечается постепенное освоение Баклановки аацинскими абхазами, и само поселение включается в состав Аацинской общины. Переписью 1923 года в посёлке Баклановка Аацинской волости было отмечено 296 жителей, в том числе 175 (59,1%) русских, 92 (31,1%) абхаза, 20 (6,8%) грузин и 9 (3,0%) армян². По итогам переписи 1926 года, во вновь выделенном из состава Аацы Баклановском сельсовете проживали 355 человек. В силу особого внимания к установлению точной этнической принадлежности представителей восточнославянского континуума при проведении первой Всесоюзной переписи населения 1926 года самой многочисленной этнической группой в пределах сельсовета оказались украинцы. При этом украинский язык в качестве родного не отметил ни один житель Баклановки, а число лиц с русским родным языком даже немного превышало совокупную численность украинцев и русских. Этнический состав населения сельсовета выглядел так: 153 (43,1%) украинца, 69 (19,4%) русских, 72 (20,3%) абхаза, 28 (7,9%) грузин, 17 (4,8%) греков, 11 (3,1%) армян и 5 (1,4%) представителей прочих этносов³. К середине XX века Баклановка вновь включается в состав Аацинского сельсовета и впоследствии даже становится его центром.

В течение советского периода славянское население посёлка сокращается, а численность и доля абхазов возрастают. В 1959 году в Баклановке проживали 330 человек, а численно преобладающей национальностью были абхазы⁴. В 1953 году в Аацы планировалось переселить 112 хозяйств выходцев из Западной Грузии⁵, однако в связи с изменившейся после

1. Кавказский календарь на 1908 год. С. 39.

2. Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года... С. 190, 191.

3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ.

4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799.

5. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 240.

смерти Сталина политической конъюнктурой плановое заселение грузинских крестьян осуществлено не было. Во всём Аацинском сельсовете, согласно данным похозяйственных книг 1964–1966 годов, проживали 1807 человек, в том числе 1620 (89,7%) абхазов, 123 (6,8%) русских, 27 (1,5%) армян, 27 (1,5%) греков, 6 (0,3%) грузин и 4 (0,2%) украинца. У представителей русской общины села преобладали фамилии, характерные для украинцев. В Аацы было зафиксировано 10 этнически смешанных браков, включая 7 абхазо-русских, 2 абхазо-грузинских и 1 армяно-русский¹. По итогам переписи 1989 года, население центра Аацинского сельсовета составляло 371 человек. Большинство жителей также было представлено этническими абхазами². В 2011 году население села Аацы составляло 1061 человек, а этнический состав выглядел следующим образом: абхазы – 1023 (96,4%) человека, русские – 28 (2,6%) человек, армяне – 4 (0,4%) человека, греки – 2 (0,2%) человека, представители прочих этносов – 4 (0,4%) человека³.

На обширной прибрежной полосе от реки Аапсы на западе до Нового Афона на востоке в 1892 году возникло славянское переселенческое село *Петропавловское*⁴. В «Памятной записке о колонизации Сухумского округа», составленной начальником округа полковником В.А. Браккером в 1894 году, сообщалось, что Петропавловское было образовано переселенцами «из внутренних губерний России в 1892–1894 гг., причём ему была отведена полоса земли на берегу моря шириной в 2,5 версты, которая до тех пор находилась в пользовании соседнего абхазского селения Ацы, вопреки повеления главнокомандующего Кавказскою армиею о воспрещении селиться абхазцам на береговой полосе»⁵.

1. Архив Гудаутского района. Ф. 187. Оп. 1. Д. 95–100.

2. Населённые пункты и население Грузии... С. 23.

3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 117.

4. Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 439.

5. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II... С. 588.

До второй трети XX века население Петропавловского было относительно немногочисленным вследствие широкого распространения малярии на побережье. После окончания Первой мировой войны в селе оседают понтийские греки, переселившиеся из Турции. По данным переписи 1923 года, в Анухской волости Гудаутского уезда располагались посёлки Петропавловка и Греческая Петропавловка, суммарное население которых составляло 507 человек. Русских в обоих посёлках было 394 (77,7%) человека, греков – 107 (21,1%) человек, грузин – 5 (1,0%) человек, абхазов – 1 (0,2%) человек¹. Перепись 1926 года зафиксировала в Петропавловском, теперь уже выделенном в отдельный сельсовет, 546 жителей. Как и в Баклановке, помимо русских, которых в Петропавловском сельсовете насчитывалось 255 (46,7%) человек, здесь были отмечены украинцы – 155 (28,4%) человек. Однако число признавших украинский язык родным было существенно ниже (42 человека). С середины 1920-х годов в Петропавловское начинают переселяться абхазы из близлежащих селений, которых в 1926 году насчитывалось уже 53 (9,7%) человека. Помимо этого, среди жителей села было 17 (3,1%) греков с советским гражданством, 12 (2,2%) грузин, 2 (0,4%) армянина и 52 (9,5%) человека, отнесённых к графе «остальные». В числе последних оказались и все иностранцы, большинство которых было представлено этническими греками. Общее число жителей Петропавловского, признавших греческий язык родным, составляло 58 человек².

В середине XX века население Петропавловского, переименованного в *Приморское*³, растёт под влиянием таких фак-

1. Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года... С. 188, 189.

2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ.

3. В.Е. Кварчия указывает, что название Петропавловское использовалось до 1925 года, после чего было заменено на Приморское [Кварчия В.Е. Указ. соч. С. 229], однако в материалах переписи 1926 года по-прежнему фигурирует Петропавловский сельсовет.

торов, как активное переселение армян из расположенного выше села Анхуа, продолжающееся переселение абхазов из сёл Аацы и Анхуа, возникновение на территории Приморского в сталинско-бериевский период картвельского переселенческого посёлка, а также передача в 1950-е годы¹ в состав Приморского сельсовета этнически армянских посёлков Адзхапш, Арсаул и Ачануа, населённых выходцами из Самсона² и до того находившихся в сельсовете Анухва-Армянская. В ходе планового переселения крестьян из Западной Грузии в конце 1940-х годов в Приморском отстраивают переселенческий посёлок, включавший 75 хозяйств мингрелов из Цаленджихского района и имеретинцев из Цхалтубского района³. Картвельские переселенцы были объединены в колхоз имени Бараташвили (позже – имени Кантария)⁴, однако вследствии 11 хозяйств возвратились на родину «из-за непригодности приусадебных участков»⁵.

В тот же период Приморское было переименовано в грузинское *Санапиро*. Именно под таким названием фигурирует данный сельсовет в сборниках административно-территориального деления Абхазской АССР 1951 и 1953 годов⁶. В.Е. Кварчия указывает, что Приморское в 1948 году было переименовано в *Гогирдцкали*⁷, однако такое название 3 сентября 1948 года получил посёлок Третья Кархана соседнего сельсовета Анухва-Армянская⁸. В.Е. Кварчия также указывает, что в 1967

1. Поскольку к 1960 году эти посёлки уже находились в составе Приморского сельсовета [Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 1 мая 1960 года. С. 121].

2. Чирикба В.А. Указ. соч. С. 244.

3. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 191, 217, 415.

4. Газ. «Советская Абхазия». 3 февраля 1949. №27 (8007).

5. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 249, 415.

6. См.: Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1951 год. Сухуми, 1951. С. 13; Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1953 год. Сухуми, 1953. С. 8.

7. Кварчия В.Е. Указ. соч. С. 229, 230.

8. Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 15 января 1966 года. Тбилиси, 1966. С. 267.

году всё село было переименовано в Арсаул¹. На самом деле историческое название Арсаул тогда было возвращено лишь посёлку Гогирдцкали (Третья Кархана), а Санапиройский сельсовет был вновь переименован в Приморский² в период де-сталинизации, который в Абхазии был сопряжён с многоплановой (в том числе топонимической), но при этом частичной и несистемной дегрузинизацией. Авторы-составители сборника «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.» отмечали: «К сожалению, дело, начатое XX съездом партии, не было доведено до логического конца»³. Таким образом, село существовало под названием Приморское вплоть до 1996 года, и лишь после Отечественной войны народа Абхазии историческое и фактическое название одного из посёлков – Арсаул – было официально закреплено решением Парламента Абхазии за территорией всей сельской администрации. В 2017 году по инициативе местного населения было принято обращение к Народному Собранию Республики Абхазия о возвращении селу названия Приморское, подписанное 700 жителями Арсаула и главой сельской администрации А. Сакания. На основании этого обращения, депутат Д.Р. Гунба внёс на рассмотрение в высший законодательный орган проект постановления о переименовании села. Постановлением Парламента Абхазии, принятым 2 марта 2017 года, администрация села Арсаул была вновь переименована в Приморское⁴, таким образом, впервые в новейшей истории страны был создан прецедент возврата

1. Кварчия В.Е. Указ. соч. С. 230.

2. Посёлок Арсаул фигурирует в составе Приморского сельсовета в сборнике административно-территориального деления 1987 года [Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 года. Тбилиси, 1988. С. 109]. Во всех встречающихся нам официальных источниках 1960-х – начала 1990-х годов рассматриваемый сельсовет именуется Приморским.

3. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 15.

4. Арсаул переименован в Приморское: жители довольны, языковед не согласен. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20170302/1020525111/arsaul-pereimenovan-v-primorskoe-zhiteli-dovolny-yazykoved-ne-soglasen.html> (дата обращения: 25.01.2019).

топонима, возникшего в период демографической колонизации Абхазии.

По данным похозяйственных книг Приморского сельсовета 1980–1982 и 1983–1985 годов, общая численность населения села составляла 2446 человек, в том числе 212 (8,7%) абхазов, 1702 (69,6%) армянина, 340 (13,9%) русских, 128 (5,2%) грузин, 32 (1,3%) украинца, 12 (0,5%) греков, 7 (0,3%) татар, 4 (0,2%) лезгина, 3 (0,1%) белоруса, 2 (0,1%) молдаванина и по 1 (0,1%) адыгейцу, башкиру, мордвину и удмурту. В посёлках Адзхапш, Арсаул и Ачануа, ранее входивших в состав села Анхуа, преобладало армянское население – 73,4%, 82,1% и 88,5% соответственно. При этом в первом из них проживало подавляющее большинство грузинского населения сельсовета – 80 человек или 13,9% от общего числа жителей посёлка Адзхапш. Наибольшей этнической пестротой отличался центральный посёлок (собственно Приморское), из 659 жителей которого 249 (37,8%) были армянами, 207 (31,4%) – русскими, 146 (22,2%) – абхазами, 31 (4,7%) – грузинами, 13 (2,0%) – украинцами, 10 (1,5%) – греками, 2 (0,3%) – белорусами и 1 (0,2%) башкиром. Количество этнически смешанных брачных пар в Приморском сельсовете достигало 71, включая 25 армяно-русских, 11 русско-украинских, 7 грузино-русских, 6 абхазо-русских, 4 армяно-украинских, по 3 абхазо-грузинских, белорусско-русских и греко-русских, 2 абхазо-украинских и по 1 абхазо-адыгейской, армяно-грузинской, башкирско-русской, грузино-удмуртской, лезгино-русской, молдавско-русской, мордовско-русской¹. По данным переписи 1989 года, население Приморского сельсовета составляло 2572 человека, а его этнический состав практически не изменился². Резкое изменение этнической структуры населения Приморского произошло после грузино-абхазской войны 1992–1993 годов, когда на фоне почти

1. Архив Гудаутского района. Ф. 196. Оп. 1. Д. 2–4, 18–26.

2. Населённые пункты и население Грузии... С. 27.

двукратного сокращения численности жителей села обозначилась тенденция роста этнически абхазского населения при параллельном сокращении численности и доли представителей остальных этносов. По итогам переписи 2011 года, в Арсауле проживали 1384 человека, в том числе 416 (30,1%) абхазов, 828 (59,8%) армян, 106 (7,7%) русских, 16 (1,2%) украинцев, 11 (0,8%) грузин и 7 (0,5%) представителей прочих этносов¹.

До депортации в селе Абгархук проживала довольно крупная греческая община. В материалах переписей 1923 и 1926 годов в пределах Абгархукской волости, позже административно трансформированной в сельсовет, фигурировал крупный посёлок Кукурипш, расположенный в центральной части села, между рекой Дахуарта и посёлком Базикыта². В 1923 году население Кукурипша составляло 463 человека, в числе которых было 240 (51,8%) абхазов, 148 (32,0%) греков, 55 (11,9%) армян, 7 (1,5%) грузин и 13 (2,8%) представителей прочих этносов³. По итогам переписи 1926 года, в Кукурипше проживали 552 человека. Этнический состав советских граждан выглядел следующим образом: 292 абхаза или 52,9% от всего населения посёлка, 28 (5,1%) армян, 14 (2,5%) греков, 11 (2,0%) русских и 6 (1,1%) грузин. Иностранные, в числе которых была основная масса греков и лазов, а также значительное количество армян, были учтены в составе прочих. Общее число последних составляло 201 человек или 36,4% от населения Кукурипша⁴. Греческая и лазская общины Абгархука были выселены из Абхазии в 1949 году. В настоящее время в селе не проживает ни одного грека. По данным переписи населения 2011 года, число жителей Абгархука составляет 1024 человека, в том числе 1003 (97,9%) абхаза, 13 (1,3%) русских, 2 (0,2%)

1. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 121.

2. Кварчия В.Е. Указ. соч. С. 222.

3. Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года... С. 188, 189.

4. Административно-территориальное деление ССР Грузии. С. 157.

грузина, 1 (0,1%) мингрел, 1 (0,1%) армянин и 4 (0,4%) представителя других этносов¹. Довольно значительные компактно расселённые греческие общины до 1949 года были также в сёлах Анхуа, Джирхуа (посёлок Апшанхуара), Звандрипш, Мцара и Псырдзха.

К концу советской эпохи город Гудаута граничил с двумя административно-территориальными единицами нижнего уровня – Лыхненским и Куланырхвским сельсоветами, – после распада Советского Союза преобразованными в сельские администрации. Собственно, и сам город располагался на территории, прежде входившей в состав этих общин: правобережная (относительно реки Гудоу) часть Гудауты – на землях, ранее являвшихся частью села Лыхны, левобережная – села Куланырхуа. С севера к Гудауте примыкала этнически абхазская территория, тогда как с запада и востока – полиэтнические посёлки, возникшие в постмаяхдирский период в процессе колонизационного заселения Абхазии и продолжавшие заселяться преимущественно некоренным населением в течение XX столетия. Такое полиэтническое сельское окружение административного центра Бзыпской Абхазии накладывало серьёзный отпечаток на ход этнодемографических (в том числе этнокультурных и этноязыковых) процессов в городе на протяжении всего советского периода (рис. 11).

Размещённая ниже карта составлена нами преимущественно по данным переписи 1989 года. Исключение составляет отображение этнического состава посёлков Кукурипш и Баклановка, демонстрирующее этнодемографические реалии более раннего периода. Так, в Кукурипше греческое население проживало до депортации 1949 года, а в центре села Аацы – Баклановке – славянское этническое большинство в последние десятилетия советской власти сменилось абхазским.

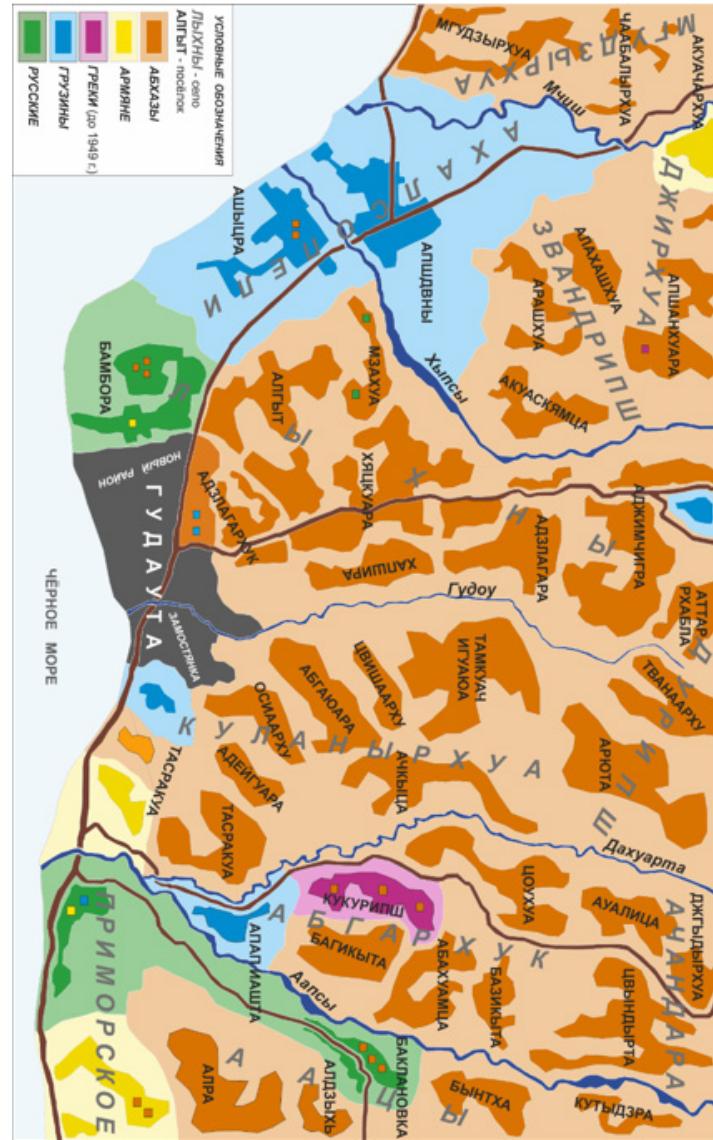

Рис. 11. Этнографическая карта окрестностей Гудауты (позднесоветский период).

1. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 117.

Как видно, вследствие возникновения и роста города Гудауты, а также из-за появления переселенческого села Ахалсопели сельские общины Лыхны, Куланырхуа, Звандрипш и Мгудзырхуа в течение XIX – первой половины XX столетий потеряли часть своих прибрежных территорий. Так, село Звандрипш, прибрежные земли которого в междуречье Мчиша и Хыпсы послужили территориальной основой Ахалсопели, лишилось выхода к морю и половины своей прежней площади. Село Лыхны также почти полностью потеряло свои прибрежные земли в междуречье Хыпсы и Гудоу, поскольку их восточная часть составила территориальную основу Гудауты, а западная – была передана грузинскому переселенческому селу Ахалсопели. Непродолжительный период самостоятельного существования этнически русского Бамборского сельсовета¹ был ознаменован потерей селом Лыхны центральной части своей исторической прибрежной территории. Село Куланырхуа лишилось менее значительной части своей прибрежной территории на левом берегу реки Гудоу, где в XX веке возник городской район Замостянка. Наименьшие территориальные потери коснулись села Мгудзырхуа, часть приморских земель которого на правом берегу реки Мчиш была передана селу Ахалсопели, о чём подробнее упоминалось выше.

Период с момента советизации страны до середины 1960-х годов характеризовался регулярным изменением границ административно-территориальных единиц верхнего уровня, а также качественными и количественными трансформациями низового административно-территориального деления Абхазии.

В период оккупации страны войсками ГДР грузинское правительство проводит реформу административно-территориального деления Абхазии, стремясь унифицировать его с административно-территориальным устройством Грузии.

1. В частности, в поселенных данных переписи 1926 года Бамбора выделяется в качестве самостоятельного сельсовета [Административно-территориальное деление ССР Грузии. С. 158].

Участки, на которые делилась территория Сухумского округа в имперский период, преобразуются в уезды, а сельские общины – в волости (теми). Так, территория Гудаутского уезда в начале 1923 года подразделялась на 17 волостей¹.

В середине 1923 года в ходе локальной административной реформы волостное низовое деление уездов было заменено делением на сельсоветы². Любопытно, что данная реформа была проведена только в Абхазии, тогда как в уездах Грузии ещё некоторое время продолжало сохраняться волостное деление. В частности, материалы переписи населения 1926 года свидетельствуют о том, что уезды ССР Абхазии подразделялись на сельсоветы, в то время как уезды собственно ССР Грузии (включая АССР Аджаристана) делились на волости, а территория АО Южной Осетии – на районы³. В том же 1923 году Гагринский уезд на непродолжительное время был включён в состав Гудаутского⁴.

Вследствие административной реформы 1930 года, упразднившей уездное деление, территория Абхазии стала подразделяться на районы. Таким образом, Гудаутский уезд был преобразован в Гудаутский район. В 1938 году была изменена граница между Гудаутским и Гагрским районами: Лдзааский сельсовет Гудаутского района, включавший в тот период территорию Пицундского мыса, где впоследствии возникнет один из крупнейших советских курортов международного значения, был передан в состав Гагрского района⁵.

На закате сталинско-бериевской эпохи указом Президиума ВС Грузинской ССР от 13 декабря 1952 года из состава Гудаутского района на непродолжительный период был выделен

1. Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года... С. 188–193.

2. Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми, 1970. С. 85, 86.

3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 84–105 раздела ССРГ.

4. Сагария. Б.Е. Указ. соч. С. 86.

5. Абхазия: документы свидетельствуют... С. 489, 490.

Новоафонский район, официально именовавшийся Ахалиафонским¹. Новая административно-территориальная единица охватывала территорию от реки Гудоу на западе (непосредственно примыкая к Гудауте) до границы с Сухумским районом на востоке. В состав Ахалиафонского района, помимо самого Нового Афона, вошли сёла Аацы, Абгархук, Анхуа, Ачандара, Куланырхуа, Мцара, Приморское и Псырдзха².

В апреле 1953 года вышел первый номер районной газеты «Гамарджвеба» (*Победа*)³. Несмотря на то что выделенный район отличался наименьшей в Абхазии долей картвельского населения, газета выходила преимущественно на грузинском языке⁴ и имела грузинское название.

По всей вероятности, подобное разделение Гудаутского района надвое, не имевшее объективных экономических и транспортно-логистических предпосылок, как и произошедшая ранее передача села Лдзаа Гагрскому району, было направлено на разрушение административно-географической целостности Бзыпской Абхазии параллельно с разрушением её этнической целостности, реализовывавшимся посредством переселенческой политики. Эти меры органично вписывались в общую схему грузинизации республики и ассимиляции абхазского этноса в обозначенный исторический период. Однако официальная печать пыталась представить административно-территориальные преобразования совершенно в ином свете. В новогоднем выпуске газеты «Советская Абхазия» сообщалось: «На карте Абхазии появилась новая административная единица – Ахалиафонский район. Это – большое событие в хозяйственной и политической жизни нашей республики. Разукрупнение Гудаутского района и образование Ахалиафон-

1. Газ. «Советская Абхазия». 22 августа 1953. №164 (9172).

2. Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1953 год. С. 7, 8.

3. Газ. «Советская Абхазия». 8 апреля 1953. №69 (9078).

4. Описание газеты «Гамарджвеба». URL: <http://www.nplg.gov.ge/paperge/en/browse/000988/> (дата обращения: 25.01.2019).

ского района доказывают возможность ещё более приблизить партийное и хозяйственное руководство к колхозному селу, наладить оперативную систематическую связь с широкими массами трудящихся»¹.

Ахалиафонский район просуществовал менее года. Отыскать в официальной печати сообщения, подтверждающего точную дату ликвидации района, нам не удалось, однако в публикации от 20 ноября 1953 года село Аацы вновь упоминается как входящее в состав Гудаутского района².

Последний масштабный эксперимент по перекройке административно-территориального деления Абхазии был произведён в 1962–1964 годах, когда в пределах Грузинской ССР, как и во всём Советском Союзе, проводилось укрупнение районов. По состоянию на 1 января 1963 года, территория Абхазской АССР подразделялась на три района: Гудаутский, Очамчырский и Галский³. Последний сохранил свои прежние границы, тогда как в состав Гудаутского района был полностью включён Гагрский район и село Эшера Сухумского района. Таким образом, Гудаутский район простирался от Псоу до Гумисты. Территорию от Гумисты до Охурея занимал Очамчырский район. Однако уже в декабре 1964 года этот административный эксперимент был свёрнут: номенклатура и границы районов вернулись к предшествующему состоянию⁴.

ГУДАУТА – ЭТНИЧЕСКИ АБХАЗСКИЙ ГОРОД

Как и в Сухуме, третий этап этнодемографической истории Гудауты связан с грузино-абхазской войной 1992–1993 годов. Однако здесь его начало было приурочено не к завер-

1. Газ. «Советская Абхазия». 1 января 1953. №1 (9010).

2. Указ. ист. 20 ноября 1953. №227 (9235).

3. Атлас Грузинской ССР. Тбилиси, 1964. С. 7.

4. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973. С. 22.

шающей фазе военного противостояния, а, наоборот, к началу боевых действий, поскольку Гудаута, не будучи оккупированной войсками Госсовета Грузии, взяла на себя роль военной столицы Абхазии. Эта принципиальная разница в политической подконтрольности двух городов в период войны определила и диаметрально противоположный вектор протекавших в них этнодемографических процессов. Если в Сухуме был отмечен почти тотальный исход пятнадцатитысячного абхазского населения после оккупации города грузинскими войсками в августе 1992 года (на фоне начавшихся сразу после оккупации столицы преследований по этническому признаку, грабежей и прочих военных преступлений дальнейшее пребывание абхазов в столице стало небезопасным)¹, то в Гудауте, напротив, отмечалось увеличение численности и доли абхазов. Увеличение численности абхазского населения Гудауты в военное время было связано с тем, что город явился основным центром притяжения вынужденных переселенцев из Сухума и оккупированной части Абжуйской Абхазии, а до начала октября 1992 года – и с территории Гагрского горсовета.

Как явствует из заявлений представителей грузинской политической и военной элиты того периода, Гудаутский район на определённом этапе стал рассматриваться ими в качестве потенциального «бантустана» для этнических абхазов, к тому же фактические этнодемографические пертурбации в ходе вооружённого противостояния создавали объективные предпосылки к такому развитию событий. Кульминация политики оккупационных властей в отношении гражданского абхазского населения выразилась в заявлении Т. Надарейшили от 11 ноября 1992 года, в котором, в частности говорилось, что «отныне совместное проживание абхазов и грузин исключается»².

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 91.

2. Авидзба А.Ф. К вопросу о ситуации на оккупированных территориях Абхазии (август – декабрь 1992 года) // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2012. С. 126.

К тому же в 1993 году в ООН был разработан проект разделения Абхазии в соответствии с текущей военной ситуацией. Согласно этому плану, на территории между реками Псоу и Гумиста должно было быть образовано абхазское государство, а земли к востоку от Гумисты, включая Сухум, передавались Грузии. Как отмечает А.Ф. Авидзба, политическому разделению Абхазии, по замыслу западных послов и дипломатов, должен был сопутствовать взаимный обмен населением, что фактически подразумевало этническую чистку восточной части страны, в том числе депортацию абжуйцев в Западную Абхазию¹.

Удельный вес абхазского населения Гудауты в рассматриваемый период вырос ещё больше вследствие массового оттока представителей грузинской общины и значительной доли представителей остальных меньшинств города.

Как уже было отмечено в нашей монографии, посвящённой этнодемографическим процессам в Сухуме, Отечественная война народа Абхазии внесла революционные изменения в этническую структуру населения, полностью перекроив сложившуюся к 1992 году этническую карту страны.

А.Н. Ямков в середине 2000-х годов отмечал: «В истории абхазского народа краткий промежуток времени в полтора десятилетия, последовавшего за распадом Советского Союза, по масштабу и драматизму привнесённых им изменений вполне сопоставим с периодом второй половины XIX в., предопределившим дальнейшую судьбу Абхазии. Как и тогда, радикально, но только гораздо более быстрыми темпами трансформировались политические и социально-экономические условия жизни абхазов, их система расселения и этнодемографический состав жителей Абхазии, приоритетные направления межэтнических контактов и инокультурных заимствований в абхазскую культуру, и многое другое»².

1. Авидзба А.Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум, 2013. С. 187, 188.

2. Ямков А.Н. Постсоветские изменения в образе жизни и бытовой культуре абхазов. Введение // Абхазы. М., 2012. С. 476.

З.К. Ачба пишет: «Грузино-абхазская война кардинально изменила этническую карту Абхазии. До войны абхазский народ боролся за реализацию двух разноуровневых общенациональных задач: за самоопределение абхазского государства и за обеспечение гарантий своего свободного развития в пределах Абхазии в качестве коренного народа, ставшего в силу различных обстоятельств национальным меньшинством»¹. Далее автор отмечает, что в ходе и по завершении войны «события развивались так стремительно, что абхазы не успели освоиться психологически и политически со своим новым положением. Однако объективные закономерности общественного развития уже теперь требуют пристального внимания к этой проблеме...»².

Одним из ключевых этнодемографических последствий войны явилось то, что большая часть грузинской общины Абхазии, сформировавшейся за последние полтора столетия путём перманентной миграции преимущественно из районов Западной Грузии, покинула республику вместе с отступающими грузинскими войсками. Исключение составили жители исторического Самурзакана, основная часть которых вернулась в Абхазию к началу XXI века. В результате произошедших изменений абхазы впервые за долгое время вновь стали большинством населения страны.

Во время и после войны Абхазию покидает значительная часть русских, украинцев, греков, евреев, эстонцев и представителей других общин. В несколько меньшей степени этот процесс затронул не сильно урбанизированную армянскую общину Абхазии. Эмиграция частично затрагивает и этнических абхазов. Оккупация большей части территории страны в период войны, разрушение инфраструктуры, экономическая блокада Абхазии в 1990-е годы и сопутствующие трудности

1. Ачба З.К. Перешагнув этнические рамки // Газ. «Нужная». 18 февраля 2000. №2.

2. Там же.

вызывают значительный отток населения. Процесс возвращения в послевоенную Абхазию этнических меньшинств начнётся не сразу, и он уже не будет иметь тотального характера.

Завершение войны запустило процесс резкой и бурной урбанизации абхазского этноса и изменения традиционной для постмакаджирского периода географии его расселения внутри страны. Урбанизация в 1990-е годы была столь динамичной, что из преимущественно «сельского» народа абхазы превратились в преимущественно «городской». Массовая смена места жительства в долгосрочной перспективе обусловила и постепенную трансформацию многих элементов материальной и духовной культуры абхазского социума¹.

Наиболее привлекательными городскими центрами для стремительно урбанизирующегося абхазского этноса в послевоенное время стали Сухум и Гагра. Не обошёл стороной этот процесс и Гудауту, однако здесь он проявился двояко. С одной стороны, в Гудауте, жилищный фонд которой пострадал во время войны меньше, чем в большинстве других городов Абхазии, после завершения активной фазы конфликта на постоянной основе обосновалась часть вынужденных переселенцев прежде всего из Сухума. Эта группа населения в значительной степени была представлена уроженцами Гудаутского района, в советское время поселившимися в столице Абхазии. Помимо этого, в послевоенные годы в Гудауту продолжает переселяться сельское население Бзыпской Абхазии, однако скромные количественные характеристики этого миграционного вектора не идут ни в какое сравнение с миграцией по линии «Абжуа – Сухум» в тот же период. С другой стороны, в послевоенные десятилетия также отмечается отток абхазского населения Гудауты в Сухум, Гагру и за пределы Абхазии (преимущественно в Россию), однако и данный процесс по своему абсолютному и относительному количественному выражению несравним с

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 66.

миграцией абхазского населения Ткуарчала и Очамчыры в западном направлении в 1990-е годы и последующие десятилетия.

Эти тенденции в своей совокупности позволяют говорить об относительной территориальной устойчивости и сравнимой миграционной пассивности населения города Гудауты и Бзыпской Абхазии в целом в сравнении с населением Абжуйской Абхазии в послевоенный период. Основная причина подобных различий кроется в оккупации значительной части Очамчырского района и блокаде Ткуарчала во время войны, вызвавших тяжёлые гуманитарные последствия, преодолеть которые населению Абжуйской Абхазии в полной мере не удается до сих пор. Однако стоит учитывать, что внутри Абхазии абжуйская «эмиграция» была активнее бзыпской ещё в советское время, подтверждением чему служит изменение пропорций в расселении абхазов по административно-территориальным единицам Абхазии по данным переписей населения. Так, в 1939 году в Очамчырском районе проживали 28632 абхаза из 56197 абхазов, отмеченных переписью в Абхазской АССР, то есть более половины (50,9%). В Гудаутском районе проживали 19473 абхаза (34,7%), на остальной территории автономной республики – 8092 абхаза (14,4%)¹. По данным переписи 1989 года, в пределах Очамчырского района и Ткуарчала проживали 36842 абхаза из 93267 абхазов Абхазии, то есть 39,5%, тогда как в Гудаутском районе – 30541 (32,7%) абхаз, а на остальной территории Абхазии – 25884 (27,7%) абхаза². Наконец, по итогам переписи 2011 года, в стране проживали 122175 абхазов, в том числе в пределах Очамчырского района в старых (до 1994 года) границах вместе с Ткуарчалом – 23531 (19,3%), в Гудаутском районе – 30125 (24,7%), на остальной территории Абхазии – 68519 (56,1%)³ (рис. 12).

1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.

2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273.

3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 108, 115, 130, 131, 137, 138–140, 142.

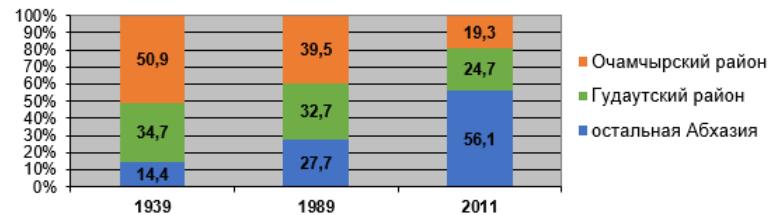

Рис. 12. Расселение абхазов внутри Абхазии
(по данным переписей населения 1939, 1989 и 2011 гг.).

В послевоенное время в Абхазии был проведён всеобщий учёт населения 2003 года и перепись населения 2011 года. По данным учёта 2003 года, численность населения Гудауты составляла 7738 человек¹. Сведения по этническому составу населения Гудауты предоставляет только перепись 2011 года. При всех возможных изъянах и недочётах этого официального мероприятия, его данные демонстрируют общие закономерности этнодемографического развития современной Гудауты, а именно: превращение её в относительно этнически гомогенный абхазский город.

По данным переписи 2011 года, общая численность населения Гудауты составляла 8514 человек, из которых абхазы насчитывали 7011 (82,3%) человек, русские и украинцы совокупно – 793 (9,3%) человека (в том числе 737 русских и 56 украинцев), армяне – 292 (3,4%) человека, картвелы – 227 (2,7%) человек (в том числе 224 грузина и 3 мингрела), греки – 49 (0,6%) человек, представители прочих этносов – 142 (1,7%) человека² (рис. 13). В городе имелось 2295 домохозяйств, в том числе 326 одиночных, 366 – с двумя жителями, 401 – с тремя, 463 – с четырьмя и 739 – с пятью и более жителями³.

1. Абхазия в цифрах. Сухум, 2005. С. 14.

2. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 115, 116.

3. Там же. С. 9.

Рис. 13. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гудауты (2011 г.).

В настоящее время Гудаута представляет собой город с самой высокой долей этнических абхазского населения в стране, что, впрочем, было справедливо и для позднесоветского периода, однако количественные показатели (пропорции) изменились кардинально: если в 1989 году абхазы составляли 48,0% населения города, то в 2011 году их доля выросла до 82,3%. Как и в Сухуме, межпереписной период 1989–2011 годов в Гудауте ознаменовался резким, практически двукратным, сокращением общей численности населения, однако, в отличие от Сухума, здесь депопуляция коснулась абсолютно всех основных этносов города (включая абхазов с символическими показателями падения численности), поскольку Гудаута, как уже отмечалось, не была в числе самых привлекательных урбанизационных центров Абхазии в послевоенный период, и отток абхазского населения из города, очевидно, превышал иммиграцию. Ещё один существенный момент, определяющий уникальность траектории этнодемографических процессов в Гудауте на третьем этапе, прослеживается в сопоставимых темпах депопуляции грузинской общины, с одной стороны, и прочих основных некоренных общин – с другой. В Сухуме же, показатели депопуляции картвельского населения в 1989–2011 годах многократно превосходили аналогичные показатели у славянского, армянского и прочего населения (табл. 18).

Табл. 18. Динамика этнического состава населения Гудауты по данным переписей населения 1989 и 2011 годов¹.

	1989 год	2011 год	убыль, чел.	убыль, %
всё население	14864	8514	-6350	-42,7
абхазы	7135	7011	-124	-1,7
картвельцы	1947	227	-1720	-88,3
руssкие	3151	737	-2414	-76,6
прочие	2631	539	-2092	-79,5

Оставшееся в послевоенной Гудауте грузинское население, за редким исключением, представлено людьми, связанными родственными узами с абхазами. Подобное, хоть и в меньшей степени, актуально и для восточнославянского населения города². Неудивительно, что для картельского и восточнославянского населения Гудауты характерна искажённая гендерная структура: доля женщин у этих групп составляет соответственно 65,7% и 62,6%³.

К сожалению, материалы переписи 2011 года не содержат сведений о возрастной структуре отдельных этносов как в Абхазии в целом, так и в пределах отдельно взятых административно-территориальных единиц и населённых пунктов. Однако эмпирические данные позволяют предположить, что для большинства этнических меньшинств Гудауты характерна искажённая возрастная структура, вызывающая неуклонное демографическое старение, что при ограниченности миграционной подпитки и более активной, чем у абхазов, эмиграции

1. Составлено нами по источникам: 1. Населённые пункты и население Грузии... С. 23; 2. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 115, 116.

2. Русского и украинского населения. Данные по численности белорусов отсутствуют.

3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 115, 116.

определяет стабильное сокращение их удельного веса в населении города. С 1994 года до 2009 года стабильный естественный прирост населения отмечался только у этнически абхазского населения страны. У армянской общины в 1995–2004 годах также отмечалось некоторое превышение числа родившихся над числом умерших, однако с 2005 года возобладала тенденция естественной убыли населения¹. Таким образом, при сохранении существующего вектора этнодемографического развития Гудауты в долгосрочной перспективе доля абхазов могла бы продолжить расти, если бы не наметившаяся в последние годы иммиграция в город этнически неабхазского населения из-за пределов страны, пока ещё формально сдерживаемая законодательными ограничениями на продажу недвижимости иностранным гражданам.

По данным Управления государственной статистики РА, численность наличного населения города Гудауты на 1 января 2019 года составляла 8826 человек, увеличившись с момента проведения переписи 2011 года на 312 человек².

Послевоенные миграции, затронувшие население Гудаутского района, не исчерпываются переселением части его жителей в другие административно-территориальные единицы страны, выездом за пределы Абхазии, а также внутрирайонным переселением по линии «сельская местность – райцентр». В Гудаутском районе, так же как и в Очамчырском, в 1990-е годы была отмечена и внутрирайонная межселенная миграция, и даже внутриселенная миграция. В подобных случаях, как правило, проявлялась тенденция к заселению сёл, имеющих выгодное экономико-географическое положение (расположенных вдоль центральной трассы, вблизи райцентра или на побережье) и покинутых преимущественно грузинами,

1. Хашба А.Ш. Этническое воспроизводство населения Абхазии (1992–2010 гг.) // Абхазоведение. Археология, история, этнология. Вып. VII. Сухум, 2012. С. 304–306.

2. Абхазия в цифрах 2018: Управление государственной статистики Республики Абхазия. Сухум, 2019. С. 25.

реже – представителями других этнических меньшинств района. Новыми поселенцами оказывались преимущественно абхазы из отдалённых от райцентра и прибрежной полосы периферийных предгорных селений.

А.Н. Ямсков отмечает, что в послевоенное время «из отдалённых и труднодоступных в транспортном отношении сёл некоторые люди переезжали в те лежащие на шоссе селения, ...из которых бежала основная масса их прежних жителей, преимущественно грузин или представителей других неабхазских этнических групп»¹. Он же приводит пример переселения жителей села Хуал, например, в Лыхны (вероятно, в посёлок Бамборо)².

Однако наиболее ярким свидетельством подобных внутренних миграций в Гудаутском районе служит пример бывшего переселенческого прибрежного села Хыпста (в советский период – Ахалсопели), расположенного на трассе. По итогам последней предвоенной переписи 1989 года, здесь проживали 2992 человека, из которых абхазами были лишь порядка 600 человек³. А по данным переписи 2011 года, абхазское население села составляло уже 1548 человек⁴. При этом часть послевоенных абхазских поселенцев представлена вынужденными переселенцами из Абжуа, оставшимися в Хыпсте после завершения войны и полной деоккупации Очамчырского района. Непосредственно же в период военных действий вынужденные переселенцы из оккупированной грузинскими войсками части Абжуйской Абхазии, расселённые властями в домах, оставленных выходцами из Западной Грузии и их потомками, составляли более весомую часть населения села Хыпста. В целом схожее замещение преимущественно славянского населения абхазским имело место в прибрежном посёлке Бамборо

1. Ямсков А.Н. Указ. соч. С. 477.

2. Ямсков А.Н. Социальная жизнь современного абхазского села // Абхазы. М., 2012. С. 497.

3. Населенные пункты и население Грузии... С. 24.

4. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 118.

Лыхненской сельской администрации, с запада примыкающем к Гудауте. Процесс, начавшийся ещё в позднесоветский период, практически полностью завершился в послевоенное время. Однако в 2009 году, после признания Российской Федерации независимости Абхазии, в Бамбore была размещена российская военная база. Российские военные и члены их семей не были учтены в ходе проведения переписи населения 2011 года.

Замещение грузинского населения абхазским имело место и в прибрежном посёлке Тасракуа Куланырхской сельской администрации, расположенному у восточной границы города. Примером внутриселенной миграции может служить село Джирхуа, часть жителей верхней, удалённой от трассы половины которого перебралась в 1990-е годы в дома, расположенные вблизи центральной автомагистрали и оставленные во время войны армянами.

Следующая диаграмма является попыткой визуализации рассмотренной выше более чем столетней этнодемографической истории Гудауты. Подобная визуализация отчётливо иллюстрирует резкие различия в характере этнодемографических изменений в Гудауте и Сухуме в рассматриваемый исторический отрезок.

Во-первых, обращает на себя внимание в целом достаточно стабильная доля грузинского населения в Гудауте на протяжении всего советского периода, учитывая, что максимальный процент картвельского населения в городе был отмечен в самом начале XX века (31,9%), когда картвелы, наряду с турками, были самой многочисленной группой Гудауты, тогда как в Сухуме, наоборот, максимальные показатели пришлись на конец советской эпохи. В дальнейшем наблюдалось несколько скачков удельного веса грузинского населения в Гудауте. Так, с 1906 года по 1922 год процент картвелов снизился с 31,9% до 21,5%, а в период между переписью 1926 года и учётом населения 1932 года – с 21,4% до 10,8%, что было связано с притоком греческого и армянского населения с южного берега

Чёрного моря и активным ростом славянской общины – процессом, характерным для всех городских поселений Абхазии в 1920–1950-е годы. К 1939 году доля грузинского населения возрастает до 17,1% вследствие общей политики демографической грузинизации Абхазии сталинско-бериевского периода. С конца 1950-х годов и вплоть до распада СССР процент картвельского населения Гудауты стабилизируется на уровне 15,0–15,4%.

В начале XX века турки были вторым по численности этносом местечка, однако в ходе Первой мировой войны большая часть турецкой общины покидает Гудауту. В раннесоветский период греческая община Гудауты была второй по численности этнической компонентой города. Процент греческого населения поэтапно снижался в течении 1920–1940-х годов: с 25,0% в 1922 году до 14,6% в 1939 году. После депортации 1949 года, несмотря на снятие режима спецпоселения в хрущёвский период, греческая община города уже не сумеет восстановить своих прежних демографических позиций, что отчётливо видно на диаграмме.

Восточнославянская община Гудауты, на протяжении всего XX столетия в значительной мере определявшая этнический ландшафт города, достигла максимального удельного веса к 1959 году (46,1%). С 1960-х годов наметилась тенденция активной депопуляции русского населения Гудауты, сопровождавшаяся параллельным ростом численности и удельного веса абхазов.

Последний процесс с разной степенью интенсивности проходил на протяжении всего советского периода, наиболее активизировавшись в 1970–1980-е годы, когда Гудаута встала на путь демографической коренизации. Единственный межпереписной период, в течение которого было отмечено снижение доли абхазского населения Гудауты – 1932–1939 годы, – совпал с фазой неярко выраженной демографической грузинизации города. Как и в Сухуме, достаточно стабильным на протяжении советского периода остаётся удельный вес армянской общины.

Отчётливо выраженной предстаёт граница между вторым и третьим этапами этнодемографической истории города, ознаменовавшая кардинальное изменение вектора этнодемографического развития Гудауты во время и после окончания войны 1992–1993 годов, выразившееся в резком падении численности и удельного веса всех этнических меньшинств и в столь же резком сопутствующем росте доли этнически абхазского населения (рис. 14).

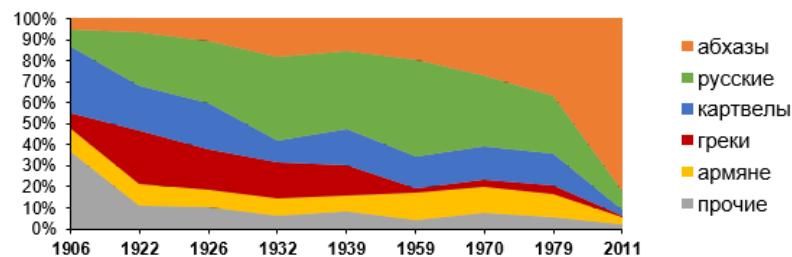

Рис. 14. Удельный вес представителей основных этносов Гудауты (по данным переписей и учётов 1906–2011 гг.).

Динамика численности населения Гудауты с конца XIX века по настоящее время характеризуется различными тенденциями: периоды поступательного роста сменялись стагнацией и даже этапами депопуляции. Так, стремительный рост населения города в начале XX столетия был прерван Октябрьской революцией и последовавшей за ней оккупацией и аннексией Абхазии Грузинской Демократической Республикой, вызвавшими сокращение численности горожан. После советизации Абхазии население Гудауты вновь начинает расти. Любопытно, что резкий скачок численности населения наблюдается в 1929–1930 годах, когда за один год число гудаутцев возрастает с 3935 человек до 4805 человек или на 22%. Аналогичный процесс в указанное время имел место также в Сухуме и Очамчыре, причём в последней рост населения за этот год

составил 71,7%¹. В 1960–1970-е годы наблюдается стагнация численности населения Гудауты, и после незначительного роста, имевшего место в 1980-х годах, наступает фаза резкой депопуляции, вызванная войной и знаменующая переход города на третий этап своей этнодемографической истории (рис. 15).

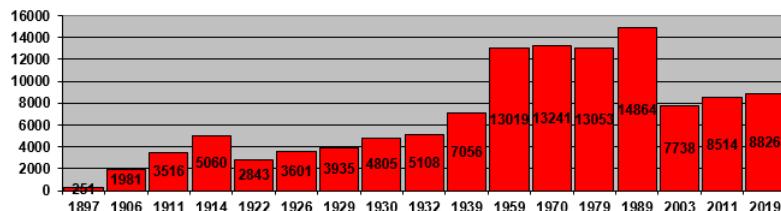

Рис. 15. Динамика численности населения Гудауты (по данным переписей и учётов 1897–2019 гг.).

Переходя к рассмотрению особенностей этнодемографической ситуации в различных районах Гудауты на современном этапе, следует отметить, что территориальный (узколокальный) аспект этнодемографического развития города, конечно же, не столь многогранен, как в случае со столицей, что определяется рядом объективных причин, а именно: меньшей численностью населения и площадью территории в совокупности с существенно большей этнической гомогенностью Гудауты в сравнении с Сухумом.

По данным Центральной избирательной комиссии Республики Абхазия на лето 2014 года, общее количество избирателей в городе Гудауте составляло 7490 человек, этнический состав которых был следующим: абхазы – 6006 (80,2%) человек, представители восточнославянских народов – 750 (10,0%), армяне – 300 (4,0%), грузины – 285 (3,8%), греки – 61 (0,8%), осетины – 29 (0,4%), татары – 10 (0,1%), абазины – 7 (0,1%), эстонцы – 5 (0,1%), турки – 4 (0,1%), азербайджанцы – 3 (0,1%),

1. Главный архив Национальной АН Грузии. Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.

ингуши – 3 (0,1%), кабардинцы – 3 (0,1%), лазы – 3 (0,1%), даргинцы – 2 (0,1%), евреи – 2 (0,1%), болгары – 1 (0,1%), испанцы – 1 (0,1%), латыши – 1 (0,1%), лезгины – 1 (0,1%), молдаване – 1 (0,1%), поляки – 1 (0,1%), таджики – 1 (0,1%), цыгане – 1 (0,1%), чуваши – 1 (0,1%), представители прочих этносов – 8 (0,1%) человек¹.

Как видно, этнический состав избирателей несколько отличается от этнического состава населения Гудауты по данным переписи, проведённой тремя годами ранее, несколько меньшей долей этнических абхазов и более высоким процентом основных этнических меньшинств. Данный факт объясняется отсутствием в списках несовершеннолетних граждан, среди которых процент абхазов, наоборот, повышен.

Данные списков избирателей не могут считаться абсолютно достоверно отображающими этнодемографическую ситуацию в Гудауте, поскольку состав де-юре населения, зарегистрированного по определённому адресу, довольно существенно отличается от состава фактического, наличного населения. Многие жители города имеют постоянную регистрацию не только в других его частях, но и за пределами Гудауты. В то же время определённая часть зарегистрированных в Гудауте граждан фактически проживает как в прочих населённых пунктах Абхазии, так и за пределами страны (особенно в РФ). Несмотря на упомянутые сложности, списки избирателей являются ценным статистическим источником, позволяющим провести детальный анализ локальных особенностей современной этнодемографической ситуации в Гудауте.

Анализ списков избирателей 2014 года позволяет выявить определённые, хоть и не очень существенные, различия в этнической композиции как крупных районов, так и отдельных улиц Гудауты. В целом для всех районов города в настоящее время характерно абсолютное преобладание этнически абхазского населения, доля которого нигде не опускается ниже

1. Списки избирателей предоставлены ЦИК РА.

77%. Тем не менее, городские районы имеют определённую этническую специфику, которая будет рассмотрена ниже.

Несмотря на то что в обыденном восприятии большинства жителей Гудауты город подразделяется на ряд исторически сложившихся районов, официально ввиду сравнительно небольшой численности населения абхазские города не имели внутреннего районного деления в советский период. Не было произведено никаких административных преобразований в этом направлении и в послевоенное время. Поэтому городские районы, существующие в умозрительных представлениях гудаутцев, в большинстве случаев не имеют чётко очерченных географических пределов, да и сам их перечень весьма расплывчат.

Исключение составляет только *Замостянка*, очертания условных границ которой не вызывают сомнений: с юга этот район ограничен береговой линией Чёрного моря, с запада – рекой Гудоу, а его северные и восточные границы являются одновременно и границами всего города.

Границы остальных трёх городских районов, как и названия двух из них, очерчены и выбраны нами путём интегрального анализа исторических и географических факторов, а также представлений самих горожан. Так, *Центральный район* города мы ограничили с запада улицей Ардзинба (в прошлом в разные периоды именовавшейся улицей 30 сентября/Дружбы/Дзержинского), с севера – республиканской автотрассой, с востока – рекой Гудоу.

В пределах *Нового района* оказалась вся западная часть Гудауты от границы с посёлком Бамбора до улицы Ардзинба включительно. Этот район нового освоения характеризуется повышенной плотностью населения, являющейся следствием доминирующего характера застройки: здесь преобладают многоэтажные панельные дома.

Самым условным с точки зрения факта его существования как умозрительного географического целого и самым спорным с позиций определения его границ и выбора названия

является, пожалуй, район, обозначенный нами как *Северный*. Во-первых, это название не используется местным населением; во-вторых, в пределах выделенного нами района расположены объекты, которые вместе с примыкающей к ним периферией формируют две локальные территориальные общины. Это Гудаутская центральная районная больница, лежащая на магистральной улице Гобечия, и городское кладбище, примыкающее к магистральной улице Зухба. Улица Гобечия связывает Гудауту с селом Куланырхуа, а улица Зухба – с посёлком Хапшира села Лыхны. Несмотря на вышеобозначенные факты, выделение Северного района кажется нам оправданным и логичным исходя из причин историко-географического характера. Эта территория, ранее полностью входившая в состав Лыхненского сельсовета, была включена в городскую черту в советское время. Кроме того, район имеет вполне осозаемые границы: с юга он отделён от центральной части города республиканской автомагистралью, на востоке его естественной границей с Замостянкой и селом Куланырхуа является река Гудоу, а северные и западные границы района являются одновременно и границами всей Гудауты с селом Лыхны.

Выделенные нами районы различаются площадью территории, а также преобладающим характером застройки и, как следствие, численностью и плотностью населения. Крупнейшим по территории районом Гудауты является Центр, в пределах которого сочетаются как частная, так и типовая застройка. Этот район лидирует и по численности населения (3124 избирателя). Остальные три района примерно равны по площади территории (все они почти вдвое уступают Центру), однако сильно различаются по численности населения. Так, в Новом районе с преобладанием типовой застройки в 2014 году было отмечено 2498 избирателей, тогда как в пределах Замостянки – 1145 избирателей, а в Северном районе – только 723 избирателя. В двух последних районах абсолютно преобладает частная застройка. Так, в Северном районе имеется лишь один многоквартирный дом на улице Гобечия, а в пределах Замо-

стянки таких домов, за исключением двух почти обезлюдивших малоквартирных жилых корпусов, относившихся к санаторию «Строитель», не имеется вовсе.

По данным списков избирателей 2014 года, самая высокая доля этнически абхазского избирателей в Гудауте отмечалась в пределах Нового района (84,3%), а самая низкая – в Северном районе города (77,0%). В Центре было зафиксировано 77,9% абхазов, а в пределах Замостянки – 79,5%. Таким образом, можно говорить о том, что удельный вес абхазского населения в целом нарастает по мере удаления от исторического центра города в западном и восточном направлении. В то же время северная часть Гудауты, в довоенный период отличавшаяся повышенной долей абхазского населения, в настоящее время, напротив, уступает по данному показателю остальным городским районам. По всей вероятности, после окончания Отечественной войны 1992–1993 годов доля этнически абхазского населения несколько возросла и здесь, однако в Центре и Новом районе в 1990–2000-х годах наиболее активно происходил процесс замещающей миграции, выражавшийся в активном оттоке этнических меньшинств и встречной миграции абхазов из сельской местности Гудаутского района, что существенно трансформировало этнический облик этих районов, превратив их в наиболее этнически абхазские части города.

География расселения этнически славянского населения Гудауты характеризуется отчётливой тенденцией нарастания его доли в направлении с северо-востока на запад. Доля избирателей-славян варьируется от 7,4% и 8,7% в пределах Замостянки и Севера до 10,8% и 10,6% в Центре и Новом районе соответственно. Причина этих колебаний (хотя в настоящее время и достаточно скромных) кроется в истории формирования этнодемографической структуры населения Гудауты. Будучи в значительной степени этнически славянским городом в раннесоветский период, Гудаута в середине XX века территориально расширялась в северном и восточном направлении, инкорпорируя территории Лыхненского (современный Северный рай-

он) и Куланырхского (Замостянка) сельсоветов, уже имевшие абхазскую этническую доминанту. Ближе к концу советской эпохи территориальное расширение Гудауты происходит в западном направлении, в сторону этнически преимущественно русского посёлка Бамбора, по соседству с которым отстраивается Новый район. Таким образом, пониженная доля этнически славянского избирателей на северной и восточной окраинах города, как и более высокая – в Центре и на западной окраине, объясняются причинами историко-географического характера.

Среди основных этнических общин Гудауты наиболее существенная территориальная диспропорция в расселении фиксируется у армян. Здесь мы видим прямо противоположный славянскому характер расселения, выражаящийся в резком нарастании этнического присутствия в направлении с запада на восток. Если в Новом районе доля избирателей-армян составляет лишь 1,2%, то в пределах Замостянки она повышается до 9,1%. В центральной и северной частях города удельный вес этнически армянского избирателей составляет 4,4% и 3,9% соответственно. Столь высокий процент армянского населения на восточной окраине Гудауты объясняется соседством Замостянки с посёлком Тасракуа, значительную часть населения которого также составляют армяне. Здесь мы вновь сталкиваемся с проявлением географического детерминизма. Аналогичное явление было зафиксировано нами в ходе анализа локальных особенностей этнодемографической ситуации в столице Абхазии, где наибольшая концентрация армянского населения отмечалась на периферийных улицах, непосредственно примыкающих к преимущественно этнически армянским сельским администрациям Сухумского района. Это явление мы опровергли отнести к «эндемичным», а не к общеабхазским закономерностям и тенденциям, характеризующим этническую карту современного Сухума. Правда и тогда нами было сделано допущение относительно возможности наличия аналогичного явления на окраинах Гагры, примыкающих к армянонасе-

лённой сельской местности¹. Теперь же становится очевидным, что эта тенденция, наличествующая и в Гудауте, может быть охарактеризована как общеабхазская.

Распределение этнически грузинского избирателей по районам Гудауты также характеризуется весьма существенными колебаниями удельного веса. Доля грузин среди избирателей Замостянки равна 2,2%, Нового района – 2,8%, Центра – 4,2%. Максимальный процент избирателей-грузин отмечается в Северном районе – 8,3%. Любопытно, что столь высокие показатели фиксируются именно в современной Гудауте, отличавшейся в довоенный период самой низкой долей грузинского населения среди городов Абхазии². Даже в Сухуме, до осени 1993 года имевшем картвельскую этническую доминанту, сегодня нет ни одного района, в котором доля грузинского населения достигала бы 4%³. Данный статистический факт заслуживает внимания не только в силу своей кажущейся на первый взгляд неординарности, но и потому, что мы имеем дело с фиксацией исчезающих деталей этнодемографической палитры города, поскольку грузинская община послевоенной Гудауты уже не является собой этнокультурного целого и большая её часть представлена лицами пожилого и преклонного возраста. Из 285 избирателей-грузин Гудауты 190 (66,6%) человек имеют мингрельские фамилии, 77 (27,0%) – грузинские, 4 (1,4%) – сванские, 11 (3,9%) – абхазские⁴, 3 (1,1%) – иные.

География расселения этнических греков и представителей народов Северного Кавказа (осетин, абазин, адыгов, ингушей и представителей народов Дагестана) по районам Гудауты

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 89.

2. По данным переписи 1989 года, удельный вес грузинского населения в городах Абхазии был следующим: Гал – 93,3%, Очамчыра – 58,2%, Сухум – 41,5%, Гагра – 28,1%, Ткуарчал – 23,4%, Гудаута – 13,1% [Населённые пункты и население Грузии... С. 14, 15, 18, 23, 33].

3. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 90.

4. Женщины, взявшие фамилии мужей-абхазов, а также выходцы из Самурзакана или их потомки.

вряд ли заслуживает отдельного анализа в силу крайне незначительной представленности данных этносов в списках избирателей.

Этнический состав районов Гудауты по данным списков избирателей 2014 года представлен в следующей таблице (табл. 19).

Табл. 19. Этнический состав избирателей по районам Гудауты (2014 год).

	всего	абхазы	армяне	греки	грузины	славяне	народы СК	прочие
Гудаута	7490 (100%)	6006 (80,2%)	300 (4,0%)	61 (0,8%)	285 (3,8%)	750 (10,0%)	45 (0,6%)	43 (0,6%)
Центр	3124 (100%)	2433 (77,9%)	137 (4,4%)	35 (1,1%)	131 (4,2%)	338 (10,0%)	23 (0,7%)	27 (0,9%)
Новый район	2498 (100%)	2106 (84,3%)	31 (1,2%)	11 (0,4%)	69 (2,8%)	264 (10,6%)	10 (0,4%)	7 (0,3%)
Северный район	723 (100%)	557 (77,0%)	28 (3,9%)	5 (0,7%)	60 (8,3%)	63 (8,7%)	4 (0,6%)	6 (0,8%)
Замостянка	1145 (100%)	910 (79,5%)	104 (9,1%)	10 (0,9%)	25 (2,2%)	85 (7,4%)	8 (0,7%)	3 (0,3%)

Перейдём к рассмотрению наиболее существенных особенностей этнической структуры населения Гудауты по данным списков избирателей 2014 года на самом низовом уровне – в пределах отдельно взятых улиц или их частей. Ниже мы ограничимся анализом данных лишь по тем улицам города, на которых проживает не менее 10 избирателей.

В Северном районе Гудауты наибольшая доля этнически абхазского электората фиксируется на улице Бзыпской (100% из 34 зарегистрированных здесь избирателей), в восточной части улицы Гулиа (94,4% из 18) и на улице Пицундской (93,3% из 15). В пределах Замостянки самыми этнически абхазскими являются улицы Гагарина (97,4% из 115), 16 марта (бывшая Меладзе, 91,4% из 58), Кове (бывшая Московская, 91,3% из 103), Гулиа (не путать с улицей Гулиа в центральной части города,

91,1% из 45), Вардания (90,7% из 54). В Новом районе самый высокий процент избирателей-абхазов отмечается в западных частях проспекта Героев (бывшая улица Ленина, 95,6% из 45) и улиц Очамчырской (93,2% из 74), Агрба (бывшая Пионерская, 92,1% из 190), Киараз (91,7% из 36), а также на улицах Кистрикской (ранее в разные периоды – Дружбы/Нозадзе, 89,4% из 292) и Гарцкия (бывшая Леселидзе, 89,3% из 168). В центральной части города наибольшей долей этнически абхазского электората отличаются улицы Отырба (бывшая Тургенева, 92,2% из 180) и Трапш (90,5% из 21). Самые минимальные показатели удельного веса избирателей-абхазов фиксируются на улицах Железнодорожной (38,9% из 18) и Харазия (55,1% из 69) в Центральном районе, на улице Мхондзия в Северном районе (60,9% из 69) и на улице Советской в пределах Замостянки (61,3% из 75).

В Северном районе Гудауты наиболее значительная доля этнически славянского электората отмечается на улице Чагава (31,8% из 22 зарегистрированных здесь избирателей) и в восточной части улицы Очамчырской (20,0% из 25). В центральной части города по данному показателю выделяются восточные части улиц Алания (бывшая Ниношвили, 25,0% из 16) и Шамба (20,0% из 60), а также улица Харазия (20,3% из 69) и Казачий переулок (20,0% из 15). В Новом районе к таковым относятся западная часть улицы Эшба (24,0% из 25) и улица 40-летия Комсомола (23,5% из 34). Полное же отсутствие избирателей-славян фиксируется на улицах Агрба и Ладария в пределах Замостянки, на Бзыпской и Пицундской улицах в Северном районе, а также на ряде других улиц и переулков Гудауты.

Наибольшая концентрация этнически армянского электората отмечается на улицах Железнодорожной (55,6% из 18 зарегистрированных избирателей) и Приморской (30,0% из 10) в центральной части города, а также на улицах Агрба (21,4% из 14), Советской (20,0% из 75) и Добровольцев (бывшая Пилия, 17,6% из 319) в пределах Замостянки. В то же время для многих улиц Гудауты характерно полное отсутствие избирателей-армян.

Резко повышенный относительно среднегородских показателей процент избирателей-грузин фиксируется на улицах Северного района Гудауты: Мхондзия (29,0% из 69 зарегистрированных здесь избирателей), Зухба (18,8% из 69), восточная часть Очамчырской (16,0% из 25). В Центральном районе города по данному показателю выделяются восточная часть улицы 4 марта (15,4% из 78), а также улицы Адыгская (13,7% из 102), Харазия (13,0% из 69) и Дзидзария (12,9% из 101). Как и в случае с этнически армянским избирателем, на многих улицах города отмечается полное отсутствие избирателей-грузин.

В целом абхазское и славянское население Гудауты распределено по районам и улицам города более-менее равномерно, тогда как география расселения армян и грузин характеризуется отчётливой внутренней диспропорцией¹. Стоит отметить, что абсолютно аналогичные закономерности наблюдаются и в столице Абхазии².

Заключая рассмотрение списков избирателей Гудауты 2014 года, обратимся к анализу пофамильного состава этнически абхазского избирателя города. Здесь нас в первую очередь интересуют масштабы присутствия абжуйской части абхазского этноса в административном центре Бзыпской Абхазии. Если в довоенное время присутствие абжуйцев в Гудаутском районе в основном ограничивалось наличием незначительного количества невесток из Очамчырского района, то в послевоенный период в ряде населённых пунктов Бзыпской Абхазии осели вынужденные переселенцы из Абжуа, не возвратившие в родные сёла после освобождения Очамчырского района. Большинство вынужденных переселенцев из Абжуйской Абхазии, как уже отмечалось выше, осело в ранее преимущественно этнически картвельском селе Хыпста, однако незначительная их часть обосновалась и в райцентре.

Анализ фамильных имён избирателей в подобном ракурсе не может быть абсолютно точным, поскольку некоторые фами-

1. См. карты в приложении.

2. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 90.

лии абхазов являются общими для бзыпцев и абжуйцев, к тому же часть гудаутских женщин, происходящих из Абжуа, может носить фамилии своих мужей, хотя последнее в целом не является характерным явлением для Абхазии. В данном случае мы стремимся распределить фамилии этнически абхазского избирателя города Гудауты на характерные исключительно для Бзыпской Абхазии, характерные исключительно для Абжуйской Абхазии, а также встречающиеся в обоих регионах и нехарактерные ни для одного из двух регионов, не пытаясь при этом установить происхождение самих фамилий. Некоторые фамилии бзыпских абхазов происходят из других регионов Абхазии. Так, многие абхазские фамилии, в настоящее время типичные именно для Гудаутского района, имеют садзское происхождение. Их мы также отнесли к фамилиям, характерным для Бзыпской Абхазии. Как известно, у абхазов встречаются фамильные имена, имеющие адыгское, картвельское, славянское, турецкое, убыхское и иное происхождение. Часть из них может быть классифицирована как бзыпские или абжуйские, другая часть – нет. Точно так же некоторые фамилии избирателей-абхазов Гудауты, имеющие несомненно абхазское происхождение, не могут быть отнесены ни к характерным для Бзыпской, ни к типичным для Абжуйской Абхазии. Такие фамилии тоже отнесены нами к категории «иных». К «иным» отнесены и неабхазские (преимущественно славянские) фамилии замужних женщин-абхазок, хотя их девичьи фамилии, по всей видимости, относятся к типичным для Бзыпской Абхазии.

Общее количество избирателей-абхазов Гудауты, носящих фамилии, характерные именно для Бзыпской Абхазии, составляет 4687 человек или 78,0% от всех избирателей-абхазов города. Избирателей-абхазов с фамилиями, характерными как для Бзыпской, так и для Абжуйской Абхазии, оказалось 1079 человек или 18,0%. Очевидно, что абсолютное большинство последних также представлено бзыпскими абхазами. Избирателей-абхазов, носящих фамилии, характерные именно для Абжуйской Абхазии, оказалось всего 116 человек или 1,9%.

Таким образом, можно заключить, что представленность абжуйской части абхазского этноса в административном центре Бзыпской Абхазии и в наши дни, как и в советское время, остаётся крайне незначительной. Избиратели-абхазы Гудауты, носящие все остальные фамилии, насчитывают 124 человека или 2,1% от всего этнических абхазского избирателей города (рис. 16).

Рис. 16. Распределение избирателей-абхазов Гудауты по принадлежности к основным локальным группам фамильных имён (2014 г.).

По данным списков избирателей 2014 года, количество носителей каждой из «бзыпских» фамилий среди этнических абхазов в пределах города Гудауты таково: Барциц (170 человек), Агрба¹ (165), Авидзба (126), Анкваб (116), Гунба (109), Отырба (99), Аргун (88), Хагба (88), Базба (83), Трапш (80), Айба (79), Еник (75), Цушба (71), Ажиба² (69), Ардзинба (64), Смыр (61), Джения (60), Дбар (56), Тванба (56), Аджба (53), Пилия (53), Хашиг (53), Возба (52), Малия (50), Таркил (50), Кварацхелия (49), Чамагуа (48), Ахба (47), Абгаджава (46), Цвейба (46), Царгуш (44), Гумба (42), Гвазава (40), Кокоскерия (40), Гицба (37), Лакоба (37), Ладария (36), Мукба (36), Григолия (35), Шакрыл (35), Бения (34), Мушба (34), Тыркба (34), Дзидзария (33), Гобечия (32), Гулария (32), Чичба (32), Лейба (31), Саманба/Саман-

1. В незначительном количестве фамилия представлена в абжуйских сёлах Кутол, Гуп, Гуда, Акуаска, Лашкендар, Джал.

2. В незначительном количестве – в абжуйском селе Лашкендар.

джия (31), Чедия (31), Губаз (29), Папба (29), Дэкуя (28), Халваш (28), Агумава¹ (27), Кове (27), Хинтба² (27), Гагулия (26), Джинджуа (26), Конджария (26), Герзмава (25), Арсалия (24), Аишба (23), Даутия (23), Капш (23), Харазия (23), Габния (22), Кварчелия (22), Кетия (22), Квадзба (21), Джугелия (20), Хагуш (20), Габлия (19), Курмазия (19), Цугба (19), Джергения (18), Цишба (18), Боджуга (17), Гублия (17), Лакоя (17), Аристава (16), Вартагава (16), Куруа (16), Лазба (16), Рабая (16), Симония (16), Симсим (16), Тарнава (16), Ампар (15), Вардания³ (15), Лабия (15), Осия (15), Ахиба (14), Бгёу (14), Джикирба (14), Накопия (14), Пкин (14), Ахвлемиани (13), Гудалия (13), Дасания (13), Харзалия (13), Чкотуа (13), Шулумба (13), Арджения (12), Ванджаш (12), Гочуа (12), Пимпия (12), Сагария (12), Хеция (12), Чачибая (12), Гезердева (11), Герия (11), Есава (11), Зардания (11), Халбад (11), Мамацев (10), Пандария (10), Пачалия (10), Трандж (10), Цимцба (10), Акусба (9), Камлия (9), Мхонджия (9), Пация (9), Хутаба (9), Акиртава⁴ (8), Гегенава (8), Дзапшба (8), Дэкуя/Цкуя (8), Кильба (8), Купалба (8), Лолуа (8), Лушба (8), Махария (8), Надария (8), Халия (8), Хупория (8), Цейба (8), Дармава (7), Дащелия (7), Инал-ипа⁵ (7), Канделаки (7), Кичба (7), Кортуа (7), Мархолия (7), Чамба (7), Атейба (6), Чугба/Ачугба (6), Барзания (6), Ванача (6), Гваджава (6), Джарсалия (6), Инопха (6), Кацаба (6), Харабуа (6), Цколия (6), Чкок (6), Чуаз (6), Чхеидзе/Чхедзия (6), Ласария (5), Паразия (5), Хасая (5), Хварцкия (5), Хондзия (5), Чакветадзе (5), Чхебелия (5), Шершелия (5), Абиджба (4), Аркудж⁶ (4), Ар-

1. В незначительном количестве – в абжуйском селе Гуада.

2. Представлена также в самурзаканском селе Чхуартал.

3. В незначительном количестве представлена в Абжуа.

4. Фамилия имеет определённое распространение также в Самурзакане, где её носители в настоящее время имеют мингрельскую идентичность и значатся в документах как «грузины».

5. В незначительном количестве представлена в Абжуа и Самурзакане. В последнем распространена в грузинизированной форме Иналишвили, а носители имеют преимущественно мингрельскую идентичность. Хотя в последнее время некоторые из них восстановили исконную форму фамилии.

6. В незначительном количестве – в абжуйском селе Тхина.

сия (4), Габрава (4), Киртбая (4), Кочал-ипа (4), Харбедия (4), Хведчения (4), Хишба (4), Цузба (4), Чаабал/Чаабалырхуа (4), Чалмаз (4), Эбжноу (4), Андарбуа (3), Арухаа (3), Аухат (3), Ашхачава (3), Бармышава (3), Бейя (3), Ванаба (3), Габрия (3), Генаба (3), Ермолов (3), Казанджи-оглы (3), Карамзия (3), Кардия (3), Копешавидзе (3), Нуров (3), Парцхалия (3), Пния (3), Самава (3), Сасания (3), Сергегия (3), Тамбия (3), Тарсман (3), Цабария (3), Чазмава (3), Чхедзия (3), Шуген (3), Амаба (2), Анталава (2), Аппба (2), Джанба (2), Кайтан (2), Кудухба (2), Кукбая (2), Кчач (2), Орчукба (2), Папцава (2), Соломония (2), Тария (2), Терзи-оглы (2), Фарсолия (2), Хунцария (2), Цихчиба (2), Абашидзе (1), Адик (1), Алшундба (1), Арлан¹ (1), Арухадзе (1), Арындба (1), Багба (1), Бандаладзе (1), Вели-оглы (1), Гонджуа (1), Закарадзе (1), Инарба (1), Коф-оглы (1), Лухба (1), Маргазия (1), Микадзе (1), Миканба (1), Пакелия (1), Палба (1), Партанадзе (1), Сарсания (1), Такмадашвили (1), Чакмач-оглы (1), Ченчия (1), Чепба (1), Чепия (1), Чирикбая (1), Чукбар (1), Чухба (1), Шванба (1).

Количество носителей каждой из фамилий, характерных одновременно и для Бзыпской и для Абжуйской Абхазии, среди избирателей-абхазов Гудауты следующее: Тарба (113 человек), Шамба (94), Тания (55), Сангулия (53), Жиба (50), Лакербая (46), Чанба (45), Зухба (43), Нанба (38), Бебия (37), Гулиа (36), Бигвава (30), Колбая (30), Ачба (27), Сакания (27), Матуа (24), Капба (22), Сичинава (21), Багателия (19), Гамисония (19), Кобахия (19), Зантария (18), Гарцкия (17), Маан/Маргания (16), Мишелия (13), Габуния (12), Званбая (12), Бутба (10), Джинджолия (10), Сабуа (10), Кардава (9), Черкезия (9), Бганба (8), Кецба (8), Кутарба (8), Чантурия (8), Читанава (8), Алания (7), Барганджия (6), Бжания (5), Арчелия (4), Цвижба (4), Агухава (3), Ханагуа (3), Хахубия (3), Чагава (3), Чочуа (3), Эшба (3), Апшицба (2), Куркунава (2), Кутелия (2), Псардия (2), Дочия (1), Курт-оглы (1), Пачулия (1).

1. В незначительном количестве – в абжуйском селе Кутол.

Число носителей каждой из «абжуйских» фамилий среди этнически абхазского избирателей Гудауты таково: Ашуба (20 человек), Амичба (11), Абухба (9), Квициния (6), Шония (5), Асландзия (4), Ашба (4), Джопуа (3), Саная (3), Харчилава (3), Адлейба (2), Гогуа (2), Гургулия (2), Гурцкая (2), Жвания (2), Картозия (2), Квеквескири (2), Лагвилава (2), Пагава (2), Абаш (1), Аршба (1), Ахуба (1), Ашхаруа (1), Басария (1), Гамгия (1), Гергая (1), Гиндия (1), Гогия (1), Гогохия (1), Дарсалия (1), Дгебия (1), Делба (1), Допуа (1), Зарандия (1), Заркуа (1), Инашба (1), Какулия (1), Касландзия (1), Кацая (1), Качарава (1), Кварчия (1), Кирия (1), Мацапия (1), Миндзия (1), Нармания (1), Тодуа (1), Хинтуба (1), Шаматава (1), Шинкуба (1).

Количество носителей каждой из остальных фамилий, не относящихся к трём вышеуказанным группам, среди избирателей-абхазов Гудауты следующее: Дауров (8 человек), Календжи (5), Цуала (5), Сигуа (4), Беслан-ипа (3), Дзадзания (3), Лазарев (3), Хубулава (3), Циминтия (3), Бестаева (2), Виноградова (2), Гетия (2), Каракечба (2), Кимли (2), Магаметова (2), Начач (2), Сундулиди (2), Чхартба (2), Аблотия (1), Автандилов (1), Аleshenko (1), Андреева (1), Асланова (1), Бабина (1), Баразанджи (1), Безин (1), Бейгуа (1), Борисенко (1), Бычкова (1), Варич (1), Васильева (1), Габедава (1), Гончарова (1), Гордеев (1), Горохова (1), Гречанюк (1), Гужов (1), Гусельникова (1), Дамирова (1), Демурия (1), Джаркава (1), Джологуа (1), Ельшаева (1), Ембулаткина (1), Жукова (1), Каневская (1), Кафтанникова (1), Кирвалоглы (1), Козлова (1), Кудинкина (1), Кудряшова (1), Магамедова (1), Макарова (1), Манукиян (1), Мгеладзе (1), Мелехова (1), Миндолин (1), Миранидис (1), Нициевская (1), Носань (1), Ноцык (1), Павлова (1), Патарая (1), Пьянкова (1), Резицкий (1), Репях (1), Сар-оглы (1), Слученкова (1), Соловьёва (1), Старостина (1), Тавурова (1), Топчян (1), Туманова (1), Фафонкина (1), Хазыр-оглы (1), Хайдарова (1), Харебава (1), Хвичия (1), Хреева (1), Хурцилава (1), Чаава (1), Чакалова (1), Чеботарёва (1), Шерстова (1), Шершерия (1), Шубладзе (1), Щерба (1).

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГУДАУТЫ

Для настоящего исследования немаловажное значение имеют этнокультурные характеристики населения Гудауты, выработанные под влиянием этнодемографических процессов последних ста тридцати лет и вызванной ими специфики языковой ситуации в административном центре Бзыпской Абхазии. Начавшая формироваться на рубеже XIX–XX столетий как поликультурный городской центр на периферии Российской империи Гудаута, как и Сухум, во многом воспроизвела модель этнокультурного развития ряда других российских городов, находившихся в сходных условиях формирования этнической мозаики населения. Эта модель определялась прибрежным и приграничным положением, вызвавшим активную инфильтрацию как русского, местного и прочего «инородческого» населения России, так и масштабное участие уроженцев иностранных государств в формировании этнокультурной палитры городского пространства Гудауты.

При этом общей закономерностью в городских поселениях Западной Абхазии, равно как и в столице, являлось доминирование русского языка как средства межэтнической коммуникации. Вплоть до Великой Отечественной войны русский язык здесь делил роль *лингва franca* с турецким языком. В номере журнала «Сотрудник Закавказской миссии» от 15 мая 1912 года имеется следующее сообщение: «...я ехал в сопровождении двух стражников к греческому селению Михайловскому. Стражники были: один абхазец, христианин, другой – лезгин-магометанин. Встретились несколько греков и армян... И вот мои стражники, чтобы справиться о ближайшей дороге тропами, заговорили с армянином и его рабочими-греками на турецком языке! Турецкий язык в Гумистинском участке, около Сухума, объединяет грека, и армянина, и лезгина, и абхазца»¹. Место турецкого языка в Абхазии конца XIX – первой полови-

1. Журн. «Сотрудник Закавказской миссии». 1912. №12. С. 180.

ны XX столетий подробно описано в нашей монографии, посвящённой абхазской столице¹.

В Гудауте, как и в Сухуме, роль турецкого языка была довольно быстро нивелирована вследствие масштабного этнического присутствия славянского населения в городе на протяжении всего XX века и, главное, институционально закреплённой роли русского языка – языка российского и советского государства. Ещё в период *коренизации* в середине 1920-х годов административно-территориальные единицы Абхазии имели различные внутренние официальные языки. В полиглоссных Сухуме, Сухумском и Гагринском уездах в качестве такового использовался русский язык, в Гальском уезде – грузинский, тогда как в Гудаутском и Кодорском уездах – абхазский язык². Уездные органы власти получили право вести переписку с Сухумом на официальном языке своего уезда³. Однако это право в дальнейшем не соблюдалось даже внутри Гудаутского района. Например, секретарь Гудаутского райземотдела в 1931 году запретил Джирхскому сельсовету «сноситься с отделом на абхазском языке по мотивам незнания абхазского языка»⁴. В сельсоветах делопроизводство должно было вестись на языке большинства населения⁵. Несмотря на это, к началу 1930 года делопроизводство на абхазском языке велось только в восьми сельсоветах Гудаутского уезда: Абгархукском, Ачандарском, Джирхском, Дурипшском, Звандрипшском, Калдахуарском, Лыхненском и Мгудзырхском. В остальных тринадцати сельсоветах, равно как и в городе Гудауте, языком делопроизводства продолжал оставаться русский⁶.

Ситуация изменилась к 1932 году, когда во всех абхазских сельсоветах Гудаутского района делопроизводство было пере-

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 94–96.

2. Сагария Б.Е. Указ. соч. С. 118.

3. Сагария Б.Е. Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии. Сухуми, 1981. С. 183.

4. Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство... С. 131.

5. Там же. С. 118.

6. Центральный архив Новейшей истории Грузии. Ф. 284. Оп. 1. Д. 640.

ведено на абхазский язык¹. Несмотря на то что официальным языком Гудаутского уезда в 1920-е годы являлся абхазский, сам уездный центр был преимущественно русскоязычным. Впоследствии, особенно ближе к закату советской эпохи, русский язык в Гудауте становится уже не только средством межэтнического общения, но и одним из двух общих языков внутри этнически абхазской части населения города. Причём для значительной части гудаутских абхазов русский язык фактически становится первым, а иногда и единственным языком полноценного владения.

Как отмечалось нами в монографии, посвящённой Сухуму, массовое распространение билингвизма среди абхазов относится к концу 1950-х – началу 1960-х годов, что хронологически совпало, с одной стороны, с окончанием периода сталинско-бериевской грузинизации, с другой – с началом общегосударственной политики русификации². Г.П. Лежава пишет: «...в языковой политике проведённые меры чётко обозначили возврат к прежней тенденции создания условий для обрусения абхазского населения и пресечения попыток их огрузинивания»³. В.М. Алпатов отмечает: «Максимума русификация достигла при Н.С. Хрущёве, считавшем, что по мере продвижения к коммунизму должны отмирать всяческие различия, в том числе языковые»⁴. М.И. Исаев в работе 1970 года подчёркивал: «В дружной семье советских народов русский язык стал средством обмена опытом коммунистического строительства, средством приобщения каждой нации к культуре и достижениям других наций, прежде всего к революционным традициям и богатейшей культуре русского народа... В этих условиях русский язык всё более становится фактически род-

1. Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство... С. 133.

2. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 97.

3. Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). М., 1997. С. 150.

4. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. №5 (17). С. 22.

ным языком или “вторым родным языком” большинства советских людей»¹.

На XXII съезде КПСС, проходившем в октябре 1961 года, особое внимание уделялось вопросам языкового строительства. Государство – что вполне закономерно – стремилось к максимальному распространению доминирующего в политической, экономической и культурной сферах языка среди этнически нерусского населения. Фактически же был дан сигнал к более активной языковой русификации этнических окраин: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР»². Сообразно идеологическим установкам того времени, Ю.Д. Дешериев в середине 1960-х годов писал: «Многоязычие сильно тормозит общий прогресс человечества. Из величайшего орудия развития каждого народа отдельные языки, не отвечающие в полной мере запросам их носителей, уже сейчас – в нашу эпоху – превратились в своего рода тормоз, задерживающий их развитие»³. В 1970 году Б.Г. Тарба отмечал: «Билингвизм (двуязычие) в условиях Абхазской АССР явление вполне закономерное, оно подготовлено всем процессом развития многонациональной Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики»⁴.

В самой РСФСР ситуация с функционированием различных миноритарных этнических языков в качестве языков обучения

1. Исаев М.И. Указ. соч. С. 45.

2. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 407.

3. Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966. С. 364.

4. Тарба Б.Г. Ленинская национальная политика и билингвизм у абхазов. Сухуми, 1970. С. 48.

к середине 1970-х годов была довольно сильно диверсифицирована. Лишь в татарских и башкирских национальных школах весь процесс обучения с 1 по 10 класс проходил на этническом языке; в якутских – с 1 по 8 класс; в тувинских – по 7 класс; в бурятских – по 6 класс; в чувашских – по 4 класс; в алтайских, коми, коми-пермяцких, марийских, мордовских, удмуртских и хакасских – по 3 класс; в аварских, даргинских, кумыкских, лезгинских, лакских и табасаранских – в 1 и 2 классах; в абазинских – в подготовительном и 1 классах; в ненецких, ногайских и чеченских – лишь в подготовительном классе. На адыгейском, ингушском, кабардино-черкесском, калмыцком, карачаево-балкарском, мансиjsком, осетинском, хантыйском, чукотском, эвенкийском, эвенском и эскимосском языках обучение не велось: они изучались лишь в качестве отдельных предметов¹.

Однако первый серьёзный шаг на пути к внедрению русского языка в этнически нерусских периферийных регионах СССР был осуществлён ранее, во второй половине 1930-х годов, в период полнокровного утверждения сталинского режима, когда после постепенного отказа от идеи мировой революции и принятия доктрины «построения социализма в отдельно взятой стране» латинизированные алфавиты младописьменных народов стали переводиться на кириллическую графическую основу², что рассматривалось как базис для последующей языковой гомогенизации полигэтничного населения Советского Союза. В 1960–1970-е годы эти меры советского руководства виделись в качестве первых шагов в построении «новой исторической общности советских людей». Так, цитированный выше М.И. Исаев отмечал: «Стремление к переводу письменности на русскую графику в 30-е годы ни в коем случае не оз-

1. Губогло М.Н. Этнолингвистические процессы // Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 272, 273.

2. При этом абхазская и осетинская (в пределах Грузинской ССР) письменности в 1938 году были переведены на грузинскую графическую основу [Бгажба Х.С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 59, 60].

начало какого бы то ни было подчинения русской культуре, а было наиболее рациональной формой для развития собственной национальной культуры и в то же время – актом дружбы к русскому народу и проявлением интернационального единства советских народов»¹.

Важным обстоятельством, способствовавшим языковой русификации гудаутских абхазов в советский период, являлась сама система школьного образования, изначально ставившая младописьменный абхазский язык в невыгодное положение по отношению к русскому. Так, по данным переписи городского населения 1922 года, в Гудауте проживали 2541 человек в возрасте от 5 лет и старше, из которых 62,7% были учтены как грамотные². Определенные отличия по данному показателю отмечались у представителей основных этносов города. Максимальный процент грамотных был зафиксирован у русских – 75,0%. За ними следовали грузины – 68,4%, абхазы – 63,5%, армяне – 58,1% и греки – 51,9%³. Из 106 грамотных абхазов грамотность на абхазском языке отметили 26,4%⁴, на русском – 81,1%, на грузинском – 7,5%⁵. К тому же Гудаутский уезд существенно отставал от Кодорского по количеству абхазских школ ещё в 1920-е годы: в самой Гудауте в 1927 году не было ни одной абхазской школы, а в большинстве абхазских сёл уезда функционировали русские школы, чего не наблюдалось в Абжуйской Абхазии. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Первая школа в Гудауте была открыта Епархиальным учительским советом в 1884 году. Школа была одноклассной и просуществовала до 1889 года. В 1896 году этой же структурой была открыта Гудаутская второклассная школа с нахо-

1. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М., 1979. С. 270.

2. Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 3. Население по полу, возрасту, национальностям, грамотности и образовательному цензу. Тифлис, 1923. С. 16.

3. Там же.

4. Там же. С. 21.

5. Там же. С. 27.

дящейся при ней образцовой школой грамоты. Последняя в 1902 году была преобразована в образцовую одноклассную церковно-приходскую школу¹. Все дореволюционные школы Гудауты были мужскими, а процесс обучения в них проходил на русском языке. В период оккупации Абхазии войсками ГДР в Гудауте была открыта грузинская начальная школа. В мае 1920 года глава оккупационной администрации Гудауты Надарейшвилиставил перед МВД Грузии вопрос о необходимости открытия здесь грузинского высшего начального училища².

В 1932 году абхазы оказались в перечне 97 народов, официально признанных Наркомпросом СССР «культурно отсталыми» и в связи с этим «имеющими право на льготную помощь и пользующимися соответствующими поощрениями и преимуществами»³. В этот список вошли все народы Кавказа, за исключением грузин⁴ и армян⁵. По данным переписи 1926 года, уровень грамотности среди советских абхазов составлял 11,3%. По этому показателю они отставали от грузин (39,5%), армян (34,0%), осетин (21,2%) и черкесов (16,9%), но опережали карачаевцев (9,2%), ингушей (9,1%), азербайджанских тюрок (8,1%), аджарцев (7,8%), кабардинцев (6,8%), балкарцев (5,3%), чеченцев (2,9%) и другие народы Кавказа⁶.

Отставание абхазов по сравнению с другими основными этносами республики наблюдалось не только по количеству национальных школ, но и по абсолютному количеству детей, обучавшихся в школах, ещё в 1920-е годы. В то время как численность грузинского населения ССР Абхазии в 1926 году пре-восходила численность абхазского только на 20,7%, по количеству детей, обучавшихся в школах, отставание абхазов было

1. Дудко А.П. Указ. соч. 316, 322.

2. Центральный Исторический архив Грузии. Ф. 1833. Оп. 1. Д. 934.

3. Мартин Т. Указ. соч. С. 234, 235.

4. При этом аджарцы были включены в список культурно отсталых народов СССР отдельной строкой.

5. Мартин Т. Указ соч. С. 236, 237.

6. Там же. С. 179.

почти двукратным. Количество армянских школьников также было выше количества абхазских¹. В середине 1920-х годов в Гудаутском уезде отмечалась существенная диспропорция между этническим составом населения и этническим составом школьников (табл. 20).

Табл. 20. Этноязыковой состав населения (1926 год) и этнический состав школьников Гудаутского уезда (1925 год)².

	всё население (1926 год)	школьники (1925 год)
Гудаутский уезд	30800 (100%)	2316 (100%)
абхазы	17926 (58,2%)	988 (42,7%)
армяне	5982 (19,4%)	901 (38,9%)
греки	1735 (5,6%)	84 (3,6%)
грузины	1314 (4,3%)	96 (4,1%)
русские	2992 (9,7%)	225 (9,7%)
прочие	851 (2,8%)	22 (0,9%)

По итогам школьной переписи 1927 года, в Гудауте имелось 5 школ, из которых 2 были с русским языком преподавания, 1 – с греческим, 1 – с грузинским и 1 – с армянским. Абхазских школ не имелось. Всего в городе было 797 школьников. В школах с полным образовательным циклом на русском языке обучались 580 (72,8%) человек, в греческой – 86 (10,8%) человек, в грузинской – 83 (10,4%) человека, в армянской – 48 (6,0%) человек. В целом же Гудаутский уезд значительно отставал от Кодорского по количеству абхазских школ, а большая часть школ даже в сельской местности Гудаутского уезда в 1927 году была

1. Куправа А.Э. Из истории культурного строительства в советской Абхазии (1921–1925) // Труды. Т. I. Сухум, 2013. С. 347.

2. Составлено нами по источникам: 1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ; 2. Нарсия В.И. Указ. соч. С. 78.

представлена школами с полным образовательным циклом на русском языке. Так, в Гудаутском уезде имелось всего 4 абхазские школы. По этому показателю он лишь немного опережал Гальский уезд, где имелось 3 абхазские школы. В Кодорском уезде к этому времени функционировало 12 абхазских школ. Помимо 4 абхазских школ, в сельской местности Гудаутского уезда действовали 21 русская школа, 13 армянских и 4 греческих. Из 2712 школьников указанной территории только 183 (6,7%) человека обучались в абхазских школах, тогда как 1507 (55,6%) – в русских, 920 (33,9%) – в армянских, 102 (3,8%) – в греческих школах¹. Сколь велика была разница между этноязыковым составом населения Гудаутского уезда, согласно данным переписи 1926 года, и распределением школ по языкам преподавания в 1927 году, демонстрирует следующая таблица (табл. 21).

Табл. 21. Распределение населения Гудаутского уезда по родному языку (1926 год) и школьников, обучавшихся в школах с соответствующими языками преподавания (1927 год)².

	родной язык (1926 г.)	ученики соотв. школ (1927 г.)
всё нас. / все школьники	30800 человек	3509 человек
абхазский язык	58,2%	5,2%
армянский язык	19,4%	27,6%
греческий язык	5,6%	5,4%
грузинский язык	2,5%	2,4%
мингрельский язык	1,7%	–
русский язык	9,7%	59,5%
турецко-османский язык	1,4%	–
украинский язык	0,4%	–
прочие языки	0,9%	–

1. Статистический справочник на 1927 год. Сухум, 1928. С. 56, 57.

2. Составлено нами по источникам: 1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 102, 103 раздела ССРГ; 2. Статистический справочник на 1927 год. С. 56, 57.

Подобная картина являлась следствием в том числе и традиционной культурной модели социального функционирования абхазского аграрного общества, доминировавшей в сознании представителей этноса в раннесоветскую эпоху. В рамках парадигмы, основанной на такой модели, грамотность и образованность не фигурировали в качестве базовых атрибутов социализации личности. Заместитель наркома просвещения Абхазии А.М. Чочуа в 1923 году писал, что для коренного населения, в отличие от большинства других этносов республики, характерно в целом индифферентное отношение к школе: «В то время как все национальности в Абхазии проявляют интерес к своей школе, в спешном порядке ремонтируют школьные помещения, обеспечивают их на зиму отоплением и освещением, заботятся о восстановлении сокращённых школ, приглашают на свой счёт учителей, добывают необходимые учебники и т.д., одни лишь абхазы остаются спокойными к этим нуждам»¹. Он же при этом отмечал: «Правда, и среди абхазов замечается стремление к образованию, но оно проявляется пассивно, не поддержкой своих школ и учителей, а усиленной подачей просьб в Наркомпрос о приёме их детей в какой-либо пансион»². М.А. Джергения пишет о том, что давляющее большинство абхазов в XIX столетии относилось к образованию негативно: «Грамотными были в основном отдельные представители знати. По некоторым сведениям, основная масса населения подозрительно относилась ко всем письменам, видя в них элементы колдовства»³. Открывший в конце XIX века первую в селе Отхара школу народный учи-

1. Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Народное образование. Культура. Наука. Т. II. Сухум, 2015. С. 120.

2. Там же. С. 120, 121.

3. Джергения М.А. Абхазский язык и общество: прошлое, настоящее, будущее // Абхазия и вызовы современной эпохи. Материалы конференции 22 декабря 2002 года. М., 2003. С. 91.

тель и просветитель А.Г. Векуа сообщал: «Некоторые жители прятали своих детей... Накануне открытия школы ко мне подослали фанатически настроенного старика, который уговаривал меня быстрее уехать, так как готовится покушение... Это объяснялось тем, что вначале меня принимали за агента правительства, а школу как очаг порабощения... Многие не отдавали детей мужского пола в школу в силу того, что они посвятили своих сыновей кузне»¹.

Противоположный подход к получению образования отмечался у недавних беженцев из Турции – представителей армянской и греческой общин Абхазии. Цитированный выше А.М. Чочуа отмечал: «... потребность населения в начальном обучении настолько велика, что бюджет народного образования далеко не удовлетворяет требования. Однако население, особенно армянское и греческое, не останавливается перед отсутствием государственных ассигнований, оно само открывает школы и содержит их целиком на свои средства, оплачивая учителей, и неся все другие расходы по школе»². Этот вывод находит своё статистическое подтверждение. Так, по данным на 1 января 1927 года, из 136 школ Сухумского уезда, более половины населения которого составляли греки и армяне, 60 (44,4%) школ содержались за счёт населения, тогда как в Гудаутском уезде за общественный счёт содержались лишь 4 школы из 43, то есть только 9,3%³.

В свете вышеописанного закономерным видится и включение в список требований к властям, принятых участниками *Дурипшского схода 1931 года* – массового антиправитель-

1. Цит. по: Инал-ипа. Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965. С. 674.

2. Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Народное образование. Культура. Наука. Т. II. С. 92.

3. Нарсия В.И. Народное просвещение в Абхазии за 40 лет Советской власти. Сухуми, 1961. С. 30.

ственного¹ выступления абхазского населения Гудаутского района, – пункта о прекращении ликвидации безграмотности как идущей вразрез с абхазскими традициями². Н.А. Лакоба в 1929 году отмечал немотивированность абхазских учителей, их нежелание работать по профессии, что отражалось на фактической языковой трансформации абхазских школ: «Одной

1. Относительно важнейших побудительных причин Дурипшского схода мнения историков разнятся. Ш.Д. Инал-ипа в советское время в качестве главной причины выступления крестьян Гудаутского района в 1931 году постулировал антиколхозные настроения, инспирируемые «классовыми врагами» [Инал-ипа Ш.Д. Дурипш... С. 36, 37]. С.З. Лакоба, опираясь на статью С. Данилова «Трагедия абхазского народа», приходит к выводу, что одной из главных причин схода было недовольство населения понижением политического статуса Абхазии [Лакоба С.З. Очерки политической истории... С. 90, 91]. Соглашается с трактовкой С.З. Лакоба и З.В. Папаскири [Папаскири З.В. Абхазия. История без фальсификации. Тбилиси, 2010. С. 259]. М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн и И. Джуха также считают, что важнейшей причиной восстания были национальные противоречия, а не антиколхозные настроения [Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1... С. 259, 359. См. также Лакоба С.З. Об исследовании немецких учёных и некоторых аспектах политической истории Абхазии 20–30-х гг. ХХ в. // Вестник Академии наук Абхазии. 2017. №7. Серия гуманитарных наук. С. 172]. А.Э. Куправа склоняется к поликомпонентной причинной основе возмущения бзыпского крестьянства [Куправа А.Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, 2008. С. 121–123]. В то же время Т. Блаувельт указывает на имевшие место попытки организаторов Дурипшского схода расширить его узколокальный этнотерриториальный формат, ограничивавшийся абхазским населением Гудаутского района, до общеабхазского и даже шире. Так, на второй день схода было принято решение послать делегатов в этнически армянские сёла Мцара и Анхуа, в результате чего в нём приняли участие около 10 армян. 22 февраля 1931 года двое делегатов-карцевлов, работавших в абхазских сёлах, были направлены в Галский район и город Зугдиди с целью информирования местного населения о сходе и попытки привлечь мингрелов принять в нём участие. Ещё два человека были направлены «призвать греков, армян и турок». Аналогичные меры были предприняты в отношении русского сельского населения Гудаутского района [Blauvelt T. Resistance and Accommodation in the Stalinist Periphery: A Peasant Uprising in Abkhazia // Ab Imperio. 2012. №3. Рр. 95, 96].

2. Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Деревня. Сельское хозяйство. Сборник документальных материалов. Т. I. С. 343.

из наших слабостей является то, что абхазское учительство не хочет работать в школе... Такое положение ведёт к тому, что в абхазских школах – либо русские, либо грузинские учителя, не знающие абхазского языка»¹. Русский язык фактически доминировал и в школах ликбеза в абхазских сёлах вследствие всё той же нехватки учителей абхазского языка и отсутствия достаточного количества специализированной литературы. В отчёте Главполитпросвета за 1925/1926 учебный год сообщалось: «Ощущается лишь недостаток книг для чтения на абхазском языке, не хватает также букварей на греческом языке»². О практике использования русского языка при ликвидации неграмотности абхазского населения и критике этого явления в местной периодической печати в 1925 году пишет Т. Блавуэльт³. Р.К. Хикуба в своих воспоминаниях отмечает: «Ликбез в нашем селе (Лыхны. – Н.Б.) был организован в 1932 г... Целью ликбеза было научить читать и писать на русском языке»⁴.

Период с 1937 года по 1956 год был ознаменован попыткой искусственной языковой грузинизации Гудауты, являвшейся частью общей этнокультурной политики сталинско-бериевского периода применительно к Абхазии. Однако благодаря относительной непродолжительности данного исторического этапа и малочисленности картвельской общины Гудауты грузинский язык не имел шансов укрепиться в качестве средства межэтнической коммуникации в городе. Не произошло этого и в других городах Абхазии. Г.П. Лежава отмечает: «...попытка грузинского руководства в 40-х – начале 50-х гг. изменить этноязыковую ситуацию в Абхазии в пользу грузинского языка закончилась неудачей»⁵.

1. Лакоба Н.А. Статьи и речи. Сухуми, 1987. С. 332.

2. Куправа А.Э. Ликвидация неграмотности населения в Абхазской АССР. Сухуми, 1979. С. 30.

3. Blauvelt T. “From words to action!” Nationality policy in Soviet Abkhazia (1921–38) // The Making of Modern Georgia, 1918–2012. The first Georgian republic and its successors. London – N.Y., 2014. P. 241.

4. Хикуба Р.К. Указ. соч. М., 2011. С. 13.

5. Лежава Г.П. Абхазия: анатомия межнациональной напряжённости. М., 1999. С. 109.

Несмотря на то что наиболее активно и результативно политика грузинизации Абхазии проводилась в сталинско-бериевское время, грузинское руководство пыталось осуществлять её на протяжении всего советского периода. В.М. Бганба указывает: «Языковая политика, которой следовали правящие круги Грузии в течение всего периода вынужденного вхождения Абхазии в состав ГССР, была довольно прозрачной и не оставляла места для сомнений относительно истинных намерений метрополии... Думаю, нет необходимости перечислять крупномасштабные предприятия грузинских культуртрегеров, вызывавшие у абхазов справедливые протесты, спорадически выливавшиеся, по сути, в восстания – акции по меркам тех времён и для советской действительности, скажем так, не совсем характерные»¹.

Этнокультурная политика Грузии в Абхазии в 1930–1950-е годы, по мнению Г.П. Лежава, вписывалась в общие контуры национальной политики советского государства и отвечала теоретическим представлениям Сталина по национальному вопросу², изложенным в работе 1913 года «Марксизм и национальный вопрос»³. Трудно не согласиться с мнением Г.П. Лежавы.

1. Бганба В.М. 6 статья Конституции разумна, демократична, своевременна и безотлагательна // Вячеслав Бганба. Как живётся тебе, речь абхазская? Сборник статей. Сухум, 2011. С. 116.

2. Лежава Г.П. Указ. соч. С. 147.

3. Сталин, в частности, пишет: «Культурно-национальная автономия предполагает более или менее развитые национальности, с развитой культурой, литературой. Без этих условий автономия эта теряет всякий смысл, превращается в нелепицу. Но на Кавказе имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, с особым языком, но без родной литературы, народностей к тому же переходных, частью ассимилирующихся, частью развивающихся дальше. Как применить к ним культурно-национальную автономию? Как быть с такими народностями? Как их “организовать” в отдельные культурно-национальные союзы, что несомненно предполагается культурно-национальной автономией? Как быть с мингрельцами, абхазцами, адjarцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы? К каким нациям их отнести? Возможно ли их “организовать” в национальные союзы? Вокруг каких “культурных дел” их организовать? Как быть с осетинами,

жава, учитывая, что линия на этнокультурную консолидацию этноязыковых и этноконфессиональных меньшинств с доминантной группой посредством институционально закреплённых механизмов ассимиляции начала проводиться в СССР, особенно с конца 1930-х годов, практически повсюду: на Украине, в Татарстане, Дагестане, Азербайджане, Узбекистане и во многих других регионах государства. Многочисленные национальные районы, волости и сельсоветы, созданные по всему СССР в 1920–1930-е годы в местах компактного проживания этносов, не являвшихся титульными для данной территории¹, к концу 1930-х годов были в основном ликвидированы, то есть потеряли статус национальных. В 1934 году в СССР насчитывалось свыше 240 национальных районов и более 5300 национальных сельсоветов². К 1937 году количество национальных сельсоветов превысило 11000. По данным на 1934 год, около 10% всех районов и порядка 12% всех сельсоветов Советского Союза относилось к категории национальных³. В пределах Абхазии статус национального (грузинского, но не мингрельского) имел Галский район⁴. В конце 1937 года Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О ликвидации национальных

из коих закавказские осетины ассимилируются (но далеко ещё не ассимилировались) грузинами, а предкавказские частью ассимилируются русскими, частью развиваются дальше, создавая свою литературу? Как их “организовать” в единый национальный союз?.. Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешён лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры» [Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // И.В. Сталин. Сочинения. Т. 2. 1907–1913. М., 1954. С. 349–351].

1. Причём эти этносы далеко не всегда были представлены меньшинствами. Даже на территории РСФСР, в пределах автономных республик, автономных областей и национальных округов, было выделено значительное количество русских национальных районов и сельсоветов.

2. Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М., 1934. С. XI.

3. Вдовин А.И. Русские в XX веке. М., 2004. С. 422.

4. Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. С. 250.

районов и сельсоветов»¹. М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн и И. Джуха отмечают: «Теперь же, чтобы существенно ускорить движение в “постнациональное советское целое”, была оказана мощная административная поддержка процессу этнической гомогенизации уже существовавших крупных национальных единиц, а именно титульных наций советского государства. Эта политика набирала свои обороты с начала 1930-х годов...»².

В Дагестане в рассматриваемый период было осуществлено включение андо-цеэзских народов (а к переписи 1959 года – и арчинцев³) в состав аварцев, однако аналогичная административная этническая консолидация народов лезгинской группы так и не была осуществлена. Раннесоветское нациестроительство в Западном Дагестане, взявшее курс на формирование единой аварской этнонации, осложнялось, по мнению В.О. Бобровникова, не только языковой пестротой территории, но и отсутствием у местного населения этнического самосознания как такового⁴. А.А. Цуциев, описывая особенности национально-государственного строительства в регионе в этот период, также отмечает аморфность находившегося в зачаточном состоянии этнического самосознания дагестанских горцев: «Оставаясь в своих горных ландшафтных ареалах, дагестанское население по-прежнему является ансамблем множества джамаатов и соответствующих им локальных идентичностей. Структура этого ансамбля политически более важна и психологически более существенна, нежели конфигурация этнических ареалов, которые лишь начинают прочерчиваться едва заметным политическим пунктиром»⁵.

1. Вдовин А.И. Указ. соч. С. 130.

2. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1... С. 337.

3. Рамазанова Д.Ш. Языковая политика в Дагестане: исторический аспект // Теория и практика общественного развития. 2015. №9. С. 172.

4. Бобровников В.О. Советская национальная политика и изменение идентичности горцев Западного Дагестана // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. М., 1998. С. 114.

5. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа... С. 65.

В Азербайджане консолидация азербайджанской социалистической нации проводилась путём частичного или полного административного включения местных мусульманских этносов в состав доминантного тюркского этноязыкового ядра и последующей этноязыковой ассимиляции аварцев, ахвахцев, ингилойцев, курдов, лезгин, рутульцев, талышей, татов, цахуров и шахдагских народов¹. В то время как в лезгинских сёлах Дагестана имелась лезгиноязычная начальная школа, в Азербайджане процесс обучения в течение всего советского периода (за исключением непродолжительного периода с 1935 года по 1938 год²) проходил на тюркском языке, и лишь с 1963 года в школах лезгинских сёл Кусарского и Кубинского районов были введены как предметы лезгинский язык и литература³. В середине 1930-х годов, в период наиболее активного выделения низовых административно-территориальных единиц по этническому принципу, 3 района на юге Дагестана – Ахтынский, Касумкентский и Курахский – имели статус лезгинских национальных⁴. Однако Гильский (Кусарский) район Азербайджана, также населённый преимущественно этническими лезгинами⁵, не имел аналогичного статуса. Азербайджан в тот период был единственной союзной республикой с компактными ареалами

1. Как отмечает А.А. Цуциев, полное поглощение некоторых миноритарных мусульманских этносов Азербайджана по «кемалистскому шаблону» всё же сдерживалось самой советской национальной инженерией [Там же. С. 68].

2. Магомедханов М.М. Дагестанцы: этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М., 2008. С. 49.

3. Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967. С. 17.

4. Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. С. 124–126.

5. По данным переписи населения 1939 года, в Кусарском районе проживали 53968 человек, из которых 47415 (87,9%) были лезгинами, 3892 (7,2%) – азербайджанцами, 2135 (4,0%) – представителями восточнославянских народов, 279 (0,5%) – евреями и 247 (0,5%) – представителями прочих этносов [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999].

расселения этнических меньшинств, не имевшей в своём составе ни одного района со статусом национального¹.

Этнокультурная политика Грузии в сталинско-бериевское время полностью соответствовала и установкам грузинского национализма предшествующего периода. В частности, языковая политика советской Грузии в обозначенную эпоху являла собой прямое продолжение языковой политики ГДР, базис которой был заложен деяниями грузинского национального движения ещё в XIX столетии. Авторы исследования, посвящённого Большому террору в Грузинской ССР, отмечают: «В целом же политику республиканского центра (Тбилиси. – Н.Б.) можно трактовать как продолжение старой политики грузинских националистов и грузинской церкви, которые с 1880-х годов ожесточенно боролись против попыток со стороны России ввести письменность для мингрельского и абхазского языков...»². В ходе дебатов, проходивших 2 августа 1919 года в Учредительном собрании Грузии, представитель фракции грузинских эсеров Л. Шенгелая (Киачели), впоследствии ставший известным грузинским советским писателем, заявил следующее: «...проводить национализацию (языковую грузинизацию Абхазии. – Н.Б.) одним наскоком, по нашему мнению, нанесёт огромный ущерб... На наш взгляд, национализация должна проходить не сверху, а снизу и основная тяжесть должна лечь на земства, которые должны ввести грузинские школы»³.

Политика грузинизации Абхазии, проводившаяся в 1930–1950-е годы и сопровождавшаяся многоаспектной этнокультурной дискриминацией абхазов, определила существенную диспропорцию в образовательном уровне представителей основных этносов Гудаутского района на десятилетия вперёд. Так, по данным 1966 года, абхазы составляли только 31,6% от всех лиц с высшим образованием, проживавших в Гудаутском

1. Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. С. 234–240.

2. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1... С. 331, 332.

3. Цит. по: Лежава Г.П. Между Грузией и Россией... С. 75.

районе, тогда как доля абхазов в населении района, согласно итогам переписи 1970 года, достигала 47,2%. В то же время у грузинского населения Гудаутского района эти показатели составляли 26,6% и 11,7% соответственно (табл. 22).

Табл. 22. Распределение всего населения Гудаутского района (1970 год) и лиц с высшим образованием (1966 год) по национальности¹.

	население (1970 год)	лица с высшим обр. (1966 год)
все	60139 (100%)	861 (100%)
абхазы	28382 (47,2%)	272 (31,6%)
армяне	10202 (17,0%)	108 (12,5%)
грузины	7031 (11,7%)	229 (26,6%)
евреи	168 (0,3%)	7 (4,2%)
русские	11129 (18,5%)	192 (22,3%)
украинцы	1211 (2,0%)	32 (3,7%)
прочие	2016 (3,4%)	21 (2,4%)

Ниже мы не будем подробно останавливаться на таких вопросах, как причины и общие последствия языковой русификации городских поселений Абхазии в советский период, поскольку они были проанализированы в нашей монографии, посвящённой Сухуму². Здесь же попытаемся обратить внимание читателя прежде всего на эндемичные особенности этнокультурного пространства Гудауты в сопоставлении с ситуацией в столице.

Несмотря на то что Гудаута являлась административным центром этнически абхазского района и, как следствие, главным урбанизационным центром бзыпских абхазов, в кото-

1. Составлено нами по источнику: Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973. С. 48, 289.

2. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 100–106.

ром доля абхазского населения в позднесоветский период была наиболее высокой, этнокультурное пространство города в целом было довольно схоже с сухумским, что, в частности, выражалось в доминировании русского языка как фактически единственного средства межэтнической коммуникации и условно доминирующего средства внутриэтнической коммуникации у абхазского населения города. Это было связано в том числе и с тем, что славянская община составляла большую часть населения Гудауты на раннем этапе этнодемографической истории города. Абхазы, таким образом, как и в сухумском случае, переселяются в уже русскоязычный полигэтнический город. Составляя вплоть до 1980-х годов относительно незначительный процент населения Гудауты, абхазы закономерно становятся крайне восприимчивыми к влиянию доминантной этноязыковой среды.

Данный вывод наглядно иллюстрируют интервью, взятые нами при подготовке монографии, посвящённой этнодемографическим процессам в столице Абхазии. Сухумчанин, родившийся в 1986 году в Ачандаре и переехавший в Гудауту в четырёхлетнем возрасте, указывает, что усвоил русский язык сразу же после переселения в райцентр на закате советской эпохи: «Да и к тому же круг общения во дворе в Гудаутах был интернациональный. Это было до войны, тогда там проживало очень много национальностей, и мы общались в основном на русском, так как другие дети не знали абхазского языка. В возрасте 5 лет я уже помню, что говорил на русском языке»¹. Другая абхазка-сухумчанка, родившаяся в Гудауте в 1953 году и выросшая в этом городе, отмечает, что её родным языком является русский, при этом оба её родителя были уроженцами сельской местности Гудаутского района и плохо владели русским языком. На вопрос, на каком языке чаще общались дома в период её детства, женщина ответила: «На русском языке. Но на абхазском тоже общались. Родители между собой только на

1. Там же. С. 246.

абхазском, с нами – больше на русском старались, хотя сами плохо его знали. Но так тогда было, они специально устроили нас в русскую школу, чтобы мы хорошо знали русский язык»¹.

Здесь мы видим применение адаптивной меры, вынуждавшей абхазоязычных родителей в условиях полизтичного русскоязычного города отдавать предпочтение воспитанию детей на доминирующем языке – языке образования, «города», «жизненной перспективы» и в целом языке советского государства. На вынужденный, опосредованно инспирированный государством характер языкового сдвига у многих этнических меньшинств СССР обращают внимание в своей статье, написанной в 1988 году, В.В. Коротеева и М.Н. Мосесова: «Сужение сфер функционирования ряда языков в союзных... и автономных республиках... происходило в последние десятилетия в условиях, когда давления на них (запрета, ограничений) не оказывалось. Можно ли отсюда заключить, что ход языковых процессов был полностью естественным, что вытеснение родного языка русским было закономерным итогом интеграционных тенденций? Авторы писем оспаривают это положение. Они выстраивают такую цепочку: если в сфере управления (делопроизводство, проведение официальных мероприятий) перейти с национального языка на русский, перевести на него обучение в высших учебных заведениях, то за этим через некоторое время последует падение заинтересованности в обучении детей на родном языке в средней школе... Складывается ситуация вроде бы добровольного отказа населения от своего родного языка. Эти процессы сначала интенсивно идут в крупных городах, затем распространяются на города поменьше, а потом захватывают и сельскую местность. Национальный язык оказывается очень хрупким, разрыв в одном месте влечёт за собой нарастающие потери в других областях языковой жизни»².

1. Там же. С. 232.

2. Коротеева В.В., Мосесова М.Н. Проблемы национальных языков и их отражение в общественном сознании (по материалам писем читателей в центральные газеты) // Советская этнография. 1988. № 5. С. 8.

Рассматривая проблему языковой ассимиляции абхазского городского населения в советское время, невозможно обойти стороной вопрос национальной политики советского государства, при определяющем воздействии которой и происходили все локальные этнокультурные трансформации. Большевистская (ленинская) модель административно-территориального и культурного каркаса советской империи изначально поставила во главу угла принцип положительной этнической дисциплинации, что явилось политической инновацией своего времени. Профессор Гарвардского университета Т. Мартин характеризует раннесоветскую национальную политику как имперскую политику «положительной деятельности»: «Советский Союз был первой в мире империей положительной деятельности. Новая революционная Россия первой из традиционных европейских многонациональных государств оказала сопротивление поднимающемуся национализму, ответив на него систематическим содействием развитию национального сознания этнических меньшинств и созданием для них многих характерных институциональных форм моноэтнического государства. Стратегия большевиков заключалась в том, чтобы взять под свой контроль процесс деколонизации, которая казалась неизбежной, и осуществить её так, чтобы сохранить территориальную целостность бывшей Российской империи. Ради этого Советское государство создало не только двенадцать больших национальных республик, но и десятки тысяч национальных территорий, рассеянных по всему пространству Советского Союза. Новые национальные элиты, проходя подготовку, выдвигались на руководящие должности в управлении, народном образовании и промышленных предприятиях этих новообразованных территорий... Советское государство финансировало массовое издание книг, журналов и газет, создание кинофильмов, опер, музеев, фольклорных музыкальных ансамблей и другой культурной продукции на языках нерусских народов СССР. Никогда прежде не затевалось ничего подобного, и впоследствии деятельность ни одного многона-

ционального государства (за исключением разве что Индии) так и не сравнялась по своим масштабам с той положительной деятельностью, которая была осуществлена в СССР»¹.

По мере же вызревания и последующего «старения» советского государства практика «положительной деятельности» постепенно стала сменяться нарастающим реверсивным трендом, проявившимся в политике скрытой культурной гомогенизации. Таким образом, советский период истории страны, несмотря на все негативные процессы и явления (особенно сталинско-бериевского времени), открыл малочисленному абхазскому народу такие существенные перспективы к этнополитическому и культурному развитию, которые сложно было бы представить при иной форме внешнего политического управления Абхазией. Активное нациестроительство, распространение всеобщей грамотности, широкий доступ к высшему и постновозовскому образованию, формирование мощного слоя национальной интеллигенции и, наконец, национальной политической элиты – всё это наследие советской эпохи, тот базис, благодаря которому во многом стало возможным успешное противодействие политике постсоветской Грузии и построение независимого абхазского государства. Естественно, что столь стремительное этнополитическое и этнокультурное развитие предопределило и неизбежные языковые трансформации, ставшие следствием активного вовлечения абхазов в политическое управление республикой, а также в сферы культуры и образования в постсталинский период. Эти трансформации в наибольшей степени коснулись той части абхазского этноса, которая по различным причинам оказалась втянута в процесс урбанизации.

Как ни парадоксально, помимо языковой политики постсталинского СССР, ослаблению позиций абхазского и усилию позиций русского языка в абхазском социуме способствовала культурная политика самих абхазских советских элит. По дан-

1. Мартин Т. Указ. соч. С. 10, 11.

ным В.А. Чирикба, абхазские элиты активно внедряли русский язык в Абхазии ещё в 1920-х – первой половине 1930-х годов, когда союзный центр, наоборот, поддерживал коренизацию национальных окраин. Такая позиция абхазского политического руководства, по мнению автора, мотивировалась желанием воспрепятствовать ассимиляционной политике Грузии посредством полномасштабного утверждения мажоритарного «общесоюзного» русского языка, а не активной поддержки миноритарного младописьменного абхазского языка, неспособного в долгосрочной перспективе составить конкуренцию грузинскому¹. Таким образом, абхазские элиты в течение советского периода (за исключением сталинско-бериевского времени, когда они были отстранены от управления республикой) способствовали языковой русификации абхазского социума, в недостаточной степени используя потенциальные возможности по развитию и более активному внедрению абхазского языка во все сферы общественной жизни.

Формированию преимущественно неабхазской этноязыковой среды Гудауты способствовали также её курортная направленность и наличие такой крупной этнически русской окраины, как Бамбара. В самой же Бамбore, ныне имеющей относительное абхазское этническое большинство, процесс культурной трансформации может быть проиллюстрирован на примере функционирования секторов местной школы. Общее количество учеников Бамборской средней школы, по данным Министерства образования и науки РА на ноябрь 2017 года, составляло 698 человек, в том числе 468 (67,0%) абхазов, 120 (17,2%) русских², 31 (4,4%) армянин и 79 (11,3%) представителей других этносов. Школа разделена на численно неравноценные

1. Чирикба В.А. Дискуссия о государственном языке в Абхазии в 20-е годы XX века в связи с современным положением абхазского языка // Вестник Академии наук Абхазии. 2019. №9. С. 11–37.

2. Значительная часть этнических русских, а также представителей ряда иных российских этносов, обучающихся в Бамборской средней школе, представлена детьми российских военнослужащих.

абхазский и русский сектора. В первом обучается 114 человек, а во втором – 584 человека. Абхазский сектор является сугубо моноэтничным, тогда как в русском секторе Бамборской школы обучаются 354 абхаза и 230 представителей иных этносов. Таким образом, 75,6% из 468 школьников-абхазов Бамборо обучаются в русском секторе и лишь 24,4% – в абхазском¹.

В конце 1980-х годов, когда фактическая власть в Грузии перешла в руки ультранационалистов, была осуществлена попытка вернуться к языковой политике сталинско-бериевского периода. Любопытно, что именно тот период советской истории Абхазии рассматривался новыми лидерами Грузии в качестве «золотого века». Так, в программе одного из грузинских неформальных обществ времён перестройки отмечалось: «...в 1936–1954 годах было прекращено господство сепаратистов и насилие апсуйцев в отношении других наций»².

В начале ноября 1988 года в печати был опубликован проект совместного постановления ЦК компартии, Президиума ВС и Совмина Грузинской ССР «О государственной программе грузинского языка»³. В соответствии с этой программой грузинский язык должен был стать единственным официальным языком во всех государственных учреждениях Грузинской ССР. А.Ф. Авидзба пишет: «...из Тбилиси в адрес министерств, ведомств, организаций и учреждений Абхазии любое постановление или письмо стали приходить на грузинском языке, и требовалось отвечать на нём же. Во все учреждения Абхазии были направлены указания приобрести пишущие машинки с грузинским шрифтом. Министерству просвещения Абхазии было предписано ввести во всех школах Абхазии преподавание грузинского языка»⁴.

1. Письмо-ответ Министерства образования и науки Республики Абхазия. Исх. №702 от 20.11.2017 года.

2. Цит. по: Авидзба А.Ф. Абхазия и Грузия: завтра была война. Сухум, 2012. С. 32.

3. Ачугба Т.А. Указ. соч. С. 306.

4. Авидзба А.Ф. Проблемы военно-политической истории... С. 65, 66.

Вновь предпринятые грузинским руководством меры по изменению языковой ситуации в Абхазии были обречены на провал в историко-политических реалиях эпохи перестройки, а бурное развитие политических процессов в стране и регионе на рубеже 1980–1990-х годов, кульминацией которых явились распад ССР и последовавшая за ним грузино-абхазская война, полностью изменило повестку дня в обозначенном вопросе.

Усилившаяся в последние десятилетия связь села с городом проявляется в нарастании маятниковой миграции, начавшейся ещё в довоенное время¹, а также во всём более активном процессе *рурбанизации* – распространении городских форм и условий жизни на сельскую местность – в прилегающих к Гудауте частях Лыхненской (особенно в Бамборе), Куланырхской и Хыпстинской сельских администраций, что оказывает серьёзное воздействие на языковые процессы на данной территории. О начале процесса рурбанизации в Абхазии ещё в 1960-е годы писал Ш.Д. Инал-ипа: «Постепенно стираются различия между городом и деревней. Особенно это относится к сёлам, расположенным в приморской полосе»². Если до войны город Гудаута и прилегающие этнически абхазские сёла представляли собой два резко отличных по характеру языковой ситуации ареала, то с середины 1990-х годов эта ярко очерченная граница стала постепенно размываться. Этот процесс проявляется по всей стране. С одной стороны, Гудаута с конца 1970-х годов несомненно начала становиться более абхазоязычной за счёт активной инфильтрации этнически абхазского элемента из селений Бзыпской Абхазии. С другой стороны, сам город способствовал не только постепенной языковой аккультурации выходцев из сельской местности, осевших в нём, но и стал оказывать аналогичное влияние, хоть и в меньшей степени,

1. См.: Шамба Р.П. Современное использование трудовых ресурсов в некоторых типичных субтропических хозяйствах Абхазии // Труды Абхазского государственного университета им. А.М. Горького. Т. VII. Сухуми, 1989. С. 265, 266.

2. Инал-ипа. Ш.Д. Абхазы... С. 675.

на сельскую местность. Усилившаяся роль телевидения, значительно возросшая пространственная мобильность населения, вызванная массовой автомобилизацией и транспортной деизоляцией самых отдалённых от райцентра сельских территорий за счёт улучшения качества дорожного покрытия¹, и главное, повсеместное распространение новейшего средства коммуникации, получения и обмена информацией – сети Интернет – способствовали сглаживанию различий между городом и селом и усилиению влияния русского языка в бзыпских сёлах. В.А. Чирикба указывает: «Хотя в селе абхазский язык по-прежнему доминирует, влияние близлежащих городов, где работают члены многих семей, а также преимущественно русскоязычная образовательная система и русскоязычное телевидение обеспечивают активное внедрение русского языка также и в сельские местности»². А.З. Ахуба и Л.В. Цвейба отмечают, что «коммуникативная значимость русского языка не позволяет обойтись без него даже в быту», русский язык «вносится в дом с улицы, из телевизора, из интернета, из школы или университета», усиливая своё влияние и на жителей сельской местности³.

Описанный механизм нарастающего влияния городского окружения, прочно перешедшего на иноэтнический язык, на языковую ситуацию в сельской местности в целом увенчан и ни к коей мере не может рассматриваться в качестве характерного для одной лишь Абхазии явления. Абсолютно аналогичные процессы наблюдаются, например, в сельской местности на западном побережье Ирландии, где отдельные сельские общины всё ещё продолжают использовать ирланд-

1. В настоящее время большинство магистральных просёлочных дорог в Гудаутском районе, связывающих центры сельских администраций с трассой, асфальтировано.

2. Чирикба В.А. Развитие абхазского языка... С. 18.

3. Ахуба А.З., Цвейба Л.В. Об особенностях функционирования абхазского языка в Республике Абхазия // Известия СОИГСИ. Школа молодых учёных. 2006. Вып. 16. С. 116.

ский как основной обиходный язык. Будучи практически единственным языком, на котором говорило коренное население Ирландии вплоть до конца XVIII столетия, в течение XIX века вследствие колониальной политики Британской империи ирландский начал активно вытесняться английским языком. К тому же значительная часть носителей ирландского языка из-за последствий голода 1845–1849 годов либо лишилась жизни, либо была вынуждена эмигрировать за океан. В результате к началу XX века ирландским языком в качестве инструмента ежедневного общения продолжали пользоваться лишь в некоторых сельских общинах, разбросанных отдельными анклавами преимущественно вдоль западного побережья Ирландии и на прилегающих небольших островах. С 1920-х годов ирландское правительство начало предпринимать меры с целью воспрепятствовать окончательному языковому сдвигу. В местностях, где большая часть населения продолжала говорить по-ирландски, были созданы специальные административные районы – гэлтахты, в пределах которых на институциональном уровне поддерживается преимущественное использование этнического языка. Несмотря на это, активная миграция из экономически депрессивных гэлтахтов, а главное, влияние англоязычного городского и даже сельского окружения способствуют дальнейшему активному внедрению английского языка в пределах этих последних бастионов исчезающего ирландского языка. По данным переписи населения 2016 года, 73803 жителя Ирландии в возрасте от 3 лет и старше указали, что говорят по-ирландски ежедневно вне образовательных учреждений, что составляет лишь 1,7% от всех лиц данного возраста, проживающих в стране. Эти данные показывают реальное число жителей Ирландии, для которых ирландский язык является действительно родным. По тем же данным, в пределах гэлтахтов в 2016 году проживали 96090 человек (2,0% от общего населения Ирландии), из которых лишь 20586 человек отметили, что ежедневно говорят по-ирландски вне образовательных учреждений¹.

1. Census 2016. Summary Results. Part 1. Dublin, 2017. Pp. 8, 66–69.

В своей работе «Смерть ирландского языка: квалифицированный некролог», вышедшей в 1990 году, английский географ Р. Хиндли отмечает следующее: «Небольшие размеры гэлтахтов приводят к тому, что каждая из их частей находится в пределах одного часа езды от англоязычного города или посёлка, выполняющего центральные функции для первых. С другой стороны, гэлтахты почти всегда являются самыми бедными и наименее благоприятными для жизни частями своих регионов... Преимущественная англоязычность близлежащих городов и посёлков сама по себе является отражением того факта, что в любом поселении с функциями центрального места английский язык требовался для осуществления внешних экономических связей ещё до того, как сельское окружение овладело им... Небольшие размеры и численность населения каждого из гэлтахтов полностью лишают людей, владеющих только ирландским языком, возможности заработать на жизнь»¹.

За прошедшие с момента написания цитируемых строк три десятилетия к обозначенным Р. Хиндли причинам активного вытеснения ирландского языка английским добавились такие непременные атрибуты глобализации, как повсеместное распространение сети Интернет и массовый, в том числе международный, туризм, служащий главным источником доходов для значительной части населения гэлтахтов, расположенных преимущественно в живописных местах Атлантического побережья Ирландии. Массовый международный (преимущественно российский) туризм в той же мере оказывает влияние на процесс языкового сдвига в Гудаутском районе, являющемся одним из наиболее туристически освоенных регионов Абхазии.

Гудаута, как и Сухум, имеет отчётливо выраженную *квазиагломерационную зону*, представленную, помимо самого города, соседствующими с ним без разрыва в застройке частями Лыхненской и Куланырхской сельских администраций. Термин «квазиагломерация» или «квазиагломерационная зона», впер-

1. Hindley R. The death of the Irish language: a qualified obituary. London, 1990. P. 189.

вые использованный нами применительно к Сухуму с окружающей его сельской местностью¹, представляется достаточно ёмко описывающим характер расселения, а также социально-экономических, транспортных, производственных и культурных связей между большинством городов Абхазии (ядер этих квазиагломераций) и непосредственно примыкающей к ним сельской местностью. Сама граница между городом и прилегающими частями сельских администраций в большинстве случаев оказывается в известной степени условной, таким образом, эти ареалы устойчиво входят в географическое пространство своих городов-ядер и на уровне обыденного восприятия. Приставка «квази-» в данном случае помогает обойти такие необходимые условия истинной агломерации, как высокая численность населения, значительный территориальный охват, преимущественный характер экономической деятельности населения и т.д. Уже после написания монографии, посвящённой этнодемографическим процессам в Сухуме, мы обнаружили, что аналогичный термин с практически идентичной смысловой нагрузкой на несколько лет раньше использовал И.М. Сампиев применительно к северокавказским (и в целом российским) реалиям: «...в равнинной Ингушетии, начиная от Владикавказа и заканчивая компактным расселением ингушей в Назрани, – все эти населённые пункты практически срослись, межсельских территорий практически нет. Таким образом, возникает вопрос: являются ли они сельскими населёнными пунктами, или это уже некая агломерация? Что это такое? Сельского производства там нет, так как пахотных земель не осталось. Эти вопросы снова подводят меня к выводу, что как в России в целом, так и на Северном Кавказе, в частности, происходит квазиагломерация и квазиурбанизация»². В состав Гуда-

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 71, 77, 149.

2. Материалы дискуссии российско-швейцарского коллоквиума 28 июня 2012 г. // Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа и швейцарский опыт организации общества и экономики. М., 2013. С. 166–167.

утской квазиагломерации устойчиво входят посёлки Бамбара и Тасракуа, а также непосредственно граничащие с городом с севера части сёл Лыхны и Куланырхуа. К квазиагломерационным территориям второго порядка может быть отнесено, в частности, село Хыпста. Этнокультурное пространство Гудауты в силу вышеописанных тесных связей внутри квазиагломерационной зоны, таким образом, распространяется практически в полной мере на всю территорию последней.

Этнокультурное пространство Гудауты характеризуется и существенными отличиями от сухумского. На них имеет смысл остановиться подробнее. Во-первых, доля абхазского населения в Гудауте на протяжении всего советского периода была выше, чем в Сухуме, что накладывало отпечаток на особенности формирования этнокультурного пространства города. Во-вторых, этнически абхазская часть населения Гудауты закономерно всегда была представлена почти исключительно представителями бзыпской этнографической группы, тогда как абхазское население Сухума формировалось путём переселения представителей обеих крупнейших этнографических групп постмахаджирской Абхазии. В-третьих, основной поток предвоенной миграции сельского абхазского населения в Гудауту, сформировавший её как город с отчётливой абхазской этнической доминантой, пришёлся на 1970–1980-е годы, что делало грань между абхазами-горожанами и сельскими жителями Гудаутского района менее выраженной, чем в сухумском случае. К тому же в силу географической близости мест исхода уроженцев сельской местности к городу, а также из-за уже проанализированной периферийности и камерности Гудауты местное абхазское население было более тесно связано с родными или родовыми селениями, чем абхазы-сухумчане.

Однако все эти факторы, призванные, казалось бы, благоприятствовать введению Гудауты в абхазское этнокультурное пространство в советское время, в конечном счёте нивелировались противодействующими обстоятельствами, которые были описаны выше. Не случилось полноценной культурно-

языковой коренизации города и в послевоенное время, когда Гудаута стала фактическиmonoэтническим городом, в котором к 2011 году 82,3% населения составляли абхазы. Такая на первый взгляд парадоксальная ситуация объясняется локальными особенностями миграционной подвижности населения. Почти двукратный рост удельного веса абхазского населения Гудауты в послевоенный период был «экстенсивным», вызванным резким сокращением общей численности населения за счёт депопуляции всех этнических меньшинств города, а не «интенсивным», связанным с миграцией в город населения из этнически абхазской периферии, как это было в тот же период в Сухуме. Таким образом, в Гудауте практически не произошло структурных трансформаций внутри абхазской части населения, по-прежнему представленной преимущественно «старыми горожанами», что привело к проявлению признаков дихотомии между этнодемографической структурой населения райцентра и его фактическим этнокультурным состоянием: теперь уже практически monoэтничный абхазский город остался преимущественно русскоязычным.

В отличие от основного урбанизационного центра абжуйских абхазов советского периода – Ткуарчала, сумевшего в гораздо большей степени сохранить абхазский языковой ландшафт, урбанизационный центр бзыпских абхазов – Гудауту – процесс языкового сдвига охватил хронологически раньше и качественно глубже. Под языковым сдвигом понимается поэтапный отказ от своего этнического языка и переход на другой язык. Подобный переход, как правило, сопровождается достаточно длительным периодом двуязычия¹. К началу XXI века под воздействием урбанизационных процессов (и в целом локальных особенностей этнодемографических процессов в Абхазии) бзыпский диалект абхазского языка, который П.К. Услар в 1860-х годах характеризовал как «самый чистый и правильный», превосходство которого над другими диалектами,

1. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004. С. 111.

по мнению автора, инстинктивно осознавалось самими их носителями¹, оказался в кризисной ситуации вследствие активно протекающего процесса языкового сдвига – перехода на русский язык бзыпских абхазов-горожан. В.А. Чирикба отмечает: «В Бзыпской (Гудаутской) же Абхазии подобного соседства (абхазов с мингрелами. – Н.Б.) нет, а главным признаком идентификации местных абхазов является не язык, а этикетный код *апсуара*. Проблема заключается в том, что этикет *апсуара* не связан напрямую с абхазским языком и может вполне удовлетворительно функционировать и на другом, в данном случае, русском языке. Кроме того, сам этикет *апсуара* в современных условиях урбанизации подвергается быстрой эрозии и трансформации. В результате, самая тревожная ситуация с абхазским языком фиксируется именно к западу от Сухума, в Новом Афоне, в Гудауте и в Гагре, где социально и культурно более престижный и экономически более востребованный русский язык постепенно становится основным языком общения значительного слоя городских абхазов»².

В монографии, посвящённой этнодемографическим процессам в Сухуме, мы останавливались на кратком описании процесса языкового сдвига в некоторых городах, расположенных в различных регионах планеты, как то: кавказском Владикавказе, африканской Аддис-Абебе, южноамериканских Лиме, Ла-Пасе, Кочабамбе, Потоси, Сукре и Эль-Альто³. Ниже остановимся ещё на двух примерах из российского и африканского опыта.

Каталонский исследователь Э. Алос и Фонт, занимающийся изучением современной социолингвистической ситуации в Чувашии, указывает на серьёзную динамику процесса языкового сдвига в Чебоксарах. Чувашия, будучи достаточно моноэтничным российским регионом, по-прежнему демонстрирует

1. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкоизнание. Абхазский язык. Сухум, 2002. С. 6.
2. Чирикба В.А. Указ. соч. С. 25.
3. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 109–117.

высокий в сравнении со многими другими пиволжскими республиками уровень сохранения аутентичных этнокультурных характеристик, во многом являющийся следствием этнодемографической ситуации. По данным переписи населения 2010 года, численность населения Чебоксар составляла 453721 человек, в том числе 265510 (58,5%) чувашей, 143880 (31,7%) русских, 15803 (3,5%) представителя прочих этносов и 28528 (6,3%) не указавших этническую принадлежность¹.

По результатам социолингвистического исследования, проведённого среди 322 учеников старших классов средних школ столицы Чувашии, 58% из которых самоопределились как этнические чуваши (что коррелирует с удельным весом представителей титульного этноса в населении города), лишь 29,3% указали на свободное («хорошее») устное владение чувашским языком. При этом в ходе исследования не было выявлено ни одного школьника, который бы общался со своими родителями только на чувашском языке, тогда как вовсе не использовали чувашский при общении с отцом и матерью 83,1% опрошенных. В качестве языка, наиболее часто используемого при общении с родителями, 96,6% респондентов указали только русский². Автор приходит к выводу, что чувашский язык в республике (особенно в столице и других крупных городах) быстрыми темпами теряет свои позиции³.

В полиэтничной столице Кении также наблюдается процесс языкового сдвига – перехода горожан на язык суахили,

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Чувашской Республике. Национальный состав и владение языками, гражданство. Чебоксары, 2013. С. 16–18.

2. Алос и Фонт Э. Языковой сдвиг в Чебоксарах: результаты опроса старшеклассников // Материалы международной научно-практической конференции «Культура и искусство: традиции и современность». Чебоксары, 2013. С. 124–127.

3. Alòs i Font H. The Chuvash language in the Chuvash Republic: An example of the rapid decline of one of Russia's major languages // Sociolinguistic Transition in Former Eastern Bloc Countries: Two Decades after the Regime Change. Frankfurt am Main, 2016. P. 51.

который становится для многих из них языком наилучшего владения и наиболее частого использования даже в условиях внутрисемейного общения. Зачастую такой переход сопровождается полным отказом от передачи этнических языков младшему поколению. Язык народа суахили, проживающего в прибрежной полосе Восточной Африки и насчитывающего примерно 1,5 миллионов человек, получил широкое распространение в регионе, став языком межэтнического общения в Кении, Танзании, Уганде, на востоке Демократической Республики Конго и в ряде районов других стран Восточной Африки. Общая численность владеющих языком суахили составляет, по разным оценкам, от 50 до 100 миллионов человек¹.

По данным социологического исследования, проведённого М. Гибсоном в 2009 году в районах Буру-Буру и Кибера города Найроби и охватившего 192 респондентов, принадлежащих к различным кенийским этносам, в столице отмечается стремительный переход населения на язык суахили. При этом процесс языкового сдвига активнее проходит в сравнительно благополучном районе Буру-Буру, тогда как в Кибере – «крупнейшем трущобном районе Найроби»² – отмечается большая устойчивость этнических языков. Так, в пределах Буру-Буру среди респондентов, принадлежащих к народам кикуйю, камба и лухья, в 80% случаев основным языком домашнего общения оказался суахили, в 9% – английский, в 4% – суахили и английский одновременно и лишь в 7% случаев – один из их этнических языков. В районе Кибера, большинство населения которого составляют этнические луо, 70% респондентов указали, что дома общаются преимущественно на этнических языках, 18% – на этнических языках и суахили одновременно и 12% – преимущественно на суахили. Однако при ответе на вопрос «На каком языке Вы лучше всего способны выразить

1. Swahili language. URL: <http://www.swahililanguage.stanford.edu> (дата обращения: 25.01.2019).

2. Gibson M. Language shift in Nairobi // Proceedings of the 6th World Congress of African Linguistics. Cologne, 2009. P. 569.

свою мысль?» респонденты из района Кибера продемонстрировали совершенно иную языковую ситуацию. Для 61% таким языком является суахили, для 34% – этнические языки и для 4% – английский. Стоит отметить, что этнические суахили не принимали участия в социологическом исследовании. Автор исследования приходит к выводу, что существенные различия в темпах языкового сдвига в двух обследованных районах Найроби объясняются, во-первых, резко отличным уровнем их социально-экономического развития; во-вторых, степенью этнической гомогенности (более этнически однородная среда Кибера способствует замедлению процесса языкового сдвига); в-третьих, традиционно приписываемым этническим луо негативным отношением к языку суахили; в-четвёртых, лингвистической дистанцией между нилотским языком луо и языками банту, к которым принадлежит как суахили, так и все остальные языки крупнейших этносов Найроби¹.

В монографии о Сухуме нами был рассмотрен также пример стремительного языкового сдвига в Бретани. Последний, наряду с вышеупомянутыми южноамериканскими примерами, представляет собой сдвиг, вызванный длительной государственной политикой, приведшей к социальной стигматизации миноритарных языков и их носителей. Подобная стигматизация, изначально артикулируемая и продуцируемая государством (а нередко и доминирующей этнокультурной группой этого государства), со временем воспринимается и начинает ретранслироваться уже внутри самой дискриминируемой группы, подчас порождая у неё явление негативной самоидентификации. Р. Ле Коадик, в частности, отмечает: «...пожилые крестьяне в Нижней Бретани, говорящие на этом (бретонском. – Н.Б.) языке, все ещё не оправились от ярлыка “отсталых”, навшегося на них в давние годы»². Явления негативной само-

1. Ibid. Pp. 570–572.

2. Ле Коадик Р. Мы столкнулись с врагом, и он – это мы: бретонский язык вчера, сегодня, завтра // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог. М., 2013. С. 113.

идентификации никогда не наблюдалось у абхазов, однако в случае, когда культурная политика сталинско-бериевского периода гипотетически была бы пролонгирована ещё на несколько десятилетий, подобные проявления вполне могли бы иметь место.

Данное явление в наши дни характерно, помимо Британии, не только для отмеченных выше перуанского и боливийского случаев, но и в целом для носителей коренных языков Латинской Америки, где полноценное владение кастильским языком с параллельным отказом от употребления непрестижных, «деревенских» этнических языков увязывается местным индейским населением с возможностью продвижения по социальной лестнице, улучшения своего общественного статуса и благосостояния.

У коренного населения Мексики, например, такая возможность «преуспеть в жизни» ассоциируется с ассимиляцией в доминантной креольско-метисской культурно-языковой среде и концентрировано выражается понятием *salir adelante*¹. В до-колониальный период в центральной, самой густонаселённой части Мексики доминировал *науатль* – язык ацтеков или народа *мешика*, распространившийся как лингва franca среди покорённых ими народов². Испанский превратился в доминирующий язык Мексики не в период трёхсотлетнего колониального господства Испании, а уже после обретения страной независимости, в течение XIX столетия. Так, в 1810 году только 30% населения Мексики говорило по-испански, тогда как абсолютное большинство остальных – на местных языках; а по данным переписи 1895 года, на индейских языках говорило уже только 17% жителей страны³. Дж. Мессинг, исследовав-

1. Messing J. Multiple ideologies and competing discourses: Language shift in Tlaxcala, Mexico // Language in Society. 2007. №36 (4). Pp. 558–562.

2. Terborg R., Garcia Landa L., Moore P. The Language Situation in Mexico // Language Planning and Policy in Latin America. T. I. Ecuador, Mexico and Paraguay. Clevedon – Buffalo – Toronto, 2007. P. 140.

3. Ibid. P. 194.

шая особенности языковой ситуации у ацтеков, проживающих в регионе *Малинци* мексиканского штата Тлашкала, в конце 1990-х – начале 2000-х годов, отмечает, что многие жители муниципалитета Контла стараются не говорить на мексиканском языке¹ вне семьи и ближайшего круга общения². Автор указывает на пример негативной самоидентификации среди представителей младшего поколения: «Я слышала, как дети, чтобы оскорбить друг друга, дразнят одноклассников тем, что те якобы происходят “из Сакатлана” – городка, в котором, по их словам, полно “босоногих и нищих индейцев, говорящих (по-испански. – Н.Б.) с акцентом”»³. Исследователь приходит к следующему выводу: «Для многих (жителей муниципалитета Контла. – Н.Б.) использование мексиканского языка, невладение “надлежащим образом” испанским языком и очевидная бедность – маркеры индейской, которые входят в противоречие с задачей *преуспеть в жизни*»⁴. Р. Терборг, Л. Гарсия Ланда и П. Мур приводят следующий пример влияния негативной самоидентификации коренного населения на точность данных переписей населения Мексики: «Многие носители коренных языков стыдятся признавать принадлежность к этническим меньшинствам и часто пытаются её отрицать. Один информант в селении этнических отоми сказал нам, что он, как и многие местные жители, не владеет коренным языком, однако этот же человек был позже замечен участвующим в беседе на языке отоми, очевидно, забыв, что он утверждал, что не знает языка»⁵.

Эти же авторы, проводившие социолингвистическое исследование в селе Сан-Кристобаль-Уичочитлан, расположенном в муниципалитете Толука штата Мехико, примерно в 70 километрах от мексиканской столицы, отмечают активно протекаю-

1. Этнический язык местного коренного населения (ацтеков) – *науатль*, также именуемый ацтекским или мексиканским.

2. Messing J. Op. cit. P. 561.

3. Ibid.

4. Ibid.

5. Terborg R., Garcia Landa L., Moore P. Op. cit. Pp. 134, 135.

щий в данном сообществе процесс языкового сдвига, несмотря на то что лишь около 7% жителей селения являются испаноязычными монолингвами¹. Так, авторы пишут: «Язык отоми используется больше в домашней сфере, нежели в публичной. Вероятно, многие жители используют отоми при общении с определёнными людьми, что может привести к языковому сдвигу... Кроме того, молодёжь почти не общается на отоми между собой, и пожилые не обращаются к молодым на этом языке. Здесь по-прежнему проживает несколько моноязычных (владеющих только отоми. – Н.Б.) женщин, но они происходят из других селений. Это свидетельствует о том, что отоми села Сан-Кристобаль, вероятно, вовсе перестанут передавать язык своим детям, что в дальнейшем скажется на языковой ситуации»².

Возвращаясь к примерам из европейского опыта, имеет смысл ещё раз обратиться к Ирландии. В относительно недавнем прошлом, фактически до второй половины XX столетия, несмотря на закреплённую за ирландским роль государственного языка, поддерживаемого на уровне правительства, он продолжал оставаться социально непрестижным как в глазах самих немногочисленных носителей, так и в глазах англоязычного окружения. Использование ирландского языка даже на западе страныочно ассоциировалось с бедностью и провинциальностью. Австралийский социолингвист Дж. Воэн отмечает, что социализация людей, выросших в гэлтахтах, происходила в условиях, когда английский язык рассматривался в качестве языка образования, города и жизненной перспективы, поскольку даже внутри их локальных сообществ сёмы, находившиеся на верхних ступенях социальной лестницы и являвшиеся преимущественно неместными уроженцами, были англоязычными³. Автор приводит мнения уроженцев гэлтах-

1. Ibid. P. 196.

2. Ibid. Pp. 196, 197.

3. Vaughan J. Discourses of belonging and resistance: Irish language maintenance in Ireland and the diaspora. Melbourne, 2014. P. 155.

тов, относящиеся к их детскому опыту. Один из них вспоминал: «Если мы приезжали в Голуэй (город на западе Ирландии. – Н.Б.), мы ощущали неловкость. Надо было вести себя очень-очень тихо... На вас смотрели свысока... Вы были представителем низшего класса, если говорили по-ирландски и приехали из Коннемары (гэлтахт, расположенный недалеко от города Голуэй – Н.Б.)... Да, в то время говорить по-ирландски и быть родом из бедной Коннемары было там клеймом»¹. Другой уроженец гэлтахта с возмущением вспоминал отношение англоязычного большинства к природным носителям ирландского языка в относительно недавнем прошлом: «Как можно было требовать от людей, говоривших на ирландском, чтобы они заткнулись?! Как можно было высмеивать людей за то, что они говорили по-ирландски, как это происходило с жителями Аранских островов, которые не владели английским языком до недавнего времени?!»². Любопытно и показательно, что и те люди, которые сталкивались с языковой дискриминацией, и те, кто продуцировал эту дискриминацию, являлись этническими ирландцами.

Процесс языкового сдвига в Гудауте находит своё отражение и в высокой доле школьников-абхазов, обучающихся в русской школе и в русском секторе смешанной школы (21,6%)³. Если учесть, что примерно половина школьников города представлена жителями близлежащих сёл Гудаутского района⁴, обучающимися преимущественно в абхазских школах и абхазском секторе смешанной школы №3, расположенной в

1. Ibid.

2. Ibid.

3. Письмо-ответ Министерства образования и науки Республики Абхазия. Исх. №702 от 20.11.2017 года.

4. Как жителями сёл гудаутской квазиагломерационной зоны (Лыхны, Куланырхуа, Хыпста), так и проживающими в более отдалённых от райцентра селениях (например, в Дурипше и Хуапе) [Ахуба А.З., Цвейба Л.В. Результаты социолингвистического исследования абхазского языка в школах и ДОУ Абхазии. Рукопись].

Замостянке¹, то доля абхазов-горожан, получающих среднее образование только на русском языке, будет приближаться к 50%. К тому же часть гудаутских абхазских детей, особенно проживающих в западной части города, обучается в средней школе посёлка Бамбара Лыхненской сельской администрации, в том числе и в её русском секторе. Школьники-абхазы составляют абсолютное большинство учащихся русской школы №4 (72,0%) и более половины (51,2%) учащихся русского сектора смешанной школы №3. В то же время 13,6% школьников, являющихся представителями этнических меньшинств города, обучаются в абхазских школах.

Всего в Гудауте имеется 5 государственных средних общеобразовательных школ, в том числе 3 абхазские, 1 русская и 1 смешанная с наличием абхазского и русского секторов. В ноябре 2017 года общее количество школьников в городе составляло 1299 человек, из которых в абхазских школах и абхазском секторе смешанной школы обучались 928 (71,4%) человек, в русской школе и русском секторе смешанной школы – 371 (28,6%) человек. Абсолютное большинство детей, представляющих нерусские этнические меньшинства Гудауты (102 человека), обучается в русских школе и секторе (88,2%), остальные 11,8% – в абхазских, поскольку школ с армянским и иными языками обучения в городе нет. Любопытно, что 18,4% этнически русских школьников города обучаются в абхазской школе №2. Думается, что определённая их часть представлена детьми из смешанных семей. Этнический состав гудаутских школьников в ноябре 2017 года выглядел следующим образом: абхазы – 1159 (89,2%) человек, армяне – 55 (4,2%) человек, русские – 38 (2,9%) человек, грузины – 5 (0,4%) человек, прочие – 42 (3,2%) человека² (табл. 23).

1. В Гудаутской школе №3 ученики, проживающие в сельской местности, представлены преимущественно куланырхскими абхазами и армянами.

2. Письмо-ответ Министерства образования и науки Республики Абхазия. Исх. №702 от 20.11.2017 года.

Табл. 23. Этнический состав школьников Гудауты (по данным Минобрнауки РА на ноябрь 2017 года).

	все	абхазы	армяне	грузины	руssкие	прочие
все школы	1299	1159	55	5	38	42
Гудаутская абхазская СШ №1	311	311	–	–	–	–
Гудаутская абхазская СШ №2	477	459	4	2	7	5
Гудаутская СШ №3 (абх. сектор)	43	43	–	–	–	–
Гудаутская СШ №3 (рус. сектор)	82	42	17	3	12	8
Гудаутская русская СШ №4	289	208	34	–	19	28
Гудаутская абхазская СШ №5	97	96	–	–	–	1

Данные исследования, проведённого А.З. Ахуба и Л.В. Цвейба в 2017 году, свидетельствуют о том, что далеко не все ученики младших классов абхазских школ города Гудауты свободно владеют абхазским языком. Так, из 130 школьников младших классов, обучающихся в школе №1, лишь 59,2% думают и свободно говорят на абхазском языке; 30,8% хорошо понимают, но плохо говорят; 7,7% плохо понимают и не говорят; 2,3% вообще не владеют языком. В других абхазских школах города ситуация несколько отличается от вышеописанной. Стопроцентное владение абхазским языком отмечается лишь у учеников младших классов школы №5, однако их общее количество относительно невелико (табл. 24).

Табл. 24. Уровень владения абхазским языком у учеников младших классов абхазских школ Гудауты (2017 год)¹.

	все школы	№1	№2	№3 (абх.сек.)	№5
количество учеников	430	130	247	13	40
думают и свободно говорят	304 (70,7%)	77 (59,2%)	178 (72,1%)	9 (69,2%)	40 (100%)
хор. понимают, но плохо говорят	93 (21,6%)	40 (30,8%)	49 (19,8%)	4 (30,8%)	–
плохо понимают и не говорят	30 (7,0%)	10 (7,7%)	20 (8,1%)	–	–
не знают языка	3 (0,7%)	3 (2,3%)	–	–	–

1. Рассчитано нами по Ахуба А.З., Цвейба Л.В. Результаты социолингвистического исследования...

Однако и в самих абхазских школах и абхазских секторах смешанных школ русский язык является языком преподавания начиная с пятого класса. Т.А. Ачугба характеризует данную ситуацию как «фактическое отсутствие абхазских образовательных учебных учреждений»¹. Подобная практика укоренилась в абхазской школе ещё в советский постсталинский период, тогда как в грузинских и армянских школах автономной республики языками преподавания в течении всего периода обучения являлись грузинский и армянский соответственно. Помимо этого, в абхазских и грузинских школах наблюдалось существенное различие между часами, отведёнными на изучение этнического и русского языков и литературы. По данным, приводимым Дж. Хьюиттом, согласно учебному плану на 1981/82 учебный год, количество часов, отведённых под изучение абхазского, грузинского и русского языков и литературы с первого по десятый класс, было следующим (табл. 25).

Табл. 25. Количество часов в неделю, отведённых под изучение соответствующих языков и литератур в школах Абхазской АССР (согласно учебному плану на 1981/82 год).

Классы		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Абхазская школа	абх. язык и лит-ра	7	6	6	5	5	5	4	4	3	3
	рус. язык и лит-ра	8	9	9	8	8	6	5/6	5	4	3
Грузинская школа	груз. язык и лит-ра	11	9	9	6	7	6	5	5	4	3
	рус. язык и лит-ра	4	5	6	6	5	4	4/5	3	3	3

Абхазский язык в грузинских школах не изучался, равно как и грузинский – в абхазских. В русских школах Абхазской АССР до начала 1980-х в качестве второго языка изучался только

1. Ачугба Т.А. О некоторых проблемах этнокультурной идентичности абхазов (ретроспективный анализ) // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Сухум – Москва, 2016. С. 626.

грузинский, однако впоследствии появилась возможность выбора между грузинским и абхазским языками¹. Такое же положение с третьим (после армянского и русского) изучаемым языком было в армянских школах Абхазии.

В наши дни распределение часов, отведённых в школах Абхазии под изучение абхазского, русского и остальных языков, существенно изменилось. Применительно к абхазской школе отличия современного учебного плана от учебного плана тридцатишестилетней давности сводятся к тому, что ныне в первом классе из языков изучается только абхазский, а во всех последующих классах количество часов, отведённых под изучение русского языка и литературы, нигде не превышает количества часов, отведённых абхазскому языку и литературе, тогда как учебный план 1981/82 годов демонстрировал противоположную картину. В целом же количество часов, отведённых под изучение абхазского и русского языков (а также соответствующих литератур), и в настоящее время соизмеримо (табл. 26).

Табл. 26. Количество часов в неделю, отведённых под изучение соответствующих языков и литератур в школах РА (согласно учебному плану на 2017/18 год)².

Классы		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Абхазская школа	абх. язык и лит-ра	10	6	6	6	6	6	6	4	4	4	4
	рус. язык и лит-ра	–	6	6	6	4	4	4	4	3	3	
Русская школа	иностранный язык	–	–	–	3	3	3	3	2	2	2	
	абхазский язык	–	1	3	3	4	3	3	3	2	2	2
Армянская школа	рус. язык и лит-ра	10	11	9	9	8	7	7	5	5	4	4
	иностранный язык	–	–	–	3	3	3	3	2	2	2	
	абхазский язык	–	–	3	3	4	3	3	3	2	3	3
	русский язык	–	4	3	3	3	3	3	3	2	2	2
	арм. язык и лит-ра	10	8	6	6	5	6	4	4	4	4	
	иностранный язык	–	–	–	2	2	2	1	1	2	2	

1. Hewitt G. Colonel Robert Hamilton on Abkhazia (again): A Reply (again) from George Hewitt. URL: https://abkhazworld.com/aw/Pdf/Riposte_to_Hamilton_2017.pdf (дата обращения: 25.01.2019).

2. Письмо-ответ Министерства образования и науки Республики Абхазия. Исх. №85 от 27.02.2018 года.

По-иному обстоит дело с функционированием абхазского языка в дошкольных образовательных учреждениях Абхазии, подавляющее большинство которых расположено в городах. В абхазских группах всех государственных детских садов страны языком воспитания и преподавания является исключительно абхазский. В русских группах абхазский язык изучается 1 час в неделю¹. Исследование, проведённое в сентябре 2016 года Л.В. Цвейба и А.З. Ахуба в дошкольных образовательных учреждениях Сухума, демонстрирует положительную динамику усвоения детьми абхазского языка. По результатам обследования четырёх детских садов выяснилось, что доля детей, свободно владеющих абхазским языком, увеличивается с 26% в младшей группе до 40% в старшей, а доля абсолютно не владеющих абхазским снижается с 11% до 8%².

Однако этот положительный задел, получаемый городскими абхазскими детьми, в том числе и гудаутцами, на раннем этапе социализации, зачастую нивелируется по мере их взросления под влиянием смены языка преподавания, а также доминантной внутрисемейной и общегородской языковой среды. В.А. Чирикба отмечает: «Кстати, только в детских садах и школах дети русскоязычных абхазских городских семей имеют шанс изучить родной язык. И результаты впечатляют, дети на самом деле начинают говорить на родном языке. Однако в Абхазии нет школ с полным образовательным циклом на абхазском языке. И поэтому ситуация резко меняется, когда происходит смена языка преподавания с абхазского на русский. Начиная с пятого класса, дети практически прекращают использовать родной язык в образовательном процессе, за исключением уроков родного языка и литературы раз или два в неделю, и переходят исключительно на русский язык, утрачивая навыки общения на родном языке. Большинству из них в их дальнейшей жизнедеятельности абхазским языком больше пользоваться почти не приходится»³.

1. Цвейба Л.В., Ахуба А.З. Функционирование... С. 559, 560.

2. Там же. С. 560.

3. Чирикба В.А. Указ. соч. С. 16.

Языковая ситуация среди воспитанников абхазских групп детских садов города Гудауты в 2017 году, по данным А.З. Ахуба и Л.В. Цвейба, выглядела следующим образом: из 495 детей свободно владели абхазским языком немногим более половины; менее трети – хорошо понимали, но плохо говорили; 11,5% – плохо понимали и не говорили и 2,8% – вовсе не владели абхазским языком (табл. 27). Этнические абхазы составляли 91,9% детей, обучавшихся в абхазских группах гудаутских дошкольных образовательных учреждений.

Табл. 27. Уровень владения абхазским языком у воспитанников абхазских групп дошкольных образовательных учреждений Гудауты (2017 год)¹.

	все ДОУ	Абырлаш	Алашарбага	Амра	Кубрыц	Нарт
количество учеников	495	120	72	97	86	120
думают и свободно говорят	274 (55,4%)	53 (44,2%)	44 (61,1%)	51 (52,6%)	42 (48,8%)	84 (70,0%)
хор. понимают, но пл. говорят	150 (30,3%)	39 (32,5%)	22 (30,6%)	36 (37,1%)	24 (27,9%)	29 (24,2%)
плохо понимают и не говорят	57 (11,5%)	23 (19,2%)	6 (8,3%)	7 (7,2%)	16 (18,6%)	5 (4,2%)
не знают языка	14 (2,8%)	5 (4,2%)	–	3 (3,1%)	4 (4,7%)	2 (1,7%)

Немаловажным обстоятельством, отличающим характер маятниковой подвижности населения Бзыпской Абхазии от населения Абжуа, а, как следствие, и характер дальнейшей вовлечённости в демографическое освоение городского пространства страны, является существенно меньшая экономическая ориентированность бзыпцев на столицу, вызванная и очевидными различиями в степени модернизированности Западной и Восточной Абхазии (на большую модернизированность Западной Абхазии в сравнении с Восточной мы указываем и в монографии, посвящённой Сухуму²). Так, общественный

1. Рассчитано нами по Ахуба А.З., Цвейба Л.В. Результаты социолингвистического исследования...

2. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 156.

транспорт связывает центральный рынок Сухума с большинством абжуйских сёл, тогда как селения Бзыпской Абхазии имеют непосредственное автобусное сообщение преимущественно со своим райцентром, а также с Гагрой. Подобная ситуация возникла ещё в советское время, что, в свою очередь, во многом определило ещё до войны и продолжает определять в настоящее время более высокую степень вовлеченности абжуйской части абхазского этноса в демографическое освоение Сухума¹.

В отличие от Сухума, где после Отечественной войны народа Абхазии пришли во взаимодействие две культурные страты абхазского этноса – *местные довоенные жители*, во многом встроенные в систему поликультурного советского русскоязычного города и являвшиеся его органичной частью, и *выходцы из абхазского села*, в гораздо большей степени сохранившие естественные этнокультурные характеристики² – в Гудауте, как уже отмечалось, подобной культурной интерференции не наблюдалось, поскольку абхазская часть населения города в 1990-е годы подверглась крайне слабым структурным трансформациям. И хотя взаимодействие этих двух групп в абхазской столице в конечном итоге привело к принятию последней языковых установок первой³, тем не менее, приток в Сухум населения из этнически абхазской периферии в определённой степени способствовал этноязыковой коренизации города. В Гудауте же, насколько можно судить, никаких существенных изменений в этом направлении в послевоенный период не произошло: сформировавшееся к концу советской эпохи этнокультурное пространство города на фоне отсутствия масштабной миграционной подвижности проявило значительную степень устойчивости.

Как отмечалось в нашей монографии, посвящённой Сухуму, сценарий развития языковых процессов может быть и менее

1. Там же. С. 154.

2. Там же. С. 118.

3. Там же. С. 119.

алармистским. У процесса языкового сдвига есть и обратный вектор – так называемая *языковая устойчивость*¹, которая находится в тесной взаимосвязи с процессом, обозначенным американским социолингвистом Дж. Фишманом как *поворот вспять языкового сдвига (reversing language shift)*². Последний процесс, заключающийся в попытке реанимирования утерянных позиций местного (этнического) языка и протекающий с большей или меньшей степенью эффективности во многих регионах планеты (особенно в Западной Европе) примерно с середины XX столетия, как правило, инспирируется государством (регионом) и имеет серьёзную экономическую поддержку со стороны властей. Примерами языков, охваченных в той или иной степени процессом обратного языкового сдвига, могут служить, в частности, иврит, каталанский, валлийский, баскский и галисийский. Можно говорить о том, что в Абхазии в послевоенное время также предпринимаются определённые попытки к повороту вспять процесса языкового сдвига.

В последние годы на этнодемографическую ситуацию в Гудауте стали влиять и новые факторы: частичное возвращение представителей этнических меньшинств (армян, русских, греков и других), покинувших город во время и после войны; возникновение в пригородной Бамбore российского военного городка; появление трудовых мигрантов преимущественно из стран Средней Азии; а также стихийная иммиграция иностранных граждан. В то же время такие факторы, как частичное вовлечение жителей Гальской зоны в социокультурную жизнь города, выражющееся во внутренней трудовой и образовательной миграции, а также репатриация сирийских абхазов, оказывающие влияние на этнодемографические процессы в столице, в случае Гудауты практически не проявляют себя.

Степень влияния трудовой миграции из среднеазиатских республик и ряда других государств СНГ на этнокультурное

1. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Указ. соч. С. 125.

2. Fishman J.A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon, 1991. Pp. 1–38.

пространство Гудауты, на наш взгляд, вряд ли стоит переоценивать, поскольку лишь незначительная часть трудовых мигрантов уже натурализовалась в Абхазии. Какие масштабы этот процесс может приобрести в будущем, зависит прежде всего от законодательно-правовой регуляции иммиграции и государственной политики в этом вопросе в целом. Э.Д. Эшба, в частности, отмечает: «Вопрос трудовых мигрантов, несмотря на свою сложность и комплексность, всё-таки не является основным составляющим демографической проблемы республики, к тому же для отслеживания миграционных потоков достаточно обеспечить эффективную работу института регистрации по месту пребывания, а также рассмотрение возможности введения визового режима со странами СНГ (за исключением РФ)»¹. Впоследствии, 1 апреля 2016 года, визовый режим со странами СНГ действительно был введён.

Из перечисленных выше групп к постоянному населению Гудауты могут быть отнесены лишь вернувшиеся довоенные жители и иммигранты последних лет, в числе которых присутствуют и карабахские армяне.

Очевидно, что выделение трёх базовых этапов этнодемографической истории Гудауты в период с конца XIX столетия по настоящее время, предложенное нами в начале настоящего исследования, в обозримом будущем может быть скорректировано ввиду наметившихся предпосылок к переходу на четвёртый этап, в рамках которого ставшая характерной для послевоенной Гудауты относительная абхазская моногенетичность может начать постепенно размываться. Это допущение в равной степени относится и к другим городским центрам страны. Важным катализатором подобного транзита являются попытки пересмотра абхазского законодательства в области запрета на продажу недвижимости иностранным гражданам.

1. Эшба Э.Д. К вопросу о демографической ситуации в РА (анализ этнического и религиозного состава) // Абхазоведение. Археология, история, этнология. Вып. VII. Сухум, 2012. С. 256.

Этнодемографические и этнокультурные процессы в Гудауте и других городах Абхазии могут получить и иную направленность в том случае, если государству удастся активизировать процесс репатриации, трансформировать абхазскую среднюю школу, внедрив полный цикл обучения на абхазском языке, а также активизировать претворение в жизнь закона «О государственном языке».

Таким образом, что будут представлять собой, каким трансформациям подвергнутся или не подвергнутся этнический ландшафт и культурно-языковое пространство административного центра Гудаутского района в ближайшие десятилетия – остаётся открытым вопросом.

Глава II

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГУДАУТЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

С целью изучения современной этнодемографической ситуации в городе Гудауте нами было проведено социологическое исследование, в основу которого лёг метод опроса. Опрос проводился опосредованно с помощью массового анкетирования жителей Гудауты. Анкетирование проходило как очно (при непосредственном контакте автора с респондентами), так и заочно (при помощи проинструктированных распространителей). При этом заочное анкетирование без непосредственного коммуникативного контакта с респондентом (распространение анкет с помощью Интернета) было отвергнуто нами как потенциально менее корректное, способное дать больший процент неточных или заведомого ложных ответов.

Исследование проводилось в рамках плановой двухгодичной темы на 2017–2018 годы, утверждённой за автором в отделе этнологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа.

При проведении социологического опроса за основу была взята анкета, использовавшаяся нами в ходе аналогичного исследования современной этнодемографической ситуации в Сухуме в 2015 году¹, однако перечень вопросов был расширен с целью более глубокого и детального анализа особенностей этнодемографических процессов в городе. Так, был увеличен список вопросов, касающихся этнической принадлежности предков респондентов. Если при анкетировании жи-

телей столицы в 2015 году респондентам задавались вопросы, призванные установить, помимо их собственной этнической принадлежности, лишь этническую принадлежность каждого из их родителей, то в ходе настоящего исследования гудаутцам предлагалось указать национальность каждого из четырёх прародителей – дедов и бабушек по отцовской и материнской линиям. Помимо этого, в анкету был включен вопрос о наличии либо отсутствии намерения в будущем сменить постоянное место жительства с выездом за пределы Гудауты (с указанием конкретного предполагаемого населённого пункта).

При составлении анкеты мы попытались в максимально лаконичной форме изложить наиболее важные для настоящего исследования вопросы. Вопросы были сформулированы в доступной для всех категорий населения форме, таким образом, чтобы не вызвать непонимания или неверного толкования их сути. Основной задачей было уместить максимальное количество важных для исследования вопросов на одной стороне листа формата А4, чтобы размер шрифта при этом был читабельным. В конечном итоге в анкету вошло 18 вопросов на русском языке, предваряемых необходимым в подобных случаях вступлением, содержащим информацию об институте, проводящем исследование, о целях анкетирования и пометку о том, что анкетирование полностью анонимное, не требующее предоставления таких личных данных респондента, как ФИО и адрес.

В задачи исследования входил сбор и последующий анализ информации об этническом составе населения Гудауты, включая данные об этнически смешанном населении и особенностях этнической идентификации детей от смешанных браков; данные о распределении гудаутцев по месту рождения и времени переезда в Гудауту уроженцев других населённых пунктов; причине их переезда в город и интенсивности контактов с местом рождения; наличии близких родственников, постоянно проживающих за границей; а также данные о миграционных настроениях горожан. Особенно важным было

1. См. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 138, 139.

получение сведений о реальной языковой практике жителей города: сбор информации о распределении населения по языкам наилучшего владения, о степени владения выборкой абхазским языком и о степени владения меньшинствами своими этническими языками, о владении населением другими традиционно распространёнными (или некогда распространёнными) в Абхазии языками.

Вопрос о месте рождения был сформулирован таким образом, чтобы анкетируемый записал конкретный населённый пункт, в котором он родился (согласно паспорту или свидетельству о рождении). В случаях, когда анкетирование проводилось автором очно, этот момент специально проговаривался с респондентом. В тех случаях, когда анкетирование проводили распространители, необходимость подобных разъяснений отдельно обговаривалась с последними. Поскольку при анкетировании сухумчан в 2015 году мы столкнулись с проблемой неверной фиксации точного места рождения (например, указание в качестве места рождения не того села, уроженцем которого респондент значится согласно официальному документу, а райцентра), в ходе данного исследования мы уделили этому моменту более пристальное внимание.

Данные об этническом происхождении собирались на основе пяти вопросов, сформулированных с использованием понятной для жителей Абхазии категории «национальность», принятой в советской этнографии для обозначения этнической принадлежности и институционально закреплённой в этом качестве как в советских официальных документах, так и в современных абхазских. Как уже отмечалось, помимо вопроса об этнической принадлежности самого респондента, собиралась аналогичная информация о четырёх его прародителях. Анкетируемым разъяснялось, что все пять вопросов о «национальности» заполняются исключительно по самоопределению и никак не привязаны к документально зафиксированной во внутреннем паспорте этнической принадлежности.

Во избежание неверного восприятия данные о «родном языке» собирались нами с помощью вопроса «Каким языком Вы лучше всего владеете?». Несмотря на кажущуюся очевидность смысловой нагрузки вопроса о языке, включённого в анкету, респондентам и здесь давалось необходимое разъяснение.

В состав респондентов вошли грамотные дееспособные лица (имеющие возможность самостоятельно заполнить анкету), на момент проведения опроса постоянно проживающие в Гудауте. Возрастных ограничений не вводилось, за исключением вытекающих из возможности письменно ответить на вопросы анкеты без посторонней помощи. Половых, социальных, этнорелигиозных и иных ограничений также не имелось.

Опрос проводился в Гудауте с апреля 2017 года по апрель 2018 года. Анкеты распространялись в организациях, на предприятиях, во всех пяти школах города¹, а также на улицах Гудауты.

В ходе полевой части исследования было собрано порядка 650 анкет, однако в процессе обработки материала часть анкет была отбракована (в том числе неверно заполненные и содержащие заведомо ложные сведения). В итоге в работу вошли 562 анкеты.

1. Среди учеников и преподавательского состава абхазской средней школы №1 им. Н.А. Лакоба, абхазской средней школы №2 им. В.К. Аргун, двухсекторной средней школы №3, русской средней школы №4 им. О.Ч. Гвазава и абхазской средней школы №5 им. Д.К. Кобахия.

АНКЕТА

Уважаемый житель города Гудауты! Вам предлагается принять участие в социологическом исследовании, проводимом АБИГИ им. Д.И. Гулиа с целью изучения современной этно-демографической ситуации в нашем городе. **Анкетирование полностью анонимное: писать ФИО и адрес не нужно.** Спасибо за Вашу помощь!

Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы:

1. Ваш пол: мужской; женский (нужное подчеркнуть).

2. Год рождения: _____

3. Место рождения (согласно паспорту или свидетельству о рождении): _____

Вопросы №4, 5, 6 только для родившихся за пределами города Гудауты.

4. С какого года постоянно проживаете в городе Гудауте?

5. Причина переезда в Гудауту: учёба; работа; переезд во время войны; иные обстоятельства экономического характера; семейные обстоятельства; иная причина (нужное подчеркнуть).

6. Как часто посещаете село/город, в котором родились: каждую неделю или чаще; один или несколько раз в месяц; несколько раз в год; примерно один раз в год; не каждый год; не посещаю (нужное подчеркнуть).

7. Ваше образование: начальное; неполное среднее; сред-

нее; среднее профессиональное; неоконченное высшее; высшее; кандидат наук; доктор наук (нужное подчеркнуть).

8. Ваша национальность _____

9. Национальность деда по отцовской линии _____

10. Национальность бабушки по отцовской линии _____

11. Национальность деда по материнской линии _____

12. Национальность бабушки по материнской линии _____

13. Каким языком Вы лучше всего владеете? _____

14. Степень владения абхазским языком: говорю свободно; говорю с затруднениями; только понимаю; не говорю и не понимаю (нужное подчеркнуть).

Указавшим в вопросе №8 «абхаз(ка)» или «русский/ая» на вопрос №15 не отвечать.

15. Степень владения языком своей национальности: говорю свободно; говорю с затруднениями; только понимаю; не говорю и не понимаю (нужное подчеркнуть).

16. Какими ещё языками владеете? _____

17. Имеете ли Вы близких родственников, постоянно проживающих за пределами Абхазии? Если да, то в каких странах? _____

18. Собираетесь ли Вы в будущем переехать в другой населённый пункт? Если да, то в какой? _____

ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Общее количество анкет – 562. Положительным отличием настоящего исследования от проведённого в 2015 году в Сухуме является его существенно большая репрезентативность. Несмотря на то что собранных и обработанных анкет в «сухумском» исследовании было соизмеримое количество (572), в процентном выражении в ходе настоящего исследования была охвачена значительно большая часть горожан. По данным текущей статистики на 1 января 2015 года, население Сухума составляло 64202 человека¹. Социологическое исследование, проведённое в столице в том же году, таким образом, охватило примерно 0,89% населения Сухума. В Гудауте, по данным на 1 января 2018 года, проживали 8814 человек², следовательно, анкетированием 2017–2018 годов было охвачено около 6,37% гудаутцев или практически каждый пятнадцатый горожанин.

Половой состав респондентов: 191 мужчина (34,0%) и 371 женщина (66,0%). По данным на 1 января 2018 года, в Гудауте проживали 3892 мужчины (44,2%) и 4922 женщины (55,8%)³. Половая диспропорция респондентов вызвана большей заинтересованностью и более активным участием женщин в анкетировании (рис. 17).

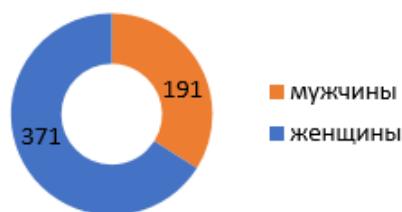

Рис. 17. Половой состав респондентов.

1. Абхазия в цифрах 2016: Управление государственной статистики Республики Абхазия. Сухум, 2017. С. 26.
2. Абхазия в цифрах 2017: Управление государственной статистики Республики Абхазия. Сухум, 2018. С. 27.
3. Там же.

Поскольку вопросник анкеты не предусматривал записи сведений о точной дате рождения человека, а ограничивался указанием года рождения, то возрастной состав респондентов, так же как и в «сухумском» исследовании, будет рассмотрен в разрезе четырёх условных групп:

1. Лица школьного возраста;
2. Лица студенческого возраста;
3. Взрослые;
4. Лица пенсионного возраста.

Условность данной градации определяется её актуальностью непосредственно для настоящего исследования, поскольку такая возрастная разбивка позволяет установить основные тенденции этнокультурных и этноязыковых характеристик в пределах выделенных возрастных когорт.

К лицам условно школьного возраста отнесены респонденты 2000 и более поздних годов рождения, то есть те, кому на момент начала проведения анкетирования было до 17 лет включительно. К лицам условно студенческого возраста (это, разумеется, не означает, что все они являются или являлись студентами) отнесены респонденты 1994–1999 годов рождения. Таким образом, две первые группы родились в послевоенное время. К «взрослой» группе отнесены респонденты 1958–1993 годов рождения, то есть лица от 24 до 59 лет включительно. Представители этой возрастной группы родились как в советское послесталинское время, так и период грузино-абхазской войны. К лицам условно пенсионного возраста отнесены респонденты 1957 и более ранних годов рождения, то есть шестидесятилетние (возраст выхода мужчины на пенсию в Абхазии) и старше.

Лиц школьного возраста среди респондентов оказалось 181 (32,2%) человек, лиц студенческого возраста – 57 (10,1%) человек. Таким образом, в совокупности «послевоенное поколение» составило немногим менее половины выборки – 42,3%. Во «взрослую» группу вошли 257 (45,7%) человек, в «пожилую» – 67 (11,9%) человек (рис. 18). Самый младший респон-

дент родился в 2005 году в селе Ачандара, самый старший – в 1930 году в Башкирии.

Рис. 18. Возрастные группы респондентов.

Состав респондентов по месту рождения, с одной стороны, отличается большой вариативностью, с другой – в нём прослеживаются определённо очерченные тенденции. Уроженцев Гудауты среди опрошенных оказалось 286 человек или 50,9% выборки, уроженцев других населённых пунктов Гудаутского района – 190 (33,8%) человек. Среди последних имелось 3 уроженца Нового Афона, тогда как остальные были представлены выходцами из сельской местности. Таким образом, уроженцы Гудаутского района в целом составляют 84,7% выборки, что демонстрирует существенные различия траекторий этнодемографического развития Гудауты и Сухума. Данные анкетирования подтверждают ранее озвученный нами тезис об относительной миграционной пассивности населения Гудаутского района, с одной стороны, и роли Гудауты как основного урбанизационного центра бзыпских абхазов на протяжении всего рассматриваемого в настоящей работе периода, с другой стороны.

Количество уроженцев Сухума среди респондентов – 22 (3,9%) человека, Гагрского района – 16 (2,8%), Ткуарчалского района – 5 (0,9%), Очамчырского района – 4 (0,7%). Итого уроженцы Абхазии составили 93,1% респондентов.

При этом уроженцев Сухумского, Гулрыпшского и Галского районов среди респондентов не оказалось вовсе. Эти три района до начала массовых послевоенных внутренних мигра-

ций 1990–2000-х годов были практически лишены этнически абхазского населения, в то время как представленность в выборке уроженцев города Сухума, Гагрского, Очамчырского и Ткуарчалского районов в значительной степени объясняется внутренней брачной миграцией, поскольку некоторая часть гудаутских мужчин-абхазов состоит в браке с абхазками из других регионов страны.

Среди респондентов имелись также уроженцы иностранных государств: России – 25 (4,4%) человек, Грузии – 5 (0,9%), Украины – 3 (0,5%), Белоруссии – 2 (0,4%), Азербайджана – 1 (0,2%), Армении – 1 (0,2%), Казахстана – 1 (0,2%) и Узбекистана – 1 (0,2%) (рис. 19).

Рис. 19. Респонденты по месту рождения.

При рассмотрении места рождения респондентов по возрастным когортам становятся заметны определённые различия. Среди самой младшей возрастной группы (181 человек) процент уроженцев Гудауты закономерно выше, чем в среднем по выборке – 107 (59,1%) человек. Уроженцев всех остальных населённых пунктов Гудаутского района отмечено 48 (26,5%) человек, Сухума – 11 (6,1%), Гагрского района – 3 (1,7%), Очамчырского района – 1 (0,6%). Уроженцев остальных районов Абхазии среди респондентов школьного возраста не отмечено. Последнее, как и невысокая доля уроженцев Гагрского и Очамчырского районов, объясняется базовой причиной присутствия выходцев из обозначенных регионов

в более взрослых возрастных когортах – брачной миграцией. Также у данной возрастной когорты несколько повышен процент уроженцев России, что может быть объяснено получившей распространение в последнее десятилетие практикой выезда на территорию этой страны для родовспоможения, а также возвращением в Абхазию части представителей этнических меньшинств с детьми, рожденными за пределами страны. Так, уроженцев Российской Федерации среди респондентов школьного возраста отмечено 10 (5,5%) человек, а уроженцев Белоруссии – 1 (0,6%) человек (рис. 20).

Рис. 20. Респонденты школьного возраста по месту рождения.

В отличие от результатов исследования этнодемографической ситуации в столице Абхазии в 2015 году, в Гудауте среди респондентов студенческого возраста (57 человек) не отмечается повышенной доли уроженцев других районов Абхазии, поскольку здесь отсутствуют высшие учебные заведения или их филиалы и лица данной возрастной когорты, таким образом, представлены преимущественно местными уроженцами. Обследованная же в 2015 году группа сухумчан студенческого возраста в основном была представлена студентами АГУ, значительная часть которых закономерно происходила не из Сухума. Уроженцев Гудауты среди респондентов студенческого возраста – 28 (49,1%) человек, родившихся в прочих населенных пунктах Гудаутского района – 22 (38,6%) человека, в Сухуме – 3 (5,3%) человека, в Гагрском районе – 1 (1,8%) человек, в России – 3 (5,3%) человека (рис. 21).

Рис. 21. Респонденты студенческого возраста по месту рождения.

Распределение «взрослой» части респондентов (257 человек) по месту рождения выглядит следующим образом: уроженцев Гудауты – 124 (48,2%) человека, остальной территории Гудаутского района – 93 (36,2%), Сухума – 7 (2,7%), Гагрского района – 11 (4,3%), Ткуарчалского района – 5 (1,9%), Очамчырского района – 3 (1,2%), Грузии – 5 (1,9%), России – 4 (1,6%), Украины – 2 (0,8%), Азербайджана – 1 (0,4%), Армении – 1 (0,4%), Узбекистана – 1 (0,4%). Как видно, данная возрастная когорта характеризуется структурой, наиболее приближенной к обще-городской выборке (рис. 22).

Рис. 22. Респонденты «взрослого» возраста по месту рождения.

В распределении респондентов условно пенсионного возраста (67 человек) по месту рождения наблюдается заметный сдвиг в сторону увеличения доли уроженцев сельской мест-

ности Гудаутского района, что полностью согласуется с историческими особенностями формирования этнически абхазской части населения Гудауты, полноценно сложившейся во второй половине XX века преимущественно путём миграции сельского населения Бзыпской Абхазии в районный центр. Соответственно, доля уроженцев города Гудауты в данной возрастной когорте несколько ниже средних показателей по выборке. У респондентов пенсионного возраста также отмечается повышенная доля уроженцев иностранных государств, среди которых преобладают представители этнических меньшинств. Последнее является подтверждением факта демографического старения этнически неабхазского населения Гудауты. Доля уроженцев Абхазии, происходящих из-за пределов Гудаутского района, напротив сильно понижена. При этом среди представителей самой старшей возрастной когорты вовсе отсутствуют выходцы из Абжуйской Абхазии. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что практика заключения браков с уроженками Абжуа для бзыпских мужчин является относительно новым явлением, получившим некоторое распространение лишь начиная с позднесоветского периода. По данным П.К. Квициния, исследовавшего брачные предпочтения абхазского сельского населения на рубеже 1970–1980-х годов, в шести сёлах Гудаутского района (Аацы, Абгархук, Ачандара, Джирхуа, Калдахуара, Отхара) доля невесток из Очамчирского района среди обследованных автором 1024 человек составляла лишь 2,6%¹. Количество родившихся в Гудауте среди респондентов условно пенсионного возраста составило 27 (40,3%) человек, уроженцев других населённых пунктов Гудаутского района – тоже 27 (40,3%), Сухума – 1 (1,5%), Гагрского района – 1 (1,5%), России – 8 (11,9%), Белоруссии – 1 (1,5%), Казахстана – 1 (1,5%), Украины – 1 (1,5%) (рис. 23).

1. Квициния П.К. Указ. соч. С. 61.

Рис. 23. Респонденты «пенсионного» возраста по месту рождения.

Из общего числа респондентов, родившихся в Гагрском районе (16), 8 человек указали в качестве места рождения город Гагру, 4 человека – пгт Бзыпта, 3 человека – город Пицунду и 1 человек – село Лдзаа. Из 4 уроженцев Очамчирского района двое родились непосредственно в районном центре и по одному – в сёлах Гуп и Тамыш. Из 5 выходцев из Ткуарчалского района один родился в селе Агубедиа, а остальные – в городе Ткуарчале.

Поскольку исторические границы Бзыпской Абхазии, а, следовательно, и территория коренного проживания бзыпской этнографической группы абхазского народа выходят за пределы современных границ Гудаутского района как в западном, так и в восточном направлении, имеет смысл рассмотреть место рождения респондентов-уроженцев Абхазии в разрезе исторических областей страны. Так, в частности, 50% уроженцев Гагрского района оказываются родившимися на территории Бзыпской Абхазии. Это выходцы из города Пицунды, пгт Бзыпта и села Лдзаа. В целом из 523 уроженцев Абхазии 484 (92,5%) родились в пределах Бзыпской Абхазии, 22 (4,2%) – в Гумской Абхазии (город Сухум), 8 (1,5%) – в Садзны (город Гагра), 8 (1,5%) – в Абжуа (города Очамчира и Ткуарчал, а также сёла Гуп и Тамыш) и 1 (0,2%) – в самурзаканском селе Агубедиа (рис. 24). Состав респондентов-уроженцев Абхазии по месту рождения в разрезе исторических областей достаточно точно коррелирует с распределением избирателей-абхазов Гудау-

ты по этнографическим группам, выявленным в первой главе данного исследования на основе анализа фамильных имён. Это является ещё одним подтверждением репрезентативности настоящей выборки.

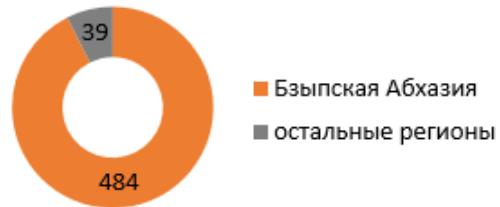

Рис. 24. Респонденты-уроженцы Абхазии по региону рождения.

Уроженцы сельской местности Гудаутского района (187 человек) составляют 33,3% всех респондентов. Полный список указанных в пункте «место рождения» сёл Гудаутского района с количеством родившихся в них респондентов следующий: Лыхны – 52, Дурипш – 24, Куланырхуа – 22, Отхара – 14, Мгудзырхуа – 11, Хуап – 9, Аацы – 8, Ачандара – 8, Калдахуара – 8, Хыпста – 8, Джирхуа – 6, Звандрипш – 6, Блабырхуа – 4, Абгархук – 3, Бармыш – 2, Арсаул – 1, Мцара – 1. Среди жителей Гудауты, принявших участие в анкетировании, отсутствовали уроженцы труднодоступного и практически обезлюдившего за последние полвека села Анхуа, а также выходцы из периферийного села Амжвыкухуа и крайнего восточного села Гудаутского района – Псырдзхи. Основной вектор миграционных потоков из села Анхуа традиционно был направлен в близлежащий город Новый Афон, а также в Сухум. Это же справедливо и для села Псырдзха. Жители села Амжвыкухуа мигрировали преимущественно в близлежащие Пицунду и Гагру, а также в прилегающий к Гудауте посёлок Бамбора Лыхненской сельской администрации.

Масштабы представленности уроженцев различных сёл Гудаутского района в райцентре находятся в прямой зависимости от экономико-географического положения этих селений

относительно Гудауты. Результаты настоящего исследования вынуждают нас отчасти не согласиться с выводами Н.А. Дубовой и А.Н. Ямского, отмечавших в 2006 году, что «расположение села Лыхны в непосредственной близости от города Гудаута сильно тормозит отток населения из этого многолюдного села, так как многие из его жителей работают в Гудауте, приезжая туда на работу обычным рейсовым автобусом, а из некоторых кварталов-ахабл – приходя пешком»¹. С одной стороны, описанная авторами активная маятниковая миграция в райцентр действительно характерна для жителей села Лыхны, с другой – этнически абхазская часть населения Гудауты в значительной степени представлена именно уроженцами Лыхны и других близлежащих к городу селений. Последний факт подтверждается не только данными настоящего анкетирования, но и анализом фамильных имён избирателей города Гудауты. Подтверждают наше положение и данные исследования, проведённого в 1997 году Р.П. Шамба в трёх сёлах Гудаутского района (Блабырхуа, Куланырхуа и Хуапе), согласно которым наибольшая депопуляция, вызванная урбанизационным оттоком, в послевоенный период отмечалась именно в граничащем с Гудаутой, лежащем вдоль центральной автомагистрали и железной дороги прибрежном селе Куланырхуа, а не в периферийном, существенно отдалённом от райцентра предгородном Хуапе².

Помимо удалённости от райцентра, экономико-географическое положение селений Гудаутского района определяется прежде всего характером транспортной доступности ближай-

1. Дубова Н.А., Ямков А.Н. Социально-демографические особенности абхазских популяций в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006. С. 46, 47.

2. Шамба Р.П. Особенности динамики и половозрастной структуры сельского населения Гудаутского района // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам международной научной конференции, посвящённой 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. Сухум, 2003. С. 352, 353.

ших городских центров. Например, сёла Хуап и Блабырхуа, географически примерно равноудалённые от Гудауты, резко различаются по характеру экономической ориентированности на свой районный центр. Блабырхуа, лежащее на центральной автомагистрали страны, между Гудаутой и Гагрой, экономически гораздо сильнее тяготеет к последней, а не к своему районному центру. Интенсивность экономических связей селений западной части Гудаутского района (Амжвыкухуа, Бармыш, Блабырхуа, Калдахуара) с городами Гагрой и Пицундой в конечном итоге определила и западный вектор урбанизационного оттока населения из этой части Бзыпской Абхазии. Сёла восточной части Гудаутского района точно так же экономически тяготеют в большей степени к Новому Афону и Сухуму, что в свою очередь определяет основной вектор миграционного оттока из этих селений. Предгорное село Хуап, значительно отдалённое от центральной трассы, напротив, экономически ориентировано преимущественно на свой районный центр, поскольку автодорога, ведущая из этого села к трассе, соединяется с последней непосредственно в пределах городской черты Гудауты. На наш взгляд, представляется перспективным изучение выявленных закономерностей с точки зрения *теории центральных мест*. Это относится не только к Гудаутскому району, но и ко всей территории Абхазии.

Таким образом, по характеру экономико-географического положения относительно своего райцентра сельская местность Гудаутского района может быть разбита на 4 зоны: *центр*, *центральную периферию*, *западную периферию* и *восточную периферию*. Уроженцы сёл, расположенных в пределах первых двух зон, закономерно представлены среди респондентов в наибольшем количестве, тогда как выходцы из сёл западной и восточной периферий – в существенно меньшем. К сёлам центральной зоны нами отнесены Куланырхуа и Лыхны, непосредственно граничащие с Гудаутой, а также Дурипш и Хыпста, находящиеся на минимальном транспортно-логистическом отдалении от райцентра и экономически ориентированные поч-

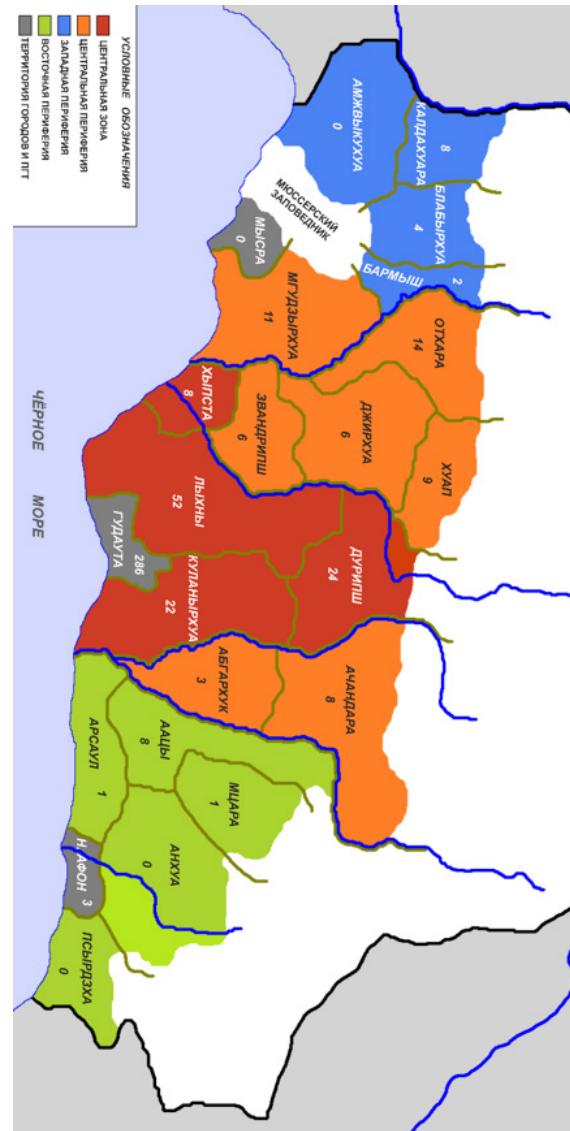

Рис. 25. Авторский вариант экономико-географического районирования сельской местности Гудаутского района с указанием количества респондентов-уроженцев каждой АТЕ нижнего уровня.

-ти исключительно на него. В этих четырёх сёлах совокупно родились 106 респондентов, что составляет 56,7% от всех уроженцев сельской местности Гудаутского района. Центральная периферия состоит из двух территориально разобщённых анклавов, примыкающих к собственно центральной зоне с запада и с востока. Селениями центральной периферии, на наш взгляд, являются Абгархук, Ачандара, Джирхуа, Звандрипш, Мгудзырхуа, Отхара и Хуап. В этих семи селениях родились 57 (30,5%) респондентов. К западной периферии, в пределах которой родились 14 (7,5%) респондентов, мы отнесли сёла Амжвыкухуа, Бармыш, Блабырхуа и Калдахуара. В селениях восточной периферии – Аацы, Анхуа, Арсауле, Мцаре и Псырдзхе – родились 10 (5,3%) респондентов (рис. 25).

Состав респондентов по уровню образования следующий: имеют только начальное образование – 6 (1,1%) человек, неполное среднее – 163 (29,0%) человека, среднее – 87 (15,5%) человек, среднее профессиональное – 84 (14,9%) человека, неоконченное высшее – 49 (8,7%) человек, высшее (без учёной степени) – 165 (29,4%) человек, кандидатов наук – 8 (1,4%) человек. Респондентов, имеющих степень доктора наук, отмечено не было (рис. 26).

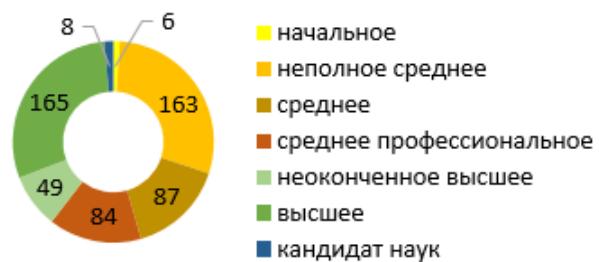

Рис. 26. Уровень образования респондентов.

Состав респондентов-гудаутцев по уровню образования довольно существенно отличается от результатов, выявленных в ходе обработки ответов на аналогичный вопрос при анкети-

ровании сухумчан в 2015 году¹. В первую очередь обращает на себя внимание существенно меньшая доля респондентов-гудаутцев с высшим и послевузовским образованием, тогда как процент лиц со средним профессиональным образованием среди опрошенных в Гудауте, наоборот, значительно выше. Это закономерное несоответствие определяется различиями в статусном положении рассматриваемых городов – столичного Сухума и периферийного центра, каковым является Гудаута.

По времени переезда на постоянное место жительства в Гудауте неместные уроженцы (276 человек) могут быть разделены на 3 группы: переселившиеся до 1991 года включительно (довоенное население), переселившиеся с 1992 года по 2003 год включительно (основной поток переселения в период войны и первые десять лет после её окончания) и осевшие в городе после 2003 года. Последний рубеж выбран условно, для удобства сравнения ситуации с выявленной в 2015 году в Сухуме. В столице Абхазии этот хронологический рубеж был выбран исходя из того, что в 2003 году был проведён учёт населения страны, по данным которого в Сухуме проживали 43716 человек². А данные переписи 2011 года зафиксировали рост населения столицы на 19198 человек по отношению к показателям учёта 2003 года³. Границы первых двух групп в «сухумском» и «гудаутском» случаях также отличаются, поскольку, как уже отмечалось в первой главе настоящего исследования, переход на третий этап этнодемографической истории в Гудауте был связан с началом Отечественной войны 1992–1993 годов, тогда как в Сухуме – с её завершением.

До 1991 года включительно в Гудауте переселились 104 респондента, что составляет 37,7% от общего числа неместных уроженцев. В период с 1992 года по 2003 год в городе осели 66 респондентов (23,9%), а после 2003 года – 106 (38,4%) респондентов (рис. 27).

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 149, 150.

2. Абхазия в цифрах. Сухум, 2005. С. 14.

3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 14.

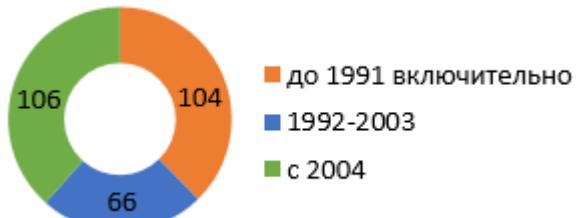

Рис. 27. Респонденты-неместные уроженцы по времени переселения в Гудауту.

Между Гудаутой и Сухумом отмечаются существенные различия в распределении респондентов-неместных уроженцев по времени их переселения в город¹. Во-первых, удельный вес переселившихся в довоенный период в Гудауте гораздо выше, чем в Сухуме, что ещё раз подтверждает наш тезис относительно сформированности общего каркаса современной этнодемографической структуры населения Гудауты ещё на этапе демографической коренизации, то есть в позднесоветский период, тогда как в Сухуме в послевоенное время произошла кардинальная трансформация этнической структуры населения. Во-вторых, данные настоящего анкетирования свидетельствуют о том, что в XXI веке урбанизация сельского населения Бзыпской Абхазии значительно усилилась по сравнению с послевоенным десятилетием, а основным урбанизационным центром бзыпских абхазов, как уже указывалось, всегда оставалась Гудаута. У сельского населения Абжуйской Абхазии, напротив, пик урбанизации пришёлся на послевоенный период, чему в значительной степени способствовали гуманитарные последствия оккупации одной и блокады другой части этого региона в период войны 1992–1993 годов.

В анкете фигурировали следующие варианты ответа на вопрос о причинах переезда в Гудауту: «учёба», «работа», «переезд во время войны», «иные обстоятельства экономического

характера», «семейные обстоятельства» и «иная причина». В связи с семейными обстоятельствами в город переселились 123 человека или 44,6% от числа родившихся за пределами Гудауты; из-за учёбы – 65 (23,6%) человек; из-за работы – 46 (16,7%) человек. В качестве причины переезда 6 (2,2%) респондентов указали «переезд во время войны», на иные причины экономического характера сослались 4 (1,4%) человека, иную причину указали 32 (11,6%) человека (рис. 28).

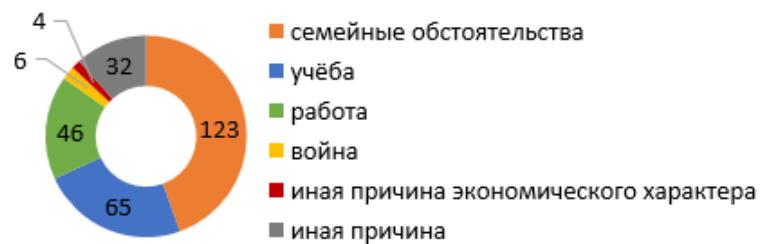

Рис. 28. Причина переезда в Гудауту респондентов-неместных уроженцев.

Сравнивая эти данные с теми, которые удалось получить в ходе исследования этнодемографической ситуации в Сухуме в 2015 году, вновь бросаются в глаза существенные различия. Так, доля переехавших в Гудауту по семейным обстоятельствам намного выше аналогичного показателя в «сухумском» случае, тогда как процент переселившихся в связи с учёбой, наоборот, существенно ниже¹. Причиной этих различий, так же как и в случае с различиями в составе респондентов по уровню образования, является периферийность Гудауты относительно Сухума. Среди респондентов, переселившихся в Гудауту по семейным обстоятельствам, абсолютно преобладают женщины (82,1%). Этот факт даёт основание предположить, что переезд в город большей их части обусловлен брачной миграцией.

Все 6 респондентов, указавших, что причиной их переселения в Гудауту явилась Отечественная война народа Абхазии,

1. Данные по Сухуму см. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 150, 151.

1. Там же. С. 151.

являются этническими абхазами. Трое из них родились в Грузии и, по всей вероятности, вынуждены были покинуть постоянное место жительства в связи с притеснениями по этническому признаку или боязнью оказаться жертвой таковых. Ещё один респондент оказался уроженцем Тамыша – одного из наиболее пострадавших в ходе военных действий сёл Абжуйской Абхазии. Остальные два респондента являются уроженцами селений Лыхны и Ачандара, таким образом, их переезд в Гудауту в ходе грузино-абхазской войны не может быть напрямую связан с самим фактом боевых действий, если только в этот период они не проживали на оккупированной грузинскими войсками территории.

Отдельной задачей исследования было установить степень и интенсивность связей с местом рождения у респондентов, родившихся за пределами города Гудауты. По данным анкетирования, 124 респондента посещают населённый пункт, в котором родились, каждую неделю или чаще, что составляет 44,9% от общего числа неместных уроженцев; 71 (25,7%) человек указали, что посещают место рождения один или несколько раз в месяц; 36 (13,0%) – несколько раз в год; 10 (3,6%) – примерно один раз в год; 14 (5,1%) – не каждый год; а 21 (7,6%) человек отметили, что вовсе не посещают родной город или село (рис 29). Полученные данные, как и в ходе нашего «сухумского» исследования, подтверждают мнение ряда специалистов о достаточно высокой интенсивности контактов городских абхазов с родными или родовыми сёлами¹. Вместе с тем, как показывают вышеупомянутые данные, гудаутские абхазы гораздо интенсивнее сухумских посещают родные сёла, что связано в первую очередь с незначительной территориальной отдалённостью бзыпских сёл (откуда и происходит большинство респондентов-неместных уроженцев) от Гудауты.

1. См. Дубова Н.А. Демографическая ситуация в современной Абхазии // Абхазы. М., 2012. С. 492; Канделаки Д.А., Хашба А.Ш. Трансформация поло-возрастной структуры сельских абхазов в постсоветский период // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006. С. 78, 79.

Рис. 29. Частота посещения места рождения респондентами-некоренными гудаутцами.

Закономерные различия в частоте посещения родных сёл прослеживаются между уроженцами четырёх выделенных зон, на которые мы разделили сельскую местность Гудаутского района по характеру экономико-географического положения относительно райцентра (см. рис. 25). Здесь мы наблюдаем прямую зависимость частоты посещения родных сёл от степени их транспортно-географической удалённости от Гудауты. Так, 72,6% респондентов-уроженцев сёл центральной зоны посещают их каждую неделю или чаще, тогда как уроженцы сёл центральной периферии посещают родные сёла каждую неделю или чаще лишь в 47,4% случаев, уроженцы сёл западной периферии – уже только в 14,3% случаев. Выбиваются из общей закономерности лишь данные по уроженцам сёл восточной периферии, что, однако, может объясняться статистической погрешностью, поскольку их общее количество крайне невелико (табл. 28). Конечно, помимо географической удалённости и транспортной доступности, определённую роль играют также наличие или отсутствие собственной усадьбы и хозяйства в селе, близких родственников, постоянно проживающих в селе, продолжительность проживания в городе. В целом же, экстраполируя данные настоящего анкетирования на всё население Гудауты, можно с уверенностью говорить о том, что в частоте посещения родных сёл жителями города прослеживается отчётливо выраженный географический детерминизм.

Табл. 28. Частота посещения родных сёл респондентами-уроженцами сельской местности Гудаутского района.

	центр	центр. периферия	зап. периферия	вост. периферия
численность	106	57	14	10
каждую неделю или чаще	72,6%	47,4%	14,3%	50,0%
один или неск. раз в месяц	16,0%	36,8%	28,6%	50,0%
несколько раз в год	9,4%	10,5%	57,1%	–
примерно один раз в год	1,9%	3,5%	–	–
не каждый год	–	1,8%	–	–
не посещают	–	–	–	–

Предпоследним вопросом анкеты был «Имеете ли Вы близких родственников, постоянно проживающих за пределами Абхазии? Если да, то в каких странах?». При этом в ходе анкетирования не делалось никаких специальных пояснений по данному вопросу: анкетируемый определял степень «близости» родственников, исходя из собственных представлений. В данном случае ставилась цель выяснить, имеет ли респондент родственников, постоянно проживающих за границей, с которыми он поддерживает связь.

Исходя из данных анкетирования, большинство гудаутцев имеет близких родственников, постоянно проживающих за пределами страны. Это ещё раз подтверждает факт высокого уровня послевоенной абхазской эмиграции. Из 562 респондентов 398 (70,8%) указали на наличие близких родственников за пределами Абхазии, тогда как 164 (29,2%) человека ответили отрицательно (рис. 30). Несмотря на различия в статусном положении Гудауты и Сухума, доля респондентов-гудаутцев, имеющих близких родственников за пределами Абхазии, не сильно уступает показателям, выявленным в ходе исследования этнодемографической ситуации в столице Абхазии в 2015 году¹.

1. Данные по Сухуму см. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 155.

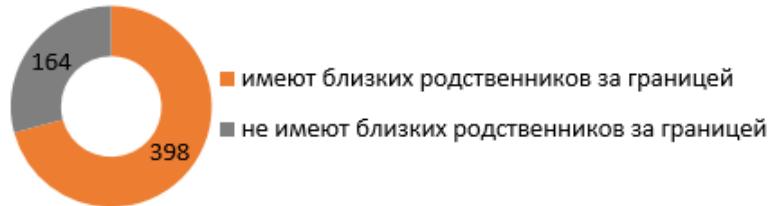

Рис. 30. Наличие у респондентов близких родственников за пределами Абхазии.

Как ни странно, практически никаких различий по данному показателю не было выявлено между уроженцами Гудауты и родившимися в сельской местности Гудаутского района. На первый взгляд, подобное не соотносится с общемировыми миграционными тенденциями: в эмиграцию в первую очередь вовлекаются горожане, тогда как сельское население преимущественно участвует в урбанизации внутри страны. Однако, если принять во внимание, с одной стороны, многоаспектную периферийность Гудауты как городского центра, о чём подробно говорилось в первой главе, а также большую по сравнению с Восточной Абхазией модернизированность сельской местности Гудаутского района, с другой стороны, то отсутствие различий между райцентром и административно подчинённой ему сельской местностью по данному показателю представляется более понятным. Несколько более высокий процент лиц, имеющих родственников за пределами Абхазии, отмечается у гудаутцев, родившихся в Сухуме и других городских поселениях страны. Уроженцев сельской местности всех остальных районов Абхазии, кроме Гудаутского, в выборке недостаточно, чтобы иметь возможность делать какие-либо выводы. Самый значительный процент имеющих близких родственников за рубежом закономерно отмечен у уроженцев иностранных государств (табл. 29).

Табл. 29. Наличие/отсутствие у респондентов близких родственников, постоянно проживающих за пределами Абхазии.

место рождения	численность	имеют	не имеют
все респонденты	562	70,8%	29,2%
Гудаута	286	69,6%	30,4%
Сухум	22	72,7%	27,3%
прочие города и пгт Абхазии	24	75,0%	25,0%
сёла Гудаутского района	187	68,4%	31,6%
прочие сёла Абхазии	4	50,0%	50,0%
заграница	39	89,7%	10,3%

Респонденты, имеющие близких родственников, постоянно проживающих за границей (398 человек), указывали следующие государства: Российская Федерация – 364 человека или 91,5% от числа утвердительно ответивших, Грузия – 22 (5,5%), Украина – 21 (5,3%), США – 14 (3,5%), Германия – 9 (2,3%), Белоруссия – 6 (1,5%), Турция – 6 (1,5%), Великобритания – 5 (1,3%), Италия – 5 (1,3%), Армения – 4 (1,0%), Казахстан – 4 (1,0%), Греция – 3 (0,8%), Канада – 3 (0,8%), Испания – 2 (0,5%), Нидерланды – 2 (0,5%), Сербия – 2 (0,5%), Франция – 2 (0,5%), Дания – 1 (0,3%), Израиль – 1 (0,3%), Ирак – 1 (0,3%), Йемен – 1 (0,3%), Латвия – 1 (0,3%), Литва – 1 (0,3%), Узбекистан – 1 (0,3%), Финляндия – 1 (0,3%).

В отличие от исследования, проведённого в 2015 году в Сухуме, в ходе настоящего социологического опроса в анкету был включён вопрос, призванный установить уровень и основные направления миграционных настроений жителей Гудауты. Вопрос был сформулирован так: «Собираетесь ли Вы в будущем переехать в другой населённый пункт? Если да, то в какой?». В данном случае представляется довольно затруднительным разграничить реальные планы респондентов в ближайшем будущем сменить постоянное место жительства от

гипотетических намерений. Тем не менее, ответы, полученные на последний вопрос анкеты, выявили значительный диапазон миграционных настроений гудаутцев. Сами ответы зачастую сопровождались эмоционально окрашенными комментариями, демонстрирующими как ярко негативное отношение к смене постоянного места жительства (например, «никогда и ни за что не перееду из Гудауты»), так и готовность переселиться при первой возможности (например, «куда угодно, неважно куда»). Последних ответов было гораздо меньше.

В целом ответы, полученные на данный вопрос, можно разделить на 3 группы: отрицательные, положительные с указанием конкретного населённого пункта, положительные без указания целевого населённого пункта. Из 562 человек, принявших участие в анкетировании, 482 (85,8%) респондента ответили, что не собираются в будущем переехать из Гудауты, 47 (8,4%) респондентов заявили, что планируют переехать и указали при этом конкретный населённый пункт, ещё 33 (5,9%) человека не конкретизировали куда именно собираются мигрировать (рис. 31). Таким образом, можно говорить о том, что для населения Гудауты в целом не характерно массовое стремление к смене постоянного места жительства: лишь 14,2% опрошенных заявили о намерении переселиться в другие населённые пункты. Однако стремление сменить место жительства проявляется преимущественно у молодёжи, тогда как старшие возрастные группы характеризуются почти полным отсутствием такового.

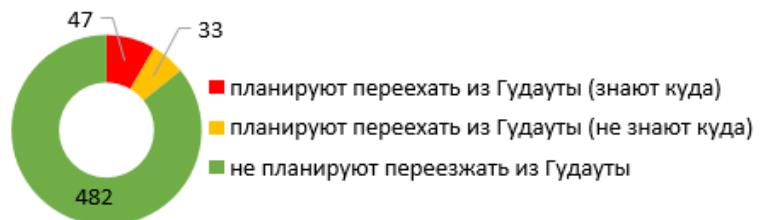

Рис. 31. Миграционные установки респондентов.

Среди респондентов, указавших конкретный населённый пункт, в который они планируют переселиться (47 человек), значились следующие города: Сухум – 12 (25,5%) человек, Москва – 12 (25,5%), Сочи – 9 (19,1%), Краснодар – 2 (4,3%), Лондон – 2 (4,3%), Новый Афон – 2 (4,3%), Амстердам – 1 (2,1%), Венеция – 1 (2,1%), Милан – 1 (2,1%), Нью-Йорк – 1 (2,1%), Очамчыра – 1 (2,1%), Ростов-на-Дону – 1 (2,1%), Санкт-Петербург – 1 (2,1%), Стамбул – 1 (2,1%) (рис. 32).

Рис. 32. Города, в которые планируют переселиться респонденты.

Как видно, абсолютными лидерами по миграционной привлекательности для респондентов являются столицы Абхазии и России, а также ближайший к Гудауте российский городской центр – Сочи. Присутствие в списке других городов Абхазии (Нового Афона и Очамчыры) в двух из трёх случаев, по всей вероятности, объясняется планируемой брачной миграцией (это девушки 2000 и 2001 годов рождения). В списке закономерно представлены ближайшие к Абхазии крупные города юга России – Краснодар и Ростов-на-Дону, а также крупнейший после Москвы российский мегаполис – Санкт-Петербург. Помимо этого, попали в список и некоторые города Западной Европы, а также Нью-Йорк и Стамбул. Таким образом, из 47 респондентов-гудаутцев, указавших конкретный населённый пункт, в который они в будущем планируют переехать, 15 (31,9%) человек отметили города Абхазии, 25 (53,2%) человек – города Российской Федерации и 7 (14,9%) человек – прочие города.

ЭТНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Перепись населения, проведённая в Абхазии в 2011 году, в плане фиксации этнических характеристик (да и не только этнических) демонстрирует чёткую преемственность с позднесоветскими переписями. Сам феномен этничности и этнической идентичности в современной абхазской науке рассматривается почти исключительно с примордиалистских позиций, чему способствуют не только научный бэкграунд советской эпохи вместе с сохраняющейся государственной институционализацией этничности, но и глубоко укоренённое в самом населении представление о примордиальной сущности и эксклюзивности этнических категорий. Более подробно эта проблема описана в нашей монографии, посвящённой Сухуму¹.

Уже цитированные в начале первой главы Е.И. Филиппова и Ф. Герен-Пас отмечают: «К настоящему времени социальный конструктивизм утвердился на Западе как господствующая парадигма в социальных науках, в том числе в антропологии. Похоже, что достигнуто принципиальное согласие в том, что этничность является продуктом субъективного восприятия; что у человека может быть более чем одна этническая идентичность (а может и не быть ни одной), и что эти идентичности могут меняться на протяжении жизни. Жёсткое, натуралистическое видение различий между людьми стало маргинальным в научной среде. Под влиянием этого направления мысли экспертое сообщество и организаторы переписей в большинстве стран выступают за “гибкий и прагматичный” подход к категоризациям»².

Как нам представляется, в случае с переписями, проводимыми в Абхазии, в дальнейшем следует выработать некий промежуточный подход, который будет учитывать как укоренившееся в научном и общественном сознании примордиалистское понимание этничности, так и объективные реалии, не

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 163–169.

2. Филиппова Е.И., Герен-Пас Ф. Указ. соч. С. 7.

всегда вписывающиеся в существующую в Абхазии схему этнических категоризаций. Речь в первую очередь идёт о сложностях, с которыми сталкивается довольно значительная часть населения страны, имеющая среди своих предков в первом, втором или третьем поколении представителей различных этносов. Зачастую этническое смешение зашло так далеко, что зафиксированная в официальных документах этническая принадлежность отражает лишь частично, а иногда и не отражает вовсе реального этнокультурного состояния человека. В.А. Тишков пишет: «Примеров ситуации вынужденной (предписанной) этнической идентичности любой исследователь найдёт на территории бывшего СССР не тысячи, а миллионы. И даже не нужны газетные примеры, достаточно посмотреть вокруг несколько иным взглядом»¹. Каким образом решает для себя этот вопрос значительная часть респондентов-гудаутцев – будет показано ниже.

При исследовании этнодемографической ситуации в Сухуме в 2015 году этническая принадлежность респондентов выявлялась путём анализа ответов на три последовательных вопроса: о национальности самого респондента, о национальности его отца и национальности матери. С целью более детального анализа этнических характеристик населения Гудауты в ходе настоящего исследования было принято решение расширить список вопросов до пяти. Вместо вопросов о национальности родителей респондента задавались вопросы о национальности обоих дедов и обеих бабушек.

Из общего числа респондентов (562 человека) подавляющее большинство составили этнические абхазы – 509 (90,6%) человек. Русских среди опрошенных оказалось 29 (5,2%) человек, армян – 7 (1,2%), грузин – 6 (1,1%), белорусов – 3 (0,5%), турок – 2 (0,4%), украинцев – 2 (0,4%), чеченцев – 2 (0,4%), греков – 1 (0,2%) и лазов – 1 (0,2%) человек (рис. 33).

1. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 111.

Этнический состав населения Гудауты по итогам переписи 2011 года выглядит несколько иначе. В городе проживали 8514 жителей, в том числе 82,3% абхазов, 8,7% русских, 3,4% армян, 2,7% грузин и мингрелов, 0,7% украинцев, 0,6% греков и 1,7% представителей прочих этносов¹.

Повышенный относительно общегородских показателей процент абхазов в выборке и, как следствие, пониженный процент представителей основных этнических меньшинств объясняются особенностями возрастного состава респондентов. Доля лиц условно школьного и студенческого возрастов среди последних оказалась значительно выше, чем в среднем по городу. А среди младших возрастных когорт города процент этнических абхазов закономерно повышен.

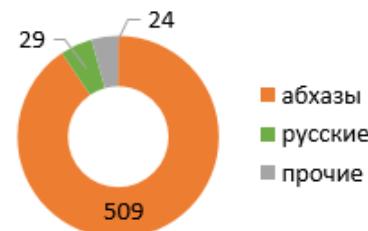

Рис. 33. Этнический состав респондентов.

Половой состав респондентов, принадлежащих к разным этносам, также довольно сильно различается (табл. 30). Ниже приводятся данные только по абхазам, русским, армянам и грузинам. Остальные этносы не рассматриваются отдельно, так как количество респондентов, отнёсших себя к каждому из них, крайне невелико. В целом можно говорить о том, что незначительное количество респондентов, принадлежащих к этническим меньшинствам, не позволяет считать полученные данные сколько-нибудь репрезентативными. Так, доля мужчин у абхазов почти не отличается от средней по выборке по той

1. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 115, 116.

лишь причине, что этнические абхазы составляют более 90% респондентов. Близкие к средним показатели отмечаются и у грузин, хотя в целом доля мужчин среди картвельского населения Гудауты существенно ниже доли женщин. Доля мужчин у респондентов-армян существенно выше доли женщин, что не соотносится со среднегородскими показатели. Самая низкая доля мужчин отмечена у русских, что, несмотря на особенности вовлеченности представителей разных полов в анкетирование, в целом коррелирует с половыми диспропорциями внутри русской общины города. То же справедливо и для представителей прочих этнических меньшинств Гудауты.

Табл. 30. Половой состав респондентов по национальностям.

	мужчины	женщины
все	34,0%	66,0%
абхазы	34,4%	65,6%
армяне	57,1%	42,9%
грузины	33,3%	66,7%
русские	24,1%	75,9%
прочие	27,3%	72,7%

Этнический состав респондентов по возрастным группам выглядит следующим образом. Среди лиц условно школьного возраста (181 человек) доля абхазов выше, чем в среднем по выборке – 167 (92,3%) человек, а представленность большинства этнических меньшинств, наоборот, более низкая. Причины подобной диспропорции были обозначены выше. Для русского населения Гудауты и городов Абхазии в целом, как и для большинства других меньшинств, характерна искажённая возрастно-половая структура населения со смещением в сторону старших возрастов и преобладанием женщин над мужчинами. Даже среди учеников русской школы №4 и русского сектора

смешанной школы №3 этнические русские составляют незначительное меньшинство. Среди самой младшей возрастной когорты респондентов было отмечено 7 (3,9%) русских, 2 (1,1%) армянина, 2 (1,1%) грузина, 1 (0,6%) белорус, 1 (0,6%) турок и 1 (0,6%) чеченец (рис. 34).

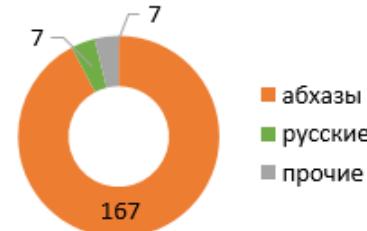

Рис. 34. Этнический состав респондентов школьного возраста.

Для респондентов условно студенческого возраста (57 человек) характерна ещё более выраженнаяmonoэтничность, что в целом коррелирует с результатами исследования, проведённого в 2015 году в Сухуме¹. В данной возрастной когорте преобладание этнических абхазов проявляется наиболее ярко – 55 (96,5%) человек. Кроме того, были отмечены 1 (1,8%) турок и 1 (1,8%) чеченец (рис. 35).

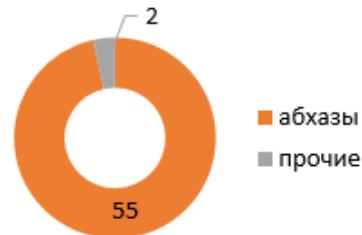

Рис. 35. Этнический состав респондентов студенческого возраста.

Среди респондентов, отнесённых к «взрослой» категории (257 человек), доля абхазов также несколько повышена – 236 (91,8%) человек. Такая же закономерность отмечалась в ходе

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 161.

нашего «сухумского» исследования¹. Далее следуют русские – 10 (3,9%), армяне – 4 (1,6%), грузины – 4 (1,6%), белорусы – 1 (0,4%), греки – 1 (0,4%) и украинцы – 1 (0,4%) человек (рис. 36).

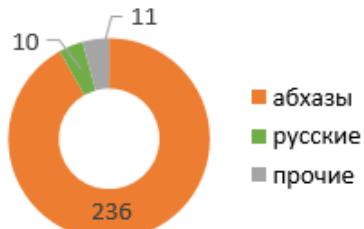

Рис. 36. Этнический состав респондентов «взрослого» возраста.

Этнический состав респондентов условно пенсионного возраста (67 человек), как и в Сухуме², отличается пониженной долей абхазов и повышенной долей этнических меньшинств, что коррелирует с общегородскими показателями. Это является следствием уже отмеченного демографического старения этнически неабхазского (прежде всего – славянского и картвельского) населения не только Гудауты, но и всех городов страны, кроме Гала. В данной возрастной когорте, помимо 51 (76,1%) абхаза, были отмечены 12 (17,9%) русских, 1 (1,5%) армянин, 1 (1,5%) белорус, 1 (1,5%) лаз и 1 (1,5%) украинец (рис. 37).

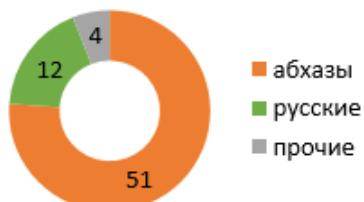

Рис. 37. Этнический состав респондентов «пенсионного» возраста.

1. Там же.

2. Там же. С. 162.

В распределении представителей основных этнических меньшинств, принявших участие в анкетировании, по месту рождения отмечаются довольно существенные отклонения от средних показателей по выборке. Рассмотрение распределения респондентов-абхазов по данному критерию не представляется актуальным, поскольку они составляют более 90% выборки и их показатели, таким образом, практически идентичны общим.

Из 29 этнических русских, участвовавших в анкетировании, 11 (37,9%) человек родились в Гудауте, 3 (10,3%) – в сельской местности Гудаутского района (в том числе 2 – в селе Лыхны и 1 – в Блабырху), 1 (3,4%) – в Сухуме, 11 (37,9%) – в России, 1 (3,4%) – в Азербайджане, 1 (3,4%) – в Казахстане и 1 (3,4%) – в Узбекистане (рис. 38). У этнически русской части респондентов закономерно повышен процент родившихся в России и, соответственно, понижена доля уроженцев Гудаутского района и других регионов Абхазии. Любопытно также присутствие в выборке одного этнически русского респондента, родившегося в селе Блабырху Гудаутского района. Это мужчина 1982 года рождения, имеющий всех четырёх прародителей русской национальности. Не исключено, что этот респондент может происходить из семьи работников железнодорожной станции Блабырху. В первой главе мы отмечали, что особенностью географической локализации славянского населения западной части Гудаутского района в позднесоветский период было тяготение к железнодорожным станциям, работниками которых преимущественно и являлись главы русских семей.

Рис. 38. Русские респонденты по месту рождения.

Распределение 7 респондентов-армян по месту рождения таково: 3 (42,9%) человека родились в Гудауте, 1 (14,3%) – в селе Мцара Гудаутского района, 1 (14,3%) – в Армении, 1 (14,3%) – в Грузии и 1 (14,3%) – в Российской Федерации. Из 6 респондентов-грузин 3 (50,0%) родились в Гудауте, 1 (16,7%) – в селе Хыпста Гудаутского района, 1 (16,7%) – в Сухуме и 1 (16,7%) – в Грузии. Двое из трёх респондентов-белорусов родились в Белоруссии, а один – в Гудауте. Один из двух респондентов-украинцев родился в Гудауте, другой – на Украине. Такая же ситуация отмечается у двух респондентов чеченской национальности, один из которых родился в Гудауте, другой – в Российской Федерации. Оба респондента, самоопределившихся как турки, родились в Гудауте. Респондент-грек родился в России, а лаз – в Гудауте.

Существенные различия между респондентами, принадлежащими к различным этносам, наблюдаются по признаку наличия/отсутствия близких родственников, постоянно проживающих за пределами Абхазии. Только у абхазов процент не имеющих близких родственников за границей выше, чем по выборке в целом. Среди респондентов-армян таковых не нашлось вовсе. Крайне низкая доля не имеющих близких родственников за пределами Абхазии отмечена и у русских. У остальных меньшинств данный показатель также оказался значительно ниже средних значений по выборке, что является закономерным следствием большего участия некоренного населения страны в послевоенной эмиграции (табл. 31).

Табл. 31. Наличие/отсутствие у респондентов близких родственников, постоянно проживающих за пределами Абхазии, по национальностям.

	численность	имеют	не имеют
все респонденты	562	70,8%	29,2%
абхазы	509	68,6%	31,4%
армяне	7	100%	–
русские	29	96,6%	3,4%
грузины	6	83,3%	16,7%
прочие	11	81,8%	18,2%

Одной из важнейших задач исследования было изучение качественных и количественных характеристик этнически смешанного населения Гудауты. В Абхазии, которая на протяжении более чем 150 лет является страной полигэтничной, в течение последних 60–70 лет достаточно активно проходят процессы этнического смешения. Как отмечалось в нашей монографии, посвящённой изучению этнодемографических процессов в столице Абхазии, у исследователей до сих пор не было возможности изучить эти процессы во всей их полноте, поскольку данные, на которые можно было бы опереться, крайне скучны и фрагментарны. Сама советская система «этнанизации» всего общества, разделённого на *a priori* заданные, исторически предопределённые и чётко регламентированные этнические группы, принадлежность к которым определялась соответствующей фиксацией «национальности» в документах и практически не могла быть изменена, не предполагала возможности фиксации множественной этнической идентичности¹.

Советская институционализация этничности, получившая дальнейшее укоренение и развитие уже в независимом абхазском государстве, не оставляет для человека шансов (даже на уровне обыденно декларируемой, а не документально закреплённой этничности) считать себя членом этнической общности, к которой по формальным признакам не принадлежал ни один из его родителей или прародителей. В ходе настоящего исследования это проявилось в том, что ни один респондент, имеющий всех четырёх прародителей-неабхазов, не назвал себя абхазом.

У 148 (26,3%) из 562 респондентов, заполнивших анкету, прародители принадлежат к разным национальностям, у 414 (73,7%) респондентов – прародители являются представителями одной национальности (рис. 39).

1. Там же. С. 163.

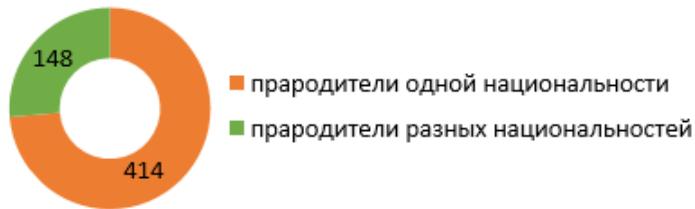

Рис. 39. Национальность прародителей респондентов.

Более четверти респондентов является потомством от смешанных браков либо в первом, либо во втором поколении. Очевидно, что данные, полученные в ходе настоящего анкетирования, репрезентативны и достаточно чётко коррелируют с реальной этнодемографической ситуацией в городе в целом. Несмотря на периферийность и большую этническую гомогенность Гудауты по сравнению со столицей Абхазии, несмотря на то что Гудаута является административным центром этнически абхазского района и одновременно главным урбанизационным центром бзыпских абхазов, процент респондентов, родившихся в этнически смешанных семьях, здесь оказался даже выше выявленного в ходе аналогичного исследования в Сухуме в 2015 году¹. При проведении настоящего исследования был использован расширенный относительно «сухумского» список вопросов, призванных установить этническое происхождение респондентов, что, очевидно, привело к некоторому увеличению доли этнически смешанного населения. Даже с учётом этого методологического несоответствия, можно с уверенностью констатировать по меньшей мере соразмерность показателей этнического смешения населения в Сухуме и Гудауте на современном этапе. Очевидно, что этническое смешение в административном центре Гудаутского района в последние 40–50 лет происходило достаточно интенсивно.

Процент представителей смешанных семей у респондентов, принадлежащих к разным этносам, в выборке неодинаков.

1. Там же. С. 169.

Если у респондентов, определивших себя как абхазы, этот показатель лишь ненамного ниже среднего по выборке (23,0%), то у всех респондентов, самоопределившихся как армяне, прародители принадлежат к одной национальности. Здесь мы опять наблюдаем ситуацию, очень схожую с «сухумской». Респонденты-армяне вновь демонстрируют очень высокие показатели этнической эндогамии, что, по всей видимости, следует считать характерным явлением для всей армянской общины Абхазии. С другой стороны, аналогичные показатели у респондентов-украинцев могут объясняться их крайне незначительной представленностью в выборке. Резко возрастает доля лиц с прародителями, принадлежащими к разным национальностям, у русских и у грузин. Численность представителей других народов в выборке столь незначительна, что показатели вряд ли можно считать репрезентативными, однако, очевидно, что у остальных меньшинств города процессы этнического смешения зашли ещё дальше (табл. 32).

Табл. 32. Национальность прародителей
у респондентов каждого этноса.

	численность	прародители одной нац-ти	прародители разных национальностей
все респонденты	562	414 (73,7%)	148 (26,3%)
абхазы	509	392 (77,0%)	117 (23,0%)
руssкие	29	11 (37,9%)	18 (62,1%)
армяне	7	7 (100%)	–
грузины	6	1 (16,7%)	5 (83,3%)
белорусы	3	1 (33,3%)	2 (66,7%)
турки	2	–	2 (100%)
украинцы	2	2 (100%)	–
чеченцы	2	–	2 (100%)
греки	1	–	1 (100%)
лазы	1	–	1 (100%)

Нижеследующая диаграмма визуализирует данные, представленные в таблице №32, по четырём крупнейшим этносам: абхазам, русским, армянам и грузинам. Респонденты, отметившие принадлежность к остальным этносам (белорусам, туркам, украинцам, чеченцам, грекам и лазам), из-за крайне ограниченной представленности их в выборке объединены в графу «прочие» (рис. 40).

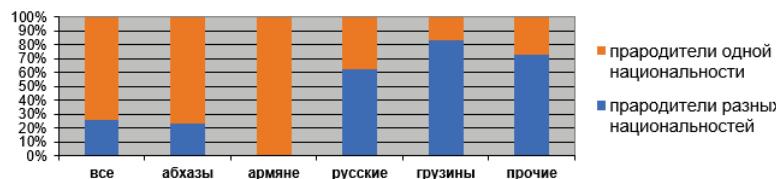

Рис. 40. Национальность прародителей у респондентов, принадлежащих к крупнейшим этносам.

Из 148 респондентов-гудаутцев, чьи прародители принадлежат к разным национальностям, имеют лишь одного из четырёх прародителей иной национальности – 80 (54,1%) человек, двух прародителей иной национальности – 50 (33,8%) человек, трёх иноэтнических прародителей – 18 (12,2%) человек (рис. 41). Как видно, более половины респондентов из смешанных семей всё же представлено людьми, чьё этническое происхождение на $\frac{3}{4}$ соответствует их собственной этнической идентичности.

Рис. 41. Респонденты из смешанных семей по количеству иноэтнических прародителей.

В Абхазии, в условиях маскулинной культуры Кавказа, национальная принадлежность традиционно определялась почти исключительно по отцу, хотя реальное этнокультурное состояние человека могло не соответствовать документально зафиксированному. В процессе настоящего анкетирования в тех случаях, когда прародители принадлежат к разным национальностям, респондент, как правило, определял свою этническую принадлежность по национальности деда по отцовской линии, но далеко не всегда. Исключение, как и в ходе анкетирования сухумчан в 2015 году, преимущественно составили случаи, когда некоторые из прародителей были абхазами, а дед по отцовской линии – представителем другой национальности (8 человек). В трёх случаях дед по отцовской линии являлся русским, ещё в трёх – представителем картвельских народов (в двух анкетах указано «грузин», в одной – «мингрел»), в остальных двух случаях дед по отцовской линии был абазином и персом. Последний пример примечателен своим абсолютным типологическим сходством с этническим происхождением Ф.А. Искандера – известнейшего из писателей-абхазов. Его дед по отцовской линии был персом, а остальные три прародителя – абхазами.

Данное обстоятельство объясняется влиянием доминирующего этнокультурного пространства. Выбор абхазской этничности в таком случае – закономерное явление, происходящее из реального этнокультурного состояния человека. Замечание В.А. Тишкова относительно российской ситуации, таким образом, вполне актуально и для Абхазии: «Этнические группы пополняются или уменьшаются за счёт смены идентичности в ту или иную сторону, особенно в среде смешанных семей. И здесь russkost' остаётся самой престижной этнокультурной идентичностью в России, и в число русских перейдут многие

потомки смешанных браков...»¹. Е.И. Филиппова и Ф. Герен-Пас в этой связи отмечают: «...сами респонденты определяют себя по-разному в ходе последующих переписей, в зависимости от изменений их собственной ситуации, а также от социально-политической конъюнктуры, которая делает более или менее престижными, а то и материально выгодными, те или иные коллективные членства. Критика жёстких и взаимоисключающих категоризаций основывается также на констатации возрастающего смешения населения самого разного происхождения в результате миграций, смешанных браков и международных усыновлений, имеющих следствием, с одной стороны, увеличение доли людей с множественной идентификацией, а с другой – уменьшающуюся возможность объяснения социальных процессов этническими и расовыми факторами»².

Замечание депутата Парламента Республики Абхазия Л.М. Чамагуа, высказанное им на встрече, посвящённой обсуждению развития демографических процессов в Абхазии, проходившей 5 июня 2015 года в Центре стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия, относительно имеющих место институциональных ограничений при официальной смене «национальной принадлежности»³, таким образом, может быть верным лишь отчасти, поскольку обратных примеров достаточно много. Впервые такие примеры, зафиксированные в сельской местности Очамчырского района, были научно описаны в позднесоветский период В.Л. Бигуаа⁴.

1. Тишков. В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 168.
2. Филиппова Е.И., Герен-Пас Ф. Указ. соч. С. 5.

3. Он отметил, что в Гудаутском районе проживает определённое количество лиц, являющихся на ¾ абхазами по этническому происхождению и абсолютными абхазами по самоидентификации и реальному этнокультурному состоянию, но продолжающих фигурировать в официальных документах как грузины.

4. Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983. С. 63.

В ходе исследования современной этнодемографической ситуации в Сухуме мы также столкнулись с подобными фактами¹.

В ходе анкетирования были выявлены и иные случаи несоответствия национальности респондента с национальностью его деда по отцовской линии. У 5 респондентов, определивших свою этническую принадлежность как русскую, деды по отцовской линии являлись представителями иной национальности. В одном случае дед был украинцем, в другом – евреем. Ещё у одной русской женщины дед и бабушка по отцовской линии были грузинами, а по материнской – русскими. Практика выбора негрузинской национальности представителями смешанных семей, во многом вынужденная, получила довольно широкое распространение в послевоенной Абхазии. Перефразируя приведённую выше цитату В.А. Тишкова применительно к абхазским реалиям, можно сказать, что в то время как *абхазскость* является самой престижной этнокультурной идентичностью в современной Абхазии, самой непрестижной в обозримом будущем, очевидно, будет оставаться *грузинскость*. Наконец, в двух оставшихся случаях у респондентов, самоопределившихся как русские, дед и бабушка по отцовской линии были абхазами, а по материнской – русскими. Причина выбора национальности матери в данном случае представляется труднообъяснимой в силу нестандартности ситуации.

Последним примером несоответствия национальности респондента с национальностью его деда по отцовской линии служит человек, самоопределившийся как турок, тогда как оба прародителя по отцовской линии были осетинами.

В следующей таблице представлены все 14 вышеописанных случаев с указанием места и даты рождения респондентов, а также этнической принадлежности каждого из четырёх их прародителей (табл. 33).

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 171.

Табл. 33. Респонденты, самоопределившихся не по национальности деда по отцовской линии.

респондент	место и год рождения	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
абхазка	Гудаута, 1986	русский	русская	абхаз	абхазка
абхазка	Гудаута, 1983	русский	абхазка	абхаз	абхазка
абхаз	Гудаута, 2001	русский	абхазка	абхаз	абхазка
абхазка	Гудаута, 1995	грузин	абхазка	грек	украинка
абхазка	Гудаута, 2001	грузин	абхазка	абхаз	абхазка
абхаз	Гудаута, 1997	мингрел	абхазка	абхаз	абхазка
абхазка	Гудаута, 1940	абазин	абхазка	абхаз	абхазка
абхазка	Ачандара, 1972	перс	абхазка	абхаз	абхазка
русский	Россия, 1953	украинец	русская	русский	русская
русская	Гудаута, 1958	грузин	грузинка	русский	русская
русская	Россия, 2000	еврей	русская	русский	русская
русский	Гудаута, 1950	абхаз	абхазка	русский	русская
русская	Гудаута, 1977	абхаз	абхазка	русский	русская
турок	Гудаута, 1995	осетин	осетинка	турок	турчанка

Среди респондентов-абхазов, чьи прародители принадлежат к разным национальностям (117 человек), имеют лишь одного из четырёх прародителей неабхазской национальности – 76 (65,0%) человек, двух прародителей неабхазской национальности – 28 (23,9%) человек, трёх прародителей-неабхазов – 13 (11,1%) человек (рис. 42). Таким образом, почти 2/3 респондентов-абхазов из смешанных семей составляют люди, имеющие трёх абхазских прародителей из четырёх. Очевидно, что иноэтническое влияние на этнокультурное состояние этой самой многочисленной категории респондентов-абхазов смешанного происхождения сведено к минимуму.

Рис. 42. Респонденты-абхазы из смешанных семей по количеству иноэтнических прародителей.

Респонденты-абхазы из смешанных семей имеют одного или нескольких прародителей неабхазской национальности, представляющих самые различные этносы. В то же время в номенклатуре представленных этнических единиц прослеживаются определённо очерченные тенденции, являющиеся следствием общего вектора этнодемографического развития Абхазии на протяжение последних полутора столетий. Во-первых, среди прародителей данной группы респондентов имеются преимущественно представители компактно проживавших в постмахаджирской Абхазии этносов. Во-вторых, среди остальных обнаруживаются почти исключительно представители коренных народов бывшего СССР. В-третьих, из народов Северного Кавказа в списке присутствуют лишь близкородственные абхазам представители иных абхазо-адыгских этносов, тогда как представителей нахско-дагестанских и других северокавказских народов не обнаруживается вовсе. Данная закономерность была отмечена нами и в ходе исследования этнодемографических процессов в Сухуме, когда, обращаясь к итогам Всероссийской переписи населения 2010 года, было установлено, что среди браков, заключённых между абхазами, проживающими в России, и представителями народов Северного Кавказа, абсолютно преобладают союзы с абазинами, адыгами и осетинами при крайне незначительном числе браков с представителями нахско-дагестанских народов¹. Эти данные являются индикатором не только географи-

1. Там же. С. 187.

ческой, но и существенной этнокультурной дистанции с Северо-Восточным Кавказом.

Поскольку каждый из 117 респондентов-абхазов, родившихся в смешанных семьях, имеет четырёх прародителей, то общее число прародителей у этой категории участников анкетирования составляет 468 человек, из которых 297 (63,5%) представлено этническими абхазами, 10 (2,1%) – представителями иных абхазо-адыгских народов, 69 (14,7%) – представителями восточнославянских народов, 55 (11,8%) – представителями картвельских народов, 12 (2,6%) – армянами, 7 (1,5%) – немцами, 5 (1,1%) – турками, 4 (0,9%) – татарами и 9 (1,9%) – представителями прочих этносов. Если рассматривать этническую структуру каждой из четырёх групп прародителей, то между ними выявляются существенные различия. Так, среди дедов по отцовской линии закономерно отмечается абсолютное преобладание абхазов – 93,2%, тогда как среди бабушек по материнской линии доля абхазок оказывается наименьшей – 41,0%. Среди последних существенную долю составляют восточнославянские (22,2%) и картвельские (19,7%) женщины, а также армянки (5,1%) и татарки (3,4%). Среди прародителей респондентов-абхазов были отмечены представители 20 различных народов (табл. 34).

Табл. 34. Этнический состав прародителей респондентов-абхазов из смешанных семей.

	всего прародителей	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
все	468 (100%)	117 (100%)	117 (100%)	117 (100%)	117 (100%)
абхазы	297 (63,5%)	109 (93,2%)	74 (63,2%)	66 (56,4%)	48 (41,0%)
абазины	5 (1,1%)	1 (0,9%)	1 (0,9%)	1 (0,9%)	2 (1,7%)
убыхи	2 (0,4%)	–	–	2 (1,7%)	–
черкесы	3 (0,6%)	–	1 (0,9%)	1 (0,9%)	1 (0,9%)
русские	49 (10,5%)	3 (2,6%)	16 (13,7%)	15 (12,8%)	15 (12,8%)
украинцы	18 (3,8%)	–	3 (2,6%)	4 (3,4%)	11 (9,4%)

белорусы	2 (0,4%)	–	2 (1,7%)	–	–
грузины	46 (9,8%)	2 (1,7%)	13 (11,1%)	13 (11,1%)	18 (15,4%)
мингрелы	8 (1,7%)	1 (0,9%)	1 (0,9%)	2 (1,7%)	4 (3,4%)
сваны	1 (0,2%)	–	–	–	1 (0,9%)
армяне	12 (2,6%)	–	2 (1,7%)	4 (3,4%)	6 (5,1%)
греки	2 (0,4%)	–	1 (0,9%)	1 (0,9%)	–
немцы	7 (1,5%)	–	2 (1,7%)	2 (1,7%)	3 (2,6%)
турки	5 (1,1%)	–	1 (0,9%)	3 (2,6%)	1 (0,9%)
персы	1 (0,2%)	1 (0,9%)	–	–	–
евреи	2 (0,4%)	–	–	1 (0,9%)	1 (0,9%)
татары	4 (0,9%)	–	–	–	4 (3,4%)
поляки	2 (0,4%)	–	–	1 (0,9%)	1 (0,9%)
чехи	1 (0,2%)	–	–	1 (0,9%)	–
румыны	1 (0,2%)	–	–	–	1 (0,9%)

Общее количество прародителей неабхазской национальности у респондентов-абхазов из смешанных семей составляет 171 человек или 36,5% от общей численности их прародителей. Как видно из предыдущей таблицы, абсолютное большинство составляют прародители восточнославянских и картвельских национальностей, при этом первые численно превосходят вторых. Так, прародители, принадлежащие к восточнославянским этносам, составляют 40,4% от всех прародителей неабхазской национальности (в том числе русские – 28,7%, украинцы – 10,5%, белорусы – 1,2%), а прародители-картвеля – 32,2% (в том числе грузины – 26,9%, мингрелы – 4,7%, сваны – 0,6%).

Анкетирование, проведённое в 2015 году в Сухуме, показало диаметрально противоположные результаты: у респондентов-абхазов из смешанных семей отмечалось преобладание картвельских предков над восточнославянскими, что определяется численным преобладанием абжуйцев внутри этнически аб-

хазской части населения столицы¹. Таким образом, результаты настоящего анкетирования подтверждают тезис о том, что для абжуйских абхазов до начала войны были наиболее характерны смешанные браки с мингрелами, тогда как для бзыпцев – с представителями восточнославянских народов². Аналогичные результаты были получены П.К. Квициния, исследовавшим этногеографические особенности вектора брачных предпочтений абжуйских и бзыпских абхазов на рубеже 1970–1980-х годов³. Подобная ситуация является прямым следствием региональных особенностей этнодемографической ситуации в советской Абхазии: среди некоренного населения Западной Абхазии преобладали славяне, тогда как в Восточной Абхазии абсолютное большинство составляли картвелы. Представляет интерес и тот факт, что среди восточнославянских прародителей респондентов-абхазов довольно значительный процент составляют украинцы, что также было зафиксировано в ходе анализа данных похозяйственных книг сельсоветов Гудаутского района 1960–1980-х годов, проведённого в первой главе настоящего исследования.

Бабушкой по материнской линии одной школьницы-абхазки, родившейся в 2002 году в Гудауте, является сванка. Возможно, эта сванская женщина родилась в Отхаре в семье переселенцев из Сванетии, осевших здесь в начале 1950-х годов в ходе планового переселения западногрузинских крестьян в Абхазию. Выйдя в советское время замуж за абхаза и переселившись в районный центр, она, таким образом, осталась жить в Абхазии. Учитывая, что абсолютное большинство представителей сванской переселенческой общины села Отхара покинуло Абхазию во время грузино-абхазской войны, мы с высокой степенью уверенности можем предположить, кем конкретно является прародительница принявшей участие в анкетировании старшеклассницы. По всей вероятности, сванских, равно

как и мингрельских, прародителей у респондентов-абхазов из смешанных семей могло оказаться больше, чем показывают результаты анкетирования, поскольку в ряде случаев респонденты, очевидно, указывали «официальную» национальность своих мингрельских и сванских предков, отмечая в соответствующей графе «грузин/ка».

Прародители армянской национальности составляют 7,0% от всех иноэтнических прародителей респондентов-абхазов из смешанных семей. Мы вслед за В.Л. Бигуаа¹ и В.А. Чирикба² писали о том, что смешанные абхазо-армянские браки в советское время были редким явлением. Данная позиция, как нам теперь представляется, имеет основания быть несколько скорректированной, поскольку и результаты исследования этнодемографической ситуации в Сухуме в 2015 году³, и данные настоящего исследования, и материалы переписи населения Российской Федерации 2010 года⁴ говорят о том, что смешанные браки абхазов с армянами, заключённые в том числе и в советское время, занимают уверенную третью позицию после браков с восточными славянами и картвелами. Причиной этого является масштабное этническое присутствие армян на территории Абхазии на протяжении последних ста сорока лет. А из-за этнодемографических изменений, вызванных войной 1992–1993 годов, и фактического прекращения практики заключения браков между абхазами и мингрелами⁵ доля

1. Бигвава В.Л. Указ. соч. С. 63.

2. Чирикба В.А. Армяне Абхазии... С. 242.

3. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 174.

4. Там же. С. 188.

5. Л.Т. Соловьёва характеризует изменение вектора межэтнических браков в послевоенной Абхазии следующим образом: «Если ещё лет 20 назад браки с грузинами (преимущественно грузинами-мегрелами) были обычным явлением, особенно в Очамчирском районе, то в настоящее время они сведены к минимуму... Можно сказать, что для абхазского общества такую ситуацию можно считать довольно непривычной: фактически мгновенно и в целом искусственно прерваны вековые этнические контакты с наиболее близкими в культурном отношении юго-восточными соседями, и наметился новый вектор контактов, устремлённый к северо-западу» [Соловьёва Л.Т. Семейные и

1. Багапш Н.В. С. 173, 174.

2. Там же. С. 180.

3. Квициния П.К. Указ. соч. С. 58–62.

абхазо-армянских брачных союзов в послевоенный период продолжает возрастать. Прапородители абазинской, убыхской и черкесской национальности вкупе составляют 5,8% от всех иноэтнических прапородителей респондентов-абхазов из смешанных семей (рис. 43).

Рис. 43. Иноэтнические прапородители респондентов-абхазов из смешанных семей.

Этнический состав иноэтнических прапородителей респондентов-абхазов отчетливо коррелирует с данными, относящимися к этнически смешанным бракам в сельской местности Гудаутского района в позднесоветский период, что подтверждает наши выводы относительно доминировавшего во второй половине XX века вектора этнических предпочтений бзыпских абхазов при заключении смешанных браков. Несмотря на то что анкетирование 2017–2018 годов проводилось в городе Гудауте, а материалы похозяйственных книг охватывают территорию сельской местности Гудаутского района и относятся к периоду 1960–1980-х годов, сопоставление данных обоих источников еще раз демонстрирует репрезентативность настоящего исследования.

Предваряя анализ материалов похозяйственных книг, стоит оговорить, что данные по каждому сельсовету относятся к раз-

фамильные традиции в современной Абхазии (по полевым материалам 2004–2005 гг.) // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006. С. 178, 179].

личным периодам (от конца 1960-х годов до середины 1980-х годов), и поэтому их суммирование и интегральный анализ, конечно, имеют некоторую степень условности, что, однако, не может серьезным образом повлиять на корректность общих выводов, хотя бы по той причине, что в указанный период в сельской местности Гудаутского района не происходило ощутимых этнодемографических сдвигов. Поскольку в первой главе мы уже обращались к материалам похозяйственных книг всех 20 сельсоветов Гудаутского района, ниже ссылки на источники дублироваться не будут.

По данным похозяйственных книг 1960–1980-х годов, общая численность населения сельской местности Гудаутского района составляла 36821 человек, включая 22574 (61,3%) абхаза, 32 (0,1%) представителя прочих абхазо-адыгских народов (в том числе 11 абазин, 19 черкесов и 2 адыгейца), 7226 (19,6%) армян, 4353 (11,8%) картвела (в том числе примерно 1975 рачинцев, 157 имеретинцев, 1719 мингрелов, 15 лазов и 487 сванов¹), 2264 (6,1%) представителя восточнославянских народов (в том числе 2108 русских, 144 украинца и 12 белорусов), 235 (0,6%) греков, 20 (0,1%) лезгин, 20 (0,1%) татар, 18 (0,1%) турок, 15 (0,1%) немцев, 14 (0,1%) осетин, 9 (0,1%) эстонцев, 8 (0,1%) персов, 6 (0,1%) евреев, 6 (0,1%) молдаван, 4 (0,1%) корейца, по 2 (0,1%) мордвина, поляка, туркмена, чуваша, а также по 1 (0,1%) азербайджанцу, ассирийцу, башкиру, болгарину, коми-пермяку, латышу, литовцу, марийцу и удмурту. Эти данные в целом соотносятся с материалами переписи 1979 года, согласно которым, в сельской местности Гудаутского района проживали 39182 человека, из которых абхазы составляли 57,1%, армяне – 18,9%, грузины – 12,3%, русские и украинцы – 10,1%, греки – 0,4%, прочие – 1,2%². Следующая таблица демонстрирует этнический состав населения каждого сельсовета Гудаутского района по данным похозяйственных книг (табл. 35).

1. Рассчитано нами на основе анализа фамильных имён. Лазы были учтены отдельно.

2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481.

Табл. 35. Этнический состав населения сёл Гудаутского района по данным похозяйственных книг 1960–1980-х годов.

	все	абхазы	армяне	картвельцы	вост. славяне	греки	народы СК	прочие
все сёла	36821 (100%)	22574 (61,3%)	7226 (19,6%)	4353 (11,8%)	2264 (6,1%)	235 (0,6%)	66 (0,2%)	103 (0,3%)
Аацы	1807 (100%)	1620 (89,7%)	27 (1,5%)	6 (0,3%)	127 (7,0%)	27 (1,5%)	–	–
Абгархук	1141 (100%)	945 (82,8%)	2 (0,2%)	157 (13,8%)	14 (1,2%)	5 (0,4%)	5 (0,4%)	13 (1,1%)
Амжвыкухуа	1174 (100%)	1 (0,1%)	1157 (98,6%)	–	16 (1,4%)	–	–	–
Анхуа	976 (100%)	337 (34,5%)	523 (53,6%)	2 (0,2%)	106 (10,9%)	5 (0,5%)	3 (0,3%)	–
Арсаул	2446 (100%)	212 (8,7%)	1702 (69,6%)	128 (5,2%)	375 (15,3%)	12 (0,5%)	5 (0,2%)	12 (0,5%)
Ачандара	1586 (100%)	1568 (98,9%)	1 (0,1%)	10 (0,6%)	7 (0,4%)	–	–	–
Бармыш	885 (100%)	806 (91,1%)	5 (0,6%)	10 (1,1%)	63 (7,1%)	–	–	1 (0,1%)
Блабырхуа	843 (100%)	798 (94,7%)	–	1 (0,1%)	44 (5,2%)	–	–	–
Джирхуа	2576 (100%)	1996 (77,5%)	458 (17,8%)	39 (1,5%)	20 (0,8%)	59 (2,3%)	1 (0,1%)	3 (0,1%)
Дурипш	2650 (100%)	2411 (91,0%)	6 (0,2%)	141 (5,3%)	60 (2,3%)	8 (0,3%)	18 (0,7%)	6 (0,2%)
Звандрипш	786 (100%)	768 (97,7%)	–	1 (0,1%)	16 (2,0%)	–	–	1 (0,1%)
Калдахуара	1136 (100%)	891 (78,4%)	30 (2,6%)	64 (5,6%)	108 (9,5%)	33 (2,9%)	8 (0,7%)	2 (0,2%)
Куланырхуа	1669 (100%)	1211 (72,6%)	230 (13,8%)	193 (11,6%)	23 (1,4%)	9 (0,5%)	3 (0,2%)	–
Лыхны	6040 (100%)	4164 (68,9%)	379 (6,3%)	602 (10,0%)	823 (13,6%)	27 (0,4%)	10 (0,2%)	35 (0,6%)
Мгудзырхуа	1676 (100%)	1518 (90,6%)	19 (1,1%)	24 (1,4%)	111 (6,6%)	3 (0,2%)	1 (0,1%)	–
Мцара	863 (100%)	1 (0,1%)	823 (95,4%)	–	5 (0,6%)	33 (3,8%)	–	1 (0,1%)
Отхара	2243 (100%)	1737 (77,4%)	–	487 (21,7%)	17 (0,8%)	1 (0,1%)	–	1 (0,1%)
Псырдзха	2572 (100%)	224 (8,7%)	1856 (72,2%)	213 (8,3%)	254 (9,9%)	8 (0,3%)	8 (0,3%)	9 (0,3%)
Хуап	685 (100%)	682 (99,6%)	–	–	3 (0,4%)	–	–	–
Хыпста	3067 (100%)	684 (22,3%)	8 (0,3%)	2275 (74,2%)	72 (2,3%)	5 (0,2%)	7 (0,2%)	16 (0,5%)

По данным похозяйственных книг, в сельской местности Гудаутского района было зафиксировано в общей сложности 482 этнически смешанных брачных союза, из которых 240 (49,8%) приходилось на браки абхазов с представителями других народов и 242 (50,2%) – на смешанные браки, в которых ни один из супругов не являлся этническим абхазом. Среди смешанных браков абхазов с представителями других этносов (240) более половины составляли абхазо-восточнославянские союзы – 132 (55,0%), в том числе 117 абхазо-русских, 13 абхазо-украинских и 2 абхазо-белорусских. На втором месте шли абхазо-картвельские браки – 77 (32,1%) случаев. Третью позицию делили смешанные абхазо-армянские и абхазо-северокавказские союзы – по 8 (3,3%) случаев. Среди последних было отмечено 4 абхазо-адыгских, 2 абхазо-лезгинских, а также по 1 абхазо-абазинскому и абхазо-осетинскому брачному союзу. Помимо этого, имелось 5 (2,1%) абхазо-греческих, 3 (1,3%) абхазо-турецких, 2 (0,8%) абхазо-персидских и по 1 (0,4%) абхазо-болгарскому, абхазо-молдавскому, абхазо-немецкому, абхазо-польскому и абхазо-туркменскому браку (рис. 44).

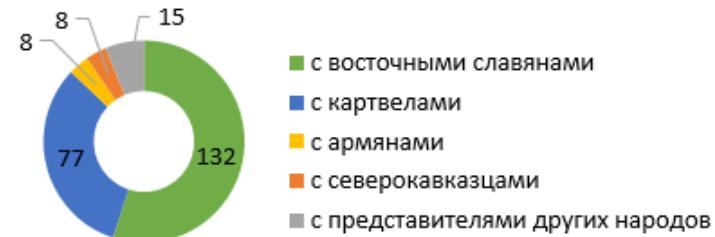

Рис. 44. Структура смешанных браков абхазов с представителями других народов в сельской местности Гудаутского района по данным похозяйственных книг 1960–1980-х гг.

Несмотря на то что восточнославянская община сельской местности Гудаутского района составляла лишь около 15% от общей численности некоренного населения данной территории, на союзы с представителями восточнославянских нар-

дов приходилось более половины всех смешанных браков, в которых состояли местные абхазы. В то же время доля смешанных браков с армянами – первой по численности некоренной группой населения рассматриваемой территории – крайне мала. Доля смешанных браков абхазов с картвелами в целом соответствует удельному весу последних среди некоренного населения сельской местности Гудаутского района, однако аналогичные показатели в пределах Абжуйской Абхазии в позднесоветский период, очевидно, были гораздо выше. Восточнославянский вектор этнических предпочтений бзыпских абхазов при заключении смешанных браков находит подтверждение и в данных по отдельным сёлам: смешанные браки абхазов с представителями восточнославянских народов превалируют над абхазо-картвельскими союзами даже в таких сёлах, как Абгархук и Дурипш, где картвелы проживали компактно и существенно превосходили по численности славянское население. В Гудаутском районе в позднесоветский период не имелось ни одного села, в котором не было бы отмечено этнически смешанных брачных союзов абхазов с представителями других народов (табл. 36).

Табл. 36. Структура смешанных браков абхазов с представителями других народов по сёлам Гудаутского района по данным похозяйственных книг 1960–1980-х годов.

	смешанные браки абхазов с					
	всего	в.славянами	картвелами	армянами	народами СК	прочими
все сёла	240	132	77	8	8	15
Аацы	9	7	2	–	–	–
Абгархук	7	3	–	–	1	3
Амжвыкухуа	1	–	–	1	–	–
Анхуа	6	5	1	–	–	–
Арсаул	12	8	3	–	1	–

Ачандара	9	5	3	1	–	–
Бармыш	2	2	–	–	–	–
Блабырхуа	4	3	1	–	–	–
Джирхуа	11	3	4	–	1	3
Дурипш	13	6	4	1	–	2
Звандрипш	8	7	1	–	–	–
Калдахуара	23	9	9	–	2	3
Куланырхуа	4	1	2	–	1	–
Лыхны	66	46	18	–	1	1
Мгудзырхуа	11	9	1	–	1	–
Мцара	1	–	–	1	–	–
Отхара	12	5	6	–	–	1
Псырдзха	12	4	4	4	–	–
Хуап	2	2	–	–	–	–
Хыпста	27	7	18	–	–	2

Количество смешанных браков между представителями некоренных этносов в сельской местности Гудаутского района (242) даже несколько превосходило количество смешанных браков с участием этнических абхазов. Среди них на первом месте стояли армяно-восточнославянские союзы – 88 случаев или 36,4% от всех смешанных браков между представителями некоренных этносов рассматриваемой территории. Из этого числа 76 приходилось на армяно-русские браки и 12 – на армяно-украинские. Как отмечает В.А. Чирикба, «...армянам свойственна этническая эндогамия, когда предпочтение отдается брачным партнёрам своей национальности. В советское время наибольшее число этнически смешанных браков у армян было с русскими, несколько реже – с грузинами, и очень редко – с абхазами»¹. Вторую позицию занимали смешанные

1. Чирикба В.А. Армяне в Абхазии... С. 242.

картвельско-восточнославянские брачные союзы – 56 (23,1%), в том числе 49 картвельско-русских и 7 картвельско-украинских. На третьем месте были смешанные браки между представителями восточнославянских народов – 27 (11,2%), в том числе 23 русско-украинских и 4 русско-белорусских. Далее шли армяно-картвельские – 11 (4,5%), греко-русские – 8 (3,3%) и армяно-греческие браки – 4 (1,7%).

Таким образом, наибольшая доля смешанных браков была характерна для славянского населения сельской местности Гудаутского района. Из общего количества зафиксированных здесь смешанных браков (482), представители восточнославянских народов фигурировали в 329 или 68,3% случаях. Подобная картина вызвана в том числе и тем, что большая часть славянской общины, в отличие от армян и картвелов, не проживала на данной территории компактными группами и была представлена в значительной степени недавними переселенцами, в числе которых было немало женщин, сменивших место жительства в индивидуальном порядке по причине брачной миграции.

Общая структура всех смешанных браков в сельской местности Гудаутского района по данным похозяйственных книг 1960–1980-х годов представлена на следующей диаграмме (рис. 45).

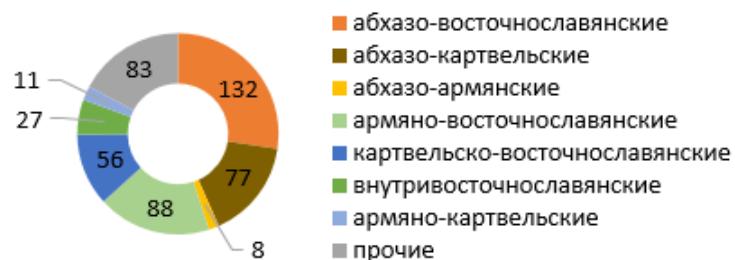

Рис. 45. Общая структура смешанных браков в сельской местности Гудаутского района по данным похозяйственных книг 1960–1980-х гг.

Возвращаясь к данным анкетирования, следует отметить, что у двух жительниц Гудауты 1979 и 1983 годов рождения в графе «дед по материнской линии» указано «убых», при этом остальные их прародители были абхазской национальности. Убыхскую национальность в ходе исследования этнодемографической ситуации в столице Абхазии в 2015 году указала также одна сухумская школьница¹. Таким образом, мы ещё раз столкнулись с фиксируемой в последние десятилетия тенденцией некоторого возрождения убыхского самосознания среди этнических абхазов, чьи фамилии указывают на убыхское происхождение их предков². Наибольшее количество носителей фамилий убыхского происхождения отмечается именно в Бзыпской Абхазии³. Не вызывает сомнений тот факт, что дед по материнской линии наших респондентов (по всей видимости, они являются родными сёстрами), имел абхазское этническое самосознание и фигурировал в официальных документах как абхаз. Подобная ревитализация убыхского самосознания (в том числе и «самосознания» своих прародителей) является прежде всего продуктом «книжного» конструирования идентичности. Здесь не последнюю роль сыграли роман Б.В. Шинкуба «Последний из ушедших» и возросший интерес к событиям времён Кавказской войны на Западном Кавказе с учётом той роли, которую играл убыхский народ в сопротивлении российской экспансии в регионе⁴.

Распределение респондентов-абхазов из смешанных семей (117 человек) по месту рождения не сильно отличается от средних показателей по выборке (см. рис. 19). Уроженцев

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 158.

2. О современных стратегиях конструирования убыхской идентичности в медиапространстве см. Агабабян А.Г., Сысоева М.Э. «#Убыхи_есть»: медиастратегии конструирования этнической идентичности // Известия СОИГСИ. 2019. №31 (70).

3. Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С. 251–253.

4. И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова приводят пример жителя села Лдзаа Гагрского района, изменившего свою национальность в официальных документах на убыхскую [Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Акадак: ежегодное моление лидеров // Археология и этнография pontийско-кавказского региона. Вып. 4. Краснодар, 2016. С. 291].

города Гудауты среди данной категории опрошенных отмечено 57 (48,7%) человек, уроженцев сёл Гудаутского района – 37 (31,6%) человек, уроженцев Сухума – 6 (5,1%) человек, Гагрского района – 6 (5,1%) человек, Абжуйской Абхазии – 3 (2,6%) человека, Российской Федерации – 5 (4,3%) человек, Украины – 2 (1,7%) человека, Грузии – 1 (0,9%) человек (рис. 46).

У респондентов-абхазов из смешанных семей закономерно повышена доля уроженцев таких полигэтнических регионов Абхазии, как Сухум и Гагрский район. Однако соотношение уроженцев Гудауты и выходцев из сельской местности Гудаутского района, как ни странно, у данной группы респондентов почти такое же, как и по выборке в целом. Таким образом, экстраполируя результаты анкетирования на население Гудаутского района в целом, можно говорить о том, что этнически смешанные браки в сельской местности Бзыпской Абхазии давно уже стали привычным явлением и охватили все сёла региона, включая самые отдалённые. О росте числа смешанных браков в приморской зоне Абхазии в позднесоветский период писал В.Л. Бигуаа: «Такое явление (смешанные браки. – Н.Б.) наиболее характерно для приморской зоны, где помимо коренных жителей проживают переселенцы из других республик страны»¹. Очевидно, однако, что уже тогда смешанные браки абхазов с представителями иных этносов вышли за пределы приморской зоны, что, помимо результатов анкетирования, подтверждают и материалы похозяйственных книг сёл Гудаутского района позднесоветского периода, анализ которых был проведён выше.

Рис. 46. Респонденты-абхазы из смешанных семей по месту рождения.

1. Бигуава В.Л. Указ. соч. С. 61.

Выявленная ранее дивергенция Западной и Восточной Абхазии по характеру этнических предпочтений при заключении смешанных браков в ходе настоящего исследования находит подтверждение и в том, что у респондентов-абхазов из смешанных семей, родившихся в Гагрском районе и Абжуйской Абхазии, фиксируются существенные различия в национальности их иноэтнических прародителей. Однако стоит принять во внимание ограниченное количество этой категории респондентов, что, конечно, снижает репрезентативность данных. Так, респонденты-абхазы из смешанных семей, родившиеся в Гагрском районе (6 человек), имеют 9 (37,5%) прародителей неабхазской национальности. Четверо из последних являются армянами, двое – немцами и по одному – русскими, турками и грузинами. У уроженцев Абжуйской Абхазии, представляющих данную категорию (3 человека), было отмечено 4 (33,3%) прародителя неабхазской национальности, половина из которых представлена грузинами, а другая – армянами.

У респондентов-абхазов из смешанных семей, родившихся в Сухуме (6 человек), 8 из 24 прародителей не принадлежат к абхазскому этносу. В их числе 4 грузина, 3 русских и 1 поляк.

Более отчётливо обозначенный географический детерминизм проявляется у респондентов-абхазов из смешанных семей, родившихся за пределами Абхазии. Так, у пяти респондентов, родившихся в России, 12 из 20 прародителей не принадлежат к абхазскому этносу. Среди них 8 русских, 2 украинца, 1 еврей и 1 поляк. У двух респондентов, родившихся на Украине, 5 из 8 прародителей не являются этническими абхазами. Среди последних 3 украинца, 1 русский и 1 белорус. Наконец, у респондента, родившегося в Грузии, иноэтническим прародителем является мингрел (табл. 37).

Табл. 37. Этнический состав прародителей-неабхазов у респондентов-абхазов из смешанных семей, родившихся за пределами Гудаутского района.

	всего	Гагрский р-н	Сухум	Абжуа	РФ	Украина	Грузия
прапородители-неабхазы	39	9	8	4	12	5	1
восточные славяне	19	1	3		10	5	
картвелы	8	1	4	2	—	—	1
армяне	6	4	—	2	—	—	—
турки	1	1	—	—	—	—	—
немцы	2	2	—	—	—	—	—
поляки	2	—	1	—	1	—	—
евреи	1	—	—	—	1	—	—

Представляет интерес рассмотрение характеристик респондентов-абхазов, имеющих трёх прародителей неабхазской национальности. Общее количество относящихся к данной категории респондентов – 13. Среди них 5 мужчин и 8 женщин. Самый старший респондент родился в 1945 году, самый младший – в 2002 году. Состав этой части респондентов по месту рождения выглядит следующим образом: 7 человек родились в Гудауте, 2 – в селе Лыхны, 1 – в Сухуме, 2 – в России и 1 – на Украине. Языковые характеристики этой группы респондентов будут рассмотрены ниже. В следующей таблице представлены 13 респондентов данной категории с указанием места и даты рождения, а также этнической принадлежности каждого из четырёх их прародителей (табл. 38).

Табл. 38. Респонденты-абхазы, имеющие трёх прародителей-неабхазов.

место и год рождения	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
РФ, 1945	абхаз	украинка	украинец	полька
Гудаута, 1958	абхаз	русская	мингрел	армянка
Гудаута, 1969	абхаз	грузинка	русский	русская
Гудаута, 1971	абхаз	грузинка	грузин	грузинка
Украина, 1989	абхаз	белоруска	русский	украинка
Гудаута, 1991	абхаз	русская	русский	украинка
Гудаута, 1994	абхаз	русская	русский	украинка
Гудаута, 1995	грузин	абхазка	грек	украинка

Лыхны, 1995	абхаз	белоруска	русский	украинка
РФ, 1996	абхаз	русская	русский	русская
Лыхны, 1998	абхаз	немка	немец	немка
Гудаута, 2001	абхаз	русская	армянин	армянка
Сухум, 2002	абхаз	грузинка	поляк	русская

Среди респондентов, самоопределившихся как этнические русские, прародители которых принадлежат к разным национальностям (18 человек), имеют лишь одного из четырёх прародителей нерусской национальности – 4 (22,2%) человека, двух прародителей нерусской национальности – 12 (66,7%) человек, трёх нерусских прародителей – 2 (11,1%) человека. Таким образом, подавляющее большинство респондентов-русских из смешанных семей составляют люди, имеющие двух или трёх нерусских прародителей из четырёх. Помимо этого, у двух респондентов-белорусов половина прародителей являются белорусами, половина – русскими. В следующей таблице представлены характеристики 20 респондентов, представляющих восточнославянские народы и имеющих иноэтнических прародителей (табл. 39).

Табл. 39. Респонденты-восточные славяне, имеющие иноэтнических прародителей.

респондент	место и год рожд.	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
русская	РФ, 1947	русский	черкешенка	украинец	украинка
русская	РФ, 1948	русский	русская	абхаз	абхазка
русский	Гудаута, 1950	абхаз	абхазка	русский	русская
русская	Казахстан, 1952	русский	русская	украинец	украинка
русский	РФ, 1953	украинец	русская	русский	русская
русская	Гудаута, 1955	русский	русская	украинец	украинка
русская	Гудаута, 1956	русский	русская	абхаз	молдаванка
русская	Гудаута, 1958	грузин	грузинка	русский	русская
русская	Узбекистан, 1960	русский	русская	русский	украинка

русская	РФ, 1972	русский	русская	лезгин	абхазка
русская	Гудаута, 1977	абхаз	абхазка	русский	русская
русская	Гудаута, 1977	русский	абхазка	белорус	украинка
русская	Гудаута, 1990	русский	гречанка	русский	русская
русская	РФ, 2000	еврей	русская	русский	русская
русская	Гудаута, 2000	русский	русская	армянин	армянка
русская	Гудаута, 2001	русский	белоруска	грузин	русская
русский	Лыхны, 2001	русский	русская	армянин	армянка
русский	Гудаута, 2001	русский	русская	абхаз	абхазка
белоруска	Гудаута, 1975	белорус	белоруска	русский	русская
белорус	Белоруссия, 2000	белорус	белоруска	русский	русская

Как видно, более половины русских респондентов, имеющих иноэтнических прародителей, родились в Гудауте, а один – в селе Лыхны. Остальные родились преимущественно на территории России, а также в Казахстане и Узбекистане. Среди уроженцев Гудауты преобладают представители средних и молодых возрастов, тогда как среди уроженцев России и других государств больше пожилых людей. Русские респонденты из смешанных семей (18 человек) имеют в общей сложности 72 прародителей, этнический состав которых следующий: русские – 38 (52,8%) человек, абхазы – 11 (15,3%), украинцы – 9 (12,5%), армяне – 4 (5,6%), грузины – 3 (4,2%), белорусы – 2 (2,8%), греки – 1 (1,4%), евреи – 1 (1,4%), лезгины – 1 (1,4%), молдаване – 1 (1,4%) и черкесы – 1 (1,4%). Таким образом, иноэтнические прародители (34 человека) составляют чуть менее половины от всех прародителей русских респондентов из смешанных семей. Среди них первую позицию закономерно занимают прародители-абхазы, поскольку значительная часть русских респондентов родилась в Гудаутском районе и других регионах Абхазии. Весомая доля прародителей, принадлежащих к близкородственным украинскому и белорусскому этносам, объясняется общими закономерностями брачных

предпочтений русского населения: украинские и белорусские брачные партнёры в целом традиционно занимали первое место среди иноэтнических супругов русских на протяжении всей истории существования СССР. Присутствие армян и грузин среди прародителей русских респондентов из смешанных семей объясняется тем, что эти группы представляли одни из крупнейших этнических общин советской Абхазии. Примечательно, что прародители по материнской линии одного из русских респондентов – лезгин и абхазка. Анализируя в первой главе настоящей монографии данные советских похозяйственных книг селений Гудаутского района, мы обнаружили наличие двух абхазо-лезгинских брачных союзов – в селе Абгархук и в посёлке Тасраку Куланырхвского сельсовета. По всей видимости, матерью рассматриваемого респондента могла быть женщина, родившаяся у одной из этих пар. Матерью другого русского респондента, родившегося в 2001 году в селе Лыхны, является армянка. Вероятно, он может быть уроженцем посёлка Бамбара, где, помимо абхазского населения, компактно расселены русские и армяне (рис. 47).

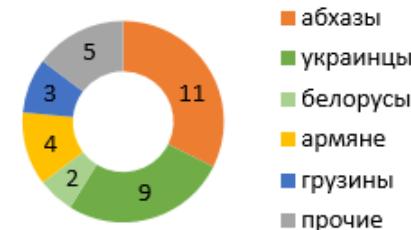

Рис. 47. Иноэтнические прародители русских респондентов из смешанных семей.

Среди респондентов-грузин, чьи прародители принадлежат к разным национальностям (5 человек), не нашлось таких, у кого бы имелся лишь один иноэтнический прародитель из четырёх. Двух негрузинских прародителей имеют 4 (80,0%) человека, трёх – 1 (20,0%) человек. Последний респондент мо-

жет быть отнесён к данной категории с определённой долей условности, потому что все три его иноэтничных прародителя являются представителями мингрельского этноса. Другой человек в аналогичной ситуации мог бы указать грузинскую национальность всех четырёх своих прародителей.

Кроме того, в анкетировании приняла участие женщина, указавшая лазскую национальность. Она родилась в 1955 году в Гудауте. С учётом того, что из четырёх её прародителей лазом был только дед по отцовской линии, тогда как остальные три прародителя являлись абхазами, факт сохранения лазской этнической идентичности представляется довольно неординарным. Ассимиляция лазов доминантной этнокультурной средой, как уже отмечалось, зашла в Абхазии очень далеко. Неудивительно, что эта женщина указала на полное невладение лазским языком при знании абхазского. Нижеследующая таблица демонстрирует характеристики 6 респондентов, представляющих картвельские народы и имеющих иноэтничных прародителей (табл. 40).

Табл. 40. Респонденты-картвела, имеющие иноэтничных прародителей.

респондент	место и год рожд.	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
грузинка	Грузия, 1958	грузин	грузинка	армянин	армянка
грузинка	Гудаута, 1962	грузин	грузинка	абхаз	абхазка
грузинка	Сухум, 1978	грузин	мингрелка	мингрел	мингрелка
грузинка	Гудаута, 2001	грузин	грузинка	абхаз	абхазка
грузин	Гудаута, 2004	грузин	грузинка	армянин	армянка
лазка	Гудаута, 1955	лаз	абхазка	абхаз	абхазка

Трое респондентов-грузин из смешанных семей родились в Гудауте, тогда как двое других – в Сухуме и в Грузии. Последние переехали в Гудауту в советское время, а в качестве

причины переезда указали семейные обстоятельства. По всей видимости, непосредственной причиной переселения в Гудауту этих женщин явилась брачная миграция. Выйдя замуж за местных абхазов, они не покинули страну после начала Отечественной войны народа Абхазии. В списке респондентов-грузин из смешанных семей присутствуют молодые люди, родившиеся в Гудауте в начале текущего столетия. Как видно, их отцами являются этнические грузины, а матерями – абхазка и армянка. Как мы уже могли наблюдать, в схожей ситуации многие жители современной Абхазии предпочитают выбирать негрузинскую национальность. Здесь же мы сталкиваемся с обратным примером. Респонденты-грузины из смешанных семей (5 человек) имеют 20 прародителей. Этнический состав последних следующий: грузины – 9 (45,0%) человек, абхазы – 4 (20,0%) человека, армяне – 4 (20,0%) человека, мингрелы – 3 (15,0%) человека (рис. 48).

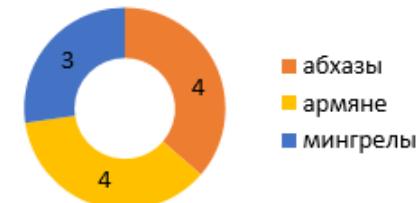

Рис. 48. Иноэтнические прародители респондентов-грузин из смешанных семей.

Список респондентов, представляющих остальные этнические меньшинства и имеющих иноэтнических прародителей, короткий. К таковым относятся 2 турка, 2 чеченца и 1 грек. Один из чеченцев имеет трёх иноэтнических прародителей, тогда как каждый из 4 остальных респондентов имеет двух прародителей иной национальности. Характеристики всех 5 респондентов приведены в следующей таблице (табл. 41).

Табл. 41. Респонденты-турки, чеченцы и греки, имеющие иноэтнических прародителей.

респондент	место и год рожд.	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
гречанка	РФ, 1966	грек	гречанка	русский	русская
турок	Гудаута, 1995	осетин	осетинка	турок	турчанка
турок	Гудаута, 2002	турок	турчанка	абхаз	абхазка
чеченка	РФ, 1996	чеченец	чеченка	русский	украинка
чеченка	Гудаута, 2000	чеченец	абхазка	абазин	абхазка

Единственный в выборке респондент-грек, как видно из таблицы, не является типичным представителем ныне немногочисленной греческой общины Абхазии. Женщина родилась в 1966 году на территории России и имеет русскую мать. Сложно сказать, является данный респондент потомком грека, родившегося в Абхазии и вынужденного покинуть республику в процессе депортации 1949 года, или же не имеет отношения к депортированным и позже частично возвратившимся абхазским грекам. Однако в анкете женщина указала, что переехала в Гудауту в 1967 году (практически сразу после рождения) по семейным обстоятельствам.

Один из респондентов-турок имеет отца осетинской национальности. Выбор этничности матери, по всей вероятности, связан с семейными обстоятельствами, например, с потерей связи с родственниками по патрилиинии. Другой респондент, определивший свою этническую принадлежность как турецкую, имеет мать абхазской национальности. В данном случае представляется вероятным, что при сохранении формальной турецкой идентичности, реальное этнокультурное состояние человека является отличным от зафиксированного. Это подтверждается тем, что респондент отметил абсолютное невладение турецким языком при владении абхазским. Как мы уже

отмечали, для турецкой общины Абхазии, равно как и для лазской, характерна высокая степень ассимиляции в абхазской этнокультурной среде.

Оба респондента чеченской национальности являются представителями молодых возрастных когорт. Обе девушки отметили полное невладение чеченским языком, при этом родившаяся в Гудауте и имеющая двух прародителей-абхазов и одного – абазина, указала владение абхазским языком. По всей вероятности, принадлежность этой девушки к чеченскому этносу также является в достаточной степени формально-декларативной, поскольку её фактическое этнокультурное состояние ближе к абхазскому.

Если рассматривать этнический состав прародителей всех респондентов-гудаутцев, принявших участие в анкетировании (562 человека), вне зависимости от того, имеют они иноэтнических прародителей или нет, то результаты выглядят следующим образом. Общее число прародителей всех респондентов составляет 2248 человек, из которых 1887 (83,9%) являются абхазами, 186 (8,3%) – представителями восточнославянских народов (в том числе 138 – русскими, 36 – украинцами и 12 – белорусами), 75 (3,3%) – представителями картвельских народов (включая 62 грузин, 11 мингрелов, 1 лаза и 1 свана), 48 (2,1%) – армянами, 9 (0,4%) – турками, 7 (0,3%) – немцами, 6 (0,3%) – абазинами, 5 (0,2%) – греками, 4 (0,2%) – татарами, 4 (0,2%) – черкесами, 3 (0,1%) – евреями, 3 (0,1%) – чеченцами, 2 (0,1%) – осетинами, 2 (0,1%) – поляками, 2 (0,1%) – убыхами, 1 (0,1%) – лезгином, 1 (0,1%) – молдаванином, 1 (0,1%) – персом, 1 (0,1%) – румыном и 1 (0,1%) – чехом (рис. 49). Как видно, этнический состав прародителей респондентов отличается от этнического состава самих респондентов большей гетерогенностью и большим совокупным удельным весом представителей этнических меньшинств, что объясняется достаточно высоким уровнем этнического смешения населения Гудауты.

Рис. 49. Этнический состав прародителей респондентов.

Завершая рассмотрение этнических характеристик респондентов, обратимся к представителям этнических меньшинств, имеющим среди своих прародителей этнических абхазов. Общее количество респондентов из смешанных семей, не отнёсших себя к абхазскому этносу – 31 человек. Эта часть выборки имеет в общей сложности 124 прародителей, из которых 22 (17,7%) являются этническими абхазами. Поскольку анкетирование проводилось в городе Гудауте – административном центре этнически абхазского района, наличие достаточно существенной доли абхазов среди прародителей неабхазской части выборки не вызывает удивления. Увеличение числа абхазских прародителей этой части выборки от деда по отцовской линии к бабушке по материнской линии также вполне закономерно. При этом сам перечень этносов, представители которых имеют абхазских прародителей, достаточно ограничен. Среди таковых отмечены лишь русские, грузины, лазы, турки и чеченцы (табл. 42).

Табл. 42. Распределение прародителей-абхазов у этнически неабхазской части респондентов.

нац-ть респондента	прародители абхазской национальности				
	всего	дед по отцу	бабушка по отцу	дед по матери	бабушка по матери
все	22	2	5	7	8
русские	11	2	3	3	3
грузины	4	–	–	2	2
лазы	3	–	1	1	1
турки	2	–	–	1	1
чеченцы	2	–	1	–	1

ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Выявление языковых характеристик респондентов, наряду и во взаимосвязи с этническими, являлось одной из определяющих целей исследования. Языковая ситуация в Гудауте анализировалась на основе ответов, полученных на ряд последовательных вопросов: о языке, которым респондент, по его мнению, лучше всего владеет; о степени владения абхазским языком; о степени владения своим этническим языком и о владении другими языками. На вопрос о степени владения этническим языком («языком своей национальности»), как и в ходе «сухумского» исследования, предлагалось ответить всем респондентам, кроме этнических абхазов и русских. Первым не нужно было отвечать, поскольку в их случае данный вопрос явился бы дублированием вопроса о степени владения абхазским языком, вторым – поскольку данный вопрос вряд ли имел бы какой-то практический смысл (сложно представить наличие в преимущественно русскоязычном городе этнических русских, не владеющих свободно русским языком). По этой же причине в анкете не фигурировал вопрос о владении русским языком, хотя вполне допустимо, что не все гудаутцы свободно им владеют. Наличие вопроса о степени владения русским языком было бы наиболее актуально для репатриантов из Турции и Сирии, однако среди опрошенных их не оказалось. Большая часть абхазских репатриантов из указанных государств проживает в Сухуме и Гулрыпшском районе.

Как уже отмечалось выше, одной из целей исследования было установление реальных языковых практик населения, сбор и последующий анализ информации о языках наилучшего владения респондентов. Поскольку сам термин «родной язык» на постсоветском пространстве крайне политизирован и вызывает у большинства людей скорее этнopsихологические коннотации, нежели объективные языковые, ещё в процессе исследования этнодемографической ситуации в столице было принято решение переформулировать вопрос таким образом,

чтобы не оставить возможности двусмысленной трактовки. В настоящей анкете мы также использовали переформулированный вопрос о языке.

Подробно о сложностях, вызванных использованием формулировки «родной язык» в переписных листах и социологических анкетах, было написано в нашей монографии о Сухуме¹. Этому вопросу была посвящена и отдельная статья². Здесь же считаем нужным привести мнение владикавказского социолингвиста Т.Т. Камболова, которое мы полностью разделяем: «...важно знать не столько оценку языков со стороны говорящих, сколько реальное соотношение ролей различных языков в жизни того или иного народа, его частей или отдельных представителей, которое зависит, в первую очередь, от соотношения степеней владения языками... Мы полагаем логичным, что в понимании термина “родной язык” следует исходить из степени владения языком. Ведь человек на протяжении своего жизненного пути может утратить язык своих родителей и полностью перейти на новый язык. Отдельные представители того или иного народа и даже значительные группы, продолжая причислять себя к нему, могут с самого рождения не знать языка своей национальности и постоянно пользоваться языком другого народа»³. Развивая эту мысль, автор отмечает: «...родным следует признавать тот язык, которым данный человек или коллектив людей владеют в совершенстве (в доступных для данного возраста и уровня образования пределах), не хуже, чем любым языком (когда налицо владение более чем одним языком), и пользуются наиболее свободно и активно в любых случаях жизни – не только говорят, понимают, но и думают, не прибегая при этом к умственной операции перевода на иной язык. С психологической точки зрения родной

1. Багапш Н.В. Указ соч. С. 189–197.

2. Багапш Н.В. Вопрос о языке в переписях населения Республики Абхазия // Третья Международные Иналиповские чтения. Сухум, 2017. С. 180–189.

3. Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Владикавказ, 2007. С. 56.

язык при двуязычии является доминантным, т.е. способным на постоянную реализацию выражать мысли любого содержания, на приоритет в выполнении экспрессивной функции¹. Т.Т. Камболов особо подчёркивает, что его восприятие семантической сути данного понятия не соответствует устоявшему на постсоветском пространстве: «...такое понимание противоречит традиции, в которой русский термин “родной язык”, так же как и аналогичные ему в других языках, выражают, как правило, понятие “материнский язык” и содержат в своём значении сему кровного родства, предполагая своего рода биологического-социальное наследование. Однако очевидно, что язык не передаётся на генетическом уровне, а усваивается в процессе социализации. Именно поэтому неоправданно считать тот или иной язык родным для индивида только на том основании, что это язык его родителей»².

Понятие «родной язык» в абхазском общественном сознании оформилось в один из важнейших этноидентификационных маркеров. В рамках такого императива родным, конечно же, может осознаваться исключительно абхазский язык, несмотря на очевидное несоответствие подобного субъективного восприятия языковым реалиям городского пространства Абхазии. Выводы А.Р. Аклаева, характеризующие языковую ситуацию в греческих сёлах Цалкского района Грузии в конце 1980-х годов, применимы и к современной Абхазии. Автор, в частности, отмечает: «...среди опрошенных в г. Цалка и в турецкоязычных сёлах признаёт родным греческий язык большее число лиц, чем число тех, кто реально может говорить по-гречески. Некоторые греки Цалкинского р-на, объективно не владеющие греческим языком, субъективно признают его родным. Это означает, что этническое самосознание в таком случае игнорирует объективную языковую ситуацию... Признать язык родным – это значит осознать его, пусть и на обыденном уровне, в качестве национальной ценности»³.

1. Там же.

2. Там же.

3. Аклаев А.Р. Указ. соч. С. 66, 67.

По данным переписи населения Абхазии 2011 года, 98,6% городских абхазов указали в качестве родного языка абхазский¹. Насколько результаты переписи далеки от реальной языковой ситуации, можно приблизительно установить, основываясь на эмпирических данных. В частности, по мнению лингвиста Б.Г. Джонуа, абхазский язык в Абхазии в целом «является действительно родным» не более чем для 60000 абхазов², при этом большая их часть, очевидно, сосредоточена в сельской местности. Подтверждают этот факт и результаты социологического исследования, проведённого в 2015 году в Сухуме³, и данные, которые будут представлены ниже.

Из 562 гудаутцев, принявших участие в анкетировании, 242 (43,1%) человека указали в качестве языка наилучшего владения абхазский, ещё 68 (12,1%) человек отметили одновременно абхазский и русский языки. Почти половина респондентов указала, что лучше всего владеет русским языком – 247 (44,0%) человек. Помимо этого, 5 (0,9%) человек отметили армянский язык. Никаких иных языков наилучшего владения респондентами указано не было (рис. 50).

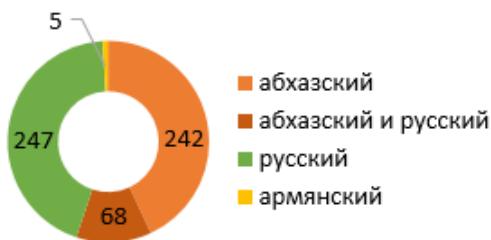

Рис. 50. Распределение респондентов по языкам наилучшего владения.

Несмотря на довольно обширный перечень вариантов ответа на вопрос о национальности, список языков наилучшего

1. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 года. С. 90–93.

2. Джонуа Б.Г. Языковая политика в Абхазии: история, реалии и перспективы. URL: http://apsnyteka.org/file/jonua_b_iazykovaia_politika_v_abkhazii.pdf (дата обращения: 25.01.2019).

3. Багапш Н.В. Этнодемографические процессы... С. 188–254.

владения куда более скромный, что, как и в сухумском случае, указывает на довольно глубокие процессы языковой ассимиляции (русификации) в Гудауте, затронувшие в той или иной степени представителей всех этносов города. По всей видимости, доля респондентов, лучше всего владеющих русским языком, должна быть выше, поскольку в силу влияния психологического фактора определённая часть респондентов могла дать неправдивый ответ на данный вопрос. Так или иначе, языковой состав респондентов весьма существенно отличается от этнического.

Среди лиц, лучше всего владеющих абхазским языком, фигурируют только этнические абхазы. Отметили абхазский и русский языки одновременно в качестве языков наилучшего владения также исключительно этнические абхазы. В ходе анкетирования сухумчан в 2015 года была выявлена практически аналогичная ситуация¹. Армянский как язык наилучшего владения, помимо четырёх армян, указала также одна этническая абхазка. Последний случай будет подробнее рассмотрен ниже.

Самой большой этнической мозаичностью закономерно отличается та часть респондентов, которая выбрала только русский язык как язык наилучшего владения (247 человек). Большинство здесь составили этнические абхазы – 198 (80,2%) человек. Сами русские оказались на втором месте – 29 (11,7%) человек. Далее следуют грузины – 6 (3,0%) человек, армяне – 3 (1,2%), белорусы – 3 (1,2%), турки – 2 (0,8%), украинцы – 2 (0,8%), чеченцы – 2 (0,8%), греки – 1 (0,4%) и лазы – 1 (0,4%). Таким образом, не только все респонденты, отметившие принадлежность к русскому этносу, но и все респонденты-белорусы, греки, грузины, лазы, турки, украинцы и чеченцы (то есть все представители этнических меньшинств в выборке, кроме части армян) указали русский язык в качестве языка наилучшего владения.

Перейдём к рассмотрению языковых характеристик этнических абхазской части респондентов. Из 509 абхазов, приняв-

1. Там же. С. 199.

ших участие в анкетировании, 242 (47,5%) человека в качестве языка наилучшего владения выбрали только абхазский, 68 (13,4%) – абхазский и русский языки одновременно, 198 (38,9%) – только русский язык и 1 (0,2%) – армянский язык. Никаких иных языков этническими абхазами выбрано не было (рис. 51).

Рис. 51. Распределение респондентов-абхазов по языкам наилучшего владения.

Если сравнивать представленные выше данные с теми, которые были получены в ходе аналогичного исследования в Сухуме в 2015 году¹, то выявляются определённые различия. Среди респондентов-гудаутцев доля указавших абхазский в качестве языка наилучшего владения выше, а процент отметивших русский язык, соответственно, ниже. Удельный вес указавших абхазский язык, включая указавших его в комбинации с русским, составляет более половины этнически абхазской части выборки, достигая 60,9%. В ходе «сухумского» исследования были получены противоположные результаты: доля этнических абхазов, указавших в качестве языка наилучшего владения только русский, составляла 54,0%.

Полученные результаты, в одной стороны, свидетельствуют о несколько большей устойчивости абхазского языка в административном центре Гудаутского района по сравнению со столицей Абхазии. Подобная картина вполне закономерна, учитывая существенно большую этническую гомогенность и

1. Там же.

периферийность Гудауты, а также историко-географические особенности формирования её этнокультурного ландшафта. С другой стороны, нельзя сказать, что результаты настоящего исследования коренным образом отличаются от полученных в 2015 году в Сухуме. Почти 40% этнически абхазской части респондентов в ходе «гудаутского» исследования указали только русский язык в качестве языка наилучшего владения, что указывает на достаточно близкие к сухумским масштабы языковой ассимиляции гудаутских абхазов.

Существенные языковые различия отмечаются между абхазами из смешанных семей и респондентами, не имеющими неабхазских прародителей. Языковой состав абхазов с четырьмя прародителями абхазской национальности (392 человека) следующий. В качестве языка наилучшего владения выбрали только абхазский 211 (53,8%) человек, абхазский и русский языки одновременно – 57 (14,5%) человек, только русский – 124 (31,6%) человека. Таким образом, у данной категории количества указавших только абхазский язык превышает 50%, а совокупная доля указавших как один абхазский, так и абхазский в комбинации с русским языком составила 68,4% (рис. 52).

Рис. 52. Распределение респондентов-абхазов с четырьмя прародителями абхазской национальности по языкам наилучшего владения.

Языковой состав респондентов-абхазов, имеющих прародителей неабхазской национальности (117 человек), выглядит так: только абхазский как язык наилучшего владения указали 31 (26,5%) человек, абхазский и русский одновременно –

11 (9,4%), только русский язык – 74 (63,2%) и армянский язык – 1 (0,9%). Языковая русификация у данной группы респондентов закономерно выражена гораздо более отчётливо, чем у этнических абхазов, не имеющих иноэтнических прародителей (рис. 53).

Рис. 53. Распределение респондентов-абхазов, имеющих иноэтнических прародителей, по языкам наилучшего владения.

При этом чётко очерченные различия, обусловленные количеством неабхазских прародителей, обнаруживаются и внутри последней рассмотренной группы. Так, респонденты-абхазы, имеющие только одного иноэтнического прародителя (76 человек), распределяются по языкам наилучшего владения следующим образом: 24 (31,6%) человека отметили только абхазский, 8 (10,5%) – абхазский и русский одновременно, 44 (57,9%) – только русский язык. У респондентов-абхазов с двумя иноэтническими прародителями (28 человек) распределение по данному критерию следующее: 6 (21,4%) человек указали только абхазский язык, 3 (10,7%) – абхазский и русский одновременно и 19 (67,9%) – только русский язык. Наконец, для этнических абхазской части выборки, имеющей трёх неабхазских прародителей (13 человек), характерны наиболее существенные показатели языкового обретения: абхазский в качестве языка наилучшего владения отметил лишь 1 (7,7%) человек, тогда как русский – 11 (84,6%) человек. Ещё 1 (7,7%) респондент, представляющий данную часть выборки, указал в качестве языка наилучшего владения армянский. Эта старше-

классница, единственным этнически абхазским прародителем которой является дед по отцовской линии, родилась в Гудауте в 2001 году. Её бабушка по отцовской линии – русская, а оба прародителя по материнской линии – армяне. Этот респондент представляет единственный зафиксированный нами случай, когда человек, определивший свою этническую принадлежность как абхазскую, указывал бы в качестве языка наилучшего владения не абхазский и не русский. В ходе анкетирования сухумчан в 2015 году таких случаев отмечено не было.

Следующая диаграмма визуализирует динамическую прогрессию различий, отмеченную у этнических абхазской части респондентов по показателю языков наилучшего владения, в зависимости от количества их иноэтнических прародителей (рис. 54).

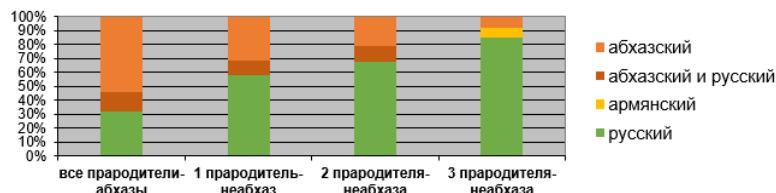

Рис. 54. Распределение респондентов-абхазов по языкам наилучшего владения в зависимости от количества иноэтнических прародителей.

Существенные различия в языковом составе респондентов-абхазов наблюдаются в зависимости от места рождения. Среди уроженцев города Гудауты (263 человека) доля русскоязычных закономерно выше средних показателей (см. рис. 51). Только 97 абхазов, родившихся в Гудауте, указали абхазский в качестве языка наилучшего владения, что составляет 36,9%. Ещё 34 (12,9%) человека отметили абхазский и русский языки одновременно, тогда как 131 (49,8%) человек указали только русский язык. Ещё 1 (0,4%) респондент-абхаз, родившийся в Гудауте, как уже отмечалось, указал армянский язык.

Распределение респондентов-абхазов, родившихся в сельской местности Бзыпской Абхазии¹ (183 человека) по языкам наилучшего владения следующее: только абхазский язык указали 129 (70,5%) человек, абхазский вместе с русским – 26 (14,2%) человек, только русский язык – 28 (15,3%) человек. У данной группы респондентов закономерно выявлен самый высокий процент отметивших абхазский язык в качестве языка наилучшего владения. Причём присутствие в данной группе определённого количества лиц, выбравших только русский язык, объясняется целым рядом факторов: возраст, в котором человек переехал в Гудауту; неабхазская национальность одного или нескольких прародителей (ровно половина респондентов данной категории, выбравших русский язык – представители смешанных семей); географическое положение и этнический состав села, в котором родился респондент: около половины из них являются выходцами из сёл квазиагломерационной зоны Гудауты, имеющих в своём составе полигэтнические посёлки (Лыхны, Куланырху, Хыпста).

В Сухуме родились 20 респондентов-абхазов, из которых лишь 4 (20,0%) указали только абхазский в качестве языка наилучшего владения, 2 (10,0%) – абхазский и русский одновременно и 14 (70,0%) – только русский язык. Более выраженная русскоязычность респондентов, родившихся в столице, в сравнении с местными уроженцами вполне закономерна и вряд ли нуждается в специальном разъяснении.

В городских поселениях Западной Абхазии, кроме самой Гудауты (то есть в Гагре, Пицунде, Бзыпте и Новом Афоне) родились в общей сложности 18 респондентов-абхазов. Их распределение по языкам наилучшего владения следующее: 8 (44,4%) человек указали абхазский язык, 1 (5,6%) – абхазский и русский одновременно и 9 (50,0%) человек – только русский язык. Как видно, языковой состав этих респондентов мало отличается от языкового состава уроженцев Гудауты.

1. Сёла Гудаутского района вместе с селом Лдзаа Гагрского района, в котором родился один респондент.

Распределение респондентов-абхазов, родившихся в городах и сёлах Абжуйской Абхазии¹ (9 человек) по языкам наилучшего владения выглядит таким образом: только абхазский язык указали 4 (44,4%) человека, абхазский и русский одновременно – также 4 (44,4%) человека, только русский язык – лишь 1 (11,1%) человек. Последний является уроженцем Ткуарчала с матерью-армянкой. Данные по жителям Гудауты, родившимся в Абжуйской Абхазии, конечно же, не могут считаться репрезентативными в силу немногочисленности этой группы респондентов, однако и здесь мы сталкиваемся со статистическим подтверждением уже выявленной в ходе «сухумского» исследования закономерности, проявляющейся в относительно большей устойчивости позиций абхазского языка у абжуйских абхазов².

Неудивительно, что самый высокий уровень русскоязычности характерен для респондентов-абхазов, родившихся за границей. Из 16 человек, родившихся за пределами Абхазии (в России, Грузии и на Украине), только 1 человек указал в качестве языков наилучшего владения абхазский и русский одновременно (6,2%), а остальные 15 (93,8%) указали только русский язык. Указавших только абхазский язык в данной группе отмечено не было. Любопытно, что совершенно аналогичные показатели при абсолютно идентичном количестве представителей данной группы респондентов и даже списка стран их рождения были отмечены при анкетировании сухумчан в 2015 году³.

Нижеследующая диаграмма визуализирует языковой состав респондентов-абхазов по месту рождения в разрезе Гудауты, прочих городских поселений Западной Абхазии, Сухума, бзыпских сёл, Абжуйской Абхазии⁴ и границы (рис. 55).

1. Сюда же включён и один респондент-абхаз, родившийся в самурзаканском селе Агубедиа.

2. См. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 204–207.

3. Там же. С. 203.

4. Вместе с самурзаканским селом Агубедиа.

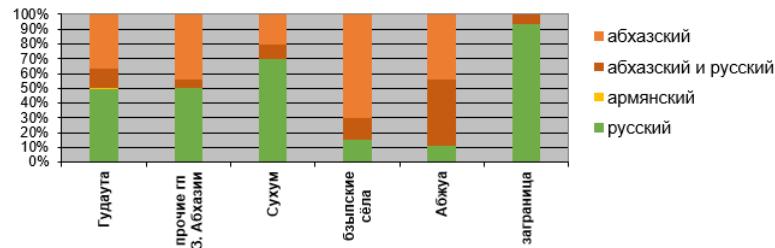

Рис. 55. Распределение респондентов-абхазов по языкам наилучшего владения в зависимости от места рождения.

В распределении респондентов-абхазов, родившихся в смешанных семьях (117 человек), по языкам наилучшего владения в зависимости от места рождения прослеживаются те же закономерности, что и у этнически абхазской части выборки в целом, с той лишь разницей, что доля русскоязычных респондентов почти везде выше, а абхазоязычных, соответственно, ниже.

Из 57 абхазов с одним или несколькими прародителями неабхазской национальности, родившихся в Гудауте, лишь 9 (15,8%) человек указали на наилучшее владение абхазским языком. Ещё 5 (8,8%) человек отметили абхазский и русский языки одновременно, тогда как 42 (73,7%) человека указали только русский язык. Помимо этого, 1 (1,8%) респондент в качестве языка наилучшего владения отметил армянский.

В сельской местности Гудаутского района родились 37 респондентов-абхазов из смешанных семей. Из них 18 (48,6%) человек отметили в качестве языка наилучшего владения абхазский, 5 (13,5%) человек – абхазский и русский языки одновременно и 14 (37,8%) человек – только русский язык.

Из 6 уроженцев Сухума, относящихся к данной категории, 1 (16,7%) человек отметил абхазский язык, тогда как остальные 5 (83,3%) человек – только русский язык. У респондентов-абхазов из смешанных семей, родившихся в городских поселе-

ниях Гагрского района – Гагре, Пицунде и Бзыпте (6 человек), отмечаются абсолютно аналогичные с уроженцами столицы показатели.

Распределение респондентов-абхазов из смешанных семей, родившихся в пределах Абжуйской Абхазии (3 человека) по языкам наилучшего владения выглядит таким образом: абхазский язык указали 2 (66,7%) человека, русский язык – 1 (33,3%) человек.

Из 8 респондентов-абхазов, имеющих иноэтнических прародителей и родившихся за пределами Абхазии, 1 (12,5%) человек указал в качестве языков наилучшего владения абхазский и русский одновременно, а остальные 7 (87,5%) человек указали только русский язык (рис. 56).

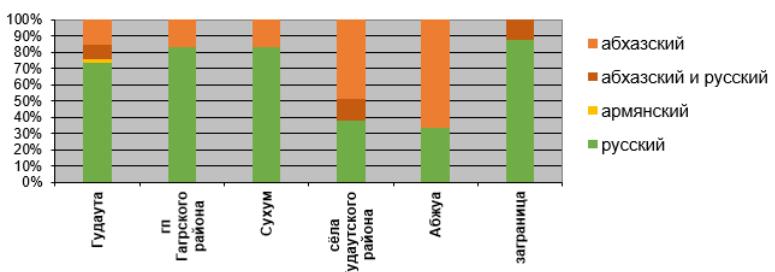

Рис. 56. Распределение респондентов-абхазов из смешанных семей по языкам наилучшего владения в зависимости от места рождения.

Обнаруживаются определённые расхождения в языковой структуре респондентов-абхазов в зависимости от возраста. Из 167 лиц условно школьного возраста абхазский язык в качестве языка наилучшего владения указали 64 человека или 38,3%, ещё 24 (14,4%) человека отметили абхазский и русский языки одновременно, 78 (46,7%) человек – только русский язык и 1 (0,6%) человек – армянский язык.

Абхазов условно студенческого возраста в выборке оказалось 55 человек, из которых 29 (52,7%) отметили только абхазский язык, 1 (1,8%) – абхазский и русский языки вместе, 25 (45,5%) – только русский язык.

К категории лиц «взрослого» возраста относятся 236 респондентов абхазской национальности. Их языковой состав следующий: 118 (50,0%) человек отметили только абхазский язык, 35 (14,8%) человек – абхазский и русский языки одновременно, 83 (35,2%) человека – только русский язык.

Наконец, среди абхазов условно пенсионного возраста (51 человек) указавших только абхазский язык – 31 человек (60,8%), абхазский и русский языки одновременно – 8 (15,7%) человек, только русский язык – 12 (23,5%) человек (рис. 57).

Как видно, отмечается тенденция увеличения доли русскоязычных и сокращения процента абхазоязычных от старших возрастных когорт к более младшим. Вероятно, что поколение потомков самой младшей возрастной группы обследованных горожан при сохранении нынешнего вектора языковых процессов может, таким образом, завершить переход к русскому моноязычию.

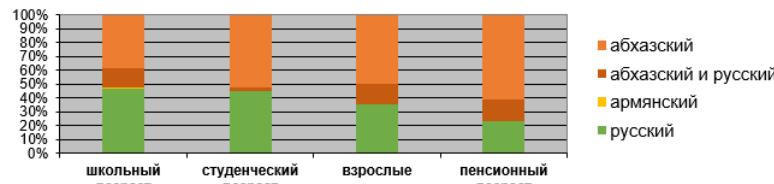

Рис. 57. Распределение респондентов-абхазов по языкам наилучшего владения по возрастным когортам.

Сравнивая полученные результаты с выявленными в ходе исследования этнодемографической ситуации в Сухуме в 2015 году¹, можно заметить как общие закономерности, так и определённые отличия. Как и в «сухумском» случае мы наблюдаем тенденцию снижения процента абхазоязычных респондентов по мере понижения их возраста. Вместе с тем, представленная выше диаграмма, визуализирующая различия языкового состава респондентов-гудаутцев по выделенным возрастным

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 208.

группам, демонстрирует более сглаженный процесс перехода на русский язык, чем это было отмечено в Сухуме. Если в «сухумском» случае абхазский язык (в том числе в комбинации с русским) в качестве языка наилучшего владения указали только 25,0% респондентов-абхазов условно школьного возраста, то в Гудауте таковых оказалось более половины – 52,7%.

В целом, экстраполируя данные анкетирования на население города, можно заключить, что абхазский язык в Гудауте, как и в столице, находится в процессе постепенного угасания, несмотря на ряд благоприятствующих его распространению этнодемографических и культурно-политических тенденций послевоенного времени, к которым можно отнести резкое увеличение доли абхазского населения города за счёт депопуляции всех этнических меньшинств; продолжающуюся, хоть и в гораздо меньшей степени, чем в Сухуме, миграцию сельского абхазоязычного населения в районный центр; представившуюся Абхазии возможность проводить самостоятельную культурно-языковую политику в условиях политического суверенитета и т.д.

Любопытным представляется рассмотрение языкового состава респондентов-абхазов условно пенсионного возраста в зависимости от места рождения, поскольку определённая их часть (23,5%) указала только русский язык в качестве языка наилучшего владения. Из 51 респондента данной категории, 23 человека родились в Гудауте, 1 – в Сухуме, 26 – в сёлах Бзыпской Абхазии и 1 – в России.

Среди уроженцев Гудауты только 12 (52,2%) человек указали абхазский язык в качестве языка наилучшего владения, ещё 3 (13,0%) человека – абхазский и русский одновременно, а остальные 8 (34,8%) человек – только русский. Неудивительно, что многие люди, родившиеся в городе Гудауте в советский период и прожившие там всю жизнь, лучше всего владеют русским языком.

Русский язык отметил и респондент-абхаз, родившийся в России в 1945 году, имеющий трёх славянских прародителей и переехавший в Гудауту в девятилетнем возрасте.

Совершенно иная картина обнаруживается у респондентов-абхазов условно пенсионного возраста, родившихся в бзыпских сёлах: 18 из 26 указали абхазский язык (69,2%), 5 человек – абхазский и русский одновременно (19,2%), 3 человека – только русский язык (11,5%).

Респондент-абхаз, родившийся в Сухуме в 1937 году, не имеющий иноэтнических прародителей и переселившийся в Гудауту в трёхлетнем возрасте, указал в качестве языка наилучшего владения абхазский.

Следующая диаграмма показывает языковые различия между респондентами-абхазами условно пенсионного возраста, родившимися в Гудауте и сельской местности Бзыпской Абхазии (рис. 58).

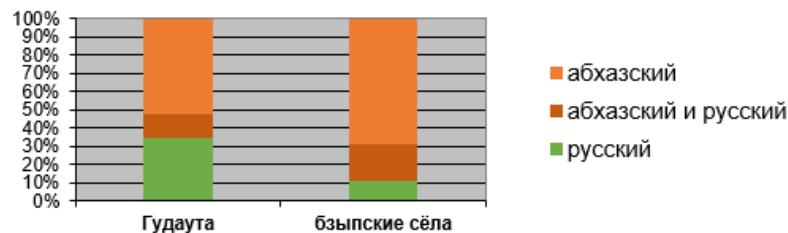

Рис. 58. Распределение респондентов-абхазов «пенсионного возраста», родившихся в Гудауте и бзыпских сёлах, по языкам наилучшего владения.

Распределение этнических армян (7 человек) по языкам наилучшего владения выглядит таким образом: 4 (57,1%) человека указали армянский язык, 3 (42,9%) человека – русский язык. Никаких иных языков наилучшего владения этническими армянами указано не было (рис. 59). Армянский язык был отмечен двумя респондентами, родившимися в Гудауте в 1969 и 1971 годах, респондентом 1938 года рождения, происходящим из этнически армянского села Мцара, а также уроженцем Армении 1987 года рождения, переселившимся в Гудауту в 2008 году. Наилучшее владение русским языком отметили ре-

спонденты-армяне, представляющие более молодые возрастные когорты. Среди них были женщина, родившаяся в 1987 году в Грузии, и два старшеклассника, один из которых родился в Гудауте в 2001 году, а другой – в Российской Федерации в 2002 году.

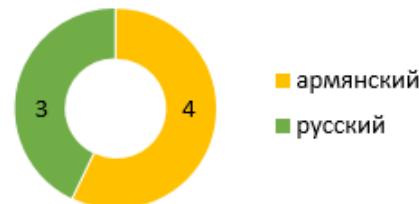

Рис. 59. Распределение респондентов-армян по языкам наилучшего владения.

Вторым вопросом анкеты, призванным выявить языковую ситуацию среди опрошенных, был вопрос о степени владения абхазским языком, который включал следующие возможные варианты ответа: «говорю свободно», «говорю с затруднениями», «только понимаю», «не говорю и не понимаю». Из 562 респондентов, принявших участие в анкетировании, 378 (67,3%) человек отметили свободное владение абхазским языком (включая указавших абхазский в качестве языка наилучшего владения, в том числе наряду с русским); 101 (18,0%) человек указали, что говорят по-абхазски с затруднениями; 50 (8,9%) человек отметили, что только понимают абхазский язык; 33 (5,9%) человека указали, что не говорят и не понимают абхазский язык (рис. 60). Примечательно, что среди респондентов, отметивших свободное владение абхазским языком, нет ни одного представителя этнических меньшинств, тогда как в ходе «сухумского исследования» таких оказалось 4 человека.

Таким образом, данные анкетирования показывают, что абсолютное большинство респондентов в той или иной степени владеет абхазским языком, хотя не исключено, что часть выборки могла вольно или невольно завысить собственный уровень владения языком. В сравнении с языковой ситуацией,

выявленной при анализе данных социологического опроса, проведённого в 2015 году в Сухуме¹, у респондентов-гудаутцев отмечается больший процент свободно владеющих абхазским языком и существенно меньшая доля вовсе не владеющих им. Такие же различия между гудаутцами и сухумчанами отмечаются и у этнически абхазской части респондентов, принявших участие в обоих анкетированиях. Подобные расхождения являются закономерным следствием большей этнической гомогенности Гудауты и того факта, что она, будучи административным центром этнически абхазского района, традиционно являлась главным урбанизационным центром бзыпских абхазов.

Рис. 60. Степень владения абхазским языком у респондентов.

Распределение респондентов, указавших принадлежность к абхазскому этносу (509 человек), выглядит следующим образом. На свободное владение абхазским языком указали 378 (74,3%) человек, тогда как 91 (17,9%) человек отметили, что говорят по-абхазски с затруднениями. Только понимают абхазский язык – 31 (6,1%) человек, не говорят и не понимают – 9 (1,8%) человек (рис. 61).

Рис. 61. Степень владения абхазским языком респондентами-абхазами.

1. Там же. С. 213, 214.

Некоторые различия (правда, не столь резкие, как в Сухуме¹) выявляются при рассмотрении уровня владения абхазским языком респондентами-абхазами, представляющими разные возрастные когорты. Среди лиц школьного возраста (167 человек) свободное владение абхазским языком отметили 116 (69,5%) человек, ещё 35 (21,0%) человек указали, что говорят по-абхазски с затруднениями. Только понимающих абхазскую речь – 15 (9,0%) человек, не говорящих и не понимающих абхазский язык – 1 (0,6%) человек.

Этнические абхазы условно студенческого возраста (55 человек) распределились следующим образом: 34 (61,8%) человека отметили свободное владение абхазским языком, 15 (27,3%) – с затруднениями, 4 (7,3%) – только понимают, 2 (3,6%) – не говорят и не понимают.

Респонденты взрослого возраста (236 человек) распределились так: 181 (76,7%) человек указали свободное владение абхазским языком, 40 (16,9%) – с затруднениями, 9 (3,8%) – только понимают, 6 (2,5%) – не говорят и не понимают.

Среди респондентов «пенсионного» возраста (51 человек) свободное владение абхазским языком отметили 47 (92,2%) человек и ещё 1 (2,0%) человек указал, что говорит по-абхазски с затруднениями. Только понимают абхазскую речь 3 (5,9%) человека, а вовсе не владеющих абхазским языком среди самой старшей возрастной когорты отмечено не было (рис. 62).

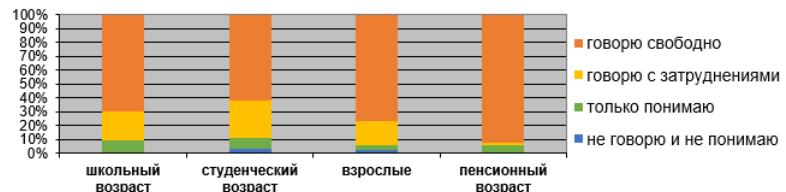

Рис. 62. Распределение респондентов-абхазов по уровню владения абхазским языком по возрастным когортам.

1. Там же. С. 215.

Как и при распределении по языкам наилучшего владения, здесь заметна определённая тенденция к сокращению доли свободно владеющих абхазским языком от старших возрастных групп к более младшим, несколько нарушающаяся в пределах лиц условно студенческого и школьного возрастов. При этом процент вовсе не владеющих абхазским языком во всех возрастных когортах минимален. Кроме того, у респондентов условно школьного и студенческого возрастов повышена доля говорящих по-абхазски с затруднениями, что, по всей вероятности, как и в «сухумском» случае, связано с усилившимся (по сравнению с советским периодом) изучением абхазского языка в дошкольных образовательных учреждениях и общеобразовательных школах города, что позволяет значительной части преимущественно русскоязычных абхазских детей овладеть этническим языком в той или иной степени в процессе обучения в детском саду и начальной школе.

Значительные различия выявляются у этнически абхазских респондентов по уровню владения абхазским языком в зависимости от места рождения. Среди уроженцев Гудауты (263 человека) свободное владение абхазским языком отметили только 171 (65,0%) человек; 68 (25,9%) человек указали, что говорят по-абхазски с затруднениями; ещё 19 (7,2%) человек только понимают абхазскую речь; 5 (1,9%) человек указали, что не говорят и не понимают абхазский язык.

У респондентов-абхазов, родившихся в сельской местности Бзыпской Абхазии, закономерно отмечен наибольший (среди мест рождения с достаточно репрезентативным количеством респондентов) процент свободно владеющих абхазским языком. Из 183 респондентов, относящихся к данной категории, 168 (91,8%) человек указали свободное владение абхазским языком, 12 (6,6%) – с затруднениями, 2 (1,1%) – только понимают и 1 (0,5%) – не говорит и не понимает абхазской речи. Последний родился в 1995 году в селе Лыхны и в том же году переехал в Гудауту. Этот респондент имеет только одного абхазского и трёх славянских прародителей.

Показатели уровня владения абхазским языком у респондентов-абхазов, родившихся в Сухуме, достаточно близки к показателям уроженцев Гудауты. Из 20 уроженцев столицы 14 (70,0%) человек отметили свободное владение абхазским языком; 4 (20,0%) человека указали, что говорят по-абхазски с затруднениями и 2 (10,0%) человека заявили, что только понимают абхазскую речь. Не понимающих абхазского языка среди данной части выборки отмечено не было.

Респонденты-абхазы, родившиеся в городских поселениях Западной Абхазии, кроме самой Гудауты (18 человек), по степени владения абхазским языком распределяются следующим образом: 13 (72,0%) человек отметили свободное владение абхазским языком, 3 (16,7%) – с затруднениями, 1 (5,6%) – только понимает абхазскую речь и 1 (5,6%) не говорит и не понимает. Как видно, состав этих респондентов по уровню владения этническим языком также мало отличается от состава уроженцев города Гудауты.

Все 9 респондентов-абхазов, родившихся в городах и сёлах Абжуйской Абхазии¹, отметили свободное владение своим этническим языком, что вновь подтверждает ранее озвученный тезис об относительно более высокой степени устойчивости абхазского языка в этом регионе страны.

Самый низкий процент свободно владеющих абхазским языком отмечен среди этнических абхазов, родившихся за пределами страны. Из 16 абхазов, родившихся за границей, только 3 (18,8%) человека отметили свободное владение абхазским, 4 (25,0%) человека указали, что говорят по-абхазски с затруднениями, 7 (43,8%) человек – только понимают, 2 (12,5%) – не говорят и не понимают абхазскую речь. Эти данные чётко коррелируют с результатами, полученными в ходе анкетирования сухумчан в 2015 году².

Следующая диаграмма визуализирует распределение респондентов-абхазов по уровню владения абхазским языком

1. Вместе с уроженцем самурзаканского села Агубедиа.

2. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 218.

по месту рождения в разрезе Гудауты, прочих городских поселений Западной Абхазии, Сухума, бзыпских сёл, Абжуйской Абхазии¹ и заграницы (рис. 63).

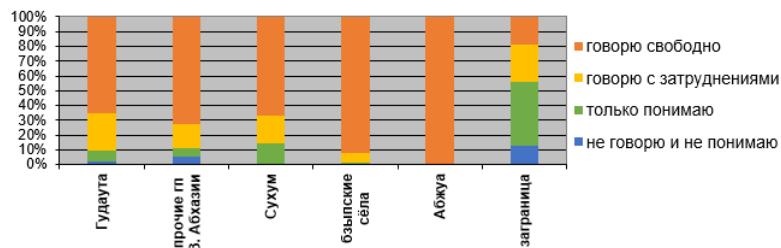

Рис. 63. Распределение респондентов-абхазов по степени владения абхазским языком в зависимости от места рождения.

Языковые компетенции этнических абхазов, не имеющих иноэтнических прародителей, в целом довольно существенно отличаются от аналогичных показателей у респондентов-абхазов из смешанных семей. Причём различия в показателях внутри последней группы находятся в прямой зависимости от количества неабхазских прародителей.

Респонденты-абхазы с четырьмя прародителями абхазской национальности (392 человека) распределяются по уровню владения абхазским языком следующим образом: 319 (81,4%) человек отметили свободное владение абхазским языком; 56 (14,3%) человек указали, что говорят по-абхазски с затруднениями; 15 (3,8%) – только понимают абхазский язык и 2 (5,1%) – не говорят и не понимают абхазской речи (рис. 64).

Рис. 64. Степень владения абхазским языком респондентами-абхазами с четырьмя прародителями абхазской национальности.

1. Опять же вместе с селом Агубедиа.

Состав респондентов-абхазов, имеющих прародителей не-абхазской национальности (117 человек), по степени владения абхазским языком, конечно же, выглядит совершенно иначе: только 59 (50,4%) человек отметили свободное владение абхазским языком; ещё 35 (29,9%) человек указали, что говорят по-абхазски с затруднениями; 16 (13,7%) человек отметили, что только понимают абхазскую речь и 7 (6,0%) человек ответили, что не говорят и не понимают абхазского языка (рис. 65).

В то же время, аналогичное исследование, проведённое в 2015 году в Сухуме, выявило вдвое меньшую долю свободно владеющих абхазским языком среди респондентов-абхазов из смешанных семей¹, что ещё раз подтверждает больший уровень устойчивости позиций абхазского языка в периферийной и преимущественноmonoэтнической Гудауте по сравнению с ситуацией в гораздо более этнически гетерогенной столице.

Рис. 65. Степень владения абхазским языком респондентами-абхазами, имеющими иноэтнических прародителей.

Респонденты-абхазы, имеющие только одного иноэтнического прародителя (76 человек), распределяются по уровню владения абхазским языком следующим образом: 46 (60,5%) человек отметили, что говорят по-абхазски свободно, 24 (31,6%) – с затруднениями, 5 (6,6%) – только понимают абхазскую речь, 1 (1,3%) – не говорит и не понимает абхазский язык. Респонденты-абхазы с двумя иноэтническими прародителями (28 человек) распределены так: 11 (39,3%) человек владеют абхазским свободно, 8 (28,6%) – с затруднениями, 6 (21,4%)

1. Багапш Н.В. Указ. соч. С. 219, 220.

– только понимают язык и 3 (10,7%) – не говорят и не понимают. Этнические абхазы, имеющие трёх неабхазских прародителей (13 человек) демонстрируют наименьший уровень владения абхазским языком: 2 (15,4%) человека отметили свободное владение и 3 (23,1%) человека указали, что говорят по-абхазски с затруднениями. Среди последних была и девушка, указавшая на наилучшее владение армянским языком. Ещё 5 (38,5%) респондентов-абхазов, имеющих трёх иноэтнических прародителей, отметили, что только понимают абхазскую речь. Остальные 3 (23,1%) респондента данной категории указали, что не говорят и не понимают абхазского языка. Охарактеризованные выше различия представлены на следующей диаграмме (рис. 66).

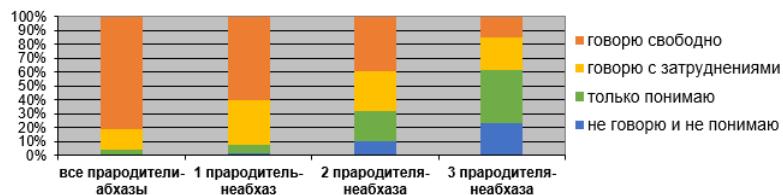

Рис. 66. Распределение респондентов-абхазов по уровню владения абхазским языком в зависимости от количества иноэтнических прародителей.

В зависимости от места рождения у респондентов-абхазов из смешанных семей (117 человек) выявлены следующие различия. Среди родившихся в Гудауте (57 человек) только 21 (36,8%) человек отметили свободное владение государственным языком, 24 (42,1%) человека – с затруднениями, 8 (14,0%) человек – только понимают, 4 (7,0%) человека – не говорят и не понимают. Распределение 37 выходцев из сельской местности Гудаутского района выглядит следующим образом: 28 (75,7%) человек отметили, что говорят по-абхазски свободно; 6 (16,2%) – с затруднениями; 2 (5,4%) – только понимают; 1 (2,7%) – не говорит и не понимает. Из 6 уроженцев Сухума

ма 4 (66,7%) человека указали свободное владение абхазским языком, 1 (16,7%) человек отметил, что говорит с затруднениями и 1 (16,7%) – только понимает абхазскую речь. Всё не владеющих абхазским языком среди выходцев из столицы отмечено не было, что, однако, объясняется крайней немногочисленностью данной категории респондентов. У этнических абхазов из смешанных семей, родившихся в городских поселениях Гагрского района (6 человек), доля свободно владеющих абхазским языком так же невысока, как и у уроженцев Гудауты – 2 человека или 33,3%. Говорящих по-абхазски с затруднениями было отмечено 2 (33,3%) человека. Только понимает абхазскую речь 1 (16,7%) респондент и 1 (16,7%) – не говорит и не понимает. Все 3 респондента-абхаза из смешанных семей, родившиеся в пределах Абжуйской Абхазии, ответили, что владеют абхазским языком свободно. Из 8 респондентов-абхазов с одним или несколькими прародителями неабхазской национальности, родившихся за пределами страны, только 1 (12,5%) человек отметил свободное владение абхазским языком, 2 (25,0%) – с затруднениями, 4 (50,0%) – только понимают, 1 (25,0%) – не говорит и не понимает абхазского языка (рис. 67).

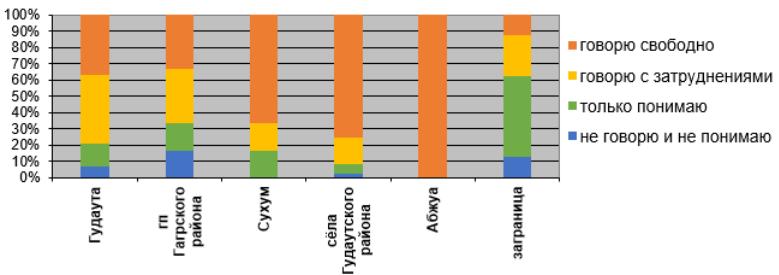

Рис. 67. Распределение респондентов-абхазов из смешанных семей по уровню владения абхазским языком в зависимости от места рождения.

Распределение респондентов-гудаутцев, принадлежащих ко всем этническим меньшинствам совокупно, то есть всех, кто

задекларировал неабхазскую национальность в ходе анкетирования, по степени владения абхазским языком следующее. Общее число неабхазов в выборке – 53 человека. Ни один из них, как отмечалось выше, не отметил свободного владения абхазским языком. Указали, что говорят по-абхазски с затруднениями – 10 (18,9%) человек, только понимают абхазскую речь – 19 (35,8%) человек, не говорят и не понимают абхазского языка – 24 (45,3%) человека (рис. 68). Таким образом, более половины респондентов неабхазской национальности указали ту или иную степень компетенции в абхазском языке, что несколько выше показателей, выявленных в ходе изучения этнодемографической ситуации в Сухуме в 2015 году¹. Однако и здесь, по всей вероятности, может иметь место некоторая переоценка собственного уровня владения языком у части опрошенных.

Рис. 68. Степень владения абхазским языком респондентами-неабхазами.

Резкие различия обнаруживаются при сравнении уровня владения абхазским языком этническими неабхазами разных возрастных когорт. Среди лиц условно школьного возраста (14 человек) было отмечено 6 (42,9%) человек, говорящих по-абхазски с затруднениями. Ещё 2 (14,3%) респондента указали, что понимают абхазскую речь и 6 (42,9%) человек отметили, что не говорят и не понимают абхазского языка. К лицам условно студенческого возраста среди данной категории ре-

1. Там же. С. 223.

спондентов относятся только 2 человека, каждый из которых отметил полное невладение абхазским языком. Их крайняя малочисленность не позволяет считать полученные данные репрезентативными. «Взрослая» возрастная когорта (21 человек) по уровню владения государственным языком распределяется так: 2 (9,5%) человека говорят по-абхазски с затруднениями, 10 (47,6%) человек только понимают абхазский язык и 9 (42,9%) человек – не говорят и не понимают. Этнические неабхазы условно пенсионного возраста (16 человек) распределены следующим образом: 2 (12,5%) человека говорят по-абхазски с затруднениями, 7 (43,8%) человек – только понимают язык и 7 (43,8%) человек – не говорят и не понимают (рис. 69).

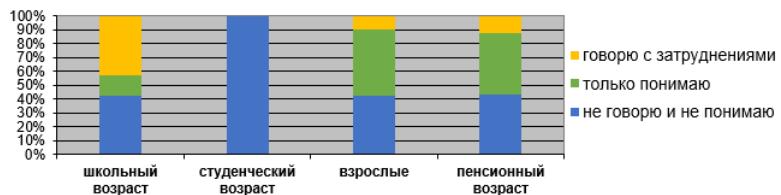

Рис. 69. Распределение респондентов-неабхазов по уровню владения абхазским языком по возрастным когортам.

Как видно, между старшими возрастными когортами и поколением школьного возраста (лиц студенческого возраста мы в данном случае не рассматриваем из-за отмеченной выше нерепрезентативности данных) наблюдаются резкие различия в уровне владения абхазским языком. В частности, у самого молодого поколения этнически неабхазской части выборки существенно повышена доля говорящих по-абхазски с затруднениями. Аналогичная закономерность была выявлена в 2015 году в Сухуме¹. Как и в «сухумском» случае мы склонны объяснять данный факт введением обязательного изучения абхазского языка в государственных общеобразовательных школах

1. Там же. С. 223, 224.

страны. По всей вероятности, изучение этнодемографической ситуации в других городах Абхазии может подтвердить универсальность обозначенной закономерности.

Данные по уровню владения абхазским языком по представителям каждого из этнических меньшинств выглядят следующим образом. Из 34 представителей восточнославянских народов (в том числе 29 русских, 3 белорусов и 2 украинцев) лишь 4 (11,8%) человека указали, что говорят по-абхазски с затруднениями. За исключением одной уроженки Гудауты пенсионного возраста, все они являлись учениками старших классов. Ещё 12 (35,3%) респондентов отметили, что понимают абхазскую речь, тогда как 18 (52,9%) человек указали, что вообще не владеют абхазским языком.

Из 7 этнических армян 1 (14,3%) человек указал, что говорит по-абхазски с затруднениями. Это старшеклассница, обучающаяся в одной из средних школ города Гудауты. Ещё 4 (57,1%) человека отметили, что понимают абхазскую речь. В их числе были два уроженца Гудауты средних лет, пожилой выходец из села Мцара и тридцатилетний уроженец Армении. Остальные 2 (28,6%) респондента армянской национальности отметили, что не говорят и не понимают абхазского языка. Один из них родился в Гудауте в 2001 году, другой – в Грузии в 1987 году.

Распределение 7 представителей картвельских народов (в том числе 6 грузин и 1 лаза) таково: 3 (42,9%) человека владеют абхазским языком с затруднениями, 3 (42,9%) – понимают абхазскую речь и 1 (14,3%) человек – не говорит и не понимает. Последний родился в 2004 году в Гудауте и имеет мать армянской национальности. Своим этническим языком, так же как и абхазским, респондент не владеет вовсе.

У представителей остальных меньшинств ситуация следующая: из двух этнических турок один говорит по-абхазски с затруднениями, другой – не говорит и не понимает. Аналогичное распределение отмечается и у двух респондентов-чеченцев. Единственный респондент, самоопределившийся как этнический грек, не говорит и не понимает абхазской речи (рис. 70).

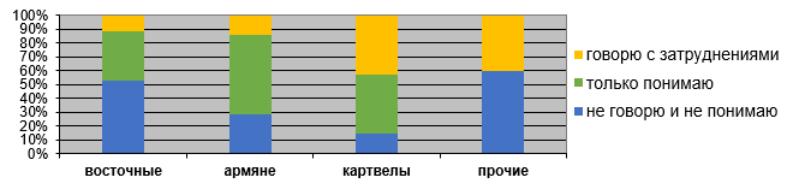

Рис. 70. Распределение респондентов, представляющих этнические меньшинства, по уровню владения абхазским языком.

Существенное влияние на уровень владения абхазским языком среди этнически неабхазской части выборки, конечно же, оказывает фактор наличия или отсутствия прародителей абхазской национальности. Так, из 12 этнических неабхазов с одним или несколькими прародителями абхазской национальности 5 (41,7%) человек владеют абхазским языком с затруднениями, 6 (50,0%) человек понимают абхазскую речь и только 1 (8,3%) – не говорит и не понимает. Последний респондент является этническим русским, родившимся в Гудауте в 1977 году и имеющим бабушку по отцовской линии абхазской национальности. Среди представителей этнических меньшинств, не имеющих ни одного прародителя абхазской национальности (41 человек), говорящих по-абхазски с затруднениями отмечено только 5 (12,2%) человек. Трое из них являются учениками старших классов гудаутских школ, что, по всей вероятности, и повлияло на наличие достаточно высокого уровня компетенции в абхазском языке. Двое других представлены женщинами-грузинками среднего возраста. Определённая степень владения абхазским языком, видимо, объясняется тем, что они живут в абхазских семьях. Понимающих абхазскую речь среди представителей этнических меньшинств, не имеющих абхазских прародителей, отмечено 13 (31,7%) человек, не говорящих и не понимающих абхазский язык – 23 (56,1%) человека (рис. 71).

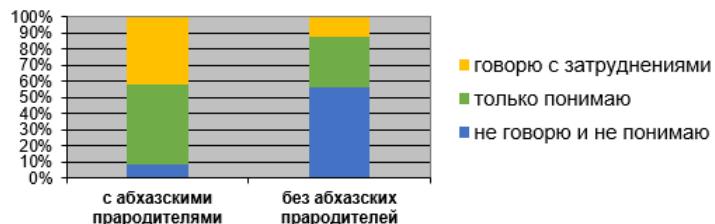

Рис. 71. Распределение респондентов-неабхазов по степени владения абхазским языком в зависимости от наличия или отсутствия прародителей-абхазов.

Третьим языковым вопросом анкеты был вопрос о степени владения «языком своей национальности», который был адресован всем респондентам, кроме этнических абхазов и русских. В целом распределение этнических меньшинств (кроме русских) по уровню владения своими этническими языками выглядит так. Общее количество респондентов, которым был адресован этот вопрос, 24 человека. Свободное владение своим этническим языком отметили 9 (37,5%) человек; ещё 3 (12,5%) человека указали, что говорят на языке своей национальности с затруднениями; 3 (12,5%) человека отметили, что только понимают свой этнический язык; 9 (37,5%) человек – не говорят и не понимают.

Наилучшие показатели владения своим этническим языком отмечены у армян: 5 из 7 респондентов армянской национальности указали свободное владение армянским языком (71,4%), тогда как остальные 2 (28,6%) человека отметили, что говорят по-армянски с затруднениями. Эти показатели достаточно чётко коррелируют с результатами, полученными в ходе «сухумского» исследования, хотя стоит иметь в виду, что в столице в 2015 году было опрошено существенно большее количество респондентов армянской национальности¹.

1. Там же. С. 227.

Распределение этнических грузин (6 человек) по степени владения языком своей национальности выглядит таким образом: 3 (50,0%) человека указали, что говорят на этническом языке свободно, 1 (16,7%) человек – только понимает, 2 (33,3%) человека – не говорят и не понимают этнического языка. Проблема в данном случае заключается в том, что часть респондентов, определивших свою этническую принадлежность как грузинскую, может быть представлена мингрелями или сванами. Какой именно язык они имели в виду, отвечая на данный вопрос, таким образом, остаётся не до конца понятным. С другой стороны, не исключено, что, имея ту или иную степень компетенции, например, в мингрельском языке, респондент мог отметить полное невладение «языком своей национальности», то есть грузинским. Однако в силу немногочисленности респондентов-грузин данная проблема не представляется актуальной. К тому же оба респондента-грузина, отметившие абсолютное невладение этническим языком, родились в начале XXI века в Гудауте и имеют иноэтнических матерей (абхазку и армянку). Невладение грузинским (или иным картвельским) языком в их случае является абсолютно закономерным.

Полное невладение своими этническими языками указали все респонденты греческой, лазской, турецкой и чеченской национальности. Один из двух респондентов, принадлежащих к украинскому этносу, отметил, что говорит по-украински с затруднениями, а другой указал, что вовсе не владеет украинским языком. Их языковые компетенции полностью согласуются с местом рождения: первый родился на Украине, второй – в Гудауте. Один из трёх респондентов-белорусов отметил свободное владение белорусским языком, а двое других указали, что понимают белорусскую речь. Очевидно, что отмеченные языковые компетенции двух последних респондентов могут объясняться исключительно лингвистической близостью русского и белорусского языков. Например, юноша-белорус, родившийся в Гудауте в 2000 году, мог и вовсе не иметь опыта живого общения с носителями белорусского языка (рис. 72).

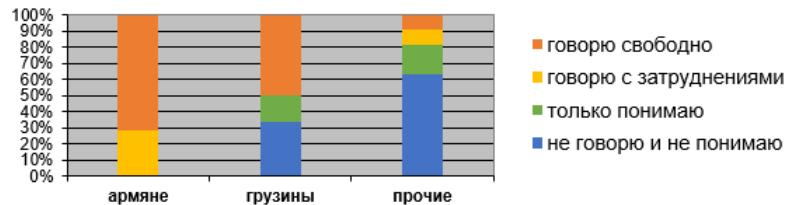

Рис. 72. Распределение респондентов, представляющих этнические меньшинства, помимо русских, по уровню владения своим этническим языком.

Завершающим вопросом, призванным выявить языковые характеристики респондентов, был вопрос «Какими ещё языками Вы владеете?». В данном случае, как и в ходе «сухумского» исследования, основной целью было установить, насколько распространено владение традиционно используемыми (в настоящем времени или в недавнем прошлом) в Абхазии языками. Большинство респондентов, не поставивших прочерк в ответе на данный вопрос, указывало усвоенные в процессе обучения, как правило, европейские языки. К сожалению, для настоящего исследования эти данные не являются актуальными, поэтому ниже будут рассмотрены только те ответы, в которых указывались языки, распространённые в Абхазии, языки народов стран ближнего зарубежья, а также турецкий язык. Последний вплоть до середины XX столетия выполнял роль лингва франка в Абхазии, хотя большинство указавших владение турецким языком в ходе анкетирования, по всей видимости, усвоили его путём целенаправленного изучения.

В целом результаты исследования показывают, что среди гудаутцев в настоящее время слабо распространено знание языков своих иноэтнических соседей, за исключением той или иной степени владения абхазским языком неабхазами, что, однако, было подробно рассмотрено выше.

Наиболее часто упоминавшимися языками владения были турецкий и картвельские языки. Турецкий язык в качестве од-

ного из языков владения указали 9 респондентов, не отнёсших себя к этническим туркам: 8 абхазов и 1 армянин. Последний родился в 1938 году в селе Мцара. Очевидно, что он усвоил язык естественным путём, поскольку в период его детства для значительной части армянской общины Абхазии турецкий язык продолжал оставаться языком межэтнического общения. К тому же, помимо армян, в Мцаре до депортации 1949 года компактно проживали греки. Обе крупнейшие общины села использовали турецкий язык как лингва франка. Любопытно, что этнические турки, принявшие участие в анкетировании, будучи представителями молодого поколения, отметили полное невладение турецким языком.

Владение грузинским языком отметили 5 респондентов, не отнёсших себя к грузинскому этносу. Все пятеро – этнические абхазы. Мингрельский язык в качестве одного из языков владения, наряду с абхазским, русским и грузинским, указала лишь одна женщина-абхазка, родившаяся в 1960 году в са-мурзаканском селе Агубедиа. Владение мингрельским языком, в недавнем прошлом характерное для значительной части абжуйских абхазов, никогда не было типичным для Бзыпской Абхазии. Как видно, в ходе настоящего анкетирования ни один уроженец Гудаутского района не отметил мингрельский в качестве одного из языков владения.

С необходимостью использовать грузинский язык абхазское население Гудаутского района сталкивалось лишь в конце 1940-х – начале 1950-х годов, почти исключительно в стенах общеобразовательных школ. В позднесоветский период грузинский язык в абхазских школах не изучался, а языками межэтнического общения в тех бзыпских сёлах, где в 1930–1950-е годы были расселены переселенцы из Западной Грузии, являлись русский и абхазский. Исключение составляло преимущественно этнически картвельское село Хыпста (тогда – Ахалсопели). Основными этническими общины села были абхазы, рачинцы и мингрелы, использовавшие для внутриэтнического общения абхазский, грузинский и мингрельский

языки соответственно. В качестве же языка межэтнического общения, помимо русского, использовался грузинский – язык численно доминировавших рачинцев¹.

Итак, 4 респондента-абхаза, родившиеся в Гудаутском районе в советское время, указали, что владеют грузинским языком. Один из них родился в 1939 году в Гудауте и пошёл в первый класс, вероятно, в 1946 году, когда обучение в абхазских школах было переведено на грузинский язык. К тому же дед по материнской линии этого респондента был грузином. Второй респондент, указавший владение грузинским языком, родился в 1977 году в селе Лыхны и имеет двух грузинских прародителей по материнской линии. Два других респондента-абхаза, которые владеют грузинским языком, родились в 1948 и 1956 годах в Отхаре и Гудауте соответственно. Они не имеют иноэтнических прародителей. Очевидно, что определённая часть респондентов-абхазов Гудауты, которая с большой долей вероятности должна была бы владеть грузинским языком², как и в ходе аналогичного исследования в Сухуме, не стала указывать этого в силу психологических причин.

Владение абазинским языком указала женщина-абхазка 1983 года рождения с матерью-абазинкой. Белорусский язык в качестве языка владения отметил респондент-абхаз, родившийся в 1950 году в селе Калдахуара и имеющий близких родственников в Белоруссии. Владение украинским языком указал респондент-армянин. Женщина-грузинка, имеющая мать армянской национальности и родившаяся в 1958 году в преимущественно этнически азербайджанском Дманисском районе Грузии, указала, что владеет армянским и азербайджанским языками (табл. 43). Стоит также вспомнить, что одна

этническая абхазка указала армянский не просто как один из языков владения, а в качестве языка наилучшего владения.

Табл. 43. Прочие языки владения по национальностям респондентов.

	все	абхазы	армяне	грузины
турецкий	9	8	1	–
грузинский	5	5	–	–
абазинский	1	1	–	–
азербайджанский	1	–	–	1
армянский	1	–	–	1
белорусский	1	1	–	–
мингрельский	1	1	–	–
украинский	1	–	1	–

1. Волкова Н.Г. Указ соч. С. 49.

2. Например, респонденты с несколькими прародителями картвельской национальности; респонденты, обучавшиеся в школе в позднесталинский период, когда языком преподавания был грузинский; респонденты, родившиеся и выросшие в советский период в селе Хыпста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной целью настоящей работы явилось освещение стотридцатилетней этнодемографической истории Гудауты, а также анализ новейших этнодемографических, этнокультурных и этноязыковых процессов в городе.

Географически будучи преемницей средневековой генуэзской фактории, современная Гудаута, тем не менее, начала отсчёт своей «новой» истории с последней четверти XIX столетия. Модель этнодемографической истории Гудауты во многом была сходна с траекторией развития других городских поселений Абхазии. Начав формироваться в Российской империи как небольшой полигэтнический приморский городской центр внутри «инородческой» этнической территории, Гудаута на раннем этапе своего развития аккумулировала значительный пласт пришлого населения, среди которого первое время преобладали турки и картвелы, в скором времени уступившие лидерство славянской этнической компоненте. Трагедия махаджирства и последовавшие за ней репрессивные меры правительства в отношении абхазского народа на долгое время предопределили крайне слабую вовлеченность коренного населения в урбанизационные процессы внутри Абхазии. Несмотря на то что Гудаута выполняла роль административного центра этнически абхазского региона, описанные события эхом отразились на всей дальнейшей этнодемографической истории города вплоть до последней четверти XX столетия. Само географическое положение Абхазии, наряду с историческими событиями конца XIX – начала XX веков, обусловило мощную инфильтрацию в Гудауту славянского, турецкого, греческого, армянского, картельского и прочего населения.

Смена основных тенденций этнодемографического развития Гудауты в советский период находилась в прямой зависимости от политической ситуации. Так, с начала 1920-х и вплоть до середины 1930-х годов, в период, когда Абхазия имела возможность проводить самостоятельную внутреннюю политику, абхазская община Гудауты росла опережающими темпами, однако в силу своей изначальной немногочисленности и встречной миграции в город представителей некоренных этносов абхазы не могли стать численно доминирующей группой.

Со второй половины 1930-х и до середины 1950-х годов, когда Абхазия фактически была лишена какой-либо автономии и этнические абхазы были отстранены от политического руководства, начинается опережающий рост картельского населения районного центра. Оказавшись в XX веке в составе советской Грузии, Абхазия невольно была вовлечена в построение умозрительного конструкта *идеальной Грузии*, зародившегося в XIX веке в среде грузинской интеллигенции, но получившего полноценную возможность для практической реализации лишь в эпоху правления Сталина. С целью введения Абхазии в грузинское этнокультурное пространство в этот период разворачивается многоаспектная политика по аккультурации (грузинизации) страны, одним из компонентов которой явилась новая фаза демографической колонизации. Однако в Гудауте в силу её многоплановой периферийности период демографической грузинизации не смог существенным образом повлиять на общие контуры этнодемографической структуры населения. В отличие от Сухума, Гудаута во второй половине XX века не приобрела ни абсолютной, ни относительной картельской доминанты, оставаясь преимущественно этнически славянским городом вплоть до 1970-х годов.

После политической десталинизации отмечается постепенный возврат к предшествующим этнодемографическим тенденциям. К тому же с 1960-х годов начинается процесс постепенной депопуляции славянской общины Гудауты, явившейся крупнейшей по численности группой населения

города. В столице Абхазии аналогичный процесс начнётся на десятилетие позже. С середины 1970-х годов Гудаута уверенно встаёт на путь демографической коренизации, приобретая к концу советской эпохи относительное абхазское этническое большинство. Причиной этих процессов, резко вычленивших вектор развития Гудауты, равно как и Ткуарчала, из общей схемы этнодемографической истории городов Абхазии, явились особенности экономико-географического положения: будучи административным центром этнически абхазского района, Гудаута стала и основным урбанизационным центром бзыпских абхазов. Из всех городских поселений Абхазии только в Гудауте в позднесоветский период отмечалась демографическая дегрузинизация, выражавшаяся в сокращении абсолютной численности и удельного веса картвельского населения.

К началу 1990-х годов около половины населения Гудауты составляли этнические абхазы, этнокультурные характеристики которых вызрели при определяющем воздействии доминировавшего на протяжении всего советского периода поликультурного и в целом русскоязычного городского пространства. И эти характеристики достаточно сильно отличались от естественного этнокультурного состояния большей части сельского абхазского населения Гудаутского района.

Этнодемографические процессы XX столетия, превратившие Гудауту в самый этнически абхазский город страны, а также её экономико-географическое положение определили особую роль этого районного центра в сложнейший период новейшей истории Абхазии. Фактическое обретение Гудаутой статуса военной столицы Абхазии в процессе полномасштабной эскалации грузино-абхазского вооружённого противостояния, на наш взгляд, было историко-географической закономерностью.

Серьёзнейшие этнодемографические сдвиги произошли после начала Отечественной войны народа Абхазии, когда поэтапно формировавшийся этнический ландшафт Гудауты в одночасье изменил свои контуры. За счёт массовой эмигра-

ции представителей большинства этнических меньшинств в военное и послевоенное время доля абхазского населения практически удваивается, превратив Гудауту в достаточноmonoэтничный город. При этом, в отличие от столицы, в Гудауте практически не происходит замещения населения: рост удельного веса абхазского населения города происходит преимущественно «экстенсивно» из-за оттока этнически неабхазского населения. Гудаута, как сложившаяся к концу советского периода территориальная общность, несмотря на этническую гомогенизацию 1990-х годов, практически не изменила своего языкового ландшафта.

Каким изменениям подвергнется этнокультурное пространство Гудауты в обозримом будущем – остаётся открытым вопросом, учитывая наметившуюся тенденцию перехода города на четвёртый этап своей этнодемографической истории, выражющуюся в нарастании иммиграции населения из-за пределов Абхазии. Вместе с тем, целенаправленная и системная государственная политика могла бы оказать существенное влияние на ход этнодемографических и культурно-языковых процессов в стране.

Данная работа является попыткой освещения, анализа и систематизации этнодемографической истории Гудауты последних ста тридцати лет, а также выявления современных тенденций этноязыковых процессов в городе. Эти вопросы, как мы уже отмечали применительно к Сухуму, без сомнения, нуждаются в более глубоком и системном междисциплинарном изучении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

БИБЛИОГРАФИЯ

Абхазия в советскую эпоху. Абхазские письма (1947–1989). Сборник документов. Т. I / Сост. *Марыхуба И.Р.* Сухум, 1994.

Абхазия в цифрах. Сухум, 2005.

Абхазия в цифрах 2016: Управление государственной статистики Республики Абхазия. Сухум, 2017.

Абхазия в цифрах 2017: Управление государственной статистики Республики Абхазия. Сухум, 2018.

Абхазия в цифрах 2018: Управление государственной статистики Республики Абхазия. Сухум, 2019.

Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост. *Гожба Р.Х.* Сухум, 2009.

Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.: Сб. материалов / Сост.: *Сагария Б.Е.* (отв. ред.), *Ачугба Т.А.*, *Пачулия В.М.* Сухум, 1991.

Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II / Сост.: *Агуажба Р.Х.*, *Ачугба Т.А.* Сухум, 2008.

Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1951 год. Сухуми, 1951.

Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1953 год. Сухуми, 1953.

Абхазская областная организация Компартии Грузии в цифрах (1921–1980 гг.). Сухуми, 1980.

Абхазский архив. XX век. Выпуск I / Сост. *Лакоба С.З.*, *Анчабадзе Ю.Д.* М., 2003.

Авидзба А.Ф. Абхазия и Грузия: завтра была война. Сухум, 2012.

Авидзба А.Ф. К вопросу о ситуации на оккупированных территориях Абхазии (август – декабрь 1992 года) // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2012.

Авидзба А.Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум, 2013.

Агабаян А.Г., Сысоева М.Э. «#Убыхи_есть»: медиастратегии конструирования этнической идентичности // Известия СОИГСИ. 2019. №31 (70).

Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М., 1934.

Административно-территориальное деление ССР Грузии. Тифлис, 1930.

Аклаев А.Р. Этноязыковая ситуация и особенности этнического самосознания грузинских греков // Советская этнография. 1988. №5.

Акритас П.Г. Греки Кавказа // Народы Кавказа. Т. II. М., 1962.

Алексеев М.Е. Чанский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 29. М., 1978.

Алос и Фонт Э. Языковой сдвиг в Чебоксарах: результаты опроса старшеклассников // Материалы международной научно-практической конференции «Культура и искусство: традиции и современность». Чебоксары, 2013.

Аллатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. №5 (17).

Андреев Е.М., Дарских Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993.

Андреев Е.М., Дарских Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР 1926–1941 гг.: краткие результаты исследования // Вестник статистики. 1990. №7.

Аслан Отырба. По лезвию кинжала / Сост. Авидзба А.Ф. Сухум, 2017.

Атлас Грузинской ССР. Тбилиси, 1964.

Ахуба А.З., Цвейба Л.В. Об особенностях функционирования абхазского языка в Республике Абхазия // Известия СОИГСИ. Школа молодых учёных. 2006. Вып. 16.

Ахуба А.З., Цвейба Л.В. Результаты социолингвистического исследования абхазского языка в школах и ДОУ Абхазии. Рукопись.

Ачба З.К. Перешагнув этнические рамки // Газ. «Нужная». 18 февраля 2000. №2.

Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум, 2018.

Ачугба Т.А. История Абхазии в данных. Справочник. Издание второе, дополненное. Сухум, 2016.

Ачугба Т.А. О некоторых проблемах этнокультурной идентичности абхазов (ретроспективный анализ) // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Сухум – Москва, 2016.

Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнopolитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010.

Багапш Н.В. Вопрос о языке в переписях населения Республики Абхазия // Третья Международные Иналиповские чтения. Сухум, 2017.

Багапш Н.В. Создание абхазской нации и этнические меньшинства // Грузия в пути. Тени сталинизма. М., 2017.

Багапш Н.В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.). Сухум, 2017.

Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времён до наших дней. Учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учеб. заведений. Сухум, 2015.

Бгажба Х.С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967.

Бганба В.М. 6 статья Конституции разумна, демократична, своевременна и безотлагательна // Вячеслав Бганба. Как живётся тебе, речь абхазская? Сборник статей. Сухум, 2011.

Белозёров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.

Биглава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983.

Борбровников В.О. Советская национальная политика и изменение идентичности горцев Западного Дагестана // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. М., 1998.

Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. Марк Юнге, Бернд Бонвех. М., 2015.

Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2: Документы и статистика / Сост. Марк Юнге, Бернд Бонвех. М., 2015.

Борцы за Советскую власть в Абхазии. Сухуми, 1965.

Ботяков Ю.М. Проявления системы организации абхазского сельского сообщества в условиях современного города (на примере Сухума) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013.

Бугай Н.Ф. Лазы – известные и неизвестные // Кавказские научные записки. 2011. №3 (8).

Будина О.Р., Шмелева М.Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. 1977. №6.

Бэрзэдж Н. Изгнание черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996.

Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004.

Волкова Н.Г. Рехцы (вопросы этнокультурных связей) // Полевые исследования Института этнографии, 1978. М., 1980.

Волкова Н.Г. Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.

Воронов Ю.Н., Агумаа А.С. Раздел III. §5. Городская жизнь // История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. М., 1929.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007.

Газ. «Бзыбь». 2 октября 1965. №41 (2164).

Газ. «Бзыбь». 27 ноября 1965. №64 (2187).

Газ. «Бзыбь». 29 января 1966. №13 (2214).

Газ. «Бзыбь». 9 апреля 1966. №43 (2244).

Газ. «Правда». 26 сентября 1937. №266 (7232).

Газ. «Советская Абхазия». 3 февраля 1949. №27 (8007).

- Газ. «Советская Абхазия». 10 апреля 1949. №70 (8050).
 Газ. «Советская Абхазия». 12 июня 1949. №115 (8095).
 Газ. «Советская Абхазия». 2 июля 1949. №129 (8109).
 Газ. «Советская Абхазия». 22 июля 1949. №143 (8123).
 Газ. «Советская Абхазия». 9 августа 1949. №156 (8136).
 Газ. «Советская Абхазия». 8 февраля 1950. №29 (8265).
 Газ. «Советская Абхазия». 10 февраля 1950. №30 (8266).
 Газ. «Советская Абхазия». 7 марта 1950. №48 (8284).
 Газ. «Советская Абхазия». 11 марта 1950. №51 (8287).
 Газ. «Советская Абхазия». 28 июля 1950. №148 (8384).
 Газ. «Советская Абхазия». 19 января 1951. №13 (8507).
 Газ. «Советская Абхазия». 30 января 1951. №20 (8514).
 Газ. «Советская Абхазия». 2 февраля 1951. №22 (8516).
 Газ. «Советская Абхазия». 3 февраля 1951. №23 (8517).
 Газ. «Советская Абхазия». 4 февраля 1951. №24 (8518).
 Газ. «Советская Абхазия». 14 февраля 1951. №31 (8525).
 Газ. «Советская Абхазия». 23 февраля 1951. №38 (8532).
 Газ. «Советская Абхазия». 1 января 1953. №1 (9010).
 Газ. «Советская Абхазия». 14 января 1953. №9 (9018).
 Газ. «Советская Абхазия». 13 марта 1953. №52 (9061).
 Газ. «Советская Абхазия». 8 апреля 1953. №69 (9078).
 Газ. «Советская Абхазия». 30 июня 1953. №126 (9134).
 Газ. «Советская Абхазия». 21 июля 1953. №141 (9149).
 Газ. «Советская Абхазия». 22 августа 1953. №164 (9172).
 Газ. «Советская Абхазия». 20 ноября 1953. №227 (9235).
 Газ. «Советская Абхазия». 17 марта 1954. №55 (9318).

Гамкрелидзе Т.В. Сибилянтные соответствия и некоторые вопросы древней структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Т. 2. Лондон, 1982.

Гордадзе Т. Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта. №2. Ирвайн, 2000.

- Грозный: история и современность: Историко-этнографический сборник статей. Вып. 1. 2017 г., посвящённый 200-летию основания г. Грозного. Грозный, 2017.
- Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 1 мая 1960 года. Тбилиси, 1960.
- Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 года. Тбилиси, 1988.
- Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 15 января 1966 года. Тбилиси, 1966.
- Губогло М.Н. Этнодемографическая и языковая ситуация в столицах союзных республик СССР в конце 80-х – начале 90-х годов // Отечественная история. 1993. №1.
- Губогло М.Н. Этнолингвистические процессы // Современные этнические процессы в СССР. М., 1975.
- Гулиа Д.И. О моей книге «История Абхазии». Сухуми, 1951.
- Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.
- Джаошвили В.Ш. Население Грузии. Тбилиси, 1996 (на груз. яз.).
- Джергения М.А. Абхазский язык и общество: прошлое, настоящее, будущее // Абхазия и вызовы современной эпохи. Материалы конференции 22 декабря 2002 года. М., 2003.
- Дзидзария Г.А. Киараз. Сухуми, 1981.
- Дзидзария Г.А. Лыхны: Очерк дореволюционного прошлого села. Сухуми, 1986.
- Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
- Дзидзария Г.А. Очерки истории борьбы за Советскую власть в Абхазии: 1917–1918 гг. Сухуми, 1958.
- Дзуцев Х.В. Миграция населения и функционирование языка межнационального общения // Вопросы социологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1982.
- Дондуа К. Мегрельская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 7. М., 1934.

Дондуа К.Д. Сванско-грузинско-русский словарь (лашхский диалект). Тбилиси, 2001.

Дубова Н.А. Демографическая ситуация в современной Абхазии // Абхазы. М., 2012.

Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Социально-демографические особенности абхазских популяций в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006.

Дудко А.П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851–1917 гг.). Сухуми, 1956.

Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 30. Памятники права абхазов. Ростов-на-Дону, 2017.

Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения СССР: Основные итоги. М., 1992.

Жиромская В.Б. Население России в переписи 1939 г. // Всесоюзная перепись населения 1939 г. Россия. М., 1999.

Жиромская В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. Сборник научных трудов. М., 1994.

Журн. «Сотрудник Закавказской миссии». 1912. №5.

Журн. «Сотрудник Закавказской миссии». 1912. №12.

Журн. «Сотрудник Закавказской миссии». 1915. №9.

Заседания Верховного Совета Абхазской АССР. (Пятая сессия). 20–21 июля 1950 г. Стенографический отчёт. Сухуми, 1950.

Заседания Верховного Совета Абхазской АССР пятого созыва (четвёртая сессия). 29 августа 1960 года. Сухуми, 1960.

Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Абхазская молодежь между городом и деревней // Антропология города глазами молодых исследователей. По материалам конференции молодых учёных. Москва, 22–24 декабря 2014 г. М., 2015.

Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Городская и деревенская свадьба в Абхазии // Антропология города. Материалы конференции молодых учёных. М., 2013.

Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Роль города в формировании социальных отношений в современной Абхазии // Город в этно-культурном пространстве народов Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России. М., 2014.

Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965.

Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.

Инал-ипа Ш.Д. Дурипш (историко-этнографический очерк). Сухуми, 1981.

Иоаниди Н.Н. Греки в Абхазии. Очерки истории греческого населения Абхазской АССР. Сухуми, 1990.

Иоаниди Н.Н. 1949 год (технология преступления). Сухум, 2006.

Исаев М.И. Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР). М., 1970.

Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М., 1979.

Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 1. Население по полу, возрасту и национальностям. Тифлис, 1923.

Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 2. Население по полу, возрасту, национальностям, месторождению, продолжительности пребывания и семейному состоянию. Тифлис, 1923.

Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 3. Население по полу, возрасту, национальностям, грамотности и образовательному цензу. Тифлис, 1923.

Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года. Вып. 1. Ч. 2. Тифлис, 1925.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Чувашской Республике. Национальный состав и владение языками, гражданство. Чебоксары, 2013.

Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. Сухум, 2012.

Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967.

Кавказский календарь на 1865 год. Тифлис, 1864.

Кавказский календарь на 1870 год. Тифлис, 1869.

Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис, 1878.

Кавказский календарь на 1893 год. Тифлис, 1892.

Кавказский календарь на 1908 год. Тифлис, 1907.

Кавказский календарь на 1912 год. Тифлис, 1911.

Кавказский календарь на 1915 год. Тифлис, 1914.

Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916.

Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Владикавказ, 2007.

Канделаки Д.А., Хашба А.Ш. Трансформация поло-возрастной структуры сельских абхазов в постсоветский период // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006.

Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006.

Кварчия В.Е. Топонимика Абхазии. Сухум, 2002 (на абх. яз.).

Квициния П.К. Вопросы антропологии абхазов. Сухум, 2000 (на абх. яз.).

Кешаниди Х.Л. Выселение греков СССР в 1949 году. Афины, 2015.

Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.

Климов Г.А. Картвельские языки // Большая советская энциклопедия. Т. 11. М., 1973.

Климов Г.А. Мегрельский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 15. М., 1974.

Климов Г.А. Сванский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 23. М., 1976.

Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

Колбая Г.Н. Сочинская Олимпиада в глобальной политике. М., 2013.

Коротеева В.В., Мосесова М.Н. Проблемы национальных языков и их отражение в общественном сознании (по материалам писем читателей в центральные газеты) // Советская этнография. 1988. № 5.

Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков. М., 2006.

Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Акадак: ежегодное моление лидзавцев // Археология и этнография pontийско-кавказского региона. Вып. 4. Краснодар, 2016.

Кузнецова Р.Ш. Быть абхазом (выбор этничности) // Археология и этнография pontийско-кавказского региона. Вып. 1. Краснодар, 2013.

Куправа А.Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, 2008.

Куправа А.Э. Из истории культурного строительства в советской Абхазии (1921–1925) // Труды. Т. I. Сухум, 2013.

Куправа А.Э. Ликвидация неграмотности населения в Абхазской АССР. Сухуми, 1979.

Куправа А.Э. Люди: время и жизнь. Сухум, 2010.

Лакоба Н.А. Статьи и речи. Сухуми, 1987.

Лакоба С.З. Крылились дни в Сухум-Кале. Сухум, 2011.

Лакоба С.З. «Народ его не видел и видеть не хотел...». К политическому портрету Арзакана Эмухвари // Газ. «Абхазия». 6 августа 1991. №31.

Лакоба С.З. Об исследовании немецких учёных и некоторых аспектах политической истории Абхазии 20–30-х гг. XX в. // Вестник Академии наук Абхазии. 2017. №7. Серия гуманитарных наук.

Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.

Лежава Г.П. Абхазия: анатомия межнациональной напряжённости. М., 1999.

Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989.

Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). М., 1997.

Ле Коадик Р. Мы столкнулись с врагом, и он – это мы: бретонский язык вчера, сегодня, завтра // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог. М., 2013.

Маан О.В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум, 2011.

Магомедханов М.М. Дагестанцы: этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М., 2008.

Маилян Б.В. Армяне в контексте миграционных процессов в Абхазии и её этнополитической истории конца XIX – начала XX веков // НАИРИ. Альманах: Сборник материалов об Армении и армянской диаспоре. Вып. 6. Нижний Новгород, 2013.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

Маршания Н. Непреклонный рыцарь. Об Арзакане Эмухвари. Тбилиси, 2012 (на груз. яз.).

Материалы дискуссии российско-швейцарского коллоквиума 28 июня 2012 г. // Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа и швейцарский опыт организации общества и экономики. М., 2013.

Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Деревня. Сельское хозяйство. Сборник документальных материалов. Т. I. Сухум, 2012.

Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Народное образование. Культура. Наука. Т. II. Сухум, 2015.

Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.

Мачавариани Г.И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913.

Минасян М. Переселение амшенских армян на Черноморское побережье Кавказа и первые шаги их хозяйственной де-

ятельности (последняя четверть XIX в.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1977. №1.

Народное хозяйство Абхазской АССР. Сухуми, 1988.

Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Сухуми, 1957.

Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973.

Нарсия В.И. Народное просвещение в Абхазии за 40 лет Советской власти. Сухуми, 1961.

Нарсия В.И. Советская школа в Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми, 1956.

Население Еревана. Этносоциологические исследования. Ереван, 1986.

Населённые пункты и население Грузии (по данным Всесоюзной переписи 1989 года). Статистический справочник. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).

Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

Олонецкий А.А. Колонизация Абхазии во второй половине XIX столетия // Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. Сухум, 1934.

Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Документы и материалы. Т. 1 / Сост., автор предисловия Ачугба Т.А. Сухум, 2003.

От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб, 2014.

Пантиухов И.И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. Тифлис, 1899.

Папаскири З.В. Абхазия. История без фальсификации. Тбилиси, 2010.

Пачулиа В.П. Абхазия – край туризма. Сухуми, 1975.

Пачулиа В.П. В краю золотого руна. М., 1964.

Пачулия В.М. Как осуществлялся геноцид в «малой империи» // Газ. «Республика Абхазия». 18–19 декабря 1999. №145 (1068).

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVI. Кутаисская губерния. СПб., 1905.

Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселёв И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. №8.

Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1929.

Прицкер Л.М. Советская Абхазия в данных. Сухуми, 1981.

Рамазанова Д.Ш. Языковая политика в Дагестане: исторический аспект // Теория и практика общественного развития. 2015. №9.

Революционные комитеты Абхазии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (февраль 1921 г. – февраль 1922 г.). Сборник документов и материалов. Сухуми, 1961.

Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми, 1970.

Сагария Б.Е. Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии. Сухуми, 1981.

Сагария Б.Е. Советское строительство в Абхазии (1928–1930 гг.) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Вып. XV. Тбилиси, 1989.

Сагария Б.Е. Советское строительство в Абхазии (1929–1937 гг.). Сухуми, 1986.

Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлечённых из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.

Сланов И.А. Крестьянство Северной Осетии в первом послевоенном десятилетии (1946–1955 гг.). Владикавказ, 1997.

Соловьёва Л.Т. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии (по полевым материалам 2004–2005 гг.) // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006.

Соловьёва Л.Т. Субэтноним самурзаканцы: возникновение, история, современность // Вестник МГИМО – Университета. 2010. №3 (12).

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // И.В. Стalin. Сочинения. Т. 2. 1907–1913. М., 1954.

Статистический справочник на 1927 год. Сухум, 1928.

Тарба Б.Г. Ленинская национальная политика и билингвизм у абхазов. Сухуми, 1970.

Тер-Саркисянц А.Е. Современный быт армян Абхазии // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М., 1984.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

Тишков. В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.

Тольц М.С. Репрессированная перепись // Родина. 1989. №11.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Сухум, 2002.

Фёдоров Р.Ю., Богордаева А.А. Прошлое и настоящее Таборинского белорусского национального района // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №10 (57). Ч. 1.

Филиппова Е.И. Национальные дебаты об этнической статистике: опыт международных сравнений // Этнографическое обозрение. 2015. №1.

Филиппова Е.И., Герен-Пас Ф. Расовые и этнические категории в переписях 2010-х годов // Этнографическое обозрение. 2015. №1.

Фойерштайн В. Критика соавтора // Грузия в пути. Тени сталинизма. М., 2017.

Хашба А.Ш. Этническое воспроизведение населения Абхазии (1992–2010 гг.) // Абхазоведение. Археология, история, этнология. Вып. VII. Сухум, 2012.

Хикуба Р.К. Воспоминания и размышления. М., 2011.

Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. №4.

Цвейба Л.В., Ахуба А.З. Функционирование абхазского языка в дошкольных учреждениях Абхазии (на примере г. Сухума) // Третья Международные Иналиповские чтения. Сухум, 2017.

Цветов В. Спутник туриста по Кавказу (с иллюстрациями). М., 1900.

Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2000.

Циташи И. Лазский язык // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 6. М., 1932.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М., 1998.

Чикобава А.С. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами // Труды. Т. III. Тбилиси, 2008.

Чирикба В.А. Армяне в Абхазии: роль диалектов и русского языка на фоне демографической динамики // Диаспоры. 2014. №1.

Чирикба В.А. Дискуссия о государственном языке в Абхазии в 20-е годы XX века в связи с современным положением абхазского языка // Вестник Академии наук Абхазии. 2019. №9.

Чирикба В.А. Развитие абхазского языка в условиях полиэтнического общества: вызовы и перспективы. Сухум, 2009.

Чихладзе Г. В Грузии католики и православные дружно уживаются друг с другом // Газ. «Кавказский акцент». 16 октября 2002. №20 (69).

Чочуа А.М. Абхазский букварь. Сухуми, 1953 (на абх. яз.).

Шамба Е.К. Потоков рождение. Сухуми, 1966.

Шамба Р.П. Особенности динамики и половозрастной структуры сельского населения Гудаутского района // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам международной научной конференции, посвящённой 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. Сухум, 2003.

Шамба Р.П. Современное использование трудовых ресурсов в некоторых типичных субтропических хозяйствах Абхазии // Труды Абхазского государственного университета им. А.М. Горького. Т. VII. Сухуми, 1989.

Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в.) / Сост. и отв. ред. Ачугба Т.А. Сухум, 1995.

Этносоциальные проблемы города. М., 1986.

Эшба Э.Д. К вопросу о демографической ситуации в РА (анализ этнического и религиозного состава) // Абхазоведение. Археология, история, этнология. Вып. VII. Сухум, 2012.

Языки мира: Кавказские языки. М., 1998.

Ямсков А.Н. Постсоветские изменения в образе жизни и бытовой культуре абхазов. Введение // Абхазы. М., 2012.

Ямсков А.Н. Социальная жизнь современного абхазского села // Абхазы. М., 2012.

Ямсков А.Н. Социально-экономическая ситуация в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006.

35 конференций Абхазской областной организации Коммунистической партии Грузии. Сухуми, 1980.

XX лет Советской Абхазии. Политико-экономический очерк. Сухуми, 1941.

Alòs i Font H. The Chuvash language in the Chuvash Republic: An example of the rapid decline of one of Russia's major languages // Sociolinguistic Transition in Former Eastern Bloc Countries: Two Decades after the Regime Change. Frankfurt am Main, 2016.

Blaauwelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers. 2007. Vol. 35. №2.

Blaauwelt T. "From words to action!" Nationality policy in Soviet Abkhazia (1921–38) // The Making of Modern Georgia, 1918–2012. The first Georgian republic and its successors. London – N.Y., 2014.

Blaauwelt T. Resistance and Accommodation in the Stalinist Periphery: A Peasant Uprising in Abkhazia // Ab Imperio. 2012. №3.

- Blauvelt T.* Sukhum(i): Multi-Ethnic Capital of the Soviet Riviera // The Black Sea. 2013. №7/8.
- Blauvelt T.* The “Mingrelian Question”: Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy// Europe-Asia Studies. 2014. №6.
- Brubaker R.* Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge, 1996.
- Census 2016. Summary Results. Part 1. Dublin, 2017.
- Gibson M.* Language shift in Nairobi // Proceedings of the 6th World Congress of African Linguistics. Cologne, 2009.
- Fähnrich H., Sardschweladse S.* Etymologisches Wörterbuch der Kartvel-Sprachen. Leiden, 1995.
- Fishman J.A.* Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon, 1991.
- Hewitt G.* Language // The Abkhazians: a handbook. London – N.Y., 2013.
- Hindley R.* The death of the Irish language: a qualified obituary. London, 1990.
- Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. N.Y., 2005.
- Kavaklı N.* Novus Ortus: The Awaking of Laz Language in Turkey // Idil Journal of Art and Language. 2015. №4.
- Messing J.* Multiple ideologies and competing discourses: Language shift in Tlaxcala, Mexico // Language in Society. 2007. №36 (4).
- Müller D.* Ethno-demographic history of Abkhazia, 1886–1989 // The Abkhazians: a handbook. London – N.Y., 2013.
- Tchirikba V.* La situation ethno-démographique en Abkhazie // L'Ossétie et d'Alentour, Publiéé par l'Association Ossète en France. 2005. №17.
- Terborg R., Garcia Landa L., Moore P.* The Language Situation in Mexico // Language Planning and Policy in Latin America. T. I. Ecuador, Mexico and Paraguay. Clevedon – Buffalo – Toronto, 2007.

- The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 1. The Kartvelian Languages / *Harris A.* (Ed.). N.Y., 1991.
- Trier T., Turashvili M.* Resettlement of Ecologically Displaced Persons. Solution of a Problem or Creation of a New? Eco-Migration in Georgia 1981–2006. ECMI Monograph №6. Flensburg, 2007.
- Tuite K.* Language and Emergent Literacy in Svaneti // Endangered Languages of the Caucasus and Beyond. Leyden – Boston, 2017.
- Vaughan J.* Discourses of belonging and resistance: Irish language maintenance in Ireland and the diaspora. Melbourne, 2014.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Архив Гудаутского района. Ф. 46. Оп. 1. Д. 264–268 // Похозяйственные книги Мгудзырхского сельсовета 1971–1973 гг.
- Архив Гудаутского района. Ф. 50. Оп. 1. Д. 70–76 // Похозяйственные книги Джирхского сельсовета 1967–1969 гг.
- Архив Гудаутского района. Ф. 179. Оп. 1. Д. 271–279 // Похозяйственные книги Дуришского сельсовета 1976–1978 гг.
- Архив Гудаутского района. Ф. 180. Оп. 1. Д. 95–99 // Похозяйственные книги Агаракского сельсовета 1964–1966 гг.
- Архив Гудаутского района. Ф. 182. Оп. 1. Д. 322–332 // Похозяйственные книги Ахалсопельского сельсовета 1976–1978 гг.
- Архив Гудаутского района. Ф. 184. Оп. 1. Д. 144–146 // Похозяйственные книги Бармышского сельсовета 1967–1970 гг.
- Архив Гудаутского района. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8–11 // Похозяйственные книги Мцарского сельсовета 1976–1978 гг.
- Архив Гудаутского района. Ф. 187. Оп. 1. Д. 95–100 // Похозяйственные книги Аацинского сельсовета 1964–1966 гг.
- Архив Гудаутского района. Ф. 188. Оп. 1. Д. 209–215 // Похозяйственные книги Блабырхского сельсовета 1973–1975 гг.
- Архив Гудаутского района. Ф. 189. Оп. 1. Д. 193–197 // Похозяйственные книги Калдахварского сельсовета 1973–1975 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 190. Оп. 1. Д. 74–85 // Похозяйственные книги Псырдзхского сельсовета 1983–1985 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 191. Оп. 1. Д. 232–235 // Похозяйственные книги Анухского сельсовета 1976–1978 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 192. Оп. 1. Д. 205–209 // Похозяйственные книги Хуапского сельсовета 1973–1975 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 193. Оп. 1. Д. 206–210 // Похозяйственные книги Отхарского сельсовета 1971–1973 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 194. Оп. 1. Д. 193–198 // Похозяйственные книги Ачандарского сельсовета 1971–1973 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 195. Оп. 1. Д. 278–285 // Похозяйственные книги Куланырхского сельсовета 1973–1975 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 196. Оп. 1. Д. 2–4 // Похозяйственные книги Приморского сельсовета 1980–1982 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 196. Оп. 1. Д. 18–26 // Похозяйственные книги Приморского сельсовета 1983–1985 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 197. Оп. 1. Д. 240–245 // Похозяйственные книги Звандрипшского сельсовета 1980–1982 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 200. Оп. 1. Д. 208–214 // Похозяйственные книги Абгархукского сельсовета 1976–1978 гг.

Архив Гудаутского района. Ф. 214. Оп. 1. Д. 308–339 // Похозяйственные книги Лыхненского сельсовета 1971–1973 гг.

Главный архив Национальной АН Грузии. Ф. 30. Оп. 1. Д. 25 // Статистические материалы о населении трудовой Абхазии.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 249 // Дело о районировании ЗСФСР и о присоединении селений Ганджинского уезда к Автономной Области Нагорного Карабаха.

Рабочий архив Росстата.

Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273 // Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения по национальности и родному языку по Абхазской АССР и г. Сухуми.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999 // Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799 // Численность наличного населения сельских мест с указанием численно преобладающей национальности (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.) по Абхазской АССР.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4014–4101 // Всесоюзная перепись населения 1970 г.

Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6209–6237 // Всесоюзная перепись населения 1970 г.

Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 1. Д. 572 // Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения по административно-территориальным единицам Грузинской ССР по национальности и родному языку.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333 // Всесоюзная перепись населения 1970 г. Распределение населения по административно-территориальным единицам Грузинской ССР по национальности и родному языку.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481 // Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения по административно-территориальным единицам Абхазской АССР по национальности и родному языку.

Центральный архив Новейшей истории Грузии. Ф. 284. Оп. 1. Д. 640 // Материалы к докладу тов. Чанба в Совете Национальностей Союза ССР о проведении культурной работы среди национальных меньшинств, проживающих на территории Абхазии на январь 1930 года.

Центральный Исторический архив Грузии. Ф. 1833. Оп. 1. Д. 934 // Доклад Гудаутского городского самоуправления в адрес Министерства внутренних дел Демократической Республики Грузии о финансовых нуждах Гудаутского района.

ПИСЬМА-ОТВЕТЫ

Письмо-ответ Министерства образования и науки Республики Абхазия. Исх. №702 от 20.11.2017 года.

Письмо-ответ Министерства образования и науки Республики Абхазия. Исх. №85 от 27.02.2018 года.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

Арсаул переименован в Приморское: жители довольны, языковед не согласен. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20170302/1020525111/arsaul-pereimenovan-v-primorskoe-zhiteli-dovolny-yazykoved-ne-soglasen.html> (дата обращения: 25.01.2019).

Богоявленский Д.Д. О приписках в переписи 1939 г. // Demoscop Weekly. 2013. №.571–572. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/arxiv01.php#_ENR_VIII (дата обращения: 25.01.2019).

Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения союзных республик (кроме РСФСР), их территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php (дата обращения: 25.01.2019).

Гогебашвили Я.С. Кем заселить Абхазию? URL: http://apsnyteka.org/1469-gogebashvili_j_kem_zaselit_abkhaziyu.html (дата обращения: 25.01.2019).

Джонуа Б.Г. Языковая политика в Абхазии: история, реалии и перспективы. URL: http://apsnyteka.org/file/jonua_b_iazykovaia_politika_v_abkhazii.pdf (дата обращения: 25.01.2019).

Краткая биография В.К. Балавадзе. URL: <http://www.parliament.ge/files/sxdomebi/1951dep/balavadze.doc> (дата обращения: 25.01.2019).

Краткая биография Д.Н. Джанджава. URL: <http://www.parliament.ge/files/sxdomebi/1951dep/janjgava.doc> (дата обращения: 25.01.2019).

Краткая биография А.М. Чежия. URL: <http://www.parliament.ge/files/sxdomebi/1963dep/chejia.doc> (дата обращения: 25.01.2019).

Лакоба С.З. Абхазия, её лидеры и некоторые особенности социального эксперимента (20–30-е гг. XX в.) URL: <http://lakobamuseum.org/28-03-2018> (дата обращения: 25.01.2019).

Описание газеты «Гамарджвеба». URL: <http://www.nplg.gov.ge/paperge/en/browse/000988/> (дата обращения: 25.01.2019).

Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. URL: <https://rm.coe.int/168007cddc> (дата обращения: 25.01.2019).

Шария В.В. Референдум 31.03.1991: как это было в Абхазии. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/3542029.html> (дата обращения: 25.01.2019).

Georgia: Ethnic composition, all places: 2014 census. URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic-loc2014.htm> (дата обращения: 25.01.2019).

Georgia: Ethnic composition: 2002 census. URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic2002.htm> (дата обращения: 25.01.2019).

Hewitt G. Colonel Robert Hamilton on Abkhazia (again): A Reply (again) from George Hewitt. URL: https://abkhazworld.com/aw/Pdf/Riposte_to_Hamilton_2017.pdf (дата обращения: 25.01.2019).

Lyle J. Resettlement of Ecological Migrants in Georgia: Recent Developments and Trends in Policy, Implementation, and Perceptions. ECMI Working Paper №53. 2012. URL: http://www.ecmicaucasus.org/upload/publications/working_paper_53_en.pdf (дата обращения: 25.01.2019).

Swahili language. URL: <http://www.swahililanguage.stanford.edu> (дата обращения: 25.01.2019).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
АБИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа
АГУ – Абхазский государственный университет
АН Абхазии (АНА) – Академия наук Абхазии
АН Армянской ССР – Академия наук Армянской ССР
АН Грузии – Академия наук Грузии
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Автономная область
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
АТЕ – Административно-территориальная единица
ВС – Верховный Совет
Вуз – Высшее учебное заведение
ВШЭ – Высшая школа экономики
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГДР – Грузинская Демократическая Республика
Главполитпросвет – Главный политico-просветительный комитет Народного комиссариата просвещения
Горком – Городской комитет Коммунистической партии
Горсовет – Городской совет
Госплан – Государственный плановый комитет Совета Министров
Гп – Городское поселение
ГССР – Грузинская Советская Социалистическая Республика
ДОУ – Дошкольное образовательное учреждение
Закавказская СФСР (ЗСФСР) – Закавказская Советская Фе-

деративная Социалистическая Республика
Исполком – Исполнительный комитет
Колхоз – Коллективное хозяйство
Коминтерн – Коммунистический интернационал
Компартия – Коммунистическая партия
Комсомол – Коммунистический союз молодёжи
КП – Коммунистическая партия
КП(б) Грузии – Коммунистическая партия (большевиков)
Грузии
КПГ – Коммунистическая партия Грузии
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
Ликбез – Ликвидация безграмотности
МВД – Министерство внутренних дел
МГИМО – Московский государственный институт международных отношений
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Минобрнауки – Министерство образования и науки
Нарком – Народный комиссар
Наркомат – Народный комиссариат
Наркомзем – Народный комиссариат земледелия
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НСА – Народный Совет Абхазии
Обком – Областной комитет Коммунистической партии
ООН – Организация Объединённых Наций
Оргбюро – Организационное бюро
Парторганизация – Партийная организация
Пгт – Посёлок городского типа
Политбюро – Политическое бюро

РА – Республика Абхазия
Райземотдел – Земельный отдел районного исполнительного комитета
Райком – Районный комитет Коммунистической партии
Райторготдел – Отдел торговли районного исполнительного комитета
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
Ревком – Революционный комитет
Росстат – Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Российская Федерация
Сексот – Секретный сотрудник
Сельсовет – Сельский совет
СК – Северный Кавказ
СНГ – Содружество Независимых Государств
Совмин – Совет Министров
Совнарком (СНК) – Совет народных комиссаров
Совхоз – Советское хозяйство
СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
ССР – Советская Социалистическая Республика
ССРГ – Социалистическая Советская Республика Грузия
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединённые Штаты Америки
ФИО – Фамилия, имя, отчество
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦИК РА – Центральная избирательная комиссия Республики Абхазия
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

ЦК КП(б) Грузии – Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Грузии
ЦСУ – Центральное статистическое управление
Эсер – Член партии социалистов-революционеров

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I	
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГУДАУТЫ	
(КОНЕЦ XIX в. – 2019 г.)	16
Гудаута как полигетничный город	25
Демографическая коренизация Гудауты	130
Гудаута – этнически абхазский город	169
Этнокультурное пространство Гудауты	198
Глава II	
СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ	
В ГУДАУТЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)	248
Анкета	252
Общие данные	254
Этнические характеристики	277
Языковые характеристики	317
Заключение	352
Список источников	356
Список сокращений.....	378

Нури Валериевич Багапш

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГУДАУТЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI вв.)

Нури Валери-иша Багапш

ГЭДОУТА АҚАЛАҚЬ ИМҚАПЫСУАЗ АЕТНОДЕМОГРАФИАТӘ ПРОЦЕССҚӘА (XIX АШӘЫШЫҚӘСА АНТӘАМТА – XXI АШӘЫШЫҚӘСА АЛАГАМТА)

Nuri Bagapsh

ETHNO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN GUDAUTA
(FROM THE LATE 19th TO THE EARLY 21th CENTURY)

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ АБХАЗСКОГО ЭЛЕКТОРАТА ПО УЛИЦАМ ГУДАУТЫ

(ПО ДАННЫМ СПИСКОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ 2014 г.)

ХАПШИРА

СОКРАЩЕНЫ НАЗВАНИЯ СЛЕДУЮЩИХ УЛИЦ:

4 м. - 4 марта	129	73,6%	Кв. - Кове	103	91,3%
А. - Алания	34	82,4%	Л. - Ладария	12	83,3%
Аг. - Агрба	14	78,6%	М. - Маан	6	83,3%
Ад. - Адыгская	102	71,6%	Н. - Нартая	250	80,4%
Адз. - Адзлагарка	38	84,2%	Н.2 - Нартая	219	79,5%
Б. - Бзыпская	34	100,0%	О. - Очамчырская	74	93,2%
В. - Возды	96	82,3%	О.2 - Очамчырская	202	75,7%
Вр. - Варддания	54	90,7%	О.3 - Очамчырская	25	64,0%
Г. - просп. Героев	45	95,6%	От. - Отырба	180	92,2%
Гул. - Гулиа	169	87,0%	П. - Пушкина	194	80,4%
Гул.2 - Гулиа	45	91,1%	Т. - Трапш	21	90,5%
Гул.3 - Гулиа	18	94,4%	Х. - Харазия	69	55,1%
Гш - Гагрское шоссе	4	50,0%	Ч. - Чамагуа	52	78,8%
Ж. - Железнодорожная	18	38,9%	Чг. - Чагава	22	68,2%
К. - Киараз	36	91,7%	Ш. - Шакрый	8	37,5%
К.2 - Киараз	140	76,4%	Э. - Эшба	25	76,0%

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ АРМЯНСКОГО ЭЛЕКТОРАТА ПО УЛИЦАМ ГУДАУТЫ

(ПО ДАННЫМ СПИСКОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ 2014 г.)

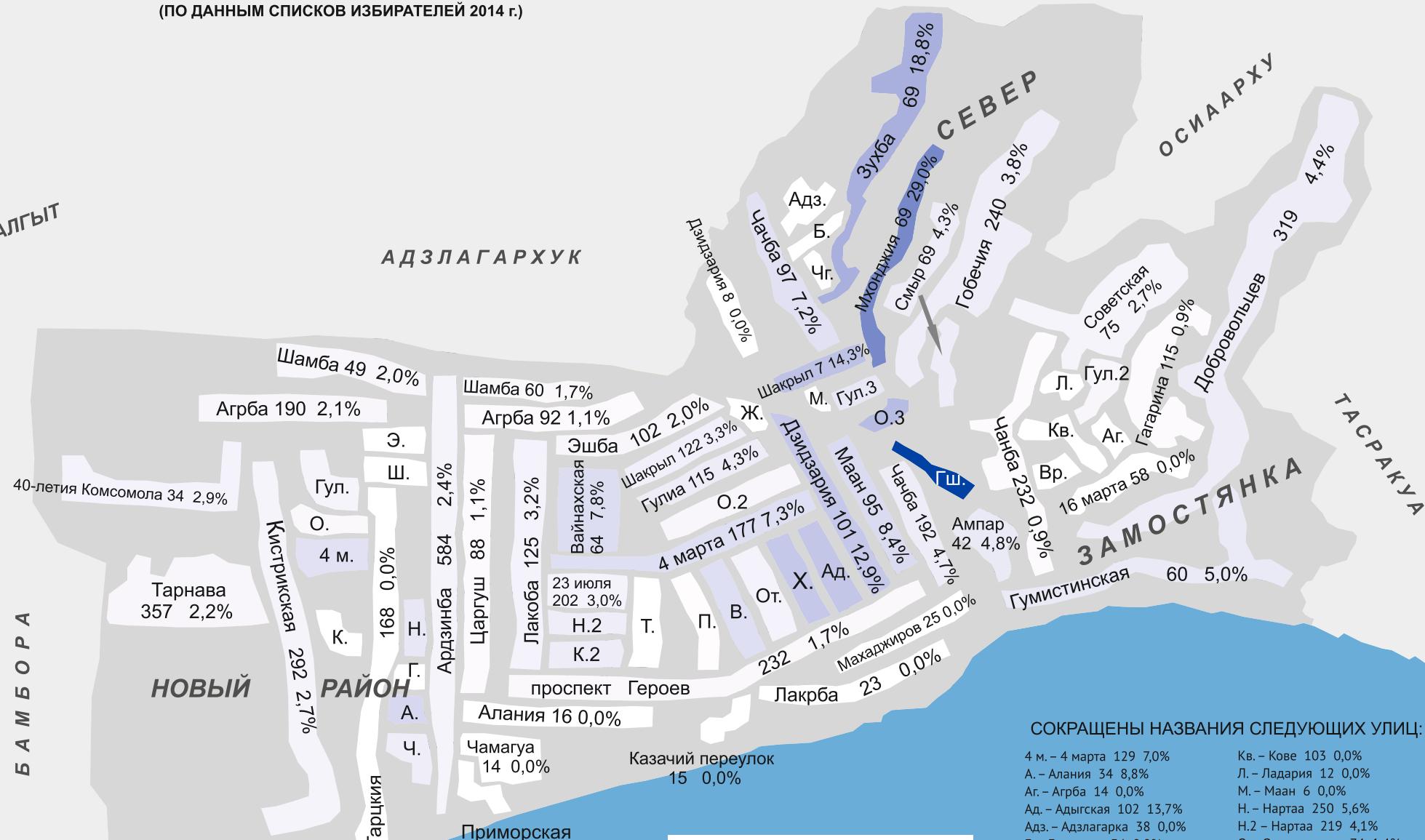
ХАПШИРА

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ КАРТВЕЛЬСКОГО ЭЛЕКТОРАТА ПО УЛИЦАМ ГУДАУТЫ

(ПО ДАННЫМ СПИСКОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ 2014 г.)

ХАПШИРА

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ЗАМОСТЯНКА – городские районы
ХАПШИРА – посёлки Гудаутской квазиагломерации

Лакрба – название улицы
23 – количество избирателей на улице
0,0% – доля картвелов среди избирателей
Общее количество избирателей в Гудауте – 7490
Доля картвелов – 3,8%

СОКРАЩЕНЫ НАЗВАНИЯ СЛЕДУЮЩИХ УЛИЦ:

4 м. – 4 марта	129	7,0%
А. – Алания	34	8,8%
Аг. – Агрба	14	0,0%
Ад. – Адыгская	102	13,7%
Адз. – Адзлагарка	38	0,0%
Б. – Бзыпская	34	0,0%
В. – Возба	96	7,3%
Вр. – Вардания	54	0,0%
Г. – просп. Героев	45	0,0%
Гул. – Гулиа	169	2,4%
Гул.2 – Гулиа	45	2,2%
Гул.3 – Гулиа	18	5,6%
Гш. – Гагрское шоссе	4	50,0%
Ж. – Железнодорожная	18	0,0%
К. – Киараз	36	0,0%
К.2 – Киараз	140	4,3%
Кв. – Кове	103	0,0%
Л. – Ладария	12	0,0%
М. – Маан	6	0,0%
Н. – Нартая	250	5,6%
Н.2 – Нартая	219	4,1%
О. – Очамчырская	74	1,4%
О.2 – Очамчырская	202	2,0%
О.3 – Очамчырская	25	16,0%
От. – Отырба	180	2,8%
П. – Пушкина	194	0,5%
Т. – Трапш	21	0,0%
Х. – Харазия	69	13,0%
Ч. – Чамагуа	52	3,8%
Ч. – Чагава	22	0,0%
Ш. – Шакрыл	8	0,0%
Э. – Эшба	25	0,0%

Научное издание

Текст книги публикуется в авторской редакции.
Компьютерная вёрстка авторская.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Способ печати офсетный.
Усл. печ. л. ... + ... цв. вкл. Заказ... Тираж...

Отпечатано с готового оригинал-макета в ...